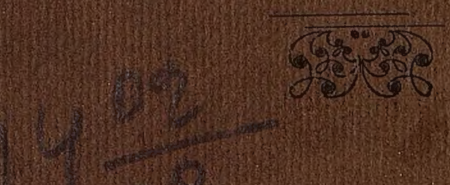
А. В. Михайловъ.

Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма.

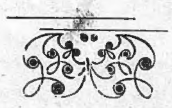

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1911.

А. В. Михайловъ.

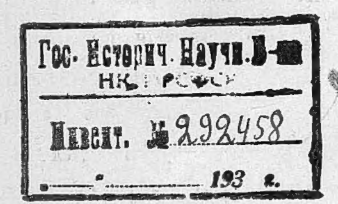
Въ Библіотеку Императорскаго Историческаго Музея Имени Императора Александра III-го въ г. Москвѣ отъ автора А. Михайловъ

Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1911.

Содержаніе.

Стр,

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По современной програмлѣ, русскій языкъ, какъ языкъ именно, изучается въ нашихъ среднихъ школахъ (гимназіи и пр.) исключительно элементарно, т. е. вся цѣль изученія ограничивается лишь тѣмъ, чтобы учащіеся только овладѣли этимъ языкомъ, особенно въ письменной рѣчи, и знали его грамматическую систему. Когда подобная цѣль ставится въ русской школѣ относительно иностранныхъ языковъ, то каждому ясно, что иной и быть не можетъ: школѣ нужно сдѣлать много усилій и потратить немало времени, чтобы обучить русссое юношество даже элементарно чужимъ языкамъ; мало того: даже этой практической цѣли школа не въ состояніи достигнуть вполнѣ, и большинство учащихся выходитъ изъ нея съ плохимъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, что мы постоянно и видимъ на примѣрѣ русскихъ студентовъ, изъ которыхъ рѣдкій можетъ свободно пользоваться иностранными пособіями по своей спеціальности. Но если элементарность, т. е. практическое знаніе, ставится въ русской средней школѣ конечною цѣлію изученія русскаго языка, то каждый, кто хоть немного знакомъ съ наукой русскаго слова, скажетъ, что такая цѣль слишкомъ скромна и не соотвѣтствуетъ ни современному состоянію науки русскаго языка, ни требованіямъ жизни, ни даже достоинству и задачамъ средней школы, какъ таковой.

Поразительная скромность этой задачи средней школы становится еще очевиднѣе, если мы примемъ во вниманіе, что въ рѣшеніи ея могучее содѣйствіе школѣ оказываетъ вся окружающая русская жизнь, особенно въ центрахъ, со сплошнымъ русскимъ населеніемъ и единымъ общимъ литературнымъ языкомъ всѣхъ образованныхъ людей.

На такое несоотвѣтствіе между результатами и средствами въ изученіи столь важнаго предмета, какъ русскій языкъ, родная рѣчь для огромнаго большинства и государственная—для всего населенія Россіи, давно уже обращено вниманіе въ печати, общей и спеціальной (академики Ф. Ѳ. Фортунатовъ, А. А. Шахматовъ и др.), и неоднократно высказывались пожеланія, чтобы учащійся въ средней школѣ не только хорошо усвоилъ себѣ русскій языкъ въ его устномъ и письменномъ употребленіи, но и узналъ также, что такое представляетъ этотъ языкъ самъ по себѣ, какъ предметъ научнаго изученія, другими словами — чтобы въ средней школѣ, параллельно съ элементарнымъ курсомъ русскаго языка, преподавался также и его высшій курсъ, конечно—въ старшихъ классахъ. Современное состояніе науки русскаго слова не только позволяетъ, но прямо, можно сказать, предписываетъ ввести такой курсъ въ среднюю школу. Языковѣдѣніе — вообще и русское языковѣдѣніе — въ частности въ послѣднее 50-лѣтіе до того расширились и углубились въ своемъ развитіи, что въ нихъ, наряду съ узко-спеціальными отдѣлами, образовался огромный отдѣлъ свѣдѣній чисто общеобразовательнаго характера. И для этого общеобразовательнаго отдѣла самое подходящее мѣсто именно въ средней школѣ, а не въ университетѣ, гдѣ, при факультетскомъ распредѣленіи наукъ, онъ вѣдь можетъ быть прочитанъ только небольшой группѣ студентовъ-филологовъ, да притомъ — только въ сокращенномъ видѣ, чтобы осталось время на прохожденіе спеціальныхъ отдѣловъ, составляющихъ прямое назначеніе университетской науки (достаточно, напр., указать на тотъ фактъ, что въ уни-

версите́тѣ не читается даже общаго очерка исторіи русскаго литературного языка и письма).

Важное значеніе такого высшаго курса русскаго языка въ средней школѣ не подлежитъ сомнѣнію. Прежде всего этотъ курсъ, умѣло составленный, поможетъ русскому юношеству сознательно отнестись къ тому, что имъ до сихъ поръ усвоивалось только догматически и безотчетно, — къ фактамъ русскаго литературнаго языка и письма; сознательное же отношеніе къ этимъ фактамъ, въ свою очередь, будетъ содѣйствовать укрѣпленію элементарнаго знанія языка, которое безъ научнаго освѣщенія никогда не можетъ быть устойчивымъ, что мы, дѣйствительно, и наблюдаемъ на самомъ дѣлѣ. Стоитъ лишь вспомнить, съ какою безпомощностью мы останавливаемся нерѣдко, напр., передъ фактами письма, впадая при этомъ либо въ излишній пуризмъ, либо въ столь же нежелательный радикализмъ отъ „своего ума“, въ родѣ—писанія безъ ъ-ра, ѣ-тя и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ знаніе основныхъ началъ языковѣдѣнія и элементовъ науки русскаго слова имѣетъ большое общеобразовательное значеніе само по себѣ, а въ русской школѣ, сверхъ того, и воспитательное. Общее образованіе, составляющее задачу средней школы, немыслимо безъ серьезной историко-филологической основы, въ ряду же историческихъ наукъ наука о русскомъ языкѣ должна, мнѣ кажется, въ русской школѣ занимать первое мѣсто. Русскій языкъ, созданный геніемъ русскаго народа,—вѣдь неписанная и въ то же время краснорѣчивая лѣтопись этого народа, и кто умѣетъ читать ее, тому она ежеминутно напоминаетъ и о принадлежности русскаго человѣка къ великой арійской семьѣ народовъ, и о кровномъ братствѣ его со всѣмъ славянствомъ, и о неразрывномъ единствѣ всѣхъ русскихъ племенъ и о всемъ — наконецъ — прошломъ многовѣковой жизни русскаго народа. А научиться читать эту лѣтопись, т. е. сознательно относиться къ звукамъ, формамъ языка и фактамъ письма, можно только съ помощью науки русскаго языка, кото-

рую, поэтому, давно и слѣдуетъ въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ и изложеніи ввести въ курсъ нашей средней школы.

Лучшіе педагоги на практикѣ давно видятъ и живо чувствуютъ, какъ трудно бываетъ въ средней школѣ обходиться безъ элементовъ языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка и какъ важно знать учащемуся эти элементы даже для практическаго усвоенія языка и письма, а съ другой стороны—для изученія памятниковъ древне-русской литературы и народной поэзіи, которые безъ науки русскаго слова часто нельзя не только оцѣнить по достоинству, но даже понять. Поэтому, нѣкоторые изъ нихъ старались и стараются восполнить этотъ крупный пробѣлъ програмы русскаго языка попутно на урокахъ теоріи словесности и исторіи литературы (какъ это дѣлалъ, напр., извѣстный Стоюнинъ, издавшій даже „Высшій курсъ грамматики" еще въ 1855 г.), но въ то же время жаловались и жалуются, что это вообще очень трудно дѣлать, такъ какъ нѣтъ для этой цѣли не только учебниковъ, но даже подходящихъ пособій. И эти жалобы справедливы. Научныхъ матеріаловъ въ разныхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, часто недоступныхъ преподавателю средней школы, накопилось очень много, но школьнаго пособія по нимъ еще не составлено, да и едва-ли такое пособіе, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ, скоро увидитъ свѣтъ, если принять во вниманіе, что самыя то требованія еще не выработаны и не установлены, что, конечно, зависитъ не отъ составителей пособій и руководствъ.

Пока могутъ появляться только „Опыты" пособій, и они уже явились, наглядно свидѣтельствуя о назрѣвшей потребности введенія въ среднюю школу науки русскаго языка. Я имѣю, конечно, въ виду труды профессоровъ: Казанскаго университета Е. Ѳ. Будде (Учебникъ грамматики русскаго языка. Казань, 1901) и Московскаго — В. Поржезинскаго (Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка. Москва, 1910 г.).

Къ такимъ „Опытамъ" пособія принадлежитъ и книга, которую я рѣшился напечатать. Эта книга состави-

лась изъ лекцій по русскому литературноту языку и письму, прочитанныхъ мною въ 1910 ак. году, въ качествѣ лекторскаго курса, студентамъ Императорскаго Варшавскаго Университета, а также слушательницамъ-филологичкамъ 1-го года на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ г. Варшавѣ. Составъ моихъ слушателей (студенты 1-го курса всѣхъ факультетовъ) опредѣляетъ общій характеръ этого курса—научно-популярный. Соединить научность съ общедоступностью — дѣло, какъ извѣстно, всегда очень трудное, особенно въ области языковѣдѣнія, къ которой къ тому же необходимо еще возбудить живой интересъ всей аудиторіи. При лекціонной системѣ и отсутствіи практическихъ занятій по предмету, лекторъ всегда рискуетъ въ своихъ чтеніяхъ оказаться или слишкомъ популярнымъ или малопонятнымъ. Эти нежелательныя колебанія въ ту или другую сторону, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, могли отразиться и, вѣроятно, отразились въ моей книгѣ. Но я далекъ отъ мысли и видѣть въ ней вполнѣ удачный опытъ рѣшенія вопроса о пособіи, и смотрю на свой трудъ только какъ схему или конспектъ началъ русскаго языковѣдѣнія, которыя, мнѣ кажется, необходимо ввести въ кругъ преподаванія въ средней школѣ.

Такъ какъ значительная часть содержанія этихъ лекцій вошла также и въ мои 10-чтеній по тому же предмету на курсахъ, устроенныхъ въ іюнѣ 1910 года при Варшавскомъ Учебномъ Округѣ для съѣзда учителей и учительницъ городскихъ и начальныхъ училищъ, то послѣднее обстоятельство послужило поводомъ появленія въ свѣтъ книги — напечатанной, по предложенію Округа, въ III-мъ томѣ изданнаго имъ сборника—„Курсы по гуманитарнымъ наукамъ“.

За это любезное содѣйствіе считаю своимъ долгомъ выразить Варшавскому Учебному Округу, въ лицѣ г г. Попечителя В. И. Бѣляева и Помощника Попечителя И. В. Посадскаго, принимавшаго непосредственное и дѣятельное участіе въ заботахъ при печатаніи книги, мою глубокую благодарность.

Проф. А. Михайловъ.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА И ПИСЬМА.

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе „языкъ“. Если мы примемъ во вниманіе цѣль, съ которою мы прибѣгаемъ къ языку на практикѣ, то понятіе „языкъ“ можно опредѣлить такъ: *языкъ есть средство, орудіе нашей мысли при помощи звуковъ рѣчи.* Хотя это опредѣленіе вовсе не исчерпываетъ сущности языка, но имъ мы можемъ удовольствоваться, такъ какъ оно, съ одной стороны, принимаетъ во вниманіе главный признакъ языка, съ другой — исключаетъ другіе способы выраженія мысли (языкъ мимики, пантомимъ, т. е. языкъ движеній мускуловъ лица, рукъ и другихъ частей тѣла). Къ нему необходимо сдѣлать только такое дополненіе, а именно: языкъ есть не только орудіе человѣческой мысли, но и *органъ образованія этой мысли.*

Связь между словомъ и мыслью. Между языкомъ и мыслью существуетъ самая тѣсная связь и взаимоотношеніе. Наше мышленіе состоитъ изъ ряда представленій въ разной группировкѣ ихъ между собой. Каждое представленіе есть результатъ извѣстныхъ ощущеній, испытанныхъ нами съ помощью тѣхъ или другихъ органовъ чувствъ, главнымъ образомъ — зрѣнія и слуха. Особенно важную роль въ нашей умственной жизни играютъ слуховыя представленія, т. е. представленія словъ. Съ этой стороны наше мышленіе не болѣе, какъ представленіе словъ. „Если мы мыслимъ“, говоритъ Гегель, „то не иначе, какъ въ словахъ“. А полинезійцы называютъ мышленіе даже „разговоромъ въ желудкѣ“.

Когда мы произносимъ слово, положимъ, „столъ“, то вѣдь намъ нѣтъ надобности ни видѣть этотъ предметъ, ни даже возстановлять въ памяти зрительное ощущеніе, произведенное нѣкогда „столомъ“, чтобы понять, о чемъ идетъ рѣчь. Тутъ членораздѣльные звуки и мысль какъ бы покрываютъ другъ друга, представляя одно и то же. Но при этомъ надо всегда помнить, что представленіе слова не есть только представленіе звуковъ этого слова, какъ и самое слово не есть только простая комбинація звуковъ. Всякое слово есть такой комплексъ звуковъ, который *имѣетъ значеніе*, а потому и представленіе слова есть представленіе звуковъ, имѣющихъ значеніе. Членораздѣльный звукъ или комплексъ звуковъ безъ значенія въ рѣчи есть вещь не мыслимая, какъ не мыслимъ, напр., цвѣтъ самъ по себѣ, то есть безъ красящаго вещества, или цвѣтная вещь безъ цвѣта. Слова, напр., чужого языка, котораго мы не знаемъ, для насъ являются только звуковыми комплексами, съ которыми у насъ не связывается никакого понятія, а потому они нами не мыслятся. То же слѣдуетъ сказать и про искаженія словъ родного языка. Каждый нашъ крикъ, зовъ, слово, какъ извѣстныя звуковыя сочетанія, и мысль, воплощенная въ этихъ звукахъ, не могутъ существовать другъ безъ друга. Безъ словъ можно ощущать. видѣть, мечтать о вещахъ; но зато безъ словъ ни на одно мгновеніе не можетъ явиться въ нашемъ умѣ даже такое простое понятіе, какъ *бѣлый*. Въ этомъ единеніи мысли и слова, какъ матеріальной оболочки мысли, заключается самый главный интересъ въ изученіи языка.

Виды изученія языка. Изучать языкъ можно двояко: 1) либо съ цѣлью только овладѣть имъ, какъ орудіемъ, съ тѣмъ чтобы съ помощью его умѣть выражать и излагать наши мысли устно или письменно и 2) либо съ цѣлію знать также, что это за орудіе, какъ предметъ наблюденія, въ ряду другихъ подобныхъ ему орудій, т. е. другихъ человѣческихъ языковъ, — по своей природѣ, сущности, происхожденію и отношеніямъ къ другимъ языкамъ.

Изученіе перваго рода называется *элементарнымъ*, или

практическимъ изученіемъ языка, изученіе второго рода—*научнымъ*. Оба вида изученія не слѣдуетъ смѣшивать между собой. Можно прекрасно владѣть языкомъ устно и письменно и не имѣть ни малѣйшаго понятія о научной сторонѣ его. И, наоборотъ, можно научно знать языкъ и не владѣть имъ практически, какъ можно быть, напр., ученымъ ботаникомъ и плохимъ садоводомъ или огородникомъ. Тѣмъ не менѣе элементарное изученіе языка очень облегчаетъ научное изученіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., при разработкѣ синтаксиса и изученіи значенія словъ языка, практическое знаніе языка необходимо для научнаго изученія этого языка.

Научное изученіе языка можетъ имѣть двоякій характеръ: научно-общеобразовательный и научно-спеціальный. Въ свою очередь, и элементарное изученіе языка имѣетъ разныя степени, въ зависимости отъ того, насколько мы усвоили языкъ въ устной и письменной рѣчи и познакомились съ его грамматической системой, что зависитъ отъ возраста и развитія учащагося, отъ степени его общаго образованія, въ частности—отъ его знакомства съ художественной и народной литературой, языкъ которой онъ изучаетъ.

Но какъ бы хорошо мы ни овладѣли тѣмъ или другимъ языкомъ, качество нашего знанія его, т. е. элементарность, отъ этого нисколько не измѣнится, и по той причинѣ, что цѣль нашего изученія языка сводится исключительно лишь къ тому, чтобы овладѣть имъ, какъ орудіемъ нашей мысли, а отнюдь не къ тому, чтобы знать, что это за орудіе.

Въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ (гимназіяхъ, семинаріяхъ и пр.), мужскихъ и женскихъ, русскій языкъ изучается исключительно элементарно-практически, и по программамъ и по постановкѣ преподаванія. Благодаря этому, въ изученіи столь важнаго предмета совсѣмъ теряется качественная разница между среднимъ и низшимъ образованіемъ, и все отличіе между тѣмъ и другимъ сводится лишь къ *степени* элементарности, т. е., лицо, завершившее среднее образованіе, лучше, положимъ, владѣетъ русскою литературною рѣчью и сознательнѣе относится къ ея грамматической системѣ, по-

строенію, стилю и пр., чѣмъ лицо, которому удалось пройти только курсъ ученія городского училища.

Скажу больше. Такъ какъ въ университетахъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ русскій языкъ изучаютъ научно только немногія лица, именно филологи-словесники, а всѣ прочія остаются съ элементарнымъ знаніемъ языка, вынесеннымъ изъ средней школы, то въ результатѣ получается довольно печальное явленіе: 1) теряется разница въ качествѣ знанія русскаго языка не только между низшимъ и среднимъ образованіемъ, но даже между низшимъ и высшимъ и 2) вообще огромное большинство образованнаго русскаго общества о научномъ знаніи русскаго языка имѣетъ самыя смутныя и неправильныя представленія. Нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе дѣла не можетъ быть названо нормальнымъ, и придетъ время, когда средняя школа будетъ обязана научить насъ не только хорошо овладѣть тѣмъ орудіемъ, которое мы называемъ русскимъ литературнымъ языкомъ, но и знать также,—что это за орудіе, само по себѣ. Это знаніе самого орудія, какъ предмета наблюденія, намъ можетъ дать только *наука* о русскомъ языкѣ, которую давно и слѣдуетъ ввести въ соотвѣтствующихъ размѣрахъ въ среднюю школу.

Когда произносятъ слово „наука о языкѣ“ то люди, далеко стоящіе отъ нея, обыкновенно пугаются этого слова и думаютъ, что это узкая и сухая спеціальность, которой мѣсто только въ университетѣ, да притомъ — для немногихъ еще избранныхъ, посвятившихъ себя ея изученію. Но это — полное заблужденіе, поддерживаемое нерѣдко боязнью знанія, привычкой и неподвижностью. Языковѣдѣніе, т. е. наука о языкахъ вообще, какъ и наука о русскомъ языкѣ въ частности, въ послѣднее пятидесятилѣтіе до того расширилось и углубилось въ своемъ развитіи, что въ немъ, на ряду съ узко спеціальными отдѣлами, изученіе которыхъ требуетъ не только большой предварительной подготовки, но и особаго склада ума, накопилась и цѣлая сокровищница свѣдѣній чисто *общеобразовательнаго* характера. И эти свѣдѣ-

нія доступны пониманію и усвоенію всякаго мало-мальски развитого и образованнаго человѣка, и ихъ можно преподать не только въ видѣ догматовъ, но и съ доказательствами, не вдаваясь въ подробности и не отступая отъ строгой научности знанія. Совокупность этихъ свѣдѣній составляетъ содержаніе особаго научнаго отдѣла, который носитъ названіе *введенія* или въ языковѣдѣніе вообще, когда имѣется въ виду цѣлая група языковъ, или въ изученіе какого нибудь одного языка, какъ въ данномъ случаѣ русскаго языка, въ частности.

Вотъ такое именно введеніе въ изученіе русскаго языка, а также письма я и намѣренъ прочесть Вамъ, господа, конечно—въ предѣлахъ лишь возможной полноты, т. е. насколько позволятъ отведенные для моего курса часы и ваша общая лингвистическая подготовка.

Понятіе „русскій языкъ“: литературный, обще-русскій.

Понятіе „русскій языкъ“ сложное. Прежде всего подъ нимъ разумѣется тотъ языкъ, на которомъ я съ Вами теперь говорю, т. е. языкъ образованныхъ русскихъ людей, такъ называемый *литературный* языкъ, на которомъ читаются и пишутся книги, вообще литература, и грамматику котораго мы изучаемъ въ школахъ. Въ книгахъ этотъ языкъ, по звукамъ, формамъ и словарю, можно сказать, вполнѣ установившійся, т. е. для даннаго времени вездѣ одинаковый. Въ устной передачѣ, напротивъ, въ немъ замѣчается разница, въ зависимости во 1) отъ мѣстности, откуда родомъ или гдѣ долго проживалъ образованный человѣкъ, говорящій на русскомъ литературномъ языкѣ и во 2) отъ степени литературнаго образованія этого человѣка. Такъ, образованные люди въ сѣверной полосѣ Россіи (напр. въ Вологодской, Костромской, Владимірской и др. губерніяхъ) говорятъ на литературномъ языкѣ нѣсколько иначе, чѣмъ въ средней (напр., въ Рязанской, Калужской губ.), или южной (напр., въ Кіевской, Полтавской губ,), или въ западной (напр. Могилевской, Минской и др.), или — наконецъ—здѣсь, въ Царствѣ Польскомъ. Всѣ они, въ большей или меньшей степени, говорятъ на литературномъ языкѣ *не-*

правильно и нечисто, сравнительно съ тѣмъ, какъ слѣдуетъ на немъ говорить и какъ говорятъ только образованные люди, или москвичи родомъ или долго прожившіе въ г. Москвѣ. Хотя такія отличія въ устной рѣчи образованныхъ людей не желательны, но они часто неизбѣжны[1]), особенно, если нѣтъ у кого охоты избавиться отъ нихъ, а главное—не такъ ужъ велики, чтобы можно было говорить о *разныхъ* литературныхъ языкахъ въ употребленіи, положимъ, владимірца, рязанца, могилевца, полтавца, волынца или здѣшняго русскаго. Нѣтъ, въ устахъ всѣхъ образованныхъ русскихъ и не русскихъ людей литературный языкъ одинъ и тотъ же, и это единство опредѣляется: единствомъ грамматики, словаря и въ большинствѣ случаевъ—единствомъ произношенія.

Кромѣ литературнаго языка, языка образованныхъ людей, подъ понятіемъ „русскій языкъ“ подразумѣвается также и языкъ всего русскаго народа, точнѣе — простонародья, на всемъ протяженіи территоріи, занимаемой имъ. И вотъ, когда мы имѣемъ въ виду этотъ именно русскій языкъ, языкъ русскаго простонародья, тогда не только о тождествѣ, но даже о большомъ сходствѣ его не можетъ быть рѣчи. Въ устахъ простого русскаго народа его разговорный языкъ раздѣляется на особые виды, называемые *нарѣчіями*, которыя, въ свою очередь, распадаются на отдѣльные подвиды, называемые *говорами*.

---

[1]) Такъ напр., русскому, родомъ изъ средней и южной полосы Россіи, очень трудно избавиться отъ своего *гаканья* (*ћолосъ, ћалка* и т. п.), а бѣлоруссу, сверхъ того, отъ твердаго произношенія *р* (*рысъ, курыца*); образованный сѣверный великороссъ (напр. изъ Костромской, Вятской губ.) съ трудомъ избавляется отъ своего провинціальнаго *оканья* (постоянное произношеніе *о*, какъ *о: вода, окно*), стягиванія слоговъ *ое, ае* въ *о, а* (*свово* вм. своего, *мому* вм. моему, *дѣлатъ* вм. дѣлаетъ, *быватъ* вм. бываетъ и т. д.); русскіе, родившіеся въ Ц. П. или долго прожившіе въ немъ, особенно малороссы и бѣлоруссы, по происхожденію, говорятъ на литературномъ языкѣ *по книжному*, т. е. произносятъ слова, какъ они пишутся (напр. *конечно* вм. канешно, *что* вм. што, *Елизавета Николаевна* вм. Льзавета Николавна и т. п.) или вводятъ въ свою рѣчь множество разныхъ полонизмовъ, именно—въ удареніяхъ словъ и въ самихъ словахъ (напр. я пойду *сюдой, тудой; я самъ* пойду вм. *я одинъ* пойду; хотите *окорока?* вм. хотите *ветчины*? и т. п.).

Главныхъ нарѣчій, какъ вамъ, конечно, уже извѣстно, существуетъ три: *великорусское*, *бѣлорусское* и *малорусское*. Отличіе между этими нарѣчіями иногда доходитъ до такой степени, что если-бы собрать трехъ неграмотныхъ крестьянъ изъ глухихъ деревень, положимъ, вятской, минской и полтавской губерній, то они во многихъ случаяхъ не поймутъ другъ друга, хотя и будутъ чувствовать, что въ этомъ отношеніи они вовсе не чужаки, а лишь говорятъ, каждый изъ нихъ – по-свойски, или, какъ они сами скажутъ,—„по деревенски". Всѣхъ трехъ ихъ будетъ понимать только образованный русскій человѣкъ, какого бы происхожденія онъ ни былъ, т. е. великороссъ-ли онъ, бѣлоруссъ или малороссъ, особенно тотъ, кто хоть немножко знакомъ съ наукой о русскомъ языкѣ. И это пониманіе всѣхъ нарѣчій и говоровъ русскаго языка со стороны образованнаго человѣка объясняется не только его образованіемъ и умственнымъ развитіемъ, но въ значительной степени и свойствомъ самого литературнаго языка, его отношеніемъ къ живому народному языку, по всѣмъ нарѣчіямъ.

Но какъ ни велика бываетъ иногда разница между главными и второстепенными нарѣчіями, на которыхъ говоритъ простой русскій народъ на огромной площади, занимаемой имъ въ Россіи, а отчасти въ Австріи и Румыніи, всѣ эти нарѣчія въ основномъ и главномъ тождественны между собою и составляютъ видоизмѣненія одного и того же языка, именно русскаго. Было время, такъ приблизительно до XII в., когда тѣхъ индивидуальныхъ особенностей, которыя теперь отличаютъ одно нарѣчіе русскаго языка отъ другого, не существовало или онѣ проявлялись въ очень слабой степени, и всѣ русскія племена, изъ которыхъ къ XIV в. образовались три главныя русскія племенныя группы—великороссы, бѣлоруссы и малороссы — говорили на языкѣ, вполнѣ понятномъ для всѣхъ ихъ, на одномъ, такъ называемомъ *общерусскомъ* языкѣ. Этотъ обще-русскій языкъ и лежитъ въ основѣ всѣхъ современныхъ народныхъ нарѣчій и говоровъ русскаго языка, являясь для нихъ какъ бы скелетомъ, на которомъ и созда-

лось, начиная съ XIII — XIV в. все разнообразіе языка малоросса, въ отличіе отъ языка великоросса, бѣлорусса или обратно. Въ живомъ употребленіи и въ чистомъ, такъ сказать, видѣ этотъ общерусскій языкъ въ настоящее время, конечно, не существуетъ, потому что онъ осложнился индивидуальными особенностями отдѣльныхъ нарѣчій. Но наука его легко возстановляетъ. Для этого ей, какъ Вы можете сами уже догадаться, необходимо откинуть позднѣйшія наслоенія, т. е такъ называемые малоруссизмы, бѣлоруссизмы и великоруссизмы, и всему оставшемуся, за вычетомъ этого, придать древній видъ XI — XII в.в. Возстановляя этотъ общерусскій языкъ, наука въ то же время, конечно, орудуетъ имъ для тѣхъ или другихъ цѣлей, между прочимъ и для того, чтобы показать его коренное отличіе отъ другихъ славянскихъ языковъ, южныхъ и западныхъ.

Таково второе значеніе, въ какомъ употребляется терминъ „русскій языкъ".

И въ этомъ именно второмъ, общемъ значеніи мнѣ, господа, прежде всего и придется имѣть дѣло съ понятіемъ „русскій языкъ" въ своихъ лекціяхъ. Другими словами: всякій разъ, когда я буду употреблять выраженіе „русскій языкъ", я буду придавать ему это общее значеніе, т. е. въ смыслѣ основы, скелета всѣхъ современныхъ русскихъ нарѣчій, а отнюдь не въ смыслѣ только одного книжнаго, литературнаго русскаго языка. Говорю объ этомъ заранѣе потому, чтобы у слушателя не произошло смѣшенія этихъ двухъ понятій, которыя вовсе не тождественны.

Значеніе языковѣдѣнія. Языковѣдѣніе — наука по преимуществу общеобразовательная въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Она обнимаетъ, можно сказать, весь кругъ наукъ о человѣкѣ. Физіологія, психологія, философія, этнографія, исторія и пр. такъ тѣсно связаны съ языковѣдѣніемъ, что лингвисту приходится быть знатокомъ, большимъ или меньшимъ, въ каждой изъ этихъ областей знанія. Въ частности, языковѣдѣніе—наука историческая. Языкъ—такое же естественное явленіе, какъ и разумъ человѣка, и нельзя представить себѣ

времени, когда слово человѣческое не раздавалось бы во вселенной, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ человѣкъ въ мірѣ. Искони были присущи человѣку и разумъ и слово. Но это заключеніе не даетъ намъ однако права думать, что разумъ и слово представляютъ нѣчто абсолютное, нѣчто совершенное, нѣчто такое, что не подвергалось бы развитію и разнымъ перемѣнамъ. Исторія культуры доказываетъ противное. Человѣкъ пережилъ, переживаетъ и будетъ переживать разные періоды своего развитія во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ отдѣльный индивидуумъ, человѣчество пережило въ свое время и младенческій возрастъ, въ смыслѣ умственнаго и нравственнаго развитія, а съ тѣхъ поръ человѣческій умъ и воплощеніе человѣческой мысли — слово, языкъ, прошли огромную исторію, прежде чѣмъ явились въ современномъ ихъ состояніи. Если съ этой стороны взглянуть на языки народовъ, то они являются продуктомъ всего того, что пришлось переживать этимъ народамъ.

Языкъ—неписанная лѣтопись.

Это ихъ какъ бы неписанная лѣтопись, и отъ такихъ давнихъ временъ, о которыхъ писанная исторія и мечтать не смѣетъ. Читая эту лѣтопись, мы знакомимся и съ жизнью, ростомъ самихъ языковъ, и съ древнѣйшими стадіями умственнаго, нравственнаго и культурнаго развитія тѣхъ народовъ, которые говорятъ на этихъ языкахъ. Какъ важно поэтому хоть немного научиться читать эту лѣтопись! Это чтеніе поучительнѣе писанныхъ исторій и занимательнѣе всякихъ захватывающихъ романовъ. Оно удивительнымъ образомъ расширяетъ наше міросозерцаніе, углубляетъ наше познаніе природы человѣка вообще и даннаго народа въ частности, окрыляетъ и питаетъ нашъ умъ, возбуждая цѣлый рядъ идей и представленій.

Поясню это такимъ примѣромъ.

Къ звукамъ, словамъ, ихъ формамъ и сочетаніямъ въ языкѣ мы, господа, привыкли вообще относиться безсознательно: все наше вниманіе направлено только къ выражаемой этими словами и формами мысли. Но удѣлите хоть немного вниманія этимъ комплексамъ звуковъ, взгляните на нихъ опыт-

нымъ анализирующимъ окомъ, и данный комплексъ нарисуетъ передъ вами цѣлую картину прошлаго.

Не вдаваясь въ область общаго языковѣдѣнія, напр., въ анализъ коренного значенія словъ, который можетъ нарисовать весьма интересную картину міросозерцанія и понятій первобытнаго человѣка, не выходя изъ предѣловъ русскаго литературнаго языка, останавливаюсь, напр., на такихъ словахъ и формахъ: 1) *морокъ, схоронить; мракъ, сохранить;* 2) *горячій, стоячій; горящій, стоящій;* 3) *труды, волки, учителя, граждане, сосѣди.* Для человѣка, не имѣющаго понятія о жизни языка, всѣ эти слова—только комплексы звуковъ, съ опредѣленными значеніями, приуроченными къ той или другой грамматической категоріи: имя существительное (*морокъ, мракъ, труды, волки, учителя* и т. д.), глаголъ (*сохранить, схоронить*), имя прилагательное (*стоячій, горячій*), причастіе (*стоящій, горящій*), именительный падежъ мн. ч. (*труды, волки* и т. п) и т. п. У человѣка же, мало-мальски знакомаго съ жизнью языка, съ этими звуковыми сочетаніями, словами соединяется цѣлый рядъ идей и представленій. Прежде всего онъ скажетъ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ даютъ право утверждать, что русскій языкъ занимаетъ особое, самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ славянскихъ нарѣчій, причемъ одной изъ характерныхъ чертъ, опредѣляющихъ это самостоятельное мѣсто, являются *полногласныя (оро)* формы: *морокъ, схоронить.* Далѣе онъ скажетъ, что русскій литературный языкъ въ своей исторіи подчинился сильному вліянію языка церковно-славянскаго, и доказательствомъ этого служатъ — *мракъ, сохранить, горящій, стоящій:* первая пара словъ—неполногласная *(ра)*, а сверхъ того во второмъ словѣ—полугласный „ъ“ перешелъ въ „о“ *(сохранить)* не по-русски, а по церковно-славянски, такъ какъ въ русскомъ языкѣ тутъ „ъ“ долженъ не переходить въ *о*, а совсѣмъ исчезнуть, что мы и видимъ въ томъ же словѣ, но съ полногласіемъ—*схоронить.* Вторая пара словъ является примѣромъ церковно-славянскаго смягченія „т“ въ „щ“ *(стоящій)*, ибо въ русскомъ языкѣ „т“ должно всегда смягчаться въ „ч“ *(горячій, ки-*

пучій). Сопоставляя, далѣе, формы церковно-славянскія (*мракъ, сохранить, стоящій, горящій*) съ русскими (*морокъ, схоронить, горячій, стоячій* и т. п.) и вдумавшись въ общій характеръ ихъ значеній, этотъ знающій человѣкъ скажетъ намъ, что русскій *литературный* языкъ, впитавъ въ себя церковно-славянизмы въ звукахъ, не позабылъ однако и собственно русскихъ формъ тѣхъ же словъ, при чемъ за церковно-славянскими формами (*мракъ, сохранить, горящій* и т. д.) удержалось *отвлеченное* значеніе, а за русскими—*вещественное*, (*морокъ, схоронить, горячій* и т. д.). Разсматривая третью группу словъ, человѣкъ, не знакомый научно съ языкомъ, на вопросъ: „почему въ имен. п. множ. числа въ этихъ словахъ, принадлежащихъ къ *одному* склоненію, оказывается *нѣсколько* окончаній?“ ничего не отвѣтитъ, а знающій объяснитъ и нарисуетъ при этомъ цѣлую картину исторіи склоненія именъ въ русскомъ языкѣ.

Даже правописаніе словъ, и то можетъ вызвать въ нашемъ умѣ много идей и представленій, если только мы отнесемся къ нему вдумчиво и сознательно. Почему, напр., въ русскомъ языкѣ всѣ слова оканчиваются или на чистые гласные звуки—*а, о, е, я, ы, и, у, ѣ, ю* (жена, окно, море, земля, сады, лучи, изъ лѣсу, женѣ, тобою) или на такъ называемые полугласные *ъ, ь* и *й* (столъ, конь, герой), тогда такъ западно-европейская графика этихъ *ъ* и *ь* не знаетъ? Какой смыслъ имѣютъ эти *ъ* и *ь*? А что смыслъ эти *ъ* и *ь* имѣютъ, и глубокій смыслъ (объ этомъ я поговорю ниже)—это несомнѣнно. И знай мы этотъ смыслъ, мы, пожалуй, не рѣшимся уже съ легкимъ сердцемъ вычеркивать эту букву (*ъ*) изъ нашего алфавита, какъ объ этомъ проэктируютъ разные новаторы русскаго письма. Или: почему, напр., мы пишемъ *ы*, хотя самое названіе этой буквы (*еры*) указываетъ на то, что мы должны бы писать ее *ъı*? Кто знаетъ исторію языка и русскаго письма, тотъ нисколько не затруднится отвѣтить на эти вопросы.

Такимъ образомъ, и звуки языка и ихъ изображенія въ письмѣ—буквы могутъ намъ разсказать объ очень многомъ, если только мы научимся видѣть въ нихъ то, что за ними

скрывается, и сумѣемъ съ ними говорить и ихъ понимать. А научиться понимать факты языка и письма, на которые мы обыкновенно не обращаемъ совсѣмъ вниманія и къ которымъ привыкли въ огромномъ большинствѣ случаевъ относиться догматически и вообще безсознательно, вовсе не такъ ужъ трудно, какъ это можетъ показаться инымъ съ перваго взгляда. Трудъ, который мы употребимъ на это изученіе, съ большой лихвой вознаградится той пользой, какую онъ принесетъ съ собой, особенно тѣмъ изъ насъ, кому по роду занятій приходится или придется другихъ обучать русскому литературному языку и письму. Отъ математиковъ я слышалъ, что для успѣшнаго преподаванія элементарной ариѳметики необходимо знаніе алгебры и геометріи. Подобное же требованіе, при томъ еще съ большимъ основаніемъ, слѣдуетъ предъявлять и къ преподавателю русскаго языка въ нашихъ начальныхъ и среднихъ школахъ. Чтобы съ полнымъ успѣхомъ преподавать въ этихъ школахъ русскій языкъ элементарно, учителю необходимо стоять *выше этой элементарности* не по одной степени, но и по качеству знанія языка и письма, т. е. онъ долженъ знать то и другое также научно, хотя бы и не въ той мѣрѣ, въ какой это требуется отъ языковѣда—спеціалиста.

Морфологическая классификація языковъ.

При изученіи того или другого языка, очень важно прежде всего опредѣлить его положеніе среди всѣхъ человѣческихъ языковъ вообще и родственныхъ — въ частности. Это приводитъ насъ къ классификаціи языковъ по ихъ грамматическому строю (морфологія). Всѣ языки, какъ существующіе, такъ и когда либо существовавшіе, языковѣдѣніе дѣлитъ на *три* главныя группы по ихъ грамматическому строю, этой основѣ, скелету всякаго языка:

1) Языки односложные или *корневые*, къ которымъ при-

надлежатъ языки китайскій, аннамскій, сіамскій, бирманскій и тибетскій, съ ихъ нарѣчіями и говорами;

2) Языки *склеивающіе* или агглютинирующіе (отъ *лат.* agglutinare—склеивать), каковы именно: языки урало-алтайскіе или туранскіе съ ихъ пятью вѣтвями: финской, самоѣдской, турецко-татарской, монгольской и манджурской; сюда же относятся также языки африканскихъ и австралійскихъ дикарей.

3) Языки *флексивные* (отъ *лат.* flexio=сгибаніе; флексія обычно—измѣняемое окончаніе склоненій и спряженій), которые распадаются на двѣ главныя группы: а) *семитохамитскую* и б) *арійскую* или *индоевропейскую*. Первая группа заключаетъ языки: древне-ассирійскій, арамейско-халдейскій, еврейскій, арабскій, древне-финикійскій и коптскій; ко второй группѣ относятся слѣдующія 10 язычныхъ семей: 1) индійская (языкъ санскритъ, ведійскій и современные языки Индостана); 2) иранская или эранская (языки древне-и новоперсидскій; 3) армянская; 4) греческая (языки древней Эллады и новогреческій); 5) албанская (албанскій языкъ); 6) италійская (древніе языки Италіи и языки романскіе); 7) кельтская (языки Ирландіи, Шотландіи, острова Мена, Валлиса и Бретани); 8) германская (языки: готскій, скандинавскіе, верхне и нижне-нѣмецкіе); 9) литовская (литовскій языкъ, латышскій и древне-прусскій) и 10) славянская, обнимающая всѣ славянскіе языки.

Существенное различіе этихъ 3 язычныхъ группъ состоитъ въ свойствахъ корней и въ способахъ образованія словъ.

I. *Односложные языки.* Въ языкахъ односложныхъ, или корневыхъ между корнемъ и словомъ нѣтъ разницы. Слова — это простые односложные корни, которые неспособны сливаться съ другими корнями, ни тѣмъ болѣе подвергаться какимъ-либо звуковымъ измѣненіямъ. Эти слова — корни обозначаютъ идеи самыя общія, безъ указанія на родъ, число, лицо, время, падежъ и пр. Здѣсь нѣтъ ни склоненій, ни спряженій и частей рѣчи въ нашемъ смыслѣ слова.

Одинъ и тотъ же корень можетъ представлять и разныя части рѣчи и разныя формы словъ. Напр., въ *китайскомъ языкѣ* корень—слово *lu* значитъ: „пахать", „плугъ", „быкъ", которымъ пашутъ; корень *ta* значитъ: „величина", „великій" и „быть великимъ". Въ языкѣ аннамскомъ слогъ *ba* значитъ: „госпожа", „княжескій любимецъ", „оплеуха", „прочь откинутое", „три" (3), „выжимки изъ какого нибудь плода". Въ китайскомъ языкѣ, этомъ типичномъ представителѣ корневыхъ языковъ, всего около 500 односложныхъ словъ—корней. При этомъ, конечно, каждое слово неминуемо должно имѣть нѣсколько или даже много (иногда болѣе 50) совершеено различныхъ значеній.

Отличіе понятій, выраженныхъ однимъ и тѣмъ же корнемъ, достигается прежде всего *различіемъ* въ удареніи надъ корнемъ. Такъ, въ аннамскомъ языкѣ упомянутый корень *ba*, произнесенный съ тяжелымъ удареніемъ (\`), значитъ „госпожа", съ острымъ (´) — „княжескій любимецъ", съ облеченнымъ (^) — „дама", безъ ударенія — „три". Само собой разумѣется, что нужно быть природнымъ китайцемъ или аннамитомъ, чтобы умѣть различать въ всѣхъ тонкостяхъ особенности ихъ удареній. Для европейскаго слуха разница въ удареніи, конечно, исчезаетъ.—„Когда я пріѣхалъ въ Кохинхину и услышалъ туземный говоръ" — разсказываетъ одинъ миссіонеръ — „мнѣ показалось, что я слышу чириканье птицъ: всѣ слова односложны, и народъ различаетъ ихъ только по ударенію; такъ что здѣсь никогда не говорятъ, чтобы не пѣть". Съ другой стороны, значеніе корня—слова въ китайскомъ и въ сродныхъ съ нимъ языкахъ узнается въ *словосочетаніи*. Одинъ и тотъ же корень, смотря по тому, съ какими онъ сочетается другими корнями или какое мѣсто занимаетъ въ рѣчи, можетъ выражать и предметъ, и дѣйствіе и признакъ, т. е. разныя части рѣчи. Если китаецъ, напр., хочетъ сказать: *въ домъ* — онъ говоритъ: *у—ли* (*у*—домъ, *ли* - внутренность); тутъ два корня ставятся одинъ возлѣ другого, но не сливаются фонетически и не теряютъ своего первоначальнаго значенія. Но тотъ же слогъ *ли* въ

сочетаніе съ корнемъ, означающимъ между прочимъ „рыба“, значитъ *карпъ*. Ложка называется *пи;* но чтобы этотъ корень, имѣющій и много другихъ значеній, былъ понятъ только въ смыслѣ ложки, къ нему прибавляется еще корень *му* (дерево); причемъ сочетаніе *пи—му* не значитъ деревянная ложка, а только „ложка“. Корень *та* въ соединеніи съ *фу* (человѣкъ), т.-е. *та+фу* значитъ „великій человѣкъ“, а *фу+та* „человѣкъ великъ“. При помощи того же словосочетанія образуются и разныя грамматическія категоріи: числа, падежа, рода и т. п. Напр., *и* (употреблять) + *чжанъ* (палка) значитъ тв. пад. „палкою“. Когда китецъ желаетъ выразить множественное число, онъ повторяетъ только корень; повтореніе служитъ также и для усиленія понятія. Такъ, *ши - ши* (время - время) значитъ также *всегда; чю—чю* (мѣсто—мѣсто) значитъ *вездѣ*, *вангъ—вангъ* (ходить —ходить) значитъ *во всѣ стороны*.

Такого рода грамматическій строй односложныхъ языковъ дѣлаетъ изученіе ихъ для европейца очень затруднительнымъ.

II. *Склеивающіе языки*. Въ языкахъ склеивающихъ слова и выраженія состоятъ изъ двухъ или нѣсколькихъ корней, механически соединенныхъ другъ съ другомъ въ одно слово, такъ что все слово - выраженіе можно легко расчленить на его составныя части; при этомъ основное значеніе остается лишь за однимъ корнемъ, а другіе служатъ какъ бы суффиксами и префиксами; напр. по мадъярски *haz*= „домъ“, а *hazba*=„въ домѣ“, *hazak* (*ак.*=суф. мн. ч.)=„дома“, а *hazakba*=„въ домахъ“. Число механически склеивающихся корней въ одно выраженіе-слово бываетъ иной разъ до того велико, что теряется разница даже между словомъ и предложеніемъ. Такъ, напр., по-турецки *el* значитъ „рука“ *elim*=„моя рука“, *elimde*=„въ моей рукѣ“, *elimdeki*=„находящійся въ моей рукѣ“, а *elimdeki* въ свою очередь, можетъ образовать отъ себя форму *elimdekiu*=„находящагося въ моей рукѣ“ и т. д. Или въ якутскомъ языкѣ *at*=„лошадь“, *atta*=„снабжать лошадью“, *attan*=„добыть себѣ ло-

шадь". По-турецки предложеніе—„не быть въ состояніи любить другъ друга" выражается однимъ словомъ: *sevilische-temek.*

Эти словообразованія, хотя они и подведены подъ одно удареніе, нельзя было бы признать за одно слово, если бы въ урало-алтайскихъ и турецко-татарскихъ языкахъ не существовалъ одинъ законъ, который ихъ рѣзко отличаетъ отъ другихъ языковъ. Это — законъ такъ называемой *гармоніи* гласныхъ звуковъ. Гласный звукъ корня тутъ всегда опредѣляетъ характеръ всѣхъ послѣдующихъ гласныхъ звуковъ. Въ якутскомъ, финскомъ и мадьярскомъ языкахъ гласные звуки строго раздѣляются на твердые и мягкіе. Отсюда такое правило: *если первый гласный звукъ слова твердый, то и всѣ слѣдующіе гласные звуки должны быть тверды, если мягкій—то мягкіе,* по этому: *agalar*=„отцы" (*lar* суф. мн. ч.), *ogolor*=„дѣти", *atlar*=„лошади", и, наоборотъ, *ev-ler* (*ler* тоже суф. мн. ч.) дома", *ese-ler*=„медвѣди", *dere-ler*=„повода, продѣваемые волу сквозь ноздри". Или: окончаніе неопредѣленнаго накл. бываетъ: *так* и *тек,* въ зависимости отъ того, какой гласный звукъ въ корнѣ, твердый или мягкій; поэтому: *bak-tak*=„любить" и *sevmek*=„смотрѣть".

Такое вліяніе основного корня на суффиксы, немыслимое во флексивныхъ языкахъ, придаетъ въ урало-алтайскихъ языкахъ словамъ - выраженіямъ и даже цѣлымъ предложеніямъ видъ одного слова. Но гармонія гласныхъ звуковъ все-таки нисколько не препятствуетъ съ большою легкостью разлагать эти слова - выраженія на ихъ составныя части. Слова въ урало-алтайскихъ языкахъ, по удачному сравненію одного ученаго, похожи на плохую мозаику; ихъ можно разбирать на составныя части, „какъ полѣницы дровъ",—по словамъ другого ученаго Для флексій слова употребляются въ этихъ языкахъ корни, почти такіе же самостоятельные по важности своего значенія, какъ и тотъ корень, которымъ выражается основное значеніе слова.

III. *Флексивные языки.* Совсѣмъ не то мы видимъ въ

языкахъ флексивныхъ. Тутъ всѣ части слова до того измѣняются фонетически, что часто только языковѣдъ можетъ установить первоначальный видъ корня и отдѣлить его отъ другихъ частей слова. Такъ, кто, напр., произнося слова *надменный, чанъ, щи,* сразу догадается, что эти слова происходятъ отъ корней—**дж, дъск, сът.** Или: какой не филологъ сразу скажетъ, что французское *bonnement* (искренно, простосердечно), образовалось изъ *bona mente*, а *jeudi* (четвергъ) изъ *dies Jovis?* Иногда корень во флексивныхъ языкахъ до того измѣняется, вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ въ звукахъ, ихъ сокращеній, выпаденій, сліяній, что отъ него не остается почти ни слѣда, и только сравненіе съ другими языками помогаетъ возстановить этотъ исчезнувшій, повидимому, корень; напр. *хорь* образовалось изъ *дъхорь* (ср. польск. *tchórz*, малор. *тхіръ*), *Брянскъ* — изъ *Дъбрянъскъ* (корень *дъбръ)*, а слово *прытъ* одного корня со словомъ *пружина* и т. д.

Но большая плотность связи между частями слова (благодаря, конечно, разнымъ фонетическимъ измѣненіямъ) есть еще не самая рѣзкая черта различія между языками флексивными и склеивающими: основное различіе сводится не къ тому, каковъ характеръ связи между частями слова, а къ самимъ корнямъ въ ихъ отношеніи къ понятіямъ. Въ урало-алтайскихъ языкахъ корень слова не измѣняется для обозначенія разныхъ понятій, напротивъ—***въ языкахъ флексивныхъ всякое новое понятіе сопровождается почти всегда измѣненіями и въ корняхъ***, особенно перемѣнами въ гласныхъ звукахъ этихъ корней, напр., русское *б(ъ)рать—(со)беру—боръ—бирать, вести—водить—важивать* и т. п. Такого измѣненія гласныхъ корня для выраженія новаго понятія (не говоря уже про согласные звуки основного корня) въ урало-алтайскихъ языкахъ нѣтъ. Тамъ, какъ мы видѣли, существуетъ только такъ-назыв. *гармонія гласныхъ звуковъ,* т.-е. употребленіе въ словѣ - выраженіи или однихъ твердыхъ или однихъ мягкихъ гласныхъ звуковъ, въ зависимости отъ того, какой *первый* гласный звукъ слова, твердый или мягкій. Н-

такое измѣненіе гласнаго звука въ корнѣ не имѣетъ никакого отношенія къ перемѣнамъ въ значеніи слова[1]).

Отношеніе между морфологическими группами языковъ.

Существуетъ теорія, такъ называемая *моносиллабическая* (односложная), что человѣкъ впервые заговорилъ будто бы односложными словами-корнями, потому что одному-де впечатлѣнію, производимому на человѣка предметомъ внѣшняго или внутренняго міра, можетъ соотвѣтствовать только одинъ звукъ или комплексъ звуковъ, который, „подобно молніи, долженъ быть воспринятъ въ одно мгновеніе“ (В. Гумбольдтъ, Курціусъ). Грубый, первобытный человѣкъ все свое представленіе выражалъ однимъ открытіемъ рта и, слѣдовательно, сталъ говорить только односложными словами. Послѣ періода односложности въ языкѣ, наступилъ періодъ *склеиванія* (агглютинаціи), какъ дальнѣйшая ступень развитія человѣческой рѣчи, а за нимъ – періодъ *флексивности*, послѣдняя и наиболѣе совершенная стадія развитія человѣческаго языка.

Эта теорія въ послѣднее время возбуждаетъ однако серьезныя возраженія. Такъ, новѣйшія изслѣдованія китайскаго языка, на который моносиллабисты указываютъ, какъ на типическаго представителя архаическаго состоянія языка вообще, показали, что этотъ корневой языкъ въ прошломъ былъ склеивающимъ, отчасти даже флексивнымъ. (Габеленцъ[2]). Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время эта теорія не утратила еще своего значенія. Многіе серьезные языковѣды, изучающіе флексивные языки, пришли къ заключенію, что суще-

---

[1]) Для ознакомленія съ общими понятіями о языкѣ рекомендуется прочесть книги: 1) *Максъ Мюллеръ*. Наука о языкѣ. Русскій переводъ въ изданіи журнала „Филолог. Записки“ Воронежъ 1868; 2) *Э. Ренанъ*. Происхожденіе языка. Переводъ Чудинова. (Фил. записки 1865—66 г.г.); 3) *Тэйлоръ*. Первобытная культура. Русскій переводъ съ англ. подъ ред. Д. А. Карабчевскаго Спб. 1896 ч. I и II.; 4) *его же*. Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. М. 1897; 5) *Шрѣдеръ*. Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1886. (2-ое изд. на нѣм яз. лучше).

[2]) *Gabelenz*. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig. 1891.

ствовалъ періодъ до-флективный, т. е. когда въ этихъ языкахъ *не было* флексій, а слова представляли одни лишь односложные (большей частью) корни съ *реальнымъ* значеніемъ. Прототипы существующихъ теперь флексивныхъ формъ, особенно прототипы спрягаемыхъ глагольныхъ формъ, произошли путемъ соединенія корня глагольнаго съ мѣстоименнымъ *(есмь, sum)*. Когда совершилось это сложеніе корней *знаменательныхъ* (именъ сущ., прилаг. и глагола) съ мѣстоименными (мѣстоименія) и предложными (предлоги), которые и въ настоящее время являются только *служебными* частями рѣчи — для выраженія отношеній между понятіями (сущ., прилаг. и глалолъ), тогда корень *знаменательный* пересталъ уже быть *словомъ*, т. е. потерялъ свое реальное значеніе и сдѣлался съ точки зрѣнія выработаннаго флектирующаго языка только *идеальнымъ центромъ* этого значенія. Появленіе флексіи изъ мѣстоименныхъ и предложныхъ корней во флектирующихъ языкахъ совершилось очень давно, потому что уже въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ индоевропейскихъ языковъ наблюдается самая тѣсная связь между знаменательнымъ корнемъ и флексіей, и всѣ вообще грамматическія формы достигли такой высоты, дальше которой не совершилось, можно сказать, никакого поступательнаго движенія слова, въ смыслѣ склейки матеріи съ формой, т. е. корня съ флексіей. Но аналогія съ агглютинирующими языками урало-алтайской семьи даетъ основаніе думать, что было время, когда во флексивныхъ языкахъ склейка флексіи съ корнемъ была еще слабая. По степени связи между матеріей и формой, урало-алтайскіе языки, оказывается, не всѣ одинаковы: въ однихъ, какъ въ финскомъ и якутскомъ, эту связь нельзя назвать вполнѣ внѣшней, т. е. она достаточно крѣпкая, въ другихъ, какъ напр., въ монгольскомъ и калмыцкомъ, она—напротивъ—еще очень слаба. И вотъ, сравненіе монгольскаго и калмыцкаго народнаго языка съ письменнымъ вполнѣ ясно показываетъ намъ, какъ образовались формы въ самомъ недавнемъ прошломъ. Монгольскій письменный языкъ не знаетъ еще совсѣмъ мѣстоименныхъ приставокъ къ корнямъ, а въ

языкѣ современныхъ бурятъ и калмыковъ эти приставки уже имѣются, хотя не въ такихъ формахъ, которыя различались бы постоянно; такъ, при глаголѣ наблюдается измѣненіе по лицамъ [1]).

О періодахъ въ жизни языка вообще и флексивнаго въ частности.

Выше говорилось, что человѣческое слово находится въ тѣсномъ единеніи съ человѣческой мыслью. Поэтому исторія языка тѣсно связана съ исторіей человѣческой мысли, при чемъ періоды въ развитіи мысли и языка - одни и тѣ же, другъ съ другомъ совпадаютъ и другъ друга объясняютъ. Это положеніе должно служить для насъ исходнымъ пунктомъ, когда дѣло идетъ о характеристикѣ того или другого языка въ его прошломъ.

Первоначальное образованіе языка есть тайна, раскрыть которую едва ли когда удастся человѣчеству. Поэтому, ни одинъ языковѣдъ и не стремится овладѣть этой тайной, подобно тому какъ ни одинъ естествовѣдъ не станетъ задаваться вопросами о сущности вещей и категорически рѣшать тайны происхожденія и образованія всего существующаго въ мірѣ. Гипотезы и гаданія, конечно, тутъ возможны, но ничего точнаго, опредѣленнаго, положительнаго они не дадутъ и трезвый умъ не въ состояніи удовлетворить. Можно только съ увѣренностью сказать, что человѣческое слово такъ же древне, какъ древенъ и человѣкъ въ мірѣ, такъ же исконно, какъ исконенъ и всегда былъ присущъ разумъ человѣку. Поэтому, гипотезъ о происхожденіи человѣческой рѣчи я не стану касаться.

Цѣль моего чтенія заключается лишь въ томъ, чтобы въ *общей* картинѣ представить далекое прошлое флексивныхъ

---

[1]) *О. Бетлингъ.* О языкѣ якутовъ. СПБ. 1851.

языковъ, насколько позволяютъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи средства. И только.

Средства нарисовать такую картину у насъ есть. Они заключаются, во 1-хъ) въ томъ, что мы знаемъ объ общемъ ходѣ развитія человѣческой мысли и во 2-хъ) въ сравненіи извѣстнаго языка въ разное время его жизни, какъ со стороны формъ, такъ и въ лексическомъ отношеніи. Первое средство дастъ намъ много полезныхъ аналогій, второе подтвердитъ эти аналогіи примѣрами, взятыми изъ самого языка.

Каковъ же былъ ходъ въ развитіи человѣческой мысли?

„Возникновеніе высшихъ идей науки и философіи", говоритъ проф. Д. Овсянико-Куликовскій, „есть процессъ очень сложный, многовѣковой, всемірно-историческій. Оставляя его въ сторонѣ, я ограничусь указаніемъ одной только психологической черты, ему присущей. *Это именно — стремленіе къ возможно большему отвлеченію, къ возможному устраненію въ мышленіи образовъ, сопутствующихъ понятіямъ*".

Чтобы лучше, нагляднѣе уяснить себѣ эту вполнѣ правильную мысль, припомнимъ, господа, прежде всего то, что въ логикѣ называется *понятіемъ*, въ отличіе отъ *представленія* и какъ возникаютъ понятія?

Понятіе о предметѣ есть, какъ извѣстно, мысль о томъ, что такое этотъ предметъ и чѣмъ онъ *существенно* отличается отъ другихъ предметовъ. Понятіе, какъ отраженіе предмета въ нашемъ сознаніи, сходно съ представленіемъ того же предмета, въ видѣ образа. Но между понятіемъ и представленіемъ есть все-таки существенная разница:

1) Представленіе отражаетъ предметъ такимъ, какимъ мы его воспріяли нашими внѣшними органами чувствъ, причемъ всѣ признаки предмета сливаются безъ различія въ одну общую картину. Въ противоположность этому, *понятіе приводитъ признаки предмета въ особый порядокъ*, по степени ихъ относительной важности для существованія предмета.

2) Чтобы составить себѣ отчетливое представленіе о предметѣ, достаточно пассивно наблюдать его; напротивъ, для

составленія понятія о предметѣ необходимо *изучить* признаки этого предмета.

Наконецъ, въ 3-хъ, представленіе бываетъ тѣмъ лучше, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ оно нагляднѣе, живѣе воспроизводитъ образъ предмета; понятіе-же бываетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ глубже, разностороннѣе оно проникаетъ въ взаимоотношенія признаковъ предмета. Поэтому, идеаломъ понятія всегда бываетъ мысль, въ которой опредѣлена сущность предмета, основа того, что мы находимъ въ образѣ предмета.

Такова разница между понятіемъ и представленіемъ.

Генезисъ понятія идетъ такимъ путемъ. Чтобы у человѣка образовалось, напр., понятіе *домъ,* необходимо прежде всего получить ощущеніе отъ предмета, называемаго *домъ.* Эти ощущенія, зрительныя и осязательныя, въ дальнѣйшемъ группируются въ цѣлый образъ „дома", образъ, отдѣленный отъ постороннихъ предметовъ, находящихся возлѣ дома или на немъ, напр., забора, сада, вывѣсокъ, стоящихъ людей и т. п После этого обособленный образъ *дома,* сохраняясь и воскресая въ нашей памяти, какъ представленіе, сопоставляется, или, какъ говорятъ, *ассоціируется* съ образами другихъ видѣнныхъ нами домовъ, и изъ этого сопоставленія, путемъ анализа и синтеза, возникаетъ у насъ понятіе *домъ.*

Это сопоставленіе заставляетъ насъ *уничтожать и забывать индивидуальные* признаки, свойственные тому или другому дому (таковы, напр., форма дома, матеріалъ, изъ котораго домъ построенъ, его окраска, украшенія и т. п.), и въ то же время *удерживать* въ своей памяти только тѣ признаки дома, *безъ которыхъ* онъ, какъ домъ именно, *существовать не можетъ,* напр., стѣны, крыша, двери, окна и др. Совокупность такихъ признаковъ и даетъ намъ понятіе *домъ.* Чѣмъ извѣстное понятіе *отвлеченнѣе,* т.-е. чѣмъ меньше въ немъ признаковъ индивидуальныхъ, тѣмъ и самое понятіе совершеннѣе. „Высшей степени развитія этотъ типъ мысли (понятіе) достигаетъ въ самой совершенной изъ наукъ— въ математикѣ, гдѣ сопутствующіе образы", говоритъ проф-

Овсянико-Куликовскій, — „доведены до минимума и могутъ считаться равными нулю, гдѣ мысль царитъ въ безплотной сферѣ чистыхъ отвлеченій. Это — идеалъ, къ которому стремятся всѣ прочія науки. *Въ достиженіи такого идеала и заключается сущность эволюціи* человѣческой мысли. Постепенное стушевываніе образовъ, переходъ къ отвлеченіямъ — вотъ что мы наблюдаемъ въ развитіи нашей мысли“.

Тотъ же процессъ наблюдается и въ исторіи человѣческаго слова, въ исторіи языка.

На зарѣ своей жизни человѣкъ мыслилъ только въ образахъ и не зналъ никакихъ отвлеченностей (абстракцій). Происходило это потому, что въ то время, какъ мы рѣзко выдѣляемъ себя изъ природы, живемъ, такъ сказать, внѣ природы, сами по себѣ, первобытный человѣкъ весь жилъ внѣ себя, сливаясь съ окружающей его природой. Природа — человѣкъ, человѣкъ природа! Слѣдовательно, и языкъ первобытнаго человѣка, будучи со стороны формы произведеніемъ его разума, со стороны содержанія являлся только отраженіемъ той матеріальной, чувственной жизни, какая господствовала въ природѣ, надъ которой онъ не былъ въ состояніи еще возвыситься. Назвать это состояніе грубымъ матеріализмомъ, который, кромѣ тѣла, ничего не знаетъ и не понимаетъ, нельзя. Человѣкъ никогда не былъ животнымъ, на какой бы низкой ступени развитія онъ ни стоялъ въ прошломъ. Лучъ Божественнаго разума искони освѣщалъ душу человѣка, и если человѣкъ въ первобытное время представлялъ нѣчто единое съ природой, то это была лишь высокая гармонія, благодаря которой человѣкъ одинъ міръ видѣлъ въ другомъ, одинъ выражалъ съ помощью другого. Его душа была, такъ сказать, зеркаломъ природы, въ которой — въ свою очередь — онъ видѣлъ тоже живое существо. Одухотворяя все окружающее не только въ мірѣ животномъ, но и въ неодушевленномъ, первобытный человѣкъ все свое душевное состояніе, каждое проявленіе воли, каждый поступокъ, отношеніе къ другимъ людямъ и т. п. всегда выражалъ словомъ, *обозначавшимъ* извѣстный *чувственный образъ*.

Отсюда переносъ, или метафора, взятая изъ міра реальнаго, видимаго, занимала первое мѣсто въ образованіи языка вообще.

Обратимъ вниманіе сначала на тѣ слова, которыя въ настоящее время обозначаютъ отвлеченныя понятія, разныя движенія человѣческаго духа. Повидимому, эти понятія всего труднѣе поддаются анализу, но это только повидимому, на самомъ же дѣлѣ этотъ анализъ открываетъ, что въ основѣ ихъ корней всегда лежитъ какое нибудь чувственное представленіе. Возьмемъ, напр., слова *понять, понятіе, предпріятіе, вниманіе.* По смыслу эти слова отвлеченнаго характера, но корень ихъ **ѧти** (польск. *jąć*, что значитъ „схватить", *chwycić, złapać etc.*) означаетъ въ сущности извѣстное мышечное движеніе. То же слѣдуетъ сказать и при однозначущія слова: въ нѣм. языкѣ *Begriff, unternehmen,* во франц. — *comprendre, entreprendre* (предпринимать). Тѣ же чувственныя представленія, реальные образы заключаются въ корняхъ, напр., и такихъ словъ: *отношеніе* (нести), *препятствовать* (отъ корня **пѧти**), *пещись* (кор. пеку), *тужить* и *туга* (ср. тугой), *сокрушаться* (кор. крух), *воскресить* (кор. **крѣсити**, что значитъ „извлекать, возбуждать огонь", откуда *кресиво, кресало*), *кривда* (ср. кривой), *кручина* (ср. крутой), *погибель, гибнуть* (ср. гибкій), *хитрый* (кор. хит., похитить), *лукавый* (кор. лук, что обозначало „кривой", извилистый; Самарская Лука—изгибъ Волги). Французскія слова *penchant* (склонность), *aversion* (отвращеніе), *inclination* (наклонность, привязанность) и др. выражаютъ эти душевныя состоянія тоже посредствомъ различныхъ положеній тѣла.

Надо сознаться, что у первыхъ номенклаторовъ было особенное чутье природы, придававшее всему значеніе, видѣвшее душу въ внѣшнемъ мірѣ и внѣшній міръ въ душѣ человѣческой. Правда, иной разъ мы и не доищемся въ корняхъ словъ какого-нибудь чувственнаго представленія; но это ничего не значитъ. Надо помнить, что не только отъ первобытнаго, но даже отъ очень стараго языка до насъ дошли только обломки, уцѣлѣвшіе по счастливой случайности. Много

словъ погибло, а вмѣсто нихъ явились новыя слова для выраженія новыхъ понятій. Съ другой стороны, не надо забывать также и того, что очень многимъ корнямъ, имѣвшимъ въ старину одно значеніе, впослѣдствіи дано было другое, болѣе новое и спеціальное значеніе. Такъ, нельзя, напр., думать, что въ первобытную эпоху люди умѣли *писать*, а между тѣмъ корень этого слова существуетъ въ индоевропейскихъ языкахъ: санскрит. *pinçati*, старо-персидск. *nipis*, общеслав. **пьсати**. Что же обозначалъ этотъ корень? „Вырѣзывать, рѣзать по мѣркѣ“ — таково было его значеніе.

Нагляднымъ примѣромъ того, что въ основѣ корней, выражающихъ нынѣ отвлеченное понятіе, нѣкогда лежало только чувственное представленіе, метафора, взятая изъ міра физическаго, можетъ служить еврейскій языкъ. Языкъ этотъ, какъ извѣстно, представляетъ древнѣйшее состояніе языка вообще, и намъ легче всего прослѣдить первоначальный смыслъ корней нынѣшнихъ отвлеченныхъ понятій именно на немъ. Что же оказывается? А вотъ что. Въ значеніи этихъ корней еврейскаго языка всегда лежитъ какое нибудь физическое явленіе. Всякое душевное состояніе передается здѣсь корнемъ, означающимъ какое нибудь физическое движеніе. Такъ, *гордость* обрисовывается корнемъ, означающимъ въ сущности „поднимать голову“, *желаніе* — „жажда и блѣдность“, *гнѣвъ* — „кипѣніе воды“, „усиленное дыханіе; то же слѣдуетъ сказать и про такія слова, какъ *истина, добро* и *субстанція:* первое живописуется метафорой отъ „отъ твердости“, корень второго обозначаетъ „прямая линія“ (тогда какъ *зло* — кривая линія), третье происходитъ отъ корня, обозначающаго „кость“.

Если въ словахъ, обозначающихъ то или другое отвлеченное понятіе, мы можемъ въ большинствѣ случаевъ доискаться корня, въ основѣ котораго лежитъ чувственное представленіе, чувственный образъ, то еще въ большей степени то же заключеніе слѣдуетъ сдѣлать относительно словъ, обозначающихъ названія предметовъ, дѣйствій и явленій физическаго міра. Когда мы, въ настоящее время, произносимъ то или

другое слово, мы въ рѣдкихъ случаяхъ думаемъ о его внутреннемъ, такъ сказать, значеніи, о томъ образѣ, какой это слово въ дѣйствительности живописуетъ. Когда мы произносимъ слова: *солнце, мѣсяцъ, душа, мышь, работа, Богъ, deus, земля* и т. п., то съ ними у насъ соединяются только извѣстныя понятія: никакого образа мы тутъ себѣ не представляемъ. Между тѣмъ для первобытнаго человѣка каждое изъ этихъ словъ соединялось съ извѣстнымъ чувственнымъ представленіемъ, образомъ. *Солнце* — это „родитель", *мѣсяцъ* — „измѣритель", *душа* — нѣчто „дующее" (ср. лат. *anima* отъ корня *an* = дуть), *мышь* (ср. лат. *mus*)—это „воровка" санскритск. корень *muç* — красть), *работа* — это „паханіе земли" (кор. *ar.*: ср. нѣм. *arbeit*, слав. *рало, орать*), *Богъ* — это „надѣляющій благомъ" (отъ корня *bhaj;* въ Ведахъ *bhaga* — постоянный эпитетъ боговъ), *deus*—это „сіяющій", „блестящій" (отъ корня *div* сіять), *земля*—это „рождающая" (отъ корня *gan* - рождать; ср. слав. *жена*) и т. п.

Современный французъ, произнося, напр. слово *enfant* (ребенокъ, дитя), указываетъ только на извѣстное понятіе, подобно тому какъ и русскій, когда произноситъ слово *отрокъ*. Между тѣмъ латинскій прототипъ этого слова *infans* буквально значитъ „не говорящій" (*in*=не, *fari*=говорить), равнымъ образомъ какъ и славянское слово *отрокъ* (*от* = не, *реку*=говорю). Далѣе, путемъ этимологическаго анализа можно также показать, что лат. *filius* и слав. **дитѧ** (правильнѣе **дѣтѧ**), точнѣе ихъ индоевропейскіе звуковые прототипы, когда-то обозначали „сосущій" То же слѣдуетъ сказать и про всѣ вообще слова, являющіяся названіями предметовъ. Для насъ они — понятія, для первобытнаго же человѣка съ каждымъ изъ этихъ словъ соединялся какой-нибудь реальный образъ.

Такимъ образомъ, *въ эпоху творчества языка да и много позднѣе, въ основѣ всѣхъ словъ лежало какое-нибудь чувственное представленіе.* Тогда господствовалъ тотъ именно художественный процессъ мысли, какой мы замѣчаемъ, напр., въ русскомъ языкѣ при образованіи такихъ словъ, какъ

„свѣтлякъ“, „чернецъ“, „горница“, „удавъ“, „сѣни“ и др., гдѣ понятіе объ извѣстномъ червякѣ, монахѣ, извѣстной комнатѣ, змѣѣ, пристройкѣ не просто обозначается, а именно живописуется путемъ указанія на одинъ изъ его признаковъ (свѣтлый, черный, горній, давить, тѣнь и т. п.).

Отмѣтивъ общій характеръ значенія словъ языка въ его древнѣйшую эпоху существованія, постараемся теперь—тоже, конечно, въ общихъ чертахъ, — опредѣлить и самый запасъ словъ, которымъ могъ располагать первобытный человѣкъ, конечно, — въ предѣлахъ его потребностей, въ отношеніяхъ къ природѣ и къ подобнымъ себѣ. Чтобы составить себѣ понятіе объ объемѣ этого словаря, мы должны прежде всего знать, какіе процессы мысли могли вести къ составленію словъ.

Анализъ реальнаго значенія словъ и аналогіи, взятыя изъ современности, показываютъ, что средства, которыми пользовался и пользуется человѣкъ, при составленіи словъ, заключались и заключаются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) *въ звукоподражаніи* и во 2) *въ сравненіи,* аналогіи, метафорѣ.

Звукоподражаніе. Въ каждомъ языкѣ, даже въ современномъ его состояніи, когда многое уже затерялось, измѣнилось фонетически, мы найдемъ не мало словъ, возникшихъ несомнѣнно, подъ вліяніемъ звукоподражанія. Таковы, напр., названія дѣйствій: „шипѣть“, „бучать“, „рвать“, нѣм. *brechen, krachen,* франц. *craquer,* „трещать“, „стучать“, „скрипѣть“, „мямлить“, „мычать“, „каркать“ и мн. др., со всѣми производными отъ нихъ. Люди подражали своимъ собственнымъ звуковымъ проявленіямъ душевныхъ движеній (междометія), крикамъ животныхъ, звукамъ разныхъ инструментовъ, крику, вою, визгу, писку, свисту, топоту, треску, скрипу и т. п., ежедневно ими слышимымъ, и этимъ подражаніямъ многія слова, несомнѣнно, обязаны своимъ происхожденіемъ.

Такъ какъ міръ звуковъ безграниченъ, впечатлѣніе, производимое ими на слухъ, тоже чрезвычайно разнообразно, а съ другой стороны—такъ какъ творчество первобытнаго че-

ловѣка въ этомъ отношеніи почти ничѣмъ не сдерживалось,— то понятно заключеніе, что первобытный словарь долженъ былъ быть очень богатъ словами, въ корняхъ которыхъ скрывалось звукоподражаніе. На это отчасти, и, конечно, въ самой слабой степени можетъ указывать сравненіе словарей новыхъ индо-европейскихъ языковъ съ древнѣйшимъ словарнымъ матеріаломъ тѣхъ же языковъ. Такъ, напр., въ древнерусскомъ языкѣ, какъ и въ современныхъ областныхъ нарѣчіяхъ того же языка, гдѣ, какъ извѣстно, сохранилось не мало архаизмовъ, мы найдемъ такія звукоподражательныя слова, которыя въ настоящее время въ русскомъ литературномъ языкѣ уже не встрѣчаются. Вспомнимъ, напр., хоть Слово о полку Игоревѣ, гдѣ говорится, что „Ярославна зегзицею *кычетъ*“, „вороны *граяхуть*“, „сороки *въстроскоташа*“, „орлы *клектомъ* зовуть, соловей *ущекоталъ* и т. п. Одни звукоподражательныя слова совсѣмъ исчезли изъ индо-европейскихъ языковъ, другія хотя сохранились, но до того измѣнились вослѣдствіи фонетически, что только этимологическій анализъ и сравненіе съ языками дикарей, въ словаряхъ которыхъ очень много словъ звукоподражательнаго происхожденія, могутъ иной разъ открыть въ основѣ ихъ подражаніе тѣмъ или другимъ звукомъ. Такъ, напр., слова: „быкъ“ (лат. *bovis*, греч. βοῦς), „пчела“, „нѣмой“, „туканъ“, франц. *cocarde* (кокарда), *coquet* (кокетливый), лат. *pipio* (голубь), франц. *tambour* (барабанъ), *tabouret* (табуретъ) и др., несомнѣнно, звукоподражательнаго происхожденія, а между тѣмъ это сразу вовсе не бросается въ глаза.

Сравненіе. Одновременно съ звукоподражаніемъ дѣйствовало сравненіе. Названіе новаго предмета получалось отъ сравненія его съ предметомъ, уже извѣстнымъ; напр., лат. *pecus* (скотъ), образовавшееся отъ корня *paç* (хватать, ловить), въ свою очередь, дало начало слову *pecunia* (добыча, деньги); или: *argentum* (серебро), соотвѣтствующее санскр. *rajata*, по корню *arg* значитъ нѣчто „свѣтлое“, „блестящее“. Другіе примѣры приведены выше. Уже одно то обстоятельство, что въ первоначальномъ значеніи корней лежало извѣстное чувствен-

ное представленіе, служитъ очень убѣдительнымъ доказательствомъ огромной роли, какую играли сравненіе и аналогія въ образованіи названій предметовъ и явленій. Но, само собой разумѣется, что, въ сравненіи съ звукоподражаніемъ, аналогія явилась, конечно, уже *вторичнымъ* процессомъ мысли творцовъ языка. Рядомъ съ звукоподражаніемъ, какъ первичнымъ процессомъ, въ образованіи корней словъ, дѣйствовали, вѣроятно, и другіе процессы мысли, которые заставляли первобытнаго человѣка произносить тѣ или другіе звуковые комплексы для обозначенія окружающихъ его предметовъ и явленій. Наука доискалась лишь одного, а именно — что каждый корень первоначально выражалъ *качество* или *дѣйствіе*, т.-е. признаки, значитъ, общіе многимъ предметамъ.

Объемъ словаря въ первобытномъ языкѣ.

Если звукоподражаніе, а затѣмъ — сравненіе и аналогія были главными процессами при образованіи словъ въ языкѣ, то отсюда понятно предположеніе, что первобытный языкъ долженъ былъ отличаться большимъ богатствомъ словаря, въ названіяхъ, конечно, вещественныхъ понятій. Предметы и явленія физическаго міра производятъ на насъ разныя впечатлѣнія: одному человѣку бросается въ глаза одна черта въ предметѣ, другому—другая и т. д. И чѣмъ наши чувства (зрѣніе, слухъ, осязаніе и т. д.) острѣе, лучше, тѣмъ больше, конечно, мы замѣтимъ въ предметѣ и разныхъ его индивидуальныхъ особенностей. Эта острота нашихъ чувствъ, какъ извѣстно, стоитъ въ прямой зависимости отъ нашей близости къ природѣ. Мы, люди культурные, жители городовъ, удалились отъ природы, рѣзко отдѣляемъ себя отъ нея, и нашъ умъ привыкъ витать только въ сферахъ отвлеченій и понятій; а потому предметы и явленія видимаго міра намъ представляются вообще однообразными, и такое однообразіе цѣликомъ зависитъ съ одной стороны—отъ тупости нашихъ внѣшнихъ чувствъ, съ другой — отъ стремленій нашей мысли сводить все существующее въ возможно меньшее число категорій. Иное впечатлѣніе производила природа на первобытнаго человѣка. Онъ видѣлъ ее такой, какой она на самомъ дѣлѣ есть, т. е. без-

конечно разнообразной, умѣлъ схватывать въ предметахъ и явленіяхъ тысячи индивидуальныхъ признаковъ и замѣчалъ сходство и разницу тамъ, гдѣ мы того не видимъ. Эта тонкость чувствъ подмѣчать въ предметахъ ихъ мельчайшія особенности давала, конечно, творцамъ языка безчисленное множество основаній, поводовъ для номенклатуры, при чемъ выборъ основанія зависѣлъ отъ того, на чемъ прежде всего останавливалось вниманіе человѣка, при видѣ предмета. Достаточно было одного какого-либо признака, казавшагося почему-либо характернымъ наблюдательному уму, чтобы этотъ признакъ могъ послужить основаніемъ для образованія новаго слова. Солнце, напр., могло быть названо „свѣтомъ", „теплотою", „родителемъ", „предохранителемъ", „разрушителемъ", „небеснымъ глазомъ", „волкомъ", „львомъ", „отцомъ жизни" и т. п.—всѣ эти имена (болѣе 20) мы, дѣйствительно, и находимъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ индоевропейскихъ языковъ, — въ санскритѣ. Тамъ же, въ санскритскомъ языкѣ, встрѣчается 11 названій для свѣта, 15 для облака, 26—для змѣи, 35 — для огня и т. п. Вотъ также почему, напр., въ арабскомъ языкѣ существуетъ до 500 названій для льва, 200 названій для змѣи и цѣлыхъ 5744 названія для „корабля пустыни" – верблюда.

Если теперь, познакомившись съ языкомъ людей, живущихъ въ тѣсномъ единеніи съ природой, среди природы (охотниковъ, рыболововъ, звѣроловов, земледѣльцевъ и т. п.), мы порой изумляемся ихъ тонкой наблюдательности, богатству терминовъ ихъ занятій и промысловъ (такъ, языкъ пастуховъ, напр., очень богатъ выраженіями для обозначенія разныхъ перемѣнъ въ жизни скота: рожденіе, убиваніе, умираніе и т. п. почти для каждаго животнаго называется особымъ терминомъ; то же слѣдуетъ сказать и про охотниковъ, которые походку, полетъ, отдѣльные члены тѣла той или другой дичи называютъ всегда по разному),—если насъ, жителей городовъ, удивляетъ эта тонкая наблюдательность нашихъ современниковъ, – то до такой степени должна была доходить эта наблюдательность у первобытнаго человѣка! Какъ безконечно

разнообразенъ для его чувствъ былъ тотъ или другой предметъ или явленіе внѣшняго міра!

И это разнообразіе представленій, образовъ, съ которыми носился первобытный человѣкъ, заставляло его творить все новыя и новыя слова, названія для одного и того же предмета. Свобода творчества въ эпоху созданія языка, конечно, очень слабо ограничивалась: союзовъ родовыхъ, общественныхъ, налагающихъ въ этомъ случаѣ узду на творчество, въ ту отдаленную эпоху еще не было. Они явятся уже впослѣдствіи, и тогда, какъ увидимъ ниже, настанетъ *второй* періодъ въ исторіи языка.

Такимъ образомъ, на зарѣ своей жизни человѣческая рѣчь должна была отличаться необыкновеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ *синонимическихъ* словъ, о числѣ которыхъ мы можемъ имѣть только самое слабое понятіе по аналогіямъ, взятымъ изъ наблюденій надъ языками современныхъ дикарей, да отчасти—по древнѣйшему словарному матеріалу языковъ культурныхъ народовъ. О томъ же первобытномъ богатствѣ синонимовъ, съ другой стороны, свидѣтельствуютъ и областныя нарѣчія, въ которыхъ и до сихъ поръ сохранилось не мало словъ, не вошедшихъ въ литературный языкъ, – это произведеніе условія, договора опредѣленныхъ общественныхъ группъ. Такъ называемые *провинціализмы* въ сущности тѣ же архаизмы, сохранившіеся только въ употребленіи извѣстной мѣстности. Чуждые литературному языку, они въ то же время очень часто могутъ объяснить первоначальное значеніе тѣхъ словъ, которыя употребляются въ литературной рѣчи [1]).

---

[1]) Возьмемъ, напр., слово *сутки* (день и ночь). Слово *сутки* состоитъ изъ предлога *су (съ)+тъкнуть, тыкать*. Значитъ, *сутки* есть нѣчто соединенное вещественно. И вотъ, во Владимірской и Олонецкой губерніяхъ слово *суточь* или *сутычь* означаетъ соприкосновенность двухъ предметовъ, напр., доски лежатъ *суточь*. Въ губерніяхъ Вологодской и Вятской *сутки* значитъ „передній уголъ", а въ Вятской *сутучекъ*—„простѣнокъ между двумя окнами". Въ Новгородской *сутки*—„сѣни", въ малорусскомъ нарѣчіи—„проходъ". Въ Костромской *сутычки* значитъ „мѣсто въ избѣ, гдѣ у печи сомкнуты два столба", а въ Нижегородской

Обиліе формъ въ первобытномъ языкѣ.

Богатство фантазіи и ничѣмъ не стѣсняемая свобода творчества, отразившіяся въ словопроизводствѣ первобытнаго человѣка, въ равной мѣрѣ должны были влiять и на *формальную* сторону языка. Въ состояніи первобытной свободы каждый говорилъ по своему: подражая другимъ, человѣкъ въ то время не отказывался отъ права собственнаго почина и не заботился въ цѣломъ о соблюденіи какихъ-либо законовъ. Значитъ, богатство словарнаго матеріала въ первобытномъ языкѣ должно было сопровождаться такимъ же богатствомъ формъ языка. Эта мысль вытекаетъ прямо изъ всего того, что мы знаемъ въ настоящее время о древнихъ языкахъ, въ сравненіи ихъ съ позднѣйшими потомками. Извѣстно, что древніе языки, въ отличіе отъ новыхъ, поражаютъ богатствомъ своихъ этимологическихъ формъ. Такъ, напр., въ санскритскомъ языкѣ, который по крайней мѣрѣ за 300 лѣтъ до Р. Хр. пересталъ быть живымъ языкомъ и на который принято вообще смотрѣть, какъ на древнѣйшаго представителя индоевропейскихъ языковъ, мы найдемъ 8 падежей, 6 наклоненій и множество флексій вообще. Сравните еще латинскій языкъ съ современными романскими нарѣчіями (италіанскимъ, французскимъ, испанскимъ, португальскимъ и т. д.), и вы сразу увидите всю бѣдность этимологическихъ формъ въ романскихъ языкахъ, въ сравненіи съ латинскимъ яз. То же самое мы увидимъ, когда сравнимъ, напр., старо-славянскій языкъ съ однимъ изъ новѣйшихъ славянскихъ нарѣчій или древнерусскій съ современнымъ русскимъ литературнымъ языкомъ. Прежде, напр., въ русскомъ языкѣ были и звательный падежъ, и аористъ, и имперфектъ и достигательное наклоненіе, а склоненіе именъ отличалось разнообразіемъ флексій.

сутки—„сумерки", т. е. время, когда сходится день съ ночью; отсюда уже *сутки* въ его литературномъ значеніи, т. е. день и ночь вмѣстѣ. Слово *безалаберный* намъ не будетъ понятно, если мы не знаемъ областнаго слова (Тверск. губ.) *алаборъ*, что значитъ порядокъ и т. д. Такихъ словъ, первоначальное значеніе которыхъ открывается изъ провинціализмовъ, въ литер. языкѣ найдется не мало.

Теперь этихъ формъ мы уже не найдемъ, склоненія же именъ, какъ увидимъ ниже, сдѣлались очень однообразными по своимъ флексіямъ. Словомъ, общее явленіе, какое мы наблюдаемъ въ исторіи одного языка или цѣлой семьи родственныхъ языковъ, такое: утрата прежняго богатства формъ и стремленіе къ все большему и большему однообразію въ формахъ. Возьмемъ въ примѣръ русскій языкъ. Въ старину, и не такъ еще давно, имена сущ. *сынъ, рабъ, кость, жена* и имъ подобныя имѣли, каждое изъ нихъ, свое склоненіе, причемъ въ дат., твор. и предложномъ падежахъ множественнаго числа оканчивались такъ:

Дат. п. сынъмъ—рабомъ—костьмъ—женамъ—землямъ
Тв. п. сынъми—рабы —костьми—женами—землями
Пред. п. о сынъхъ—рабѣхъ—костьхъ—женахъ—земляхъ.

Теперь слова *сынъ, рабъ* и *кость* и имъ подобныя въ этихъ падежахъ, мы знаемъ, склоняются по образцу словъ *жена* или *земля,* а свои окончанiи утратили.

И такихъ фактовъ, какъ въ русскомъ, такъ и въ другихъ языкахъ, мы найдемъ множество. Далѣе. Въ грамматикахъ тѣхъ или другихъ литературныхъ языковъ мы, какъ извѣстно, всегда находимъ *разныя исключенія* изъ общихъ правилъ. Какъ смотрѣть на эти исключенія? А это — не болѣе, какъ остатки прежняго богатства и разнообразія формъ. Если же мы возьмемъ языки народовъ некультурныхъ, дикарей, то въ ихъ грамматикахъ, говорятъ, мы не найдемъ даже правилъ: тамъ все кажется исключеніемъ.

Самостоятельное значеніе формъ. Въ первобытное время какъ слова, такъ и выраженіе отношеній между ними, т.-е. *формы,* имѣли значеніе сами по себѣ, какъ произведеніе творческаго генія. Формальныя части словъ (скажемъ—суффиксы, префиксы, флексіи и т. п.) тогда не были тѣмъ, чѣмъ онѣ теперь являются, т.-е. простыми звуковыми комплексами, лишенными всякаго реальнаго значенія. Нѣтъ, онѣ входили, такъ сказать, въ самое значеніе слова, служили для него способами изображенія. Облеченный въ форму корень получалъ какъ бы живой образъ, снабжался чертами реальными (напр., рода, числа) и

обрисовывался съ разныхъ сторонъ. Затѣмъ то же понятіе, выражаемое корнемъ, ставилось въ извѣстныя отношенія къ другимъ понятіямъ или представленіямъ, что выражалось падежными флексіями, личными окончаніями глаголовъ и т. п. Отсюда, какъ отдѣльное слово, такъ и словосочетаніе носило характеръ нѣкоторой звуковой картины.

Когда мы теперь говоримъ: „вѣтеръ воетъ“, „ночь настала“, „море шумитъ“ и т. п., то для насъ — это только рядъ извѣстныхъ сужденій, всѣ формальныя части которыхъ вполнѣ безразличны, т.-е., для насъ, напр., все равно, что *вѣтеръ* муж. рода, а *ночь* = женскаго, что въ словѣ вѣтеръ суф. „*тер*“, что въ *воетъ* и *шумитъ* окончаніемъ 3-яго лица ед. ч. является „*тъ*“ и т. п. Словомъ, всѣ формальныя отличія — обозначенія рода, числа, падежа, склоненія, времени, лица, наклоненія и т. п.—все это для насъ только звуковые комплексы, указывающіе на извѣстныя грамматическія категоріи, т.-е. нѣчто вполнѣ отвлеченное, служебное, хотя и необходимое. Но было время, когда всѣ эти категоріи, въ ихъ, конечно, первобытной звуковой формѣ, имѣли сами по себѣ *реальное* значеніе, мыслились, входили въ сознаніе человѣка, придавали значенію корней извѣстныя оттѣнки. Поэтому, и предложенія, въ родѣ—„вѣтеръ воетъ, ночь настала“ и т. п., въ то время были художественнѣе и богаче живыми красками, чѣмъ нынѣ. Они являлись какъ бы звуковыми картинами, въ которыхъ разныя формальныя части словъ служили своего рода красками на общемъ фонѣ. Такъ какъ каждый рисовалъ эти картины на свой манеръ, мало не стѣсняясь, то отсюда становится понятнымъ предположеніе, что въ эпоху творчества языка формальныя части словъ должны были отличаться *большимъ разнообразіемъ*, что, дѣйствительно, и подтверждается аналогіями.

Такимъ образомъ, въ первобытную эпоху, когда мысль человѣка, по выраженію одного ученаго, была „подобна сновидѣнію, въ которомъ частное сливалось въ общемъ смутномъ единствѣ“, рѣчь человѣческая по содержанію представляла величайшій синтезъ образовъ и представленій, смѣшеніе эти-

мологическихъ формъ съ синтаксическими[1]), а по грамматическому строю была вообще *агглютинативная*, т. е. формы словъ составлялись путемъ сложенія, соединенія корней, изъ коихъ каждый имѣлъ свое реальное значеніе. Что флексивные языки (индоевропейскіе), на изученіи которыхъ создается главнымъ образомъ картина прошлаго человѣческаго языка вообще, нѣкогда переживали до-флексивный періодъ, когда флексія представляла самостоятельную часть рѣчи (гл. о. корни глагольные и мѣстоименные) и въ видѣ таковой присоединялась къ основному корню для образованія формы слова, съ этимъ въ настоящее время согласны и такіе трезвые языковѣды, какъ знаменитый Дельбрюкъ въ его „Введеніи въ изученіи языка" (переводъ Булича, Спб. 1904 г.).

Разложеніе мысли и ея звукового воплощенія, т. е. фактовъ языка, на ихъ составные элементы совершилось тогда, когда человѣкъ къ окружающему міру сталъ относиться аналитически и явилась потребность въ скоромъ и отчетливомъ пониманіи. Тогда, подъ вліяніемъ этого анализа, первобытное слово-предложеніе должно было расчлениться на его составныя части, и въ языкѣ вслѣдствіе этого обнаружилось необычайное богатство формъ, въ видѣ флексій и другихъ грамматическихъ категорій.

Періодъ выбора словъ и формъ. Съ этого момента языкъ уже вступаетъ во *второй періодъ* своего развитія, который можно назвать періодомъ выбора словъ, формъ, періодомъ установленія общихъ языковъ. Этотъ періодъ въ жизни языка, надо думать, совпадаетъ съ періодомъ образованія человѣческихъ союзовъ—рода, племени и т. п. Если въ эпоху творчества языка человѣческая рѣчь стремилась къ разнообразію, то, съ воз-

---

[1]) Нѣкоторую аналогію къ этому даетъ древне-еврейскій языкъ, который представляетъ вообще древнѣйшее состояніе человѣческаго языка. По словамъ Ренана, древній еврей *однимъ* словомъ выражалъ не только подлежащее, но и возвратный глаголъ, союзъ и членъ. По отзыву другого знатока еврейскаго языка Гердера (Духъ поэзіи евреевъ), „евреи, подобно дѣтямъ, хотятъ все высказать вдругъ: гдѣ для насъ нужно пять-шесть словъ, тамъ для нихъ достаточно одного".

никновеніемъ союзовъ, она должна была встрѣтить естественную задержку именно въ этихъ союзахъ. Языкъ отца, сдѣлавшись языкомъ семьи, становился, съ теченіемъ времени, языкомъ рода, племени. Когда семья разросталась въ племя, то стремленіе языка къ дифференціаціи, возможное еще въ отдѣльныхъ семьяхъ, неминуемо должно было подавляться на общественныхъ сходахъ, гдѣ участвовали всѣ члены племени, гдѣ всѣ должны были понимать другъ друга.

Такъ мало-по-малу вырабатывался *общій* разговорный языкъ. Это еще не тотъ общій—литературный языкъ, какой мы обыкновенно понимаемъ подъ этимъ словомъ. Это — только общій языкъ племени, народа, у котораго нѣтъ еще письменности и который допускалъ существованіе діалектовъ не только у домашнихъ очаговъ, но и въ цѣломъ родѣ. До появленія письменныхъ, литературныхъ языковъ пройдутъ еще вѣка, пока родъ не разовьется въ общину, община—въ племя, въ народъ, пока народы, обособившіеся этнографически, культурно, не выработаютъ одного общаго разговорнаго языка.

Такимъ образомъ, съ исторической точки зрѣнія на всѣ отдѣльные человѣческіе языки, точнѣе на группы этихъ языковъ (индо-европейская, семитская, урало-алтайская, хамитская и т. д.) слѣдуетъ смотрѣть, какъ на представителей потомковъ тѣхъ безчисленныхъ нарѣчій, на которыя распадался человѣческій языкъ въ первобытную эпоху.

Свести это великое разнообразіе въ одно цѣлое наукѣ, сравнительному языковѣдѣнію, удалось пока вполнѣ только относительно одной семьи народовъ — индоевропейской. Въ средѣ этой семьи и легче всего производить наблюденія надъ жизнью и ростомъ языка. Она болѣе другихъ доступна нашему наблюденію и сохранила наиболѣе древніе памятники письменности, восходящіе по времени происхожденія за тысячелѣтія до Р. Х. (Веды, Авеста). Эта семья до распаденія, по даннымъ языка, уже достигла высокаго культурнаго развитія, и языкъ ея уже вышелъ изъ агглютинативнаго строя.

Періодъ превращеній. Возсоздавая этотъ языкъ, наука въ то же время находитъ, что онъ вступилъ уже *въ третій періодъ* развитія языка вообще — періодъ превращеній. Въ словахъ и формахъ это явленіе обнаружилось прежде всего въ забвеніи ихъ реальнаго значенія, вещественнаго образа, который въ первобытную эпоху всегда сопутствовалъ человѣческому слову. Вотъ, между прочимъ, почему современный лингвистъ часто не можетъ доискаться реальнаго значенія корней многихъ словъ: они уже въ индоевропейскую эпоху утратили это значеніе и стали выражать отвлеченныя понятія. Еще больше это забвеніе коснулось тѣхъ частей слова, которыя являлись факторами словоотношеній и словопроизводства — флексій и суффиксовъ. Эти факторы уже сдѣлались чисто формальными звуковыми комплексами. Подобное забвеніе обусловливалось отчасти очень давнимъ употребленіемъ, при которомъ говорящій привыкъ обращать вниманіе лишь на общій смыслъ слова, частью искаженіемъ первоначальнаго звукового состава, какъ словъ вообще, такъ и ихъ служебныхъ элементовъ въ частности. Если все это обнаружилось уже въ индо-европейскомъ языкѣ, то въ дальнѣйшей исторіи этого языка, послѣ его распаденія, можно было ожидать, конечно, еще большихъ перемѣнъ въ томъ же направленіи. Эти ожиданія, дѣйствительно, и оправдываются всякій разъ, когда мы сравнимъ грамматическій строй языка въ позднѣйшую эпоху съ тѣмъ же строемъ того же языка въ эпоху болѣе древнюю. Все сводится къ сокращенію этимологическихъ (синтезъ) формъ и возможно большему ихъ однообразію. Взамѣнъ этого получаютъ преобладаніе формы синтаксическія (анализъ), описательныя, такъ какъ съ помощью только этихъ формъ достигается наиболѣе отчетливое и ясное выраженіе мысли, со всѣми ея оттѣнками.

Отъ представленій и образовъ къ понятіямъ, отъ синтеза рѣчи къ анализу, отъ смѣшенія этимологіи и синтаксиса къ ихъ рѣзкому расчлененію, отъ неустойчивости и великаго разнообразія въ формахъ къ ихъ единству и однообразію, отъ преобладанія, наконецъ, этимологическихъ формъ къ господству синтакси-

ческихъ—вотъ тѣ основныя вѣхи и главные пути, мимо которыхъ и по которымъ прошелъ, а отчасти и теперь проходитъ въ своемъ историческомъ развитіи языкъ вообще и флексивный—въ частности, на основаніи наблюденій надъ жизнью его въ разное время и тѣхъ аналогій, какія даетъ намъ эволюція человѣческой мысли [1]).

Опредѣленіе родства между языками.

Независимость между родствомъ расовымъ и языч-нымъ.

Человѣчество дѣлится на племена и расы, въ зависимости отъ сходства или различія въ физическомъ строеніи. Но это дѣленіе не обусловливаетъ родства между языками, хотя связь расы вообще съ общимъ характеромъ языка, на которомъ она говоритъ, явленіе доказанное, именно – въ фонетикѣ (Тэйлоръ). Кавказскія племена, по своимъ физическимъ признакамъ, относятся къ одной расѣ съ греками, латинянами, германцами и славянами, но языки, на которыхъ говорятъ горцы Кавказа, не находятся въ родствѣ съ языками индо-европейскими. Мало того: въ настоящее время даже не выяснено родство между отдѣльными кавказскими языками и ихъ группами, напр. чеченскаго, черкесскаго и лезгинскаго; или этого родства совсѣмъ нельзя установить, напр. вышеупомянутыхъ сѣверныхъ кавказскихъ языковъ съ южными (грузинскій, мингрельскій, сванетскій). Или: китайцы и японцы принадлежатъ къ одной

---

[1]) *Wilh. Humbold*... Einleitung über die Verschiedenheit der menschlichen Sprachbaues, und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung der Menschengeschlechts. 3 тома Berlin 1836 — 1839 гг. (Русскій переводъ введенія сдѣланъ ак. П. Билярскимъ—„О различіи организмовъ человѣческаго языка и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода". Спб. 1859 и въ Ж. М. Н. Пр. за 1858—1859 гг.). *А. Ф. Поттъ.* Введеніе въ общее языкознаніе. Переводъ съ нѣм. Спб. 1885. *И. Срезневскій.* Мысли объ исторіи русскаго языка. Спб. 1887. *А. Потебня.* Мысль и языкъ. 2 изд. Харьковъ 1892. *В. А. Богородицкій.* Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Казань 1901. *Б. Дельбрюкъ.* Введеніе въ изученіе языка. Переводъ С. Булича. Спб. 1904 г. *А. И. Томсонъ* Общее языковѣдѣніе. Изд. 2-ое. Одесса 1910 г.

расѣ, а языки ихъ неродственны. То же слѣдуетъ сказать про языкъ *басковъ*, которые живутъ въ сѣверной Испаніи и принадлежатъ къ кавказской расѣ, а между тѣмъ говорятъ на языкѣ, совсѣмъ чуждомъ индо-европейскимъ языкамъ.

Сходство въ язычномъ отношеніи образуется независимо отъ родства племенъ.

Съ другой стороны, и родство языковъ вовсе не обусловливаетъ родства племенъ, говорящихъ на этихъ языкахъ. Есть народы неродственные, а между тѣмъ они говорятъ на родственныхъ языкахъ. Такъ, напр., языки финскіе и монгольскіе принадлежатъ къ одному семейству урало-алтайскихъ языковъ (склеивающихъ), а между тѣмъ между финнами и монголами есть большое различіе въ физическомъ отношеніи. Поэтому и родствомъ языковъ вовсе не опредѣляется родство племенное.

Причины этой независимости. Несовпаденіе племенного родства съ язычнымъ можетъ объясняться, между прочимъ, политическими, бытовыми и вообще культурными вліяніями одного народа на другой. Изъ двухъ народовъ, близко родственныхъ по происхожденію и говорившихъ на родственныхъ же языкахъ, одинъ можетъ сохранить свой древній языкъ, на которомъ говорили его предки, а другой можетъ политически подчиниться чужому въ племенномъ отношеніи народу и вмѣстѣ съ его культурой перенять и усвоитъ также и могучій проводникъ ея, т. е. чужой языкъ. И вотъ, пройдутъ вѣка, и два родственныхъ народа заговорятъ на неродственныхъ и вообще разныхъ, по происхожденію, языкахъ; такъ, бретонцы—тѣ же французы, а между тѣмъ они говорятъ на своемъ древнемъ кельтскомъ языкѣ, тогда какъ французы – на романскомъ, образовавшемся отъ смѣшенія латинскаго языка, переданнаго имъ завоевателями Галліи римлянами, съ древними гальскими нарѣчіями и стоящаго въ болѣе отдаленномъ родствѣ съ кельтскимъ, чѣмъ съ другими романскими языками (италіанскимъ, испанскимъ, португальскимъ и др.). А сколько родственныхъ и неродственныхъ языковъ вообще исчезло и уступило мѣсто въ средней и южной Евро-

пѣ и передней Азіи, сѣверной Африкѣ языкамъ латинскому, греческому и арабскому, подъ вліяніемъ культуръ завоевателей. Племена Весь, Меря и Мурома, жившія въ бассейнѣ средней Волги и Оки, были, несомнѣнно, финскія, а между тѣмъ уже къ началу русской исторіи они совсѣмъ обрусѣли по языку. Завоеванное племя или совершенно растворяется въ массѣ завоевателей, или, сохраняясь, перенимаетъ отъ завоевателей только языкъ и культуру, или же, наконецъ, подчиняетъ завоевателей своей культурѣ и языку, что случилось, напр., съ азіатскимъ народцемъ — болгарами, завоевавшими придунайскихъ славянъ, которые однако ассимилировали пришельцевъ, заимствовавъ отъ нихъ только названіе—*болгары*. То же случилось и, наоборотъ, со славянскими племенами, поселившимися по побережью Балтійскаго моря, въ нынѣшней сѣверной Германіи, сѣверной Италіи и въ южныхъ частяхъ Балканскаго полуострова. Въ жилахъ прямыхъ потомковъ основного населенія этихъ областей, осѣвшаго тутъ въ началѣ среднихъ вѣковъ цѣлыми массами, течетъ, несомнѣнно, славянская кровь, а между тѣмъ по языку эти давніе колонисты теперь—нѣмцы, италіанцы и греки.

Средства опредѣленія родства языковъ.

Значитъ, родство между языками должно быть выяснено на основаніи самихъ языковъ, путемъ сравненія ихъ другъ съ другомъ. Въ каждомъ языкѣ существуетъ грамматика и словарь. Для опредѣленія родства сравнивается и то и другое.

Грамматика, въ частности—этимологія, въ этомъ случаѣ занимаетъ первое мѣсто. Это понятно. Сходство отдѣльныхъ словъ въ двухъ сравниваемыхъ языкахъ очень часто является случайнымъ: одинъ языкъ могъ заимствовать изъ другого, или оба сравниваемые языка—у третьяго языка. Съ другой стороны, сравнивать словари двухъ языковъ въ цѣлой группѣ коренныхъ словъ — дѣло очень трудное, да и не всегда полезное: часто языки, родственные по происхожденію, имѣютъ слова неродственныя, — заимствованныя у неродственныхъ же языковъ. Какъ въ первомъ случаѣ сходство, такъ

во второмъ разница въ словахъ малоубѣдительны въ дѣлѣ опредѣленія генеологическихъ связей между языками.

Совсѣмъ иное будетъ дѣло, когда мы начнемъ сравнивать два языка въ этимологическомъ отношеніи. Этимологическія формы (суффиксы, флексіи склоненій и спряженій) составляютъ основу языка, его, такъ сказать, скелетъ, постоянно ему присущій и незаимствованный. Грамматическіе элементы, суффиксы, флексіи, составляютъ общія части словъ, повторяющіяся въ цѣломъ ихъ рядѣ, при различныхъ измѣненіяхъ. Поэтому, если мы обратимъ вниманіе на грамматическія части словъ и увидимъ, что, при всемъ различіи ихъ въ фонетическомъ отношеніи въ двухъ языкахъ, онѣ все-таки родственны, указываютъ на одно *общее происхожденіе*, то этимъ самымъ мы докажемъ и родство языковъ, воспользовавшись даже небольшимъ количествомъ фактовъ. Если грамматическіе элементы въ двухъ языкахъ одинаковы, то и замѣченное нами сходство въ словахъ представится теперь уже совсѣмъ въ иномъ видѣ. Сравненіе этимологіи двухъ языковъ даетъ языковѣду возможность выработать и *установить* общія звуковыя измѣненія въ сравниваемыхъ языкахъ.

Но этимологія, какъ основа для опредѣленія родства языковъ, не вездѣ можетъ быть примѣнима. Есть языки, въ которыхъ нѣтъ того, что мы называемъ грамматическими элементами. Таковы, напр., односложные языки: китайскій, аннамскій и др. Опредѣленіе родства между этими языками, пока въ наукѣ, мало, впрочемъ, еще изслѣдованными, можетъ быть выяснено лишь послѣ сравненія достаточнаго количества словъ, приведенныхъ къ древнѣйшему виду въ звуковомъ отношеніи. То же слѣдуетъ сказать и про языки острововъ Полинезіи. „Если мы станемъ сравнивать между собою вѣтви Полинезійскихъ говоровъ“ говоритъ Максъ Миллеръ, „то найдемъ очень мало сходства въ томъ, что можетъ быть названо ихъ грамматикой; мало того — найдемъ множество словъ, повидимому, совершенно различныхъ. Но стоитъ сравнить, напр., ихъ числительныя, то сейчасъ увидимъ ихъ об-

щее достояніе: числ. одинъ на островѣ Самоа *tasi*, въ Новой Зеландіи — *taha*, на о. Таити и Гавайя—*tahi* и т. д.". Эти числительныя могутъ служить исходнымъ пунктомъ сравненія: изучая ихъ, мы придемъ къ „звуковымъ законамъ, которые, въ свою очередь, устранятъ кажущееся несходство въ другихъ словахъ, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго между собою". Такимъ образомъ, критерій для образованія родства между тѣми или другими языками можетъ быть разный.

Важность примѣненія грамматическаго принципа, при опредѣленіи родства языковъ, сознавалась учеными еще въ XVII в.[1]). Но строгій и вполнѣ научный характеръ этого примѣненія обнаружился лишь въ первой половинѣ XIX-го вѣка, когда Европа впервые основательно познакомилась съ двумя очень древними языками — *древне-индійскимъ* и *древне-иранскимъ*. Такъ какъ эти языки играютъ въ исторіи языковѣдѣнія очень важную роль, то намъ необходимо хоть въ самыхъ общихъ чертахъ кое-что знать о нихъ.

Древне-индійскій языкъ. Этотъ языкъ дошелъ до насъ въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ: *ведійскомъ* и *санскритскомъ*. Ведійское нарѣчіе, давно уже мертвое, т. е. не употребляющееся въ живой разговорной рѣчи, сохранилось въ 4-хъ сборникахъ священныхъ книгъ индусскихъ браминовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *Веды* (отъ слова Vēdas, что значитъ „знаніе", сравн. слав. слово *вѣдѣти, вѣдать*). Самый древній изъ этихъ сборниковъ—*Rigvēdas* (Веда гимновъ), Ригведа, заключающій 1028 гимновъ, раздѣленныхъ на 10 книгъ; нѣкоторые изъ этихъ гимновъ были написаны около 2000 лѣтъ до Р. Х., другіе—новѣе. Такъ какъ языкъ Ведъ былъ традиціоннымъ жреческимъ языкомъ, то въ общемъ онъ

---

[1]) Такъ, ученый іезуитъ Гервасъ (1735—1809) въ своемъ сочиненіи Catalogo delle lingue conosciute ect., появившемся въ 1785 г., собралъ замѣчанія болѣе чѣмъ о 300 языкахъ и высказалъ мысль, что родство языковъ опредѣляется сходства ихъ грамматическаго строя, а не внѣшней тождественностью словъ.

представляетъ однородное цѣлое и сохраняетъ первоначальную чистоту.

Другое нарѣчіе древне-индійскаго языка, съ 3-го вѣка до Р. Х. тоже мертвое, это—*санскритское*, или просто *санскритъ*, отъ слова *sansktra*, что значитъ „искусственный, обработанный" языкъ. Какъ само названіе показываетъ, санскритъ - литературное нарѣчіе. На немъ написана вся огромная классическая литература индусовъ, между прочимъ ихъ знаменитыя поэмы *Магабгарата* (отрывокъ которой „Наль и Дамаянти" извѣстенъ и въ русскомъ переводѣ) и *Рамаяна*, затѣмъ сборникъ басенъ *Панчатантра* (Пятикнижіе), послужившій источникомъ для басенъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ, сборникъ законовъ *Ману*, написанный почти за 500 лѣтъ до Р. Х. и мн. др. Какъ литературный языкъ, санскритъ былъ въ живомъ употребленіи между индусами до 3 в. до Р. Х. и игралъ въ Индіи ту же роль, что въ Европѣ въ средніе вѣка латинскій языкъ, а у южныхъ славянъ и въ Россіи — церковно-славянскій; да и въ настоящее время имъ пользуются ученые индусы въ искусственномъ употребленіи.

Вполнѣ научное знакомство Европы съ древне-индійскими языками и индійской классической литературой началось лишь съ конца XVIII в., когда въ Калькуттѣ было основано англичанами (1784 г.) Азіатское общество для изслѣдованія языка и древностей индусовъ и стали появляться ученые труды членовъ этого Общества, напр. В. Джонса, Кэри, Форстера и др.

Древне-иранскій языкъ. Древне-иранскій языкъ дошелъ до насъ въ двухъ нарѣчіяхъ, во 1) въ языкѣ Авесты и 2) въ древне-персидскомъ.

Авеста—это сборникъ священныхъ гимновъ и текстовъ религіи Зороастра или Заратуштра, послѣдователи которой парсы (огнепоклонники) изъ своей родины около рѣкъ Сыръ- и Аму-Дарьи, избѣгая насилій магометанъ, еще въ X вѣкѣ удалились частью въ западную Индію, гдѣ основали богатыя колоніи, напр. въ Бомбеѣ, частью — на Кавказъ. Когда была

составлена Авеста, неизвѣстно; но про главныя части ея можно сказать, что онѣ сложены до V-го в. до Р. Хр. Будучи вообще памятникомъ древне-иранскаго языка, Авеста писана однако на двухъ нарѣчіяхъ этого языка, при чемъ то нарѣчіе, на которомъ написана меньшая часть Авесты (17 гимновъ, называемыхъ Гатами), можетъ считаться древнѣйшимъ (за 1000 лѣтъ до Р. Х.). Съ теченіемъ времени, когда языкъ Авесты устарѣлъ, сдѣлался маловразумительнымъ для парсовъ, ихъ священныя книги были переведены на болѣе новый иранскій языкъ, такъ называемый *pehlevi*, въ способѣ передачи котораго на письмѣ оказывается много примѣсей семитскихъ элементовъ. Вмѣстѣ съ этимъ древняя Авеста была переложена на нарѣчіе *parsi*, которое въ живомъ употребленіи было, вѣроятно, тѣмъ же, что *pehlevi*, но лишь безъ семитскихъ примѣсей въ письмѣ. Письмо Авесты *азбучное* и звуковое, т. е. буквами передаются отдѣльные звуки, а не слоги.

Другое нарѣчіе древне-иранскаго языка—древне-персидскій языкъ, сохранившійся въ клинообразныхъ надписяхъ царя Дарія Гистаспа и его преемниковъ. Онѣ относятся къ 520—350 г. до Р. Х. Древнѣйшая изъ этихъ надписей на камняхъ и скалахъ—надпись Бегистунская, найденная на скалѣ въ Бегистунѣ (въ Мидіи) и повѣствующая на трехъ языкахъ, древне-персидскомъ, мидійскомъ и ассирійскомъ, о дѣяніяхъ царя Дарія, сына Гистаспа, изображеніе котораго и помѣщается, между прочимъ, надъ этой надписью. Письмо этой надписи, какъ и другихъ, *слоговое*, т. е. сочетаніе клиньевъ выражаетъ не отдѣльный звукъ, а цѣлый слогъ. Съ языкомъ Авесты и древне-персидскимъ европейскіе ученые впервые познакомились, благодаря изслѣдованіямъ Евгенія Бюрнуффа, который разобралъ подлинный текстъ Авесты и положительнымъ образомъ доказалъ особенно близкое родство древне-индійскаго языка съ языкомъ Авесты. Съ открытіемъ клинообразныхъ надписей персидскихъ царей Дарія и Ксеркса и дешифровкой ихъ въ началѣ XIX в. (ученый Гротефендъ), это родство

между обоими языками окончательно утвердилось въ европейской наукѣ.

Заслуги Франца Боппа и Якова Гримма.

Когда древнѣйшіе представители двухъ языч-ныхъ группъ, индійской и иранской, стали доступны европейскимъ ученымъ, явилась возможность привлечь къ сравненію съ этими языками и языки европейскіе, о родствѣ которыхъ между ними и съ древне-индійскимъ до сихъ поръ или совсѣмъ не думали, или только догадывались (Вилліамъ Джонсъ, Шлегель), или же высказывали странныя мнѣнія [1]). Эту задачу задумалъ и въ совершенствѣ выполнилъ *Францъ Боппъ*, который первый путемъ систематическаго сравненія языковъ санскритскаго съ языками персидскимъ, латинскимъ, греческимъ, готскимъ, литовскимъ, кельтскимъ и славянскимъ доказалъ грамматически ихъ родство и общее происхожденіе. Его „Сравнительная грамматика" этихъ языковъ, выходившая отдѣльными выпусками съ 1833 1857 г., въ которымъ авторъ все болѣе и болѣе расширялъ кругъ сравниваемыхъ языковъ, и вновь переработанная во 2-мъ изданіи (1857—1865 г.), составила, можно сказать, эпоху въ языковѣдѣніи: автору она доставила славу основателя науки сравнительнаго языковѣдѣнія, а ученый міръ убѣдила въ родствѣ изслѣдованныхъ языковъ.

Одновременно съ *сравнительнымъ* направленіемъ въ языковѣдѣніи возникаетъ *историческое*, творцомъ котораго слѣдуетъ считать Якова Гримма, изложившаго сущность этого послѣдняго направленія въ своей знаменитой исторической „Нѣмецкой грамматикѣ" (1819 г.).

Со времени этихъ языковѣдовъ оба направленія соединились въ одно и образовали такъ называемый *сравнительно-историческій* методъ — величайшее открытіе XIX вѣка.

---

[1]) Въ родѣ, напр., Дугальта Стюарта, который считалъ латинскій и греческій языки видоизмѣненіемъ еврейскаго, или Лейбница, который считалъ родство языка персидскаго съ нѣмецкимъ до того близкимъ, что на персидскомъ языкѣ можно, по его мнѣнію, писать стихи, понятные нѣмцу.

Этому методу въ настоящее время слѣдуютъ всѣ историческія науки и обязаны ему своимъ необыкновеннымъ развитіемъ и своими лучшими пріобрѣтеніями въ новѣйшее время.

Теоріи распаденія индоевропейскаго языка.

Открытіе Боппа, что всѣ индоевропейскіе языки (нѣмцы ихъ называютъ индо-германскими) родственны между собою, имѣетъ огромное значеніе въ исторіи языковѣдѣнія. Какъ ближайшее слѣдствіе этого открытія, въ наукѣ прежде всего были установлены такія основныя положенія:

1) нѣкогда существовалъ языкъ, *общій* всѣмъ индоевропейцамъ, потому что настоящее родство современныхъ индоевропейскихъ языковъ иначе быть объяснено не можетъ, и 2) существованіе этого *праязыка* само собой уже доказываетъ, что всѣ индоевропейцы составляли нѣкогда одинъ народъ, жившій до разселенія его по Азіи и Европѣ въ одномъ мѣстѣ.

Эти положенія явились какъ бы столпами, на которыхъ создалось все зданіе какъ сравнительно-исторической филологіи, такъ и лингвистической палеонтологіи, т.-е. первобытной исторіи народа по даннымъ языка. Въ наукѣ они вызвали необычайное оживленіе и цѣлый рядъ крупныхъ изслѣдованій. Одни ученые заинтересовались вопросомъ о томъ, гдѣ жилъ, какъ назывался этотъ предокъ почти всѣхъ европейскихъ и многихъ азіатскихъ народовъ; другіе рисовали картину культурнаго состоянія этого предка до раздѣленія; третьи занимались первобытной исторіей индо-европейскихъ народовъ послѣ ихъ выхода изъ общей семьи. Далѣе, писали о причинахъ распаденія индоевропейской семьи, порядкѣ, въ какомъ выходилъ изъ нея тотъ или другой народъ; о первыхъ мѣстахъ поселенія этого народа, степени его близости по отношенію къ предку и т. д. и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ разрѣшались также вопросы и чисто филологическаго характера.

Изъ всѣхъ выводовъ, добытыхъ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ для насъ особенно важно познакомиться съ тѣми, которые касаются взаимныхъ отношеній и группировки индо-европейскихъ языковъ. По вопросу о классификаціи индоевропейскихъ языковъ въ наукѣ существуютъ три теоріи— Августа Шлейхера, Іоганна Шмидта и А. Лескина.

Классификація Шлейхера.

Классификація Шлейхера это — теорія *родословнаго* дерева *(Stammbaum)*. Сущность выводовъ Шлейхера сводится къ слѣдующему. Всѣ индо-европейскіе языки восходятъ къ одному праязыку, на которомъ нѣкогда, въ незапамятныя времена, говорилъ одинъ народъ, называвшій себя *аріами* (санскр. *arya*, иран. *airya*, такъ звали себя инды и иранцы,—„человѣкъ“). Когда этотъ языкъ просуществовалъ цѣлый рядъ вѣковъ, а народъ, говорившій на немъ, размножился, онъ, языкъ, въ разныхъ частяхъ своей области принялъ разный характеръ, такъ что изъ него образовалось 2 языка (могли возникуть нѣсколько, но изъ нихъ уцѣлѣли и продолжали развиваться только два). Одинъ изъ этихъ языковъ Шлейхеръ называетъ аріо-греко-итало-кельтскимъ, а другой — германо-лито-славянскимъ, самыми этими названіями показывая, какія индо-европейскіе языки выйдутъ впослѣдствіи изъ этихъ двухъ прадѣдовъ-языковъ. Такое дѣленіе на два или нѣсколько діалектовъ еще въ эпоху совмѣстной жизни индо-европейской семьи вытекаетъ прямо изъ свойственнаго человѣческой рѣчи постояннаго стремленія къ перемѣнамъ, къ дифференціаціи, независимо отъ разселенія народа въ разныя стороны. Случившееся же вслѣдъ за этимъ распаденіе общей семьи и ея разселеніе только усилили разницу между этими двумя языками, аріо-греко-итало-кельтскимъ и германо-лито-славянскимъ. Оба первобытные діалекта коренного языка, въ свою очередь, распадаются на отдѣльныя нарѣчія, частью въ силу свойствъ языка постоянно измѣняться, частью отъ разныхъ внѣшнихъ условій—географическихъ, бытовыхъ, историческихъ и т. п.

Такъ какъ общей родиной индо-европейскаго языка, по наиболѣе распространенному тогда мнѣнію, считалась средняя Азія,

то степень относительной древности индо-европейскихъ народовъ и языковъ была опредѣлена Шлейхеромъ по слѣдующимъ двумъ основаніямъ, установившимся въ языковѣдѣніи уже со временъ Боппа и Гримма:

1) чѣмъ восточнѣе живетъ индо-европейскій народъ, тѣмъ больше стараго сохранилось въ его языкѣ; чѣмъ западнѣе— тѣмъ меньше стараго и тѣмъ больше новаго содержитъ его языкъ и

2) чѣмъ западнѣе страна языка или народа, тѣмъ раньше оторвался онъ отъ первобытнаго языка или народа.

Поэтому, первыми должны были оторваться отъ общей семьи германо-лито-славяне, вторыми — греко-итало-кельты, послѣдними — индо-иранцы. Такая гипотеза подтверждается, по словамъ Шлейхера, сравнительнымъ изученіемъ языковъ каждой изъ этихъ трехъ главныхъ язычныхъ группъ. Первое мѣсто по степени древности принадлежитъ индійской и иранской вѣтвямъ языковъ, которыя дольше другихъ были прикрѣплены къ своей родинѣ, за ними слѣдуютъ вѣтви греко-италійская и кельтская, наконецъ, меньше всего сохранилось древнихъ особенностей индо-европейскаго языка въ вѣтви германо-лито-славянской. Съ другой стороны, такое дѣленіе на группы (индо-иранская и др.) зависитъ отъ степени близости языковъ между собою; причемъ, напр., языки индійскіе и иранскіе восходятъ къ общему языку индо-иранскому, или языки литовскій и славянскій восходятъ къ одному общему языку лито-славянскому, который, въ свою очередь, ближе всего роднится съ обще-германскимъ языкомъ. Распаденіе индо-европейскаго языка на группы, связи этихъ группъ между собой и степень удаленія каждой группы отъ общаго корня Шлейхеръ изобразилъ въ видѣ родословнаго дерева *(Stammbaum)*: см. рис. 1 въ Приложеніи.

Теорія родословнаго дерева, развитая подробно Шлейхеромъ, надолго упрочилась въ наукѣ, хотя въ ней тотчасъ стали дѣлать разныя поправки. Такъ, одновременно съ Шлейхеромъ высказалъ свое мнѣніе Максъ Миллеръ. Онъ раздѣлилъ индоевропейскій языкъ на двѣ основныя группы: *сѣверную* или

сѣверо-западную, которая заключала въ себѣ только нынѣшніе европейскіе языки индо-европейскаго корня, и *южную*, куда должны входить, по его мнѣнію, индійскіе и иранскіе языки. Что касается родства по частнымъ группамъ, то на это Максъ Миллеръ смотрѣлъ недовѣрчиво, и близкое сходство между, напр., славянскими и германскими языками объяснялъ предположеніемъ, „что предки этихъ племенъ сохранили діалектическія особенности, существовавшія еще до раздѣленія арійскаго семейства и послѣ того“. Эта мысль М. Миллера, что индоевропейскій языкъ распался на 2 группы, обще-европейскую и обще-азіатскую, что существовалъ обще-европейскій языкъ была развита Лоттнеромъ и нашла себѣ защитника въ лицѣ *Фика*, составителя извѣстнаго сравнительнаго словаря индоевропейскихъ языковъ [1]).

Допуская существованіе 2-хъ главныхъ языковъ, обще-европейскаго и обще-азіатскаго, они отступили также и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ генеологической схемы Шлейхера; такъ, Лоттнеръ отрицалъ существованіе близкаго родства грековъ съ италійцами, помѣстивъ послѣднихъ въ одну группу съ кельтами, а Фикъ кельтовъ выдѣлилъ совсѣмъ въ особую группу (см. рис. 2).

Много споровъ вызвало „родословное дерево“ языковъ, когда зашла рѣчь о проведеніи границы между европейскими и азіатскими языками. Больше всего разногласія вызывали три языка индо-европейской семьи: лито-славянскій, кельтскій и греческій. Одни ученые (Боппъ, Поттъ и др.) относили лито-славянскій языкъ къ азіатской группѣ индо-европейскихъ языковъ, другіе, подобно Шлейхеру, лито-славянскій языкъ считали болѣе близкимъ къ германскимъ языкамъ. Что касается кельтскаго, то, по мнѣнію однихъ ученыхъ, его слѣдуетъ отнести къ сѣверной группѣ индо-европейскихъ языковъ (германо-лито-славянской), по словамъ другихъ—къ южной груп-

---

[1]) *A. Fieck.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Göttingen 1874.

нѣ (греко-италійской). Еще болѣе хлопотъ доставилъ греческій языкъ. Шлейхеръ и другіе считали всю южно-европейскую группу языковъ (греко-итало-кельтскую) болѣе родственной азіатской группѣ (индо-иранской), чѣмъ сѣверо-европейской, тогда какъ Паули, Шпигель и др. изъ всѣхъ южноевропейскихъ языковъ одинъ только греческій считали особенно близкимъ къ азіатскимъ языкамъ.

Въ двухъ только случаяхъ генеологическая классификація языковъ всѣхъ удовлетворила, а именно: всѣ согласились, что существуетъ *особенно близкое родство* у индійскаго съ иранскимъ и у литовскаго со славянскимъ,

Теорія „родословнаго дерева“, устанавливавшая доисторическія группы языковъ, мало однако выяснила родственныя отношенія этихъ группъ фактически, т. е. на основаніи данныхъ самихъ языковъ, и, поколебленная разными поправками, совсѣмъ зашаталась, когда явилась другая теорія распаденія индо-европейскаго языка. Эта теорія принадлежитъ германскому ученому Іоганну Шмидту и носитъ названіе теоріи „волнъ“ (Wellentheorie), или „волнообразной“ теоріи.

Теорія Шмидта. Въ книгѣ „Родственныя отношенія индо-германскихъ языковъ. Веймаръ[1]) 1872 г.“ І. Шмидтъ прежде всего отрицаетъ всякую возможность генеологической классификаціи языковъ и доказываетъ несостоятельность и произвольность сближеній какъ отдѣльныхъ языковъ между собою, такъ и цѣлыхъ язычныхъ группъ. Онъ полагаетъ, что никогда не было языковъ — прадѣдовъ, дѣдовъ, сыновей, внуковъ и что *всѣ* языки, выходя изъ одной общей основы, образовались однако вполнѣ индивидуально и независимо другъ отъ друга. Происхожденіе же всѣхъ особенностей и отличій того или другого языка можно обяснить себѣ слѣдующимъ образомъ.

Еще въ то время, когда индо-европейцы составляли одинъ народъ, жившій на одной географической площади, безъ всякихъ перерывовъ, т. е. не такъ именно, какъ это мы наблю-

---

[1]) *A. Schmidt.* Verwandschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar 1872.

даемъ теперь, въ разныхъ мѣстахъ этой площади уже въ древнѣйшее время возникаютъ начатки отдѣльныхъ нарѣчій, въ видѣ разныхъ звуковыхъ перемѣнъ въ общемъ языкѣ, новыхъ звуковъ и пр. Эти начатки изъ своего центра распространяются по сосѣднимъ мѣстностямъ, въ родѣ того, какъ расходятся, напр., волны отъ камня, брошеннаго въ воду. Какъ водяные круги, чѣмъ дальше уходятъ отъ центра, тѣмъ становятся слабѣе, такъ и вновь образовавшаяся особенность языка теряла свою яркую окраску, становилась блѣднѣе и блѣднѣе, по мѣра удаленія отъ центра своего возникновенія. Въ другомъ центрѣ можетъ явиться другая особенность, въ третьемъ—третья и и т. д., и всѣ онѣ такъ же разойдутся, скажемъ, по концентрическимъ кругамъ, становясь все слабѣе и слабѣе, по мѣрѣ удаленія отъ мѣстностей, гдѣ онѣ впервые явились. Расходившійся кругъ одной язычной черты легко могъ пересѣкаться съ такимъ же кругомъ другой, третьей и т. д., и площади разныхъ особенностей въ своихъ частяхъ легко могли сливаться; при этомъ чѣмъ ближе находились центры возникновенія той или другой язычной особенности, тѣмъ большую, конечно, площадь онѣ занимали другъ у друга.

Такъ, въ первоначальномъ индо-европейскомъ языкѣ возникли основныя *нарѣчія*, а между ними образовались *связи*, промежуточныя нарѣчія. Графически теорію Шмидта вообще можно изобразить приблизительно, какъ на рис. 3 (см. Приложеніе).

На общей площади мы видимъ тутъ діалекты A, B, C, D, E, F, G, H, и промежуточныя нарѣчія AB, AC, AE, CE, EF, ABE, ACE, ECF и т. д.

Чтобы сдѣлать свою теорію правдоподобной, Шмидтъ долженъ былъ прежде всего доказать, что между всѣми современными индо-европейскими языками существуютъ связи, которыя не позволяютъ выдѣлить тотъ или другой языкъ въ особую группу; что всѣ эти языки только звенья одной цѣпи. Такія связи, дѣйствительно, оказались на лицо: и въ словарѣ и въ грамматикѣ.

Изучивъ словари индо-европейскихъ языковъ, Шмидтъ

показалъ, что три семьи языковъ — германская, литовская и славянская, образующая сѣверную, или балтійскую группу индо-европейскихъ языковъ, связаны между собою 143 словами, изъ коихъ 59 общи всѣмъ 3-мъ семьямъ, 50 — общи германской и славянской, а 34 — германской и литовской. Далѣе, если сравнимъ балтійскую группу съ азіатской (семья индо-иранская), то съ послѣднею онѣ связаны 90 связями, изъ коихъ 61 связь соединяетъ азіатскую группу спеціально съ семьей лито-славянской, а 15 связей соединяетъ азіатскую съ германской. Двѣ семьи — италійская и греческая соединены между собою 132 связами, а съ индо-европейской семьей — 53 связами, при чемъ греческую семью съ индо-иранской соединяютъ 29 связей, италійскую — 20 связей, и только 4 связи общи всѣмъ тремъ семьямъ: индо-иранской, греческой и италійской.

Связи грамматическія.

Кромѣ этихъ словарныхъ связей, общихъ корней для выраженія понятій (въ названіяхъ, напр., нѣкоторыхъ металловъ, животныхъ, растеній и т. п.) [1], Шмидтъ указалъ и на *связи грамматическія,* въ звукахъ и формахъ того или другого индо-европейскаго языка. И эти послѣднія связи, несомнѣнно, важнѣе первыхъ. Къ числу такихъ звеньевъ, соединяющихъ тѣ или другіе языки, принадлежатъ слѣдующіе:

1) Индо-европейское *a* въ извѣстномъ положеніи сохранилось только въ индо-иранскомъ языкѣ, тогда какъ въ армянскомъ и во всѣхъ европейскихъ языкахъ перешло въ *e;* напр. санскр. *bharami* соотвѣтствуетъ иран. *barami,* греч. φέρω, лат. *fero,* ирланд. *berim,* герм. *beru,* армян. *berem,* слав. **берѫ** и т. п.

По этой чертѣ, мы видимъ, образуется группировка ин-

---

[1]) Вотъ нѣсколько словъ, общихъ германо-лито-славянскимъ языкамъ: volk (г.)=pulkas (л.), **влъкъ** (сл.); liut=laudis=**людъ**; gulth или gelb (г), **ꙁлато**; stuod (др. нѣм.)=stodas (л.)=**стадо**; roggen (др. нѣм.)=rugiei=**ръжь**; lax (г.)=laszisa=**лосось**; ealu (англо-сакс.)=alus (лит.)=**олъ** (напитокъ); sild (г.)=silde (л)=**сельдь**; asans (готское)=assanis (прусское)=**ѥсень**; iwa (др. нѣм.)=inwis (прусское)=**ива** и др.

до-европейскихъ языковъ на индо-иранскую и армяно-европейскую.

2) Индо-европейское *k* сохранилось безъ измѣненія только въ греческомъ, латинскомъ и германскомъ языкахъ и замѣнилось шипящими и свистящими звуками *(ç, s, sz)* въ индоиранскомъ, армянскомъ и лито-славянскомъ языкахъ; напр., числительное 100 у грековъ = ἑκατόν, латинянъ = *centum* (изъ *kentum)*, германцевъ *hundert* (кор. *kund)*, а въ санск. *çatam*, иран. *satem*, литов. *szimtas*, слав. **съто** и др.

По этой чертѣ, значитъ, образуются группы: индо-ирано-лито-славянская и греко-итало-германо-кельтская.

3) Индоевропейскій суффиксъ *bh* въ окончаніи *дат.* мн. числа сохранился въ индо-иранской вѣтви, въ латинскомъ и греческомъ языкахъ и перешелъ въ *m* въ германо-лито-славянской вѣтви; напр., санскрит *agnibhis* (огнямъ), греч. εἰνηφιν (ложамъ), латин. *hostibus* (врагамъ) съ одной стороны, и готское *vulfam*, слав. **влъкомъ** и лит. *vilkamus*—съ другой.

По этой чертѣ, значитъ, образуются 2 группы языковъ: индо-ирано-греко-латинская и германо-лито-славянская. Распредѣленіе этихъ трехъ грам. связей см. на рис. 4.

И такихъ чертъ, распредѣляющихъ индо-европейскіе языки на разныя, постоянно мѣняющіяся въ своемъ составѣ группы, въ современныхъ индо-европейскихъ языкахъ найдется не мало.

Поэтому всѣ индо-европейскіе языки, дѣйствительно, связаны между собою цѣпью непрерывныхъ сходствъ, и эти сходства у разныхъ языковъ разныя. Если бы, слѣдуя Шлейхеру, взять въ основаніе то или другое сходство, и по нему построить генеологическое дерево, то пришлось бы создать, пожалуй, столько такихъ деревьевъ, сколько мы нашли бы этихъ сходствъ, т. е. безчисленное множество. Очевидно, теорія родословнаго дерева къ распредѣленію языковъ по группамъ не примѣнима.

Значеніе теоріи „волнъ“. Важное преимущество теоріи Шмидта передъ генеологической теоріей распаденія индо-европейскихъ языковъ прежде всего заключается въ томъ, что

она, эта *теорія волнъ*, позволяетъ судить безпристрастно о всѣхъ язычныхъ данныхъ, такъ какъ не позволяетъ сводить въ одну группу языки только по однимъ чертамъ и пренебрегать другими, по которымъ тѣ же языки слѣдовало бы отнести къ другой группѣ. А увлеченія вѣдь въ этомъ случаѣ такъ возможны.

Еще важнѣе значеніе теоріи Шмидта въ другомъ отношеніи. Новѣйшія изслѣдованія нарѣчій того или другого языка показываютъ, что иной разъ нѣтъ возможности провести рѣзкую границу между діалектами. Если одна особенность вводитъ нарѣчіе въ одну группу, другая, напротивъ, изъ этой группы выводитъ и причисляетъ данное нарѣчіе къ иной группѣ. Такъ, напр., отличительной особенностью западно-славянскихъ языковъ (польскій, чешскій, словацкій и др.), сравнительно съ группой юго-восточной (русскій, болгарскій, сербохорватскій и словинскій), считались, да и теперь считаются, между прочимъ сочетанія *dl* и *tl*, которыя въ группѣ юго-восточной утратили эти *d* и *t*; напр., *sadło, mydło, plótł* и т. п. въ западной группѣ, *сало, мыло, плелъ* и др.—въ юго-восточной. Между тѣмъ это *dl* попадается и въ русскомъ языкѣ (*сѣдло, подлъ*) и въ словинскомъ (*kradl)*; а съ другой стороны, и въ западно-славянскихъ есть слова безъ *dl, tl,* напр., въ нижне-лужицкомъ: wiły при widły, *kříło křidło* и т. п.

Теорія генеологическаго дерева такихъ явленій объяснить не можетъ; по теоріи же Шмидта эти явленія вполнѣ понятны.

Судьба промежуточныхъ языковъ. По теоріи „волнъ" индо-европейскій языкъ еще на родинѣ распался на много разныхъ нарѣчій, причемъ между основными нарѣчіями были *промежуточныя*. Почему-же, спрашивается, теперь мы не видимъ этихъ промежуточныхъ языковъ между индо-европейскими языками, напр., между славянскимъ и литовскимъ, славянскимъ и германскимъ и т. п.? Куда они дѣвались, если, дѣйствительно, были? Шмидтъ объясняетъ исчезновеніе этихъ промежуточныхъ языковъ ихъ *вымираніемъ*. Положимъ, говоритъ онъ, нѣсколько нарѣчій A, B, C, D и т. д., сильно

другъ отъ друга отличающихся, связаны между собою посредствующими звеньями, т. е. средними нарѣчіями *a, b, c, d, e* и т. д. Въ примѣненіи къ индо-европейскимъ языкамъ послѣ разселенія индо-европейскихъ народовъ по Азіи и Европѣ графически это можно изобразить, какъ на рис. 5 (см. Приложеніе). Весьма легко могло случиться, что племена, говорившія на промежуточныхъ діалектахъ *a, b, c, d, e f* и *g*, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ,—политическихъ, религіозныхъ, вообще культурныхъ, подчиняются вліянію племенъ, говорившихъ на нарѣчіяхъ A, B, C, D и т. д. Это подчиненіе отразится и въ усвоеніи языка, что мы наблюдаемъ и въ жизни: литературные, напр., языки распространяются далеко за предѣлы ихъ родины[1]).

Подчинивъ себѣ нарѣчія *a, b, c, d, e, f* и *g* языки A (кельтскій), B (германскій), C (лито-славянскій), D (иранскій), E (индійскій), F (греческій) и G (италійскій) окажутся тогда въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Родственная связь между ними, значитъ, была порвана, и народы A, B, C, D и т. д. сдѣлались отдѣльными этнографическими единицами, давшими впослѣдствіи кельтовъ, германцевъ, литославянъ, иранцевъ, индійцевъ, грековъ и италійцевъ.

Такими промежуточными языками индо-европейской семьи, полагаютъ, были слѣдующіе языки: *скиоскій* и *сарматскій* между славянскимъ и индо-иранскимъ, *дакійскій* и *ѳракійскій* — между славянскимъ, литовскимъ на востокѣ, кельтскимъ на западѣ и греческимъ на югѣ; *иллирійскій*—между кельтскимъ и греческимъ, *фригійскій* — между греческимъ и армянскимъ и т. п.

Промежуточные діалекты. Мнѣніе І. Шмидта о существованіи промежуточныхъ нарѣчій въ индо-европейскомъ языкѣ на его родинѣ находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ томъ, что мы

[1]) Такъ, аттическій діалектъ греческаго языка сдѣлался литературнымъ языкомъ всѣхъ грековъ, языкъ древняго Лаціума (латинскій) сталъ литературнымъ языкомъ всѣхъ жителей Римской имперіи, языкъ Тосканы—литературнымъ языкомъ всей Италіи, нарѣчіе Ильдефранса, въ частности г. Парижа—литературнымъ языкомъ всей Франціи, московское нарѣчіе—литературнымъ языкомъ всей Россіи и т. д.

въ настоящее время видимъ въ области одного какого-нибудь индо-европейскаго языка. Наблюденія показываютъ, что между современными языками, принадлежащими къ одной семьѣ или въ области того или другого члена этой семьи, промежуточные, или *переливные* говоры, дѣйствительно, существуютъ. Такъ, напр., можно установить такіе промежуточные говоры между французскимъ и испанскимъ языкомъ съ одной стороны и французскимъ и италійскимъ — съ другой.

На сѣверѣ Франціи мы попадаемъ въ область діалектовъ *d'oïl* (валлонскій, пикардійскій, нормандскій, бургундскій и савоярскій), которые по направленію къ югу постепенно переходятъ въ діалекты *d'oc*[1]), каковы: лимузенскій, овернскій, гасконскій и провансальскій; послѣдніе, въ свою очередь, по направленію къ югу, переливаются уже въ діалекты каталонскій, кастильскій и андалузскій, т. е. въ нарѣчія испанскаго языка, Съ другой стороны, савоярскій діалектъ является переходнымъ къ пьемонтскому, а послѣдній — къ ломбардскому, венеціанскому и т. д., т. е. къ діалектамъ италіанскаго языка.

Такіе же переливы мы замѣчаемъ и въ области славянскихъ нарѣчій. Такъ, южно-великорусское нарѣчіе въ восточной части Смоленской губ. постепенно переходитъ въ бѣлорусское нарѣчіе, которое, въ свою очередь, переливается на югѣ въ малорусское нарѣчіе (по теченію р. Припети), а послѣднее на границѣ со словаками (въ Австріи) переходитъ мало по малу въ словацкое нарѣчіе, принадлежащее уже къ западной вѣтви славянскихъ языковъ.

Всѣ эти явленія, непонятныя по теоріи родословнаго дерева, вполнѣ объяснимы по теоріи „волнъ".

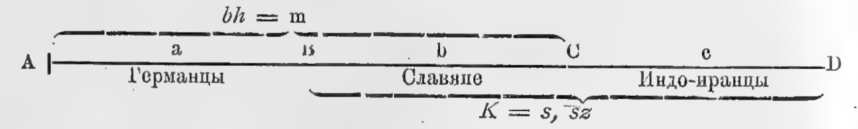
[1]) Эти названія *d'oïl* и *d'oc* заимствованы отъ формы утвердительнаго нарѣчія—*да*, которое въ сѣверной группѣ французскихъ нарѣчій произносится *oil* (oui) (изъ лат, hoc illud est), а въ южной—*oc* (изъ лат. hoc est).

Главныя положенія Шмидта. Хотя язычныя *связи* (въ звукахъ, формахъ и въ словарѣ), указанныя Шмидтомъ для разныхъ индо-европейскихъ языковъ, вызвали и вызываютъ большой споръ въ наукѣ, но въ основномъ его теорія все-таки не поколеблена. Его главныя положенія—1) „что никогда не существовало *одного* коренного европейскаго языка, отличнаго отъ арійскаго (индо-иранскаго)", 2) „что, когда развивались спеціально европейскія черты языковъ, самые эти языки (т. е. кельтскій, греческій, италійскій, германскій, литовскій и славянскій) уже не были во всемъ одинаковые" и въ 3) что, при нынѣшнемъ состояніи науки, вслѣдствіе этого, историку пока вообще не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на достовѣрность такихъ лингвистическихъ и этнографическихъ группъ, какъ греко-италійская, германо-славянская и т. п.—эти положенія были приняты въ наукѣ. Съ ними согласенъ и одинъ изъ наиболѣе трезвыхъ современныхъ филологовъ, Дюльбрюкъ, высказавшій объ этомъ свой взглядъ въ упомянутомъ выше сочиненіи—„Введеніе въ изученіе языка", переведенномъ проф. С. Буличемъ. Впрочемъ, группу индо-иранскую языковъ Дельбрюкъ признаетъ: она, по его мнѣнію, объединяется цѣлымъ рядомъ сходствъ. Въ послѣднее время однако, все болѣе и болѣе утверждается въ языковѣдѣніи предположеніе, что индо-европейскій языкъ въ извѣстныхъ отошеніяхъ распался на два нарѣчія: 1) *восточное*, изъ котораго образовались языки индійскій, иранскій, армянскій, литовскій, славянскій, албанскій и 2) *западное* — общій предокъ языковъ германскаго, италійскаго и греческаго.

Теорія Лескина. Но если послѣ Шмидта объяснять взаимныя отношенія индо-европейскихъ языковъ уже не приходится родословнымъ деревомъ, зато есть все-таки возможность соединить теорію генеологическаго дерева съ теоріей волнъ. И такое примиреніе обѣихъ теорій и будетъ, надо полагать, той срединой, гдѣ должна скрываться истина.

Это задумалъ и привелъ въ исполненіе *А. Лескинъ*, профессоръ Лейпцигскаго университета, извѣстный славистъ-филологъ. Въ предисловіи къ своей книги—„Склоненіе въ сла-

вяно-литовскомъ и германскомъ языкахъ. Лейпцигъ 1876" [1])— онъ разсуждалъ такимъ образомъ. По теоріи „волнъ" образованіе разныхъ діалектовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи произошли всѣ индоевропейскіе языки, случилось еще въ индоевропейскую эпоху, когда предки нынѣшнихъ индо-европейскихъ народовъ жили на одной непрерывной площади, причемъ эта площадь была сравнительно *небольшой*. Затѣмъ индо-европейскіе народы постепенно разсѣялись, такъ какъ иначе нельзя было-бы объяснить ихъ современнаго положенія въ Азіи и Европѣ; языки же ихъ продолжали дифференцироваться, частью по общимъ чертамъ (если они въ новыхъ мѣстахъ оказывались сосѣдями), частью по индивидуальнымъ особенностямъ. Если все это совершалось такъ именно, говоритъ Лескинъ, тогда возможно теорію „родословнаго дерева" примирить съ теоріей „волнъ". Представимъ себѣ, что предки нынѣшнихъ германцевъ (*a*), славянъ (*b*) и арійцевъ или индо-иранцевъ (*c*) занимали на общей ихъ родинѣ площадь ABCD.

Живя по сосѣдству другъ съ другомъ, народы *b* и *c* вырабатываютъ въ своемъ языкѣ одну общую особенность, напр. переходъ индо-европейскаго *k* въ *s*, *sz*, что замѣчается и на самомъ дѣлѣ (слав **сьто**, санср. *çatam*, но греч. ἑκατόν, герм. *kund: hunderi)*. Послѣ этого могло случиться, что народъ *c* переселится изъ общей родины куда-нибудь въ другое мѣсто. Оставшіеся же на прежнемъ мѣстѣ народы *a* и *b* продолжаютъ жить по сосѣдству другъ съ другомъ и совмѣстно вырабатываютъ въ своихъ языкахъ какую-нибудь другую фонетическую особенность, напр. начинаютъ произносить индо-европейское *bh*, какъ *m* въ суффиксѣ дат. п. мн. ч., что

[1]) *A. Leskien.* Die Declination in Slavisch-litauischen und Germanischen. Leipzig 1876.

мы знаемъ, есть и на самомъ дѣлѣ (слав. **влъкомъ**=лит. *vilkamus*=герм. *vulfam*, санскр. *agnibhis*=лат. *hostibus*).

При такомъ представленіи дѣла, языкъ $b + c$ по отношенію къ указанной чертѣ *(k=s, sz)* будетъ какъ бы предкомъ языковъ *b* и *c*, взятыхъ отдѣльно, равно какъ и языкъ $a + b$ — предкомъ для языковъ *a* и *b*, по фонетической чертѣ $bh = m$. Такимъ образомъ, можно, значитъ, говорить о языч-ныхъ группахъ германо-славянской и аріо-славянской, не отрицая въ то же время и теоріи Шмидта.

Если вполнѣ научная классификація индоевропейскихъ языковъ, по степени ихъ близости другъ къ другу, пока еще дѣло будущаго, то въ частности, по отношенію къ нѣкоторымъ языкамъ, послѣ сдѣланныхъ розысканій можно и теперь довольно точно опредѣлить ихъ взаимную близость. Къ числу такихъ счастливыхъ исключеній принадлежитъ именно языкъ славянскій.

Мѣсто славянскаго языка въ семьѣ индо-европейской по звуковымъ основаніямъ.

Какъ при Шлейхерѣ, такъ и послѣ Шмидта никто не сомнѣвался и не сомнѣвается въ томъ, что славянскій языкъ ближе всего стоитъ къ литовскому языку. Съ другой стороны, большинство ученыхъ, а съ ними и Шмидтъ, считаютъ безспорно доказаннымъ тотъ фактъ, что лито-славянскій языкъ, будучи въ однихъ особенностяхъ сходенъ только съ индо-азіатской группой, въ другихъ только съ европейской группой европейскихъ языковъ, занимаетъ какъ бы *срединное* положеніе между этими группами. Такое положеніе обусловливается слѣдующими звуковыми чертами:

1) Употребленіе *e* вм. индо-европейскаго *a* въ корняхъ, напр., **беръ**, лит. *beriu*, греч. φέρω, лат. *fero*, герм. *baira* (*bera* = несу) и кельт. *berim;* но санск. *bharami;* **везѫ**, лит. *vezu*, греч. ἔχω, лат. *veho*, герм. *viga* (i = e), но — санскр. *vahami* (везу).

2) Большое количество словъ съ звукомъ *l* въ корнѣ, какъ въ языкахъ европейскихъ, чему въ азіатской группѣ соотвѣтствуетъ звукъ *r*, напр. **слоути**, **слава**, греч. κλυτός, лат.

inclutus, герм. *(H)ludovig*, но—санскр. *çrutas* (славный), иран. *srutas* (то же).

3) Употребленіе свистящихъ или шипящихъ согласныхъ звуковъ вмѣсто задне-небнаго *к*, напр. съто и десать, лит. *szimtas* и *deszimtis*, санскр. *çatam* и *daçan* съ одной стороны и греч. ἑκατόν и δέκα, лат. *centum (kentum)* и *decem*, герм. *hund (kund)* и *tchun* - съ другой.

Двѣ первыя черты сближаютъ славянскій языкъ съ европейскими языками индо-европейской семьи, а третья —съ азіатскими.

Такимъ образомъ, славянскій языкъ является какъ-бы *промежуточнымъ звеномъ* между европейской и азіатской группами языковъ на сѣверѣ Европы, подобно тому, какъ на югѣ Европы такимъ же звеномъ является греческій языкъ. Этимъ и опредѣляется особенная важность изученія славянскихъ языковъ для сравнительнаго языковѣдѣнія.

СЛАВЯНЕ.

Древнѣйшія свѣдѣнія о нихъ. Мѣсто первоначальнаго поселенія въ Европѣ. Характеристика праславянскаго языка. Разселеніе славянъ.

Мѣста поселенія славянъ въ греко-римскую эпоху были такъ удалены отъ центровъ античной культуры, что греки и римляне съ большимъ трудомъ могли приходить съ ними въ соприкосновеніе; съ другой стороны, и сами славяне, какъ народъ большей частью земледѣльческій и мирный, долгое время не интересовались дѣлами сосѣднихъ странъ. Вотъ почему славяне появляются такъ поздно на сценѣ всемірной исторіи.

Самыя раннія извѣстія о славянахъ идутъ отъ Геродота

(жилъ въ 484—425 г. до Р. Хр.), который писалъ, что на сѣверѣ отъ скиѳовъ (народъ, вѣроятно, иранскаго происхожденія), занимавшихъ низовья Днѣстра, южнаго Буга, Днѣпра и Дона, жили племена *не скиѳскія*. Одно изъ этихъ племенъ у него названо Νεῦροι. Если это названіе передать славянскими звуками, то выйдетъ *Нуры*, имя племени, обитавшаго по з. Бугу, Нурцу и Нареву, въ землѣ, которая впослѣдствіи стала извѣстна въ польской исторіи подъ именемъ Нурской земли. Надо полагать, что Нуры или Невры были славяне, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ тутъ искони было славянское населеніе. Славянами же были и Будины, которыхъ Геродотъ называетъ голубоглазыми и помѣщаетъ въ сосѣдствѣ съ Нурами, при чемъ указываетъ, что страна Будиновъ простиралась „до лѣсистой области, богатой выдрами и бобрами". Эта область—по рѣкѣ Припети, притоку Днѣпра, гдѣ также всегда жили, мы знаемъ, славяне.

Болѣе точныя извѣстія о славянахъ появляются, однако, значительно позже, именно въ 1-омъ столѣтіи послѣ Р. Хр., когда римляне прочно основались въ Германіи и узнали черезъ германцевъ о существованіи славянъ. Первое указаніе на славянъ идетъ отъ Плинія Старшаго (умеръ въ 79 году послѣ Р. Хр.), который въ своей *Historia Naturalis* (IV. 14. 17,) передаетъ, однако то же по слухамъ, что по ту сторону (т.-е. по правую рѣки Вислы) живутъ разные народы, а въ числѣ ихъ *Veneti*. О тѣхъ же венетахъ нѣсколько позднѣе упоминаетъ въ своей *Germania* (cap. 46) и Тацитъ, который однако недоумѣваетъ, относить ли ихъ ему къ германцамъ или сарматамъ.

Со времени Тацита имя славянъ все чаще и чаще начинаетъ попадаться въ историческихъ и географическихъ трудахъ древняго міра (Клавдій, Птоломей, Іорнандъ VI в., Прокопій Кесарійскій VI в. и др.).

Самое слово венеты или венеды *(Veneti, Vinidae* и т. д.) показываетъ, что первоначальныя свѣдѣнія о славянахъ древніе историки и географы получили черезъ германцевъ, которые вендами *(Wineda)* называли своихъ восточныхъ сосѣ-

дей: вѣдь и теперь нѣмцы называютъ вендами славянское населеніе въ Лужицахъ (*Lausitz*), остатокъ нѣкогда обширнаго славянскаго племени, обитавшаго въ нынѣшней Пруссіи; вендами же называютъ нѣмцы и славянъ, живущихъ въ Хорутаніи, Крайнѣ и Истріи. Подъ именемъ вендовъ извѣстны были прибалтійскіе славяне также и у сѣверо-германскихъ племенъ: англосаксовъ (*Vinedas, Veonodas*), скандинавовъ (*Vender*) и датчанъ; отъ скандинавовъ это древнее имя перешло и къ финнамъ, которые и теперь Россію называютъ *Venäjä* или *Venat*). Называли славянъ также антами и склавинами, но извѣстіе Іорнанда (VI в.) объ этихъ антахъ и склавинахъ относится уже къ славянамъ, разселившимся по берегамъ р. Дуная.

Какъ называли себя сами славяне, — сказать трудно, но если называли, то, конечно, это общее имя было то же, какое мы употребляемъ и теперь, т. е. *славяне* или *словѣне*— форма, встрѣчающаяся уже въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ, напр. въ Сказаніи черноризца Храбра о письменахъ, у Іоанна экзарха болгарскаго (X вѣкъ) и др. Впрочемъ, имя *словѣне* у древне-славянскихъ писателей служитъ также и обозначеніемъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, часто весьма удаленныхъ другъ отъ друга, напр., славянъ *ильменскихъ* и славянъ *придунайскихъ*. Въ историческую эпоху, когда впервые доходятъ до насъ болѣе точныя свѣдѣнія уже отъ самихъ славянъ (Русская лѣтопись), каждое изъ многочисленныхъ славянскихъ племенъ называлось по своему, особымъ именемъ, въ зависимости или отъ мѣста поселенія (поляне, древляне, мораване, полочане и др.), или отъ имени предполагаемыхъ родоначальниковъ племенъ (чехи, ляхи, радимичи, вятичи и др.), или отъ имени позднѣйшихъ завоевателей (болгары) и т. п.

Согласно съ древнѣйшими источниками о вендахъ или славянахъ, послѣдніе въ 1-омъ столѣтіи нашей эры жили въ бассейнѣ рѣки Вислы, которая была ихъ западной границей. Отъ рѣки Вислы славяне жили на востокъ до Днѣпра, частью и за Днѣпръ. На югѣ границу ихъ поселеній составили Карпаты,

а на сѣверѣ эта граница шла, надо полагать, къ верховьямъ Зап. Двины и далѣе до озера Ильменя.

Въ этихъ предѣлахъ славяне прожили, повидимому, долгое время въ спокойствіи, раздѣленные на мелкія племена, не тревожа сосѣдей и не принимая участія въ событіяхъ тогдашней Европы.

Культурное состояніе ихъ было въ это время довольно высокое, что можно заключить по множеству культурныхъ словъ, общихъ всѣмъ славянскимъ языкамъ, а, значитъ, существовавшимъ и въ то время, когда славяне жили одной семьей. Не ведя съ сосѣдями войнъ, славяне однако не чуждались ихъ, входили въ постоянныя мирныя сношенія, вѣроятнѣе всего — торговыя, а можетъ быть и родственныя. На это указываетъ не мало заимствованій въ обще-славянскомъ языкѣ изъ языковъ германскаго и турецко-татарскихъ.

Но насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ не славянскія древности, а языкъ, какимъ говорили славяне въ доисторическій періодъ своего существованія, до разселенія. Какимъ языкомъ говорили тогда славяне?

Идея праславянскаго языка. Въ живомъ употребленіи праславянскій языкъ, конечно, теперь не существуетъ. Но наука его возсоздаетъ путемъ сравненія всѣхъ живыхъ славянскихъ языковъ и выдѣленія изъ нихъ *общихъ чертъ*. Совокупность этихъ общихъ особенностей, приведенныхъ къ древнѣйшему виду, и составляетъ идею праславянскаго языка. Полной характеристики праславянскаго языка еще нѣтъ, ни со стороны грамматической, ни со стороны словарной, что зависитъ, между прочимъ, отъ недостаточнаго знакомства съ современными живыми славянскими нарѣчіями и говорами. Съ другой стороны, дать такую характеристику дѣло потому еще трудное, что славяне, отдѣлившись отъ литовцевъ, долгое время жили самостоятельной жизнью, а потому ихъ языкъ въ разное время могъ носить *разный* характеръ. Тѣмъ не менѣе сравнительное языковѣдѣніе и славистика возсоздаютъ этотъ праязыкъ, и хотя картина его еще не закончена, но главныя части уже имѣются и не потребуютъ существенныхъ передѣлокъ.

Такими б. или м. безспорными особенностями, отличающими праславянскій языкъ отъ всѣхъ его родичей, и прежде всего—отъ литовскаго языка, считаются слѣдующія:

1) Исчезновеніе согласныхъ звуковъ въ концѣ словъ, такъ что всѣ слова стали оканчиваться на гласные звуки, чистые *(а, о, е, ы* и др.) или глухіе *ъ(о)* и *ь(е);* напр. **влькъ**, литовск. *vilkas*, латин. *lupus*, греч. λύκος, **небо**, греч. νέφος, санскрит. *nabhas;* **львъ**, греч. λέων, **пьсъ**, санскрит. *paçus*, лат. *pecus*, литов. *pekus;* то же и въ формахъ: ср. **везохъ—везе**, лит. *veho- vehis- vehit*, греч. ἔχω—ἔχεις—ἔχει и т. д. Теперь эта особенность давно уже исчезла.

2) Стяженіе двоегласныхъ звуковъ (дифтонговъ) въ простые долгіе звуки. На мѣсто индо-европейскихъ двоегласныхъ — *au, ei, ai,* сохраняющихся и въ литовскомъ языкѣ, въ праславянскомъ явились долгіе **оу**, **и** и **ѣ**, напр. лат. *auris*, лит. *ausis*, слав. **оухо**; лат. *taurus*, греч. ταῦρος, лит. *tauras*, слав. **тоуръ**; лит. *draugas*, слав. **droугъ**; родит. падежъ въ санскрит. *sunaus*, лит. *sunaus*, слав. **сыноу**; греч. εἶναι(идти), лит. *eiti*, слав. **ити**; греч. εἶδος, лит. *veidas*, слав. **видъ**; литов. *vainikos*, слав. **вѣньць**; литов. *baisus*, слав. **бѣсъ** и т. п.

3) Появленіе носовыхъ гласныхъ звуковъ, которые въ церковно-славянскомъ стали обозначаться юсами—**ѫ(ѭ)** и **ѧ(ѩ)**, а въ польскомъ они обозначаются теперь черезъ ą и ę. Носовой согласный звукъ *м* или *н*, если находился въ концѣ слова или передъ другимъ согласнымъ, въ общеславянскомъ языкѣ слился съ предшествующимъ гласнымъ звукомъ и образовалъ особый гласный, съ носовымъ призвукомъ; такъ, напр. изъ **trams*(*tremere* дрожать) образовалось **трѫсъ** и т. п. Въ литовскомъ и другихъ индо-европейскихъ языкахъ такого явленія не было, напр. лит. *ranka*, сл. **рѫка** (польск. *ręka);* лит. *penki*, слав. **пѧть** *(pięć)* и т. п.

4) Смягченіе гортанныхъ *г, к, х* передъ мягкими гласными *(е, и, ь, ѣ, ю,* **ѧ** и *j)* въ *ж, ч, ш, з, ц* и *с;* напр. **живъ**, лит. *givas;* **жьнѫ**, лит. *ginu;* **жльтъ**, лит. *geltas;* **чистъ**, лит. *kistas*; **цѣна**, лит. *kaina;* **цѧта** (названіе монеты), гот-

ское *kintus;* церк.-слав. зват. п. **клъче** (отъ **влъкъ**), лит. *vilke* и другіе.

5) Долгое индо-европейское *u*(у) развилось въ праславянскомъ языкѣ въ характерный звукъ *ы;* напр. санскр. *dhūmas,* лат. *fūmus,* греч. θύμος, лит. *dûmas* и слав. **дымъ**; санскр. *mūç,* греч. μῦς, лат. *mūs,* литов. *mûs* и слав. **мышь** и др.

Эти особенности, какъ и многія другія, явились въ праславянскомъ языкѣ, конечно, не вдругъ, а постепенно, въ разное время существованія общеславянскаго языка.

Словарь праславянскаго языка. Отъ характеристики звуковъ праславянскаго языка слѣдовало бы перейти къ словарю. Но тутъ затрудненій еще больше, чѣмъ при возстановленіи звуковъ этого языка. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что до сихъ поръ у насъ нѣтъ еще безупречныхъ и полныхъ словарей какъ древнѣйшихъ памятниковъ славянской письменности, такъ и живыхъ славянскихъ нарѣчій и говоровъ. Много для этой цѣли уже подготовлено въ славянской филологіи трудами ученыхъ (Миклошичъ, Востоковъ, Срезневскій, Матценауеръ, Микуцкій, Дювернуа, Караджичъ, Даничичъ и др.), но дѣло по части собиранія и группировки словарнаго матеріала далеко еще не закончено.

Съ другой стороны, обладай современное славяновѣдѣніе словарнымъ матеріаломъ во всей его полнотѣ, и тогда наше знаніе объема праславянскаго словаря было бы все-таки только относительнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ обще-славянскій языкъ вышелъ изъ семьи лито-славянской, много времени прошло какъ до, такъ и послѣ его распаденія на отдѣльныя нарѣчія. Поэтому всегда нужно помнить, что отъ стараго языка у насъ сохранились одни лишь обломки, уцѣлѣвшіе по счастливой при томъ случайности. Если взять словарь даже не очень стараго языка, то и въ немъ мы найдемъ множество словъ, которыя или совсѣмъ теперь вышли изъ употребленія или потеряли свое прежнее значеніе. Что же сказать про языкъ, отъ котораго насъ отдѣляютъ тысячелѣтія? Одни слова погибли безвозвратно, другія потеряли свой первоначальный смыслъ, третьи замѣнились новыми, заимствованными

у других народовъ или вновь составленными. Объ этой утратѣ могутъ свидѣтельствовать нѣкоторыя слова, отсутствующія въ славянскихъ языкахъ и сохранившіяся въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ. Такъ, напр. въ славянскихъ языкахъ нѣтъ корня для обозначенія понятія „отецъ", сохранившагося въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ: санскр. *pitár*, греч. *πατήρ*, лат. *pater*, кельт. *athir*, герм. *Fadar*, *Vater*, хотя и общеславянское слово **отьць**—тоже индо-европейскаго происхожденія (ср. инд. *tâta*, греч. *ἄττα*, лат. *atta* и *tata*, герм. *atta* и лит. *têtis*).

Возстановить богатство праславянскаго словаря едва ли когда удастся. Трудность такого возстановленія еще болѣе увеличится, когда мы зададимся еще вопросами: что́ въ праславянскомъ языкѣ составляетъ наслѣдіе отъ первобытной индо-европейской семьи, что́ образовалось только на общей славянской почвѣ и что́, наконецъ, было заимствовано изъ другихъ языковъ? При рѣшеніи этихъ вопросовъ возможны постоянныя ошибки. До сихъ поръ нельзя еще сказать опредѣленно, что́ считать наслѣдіемъ, занесеннымъ обще-славянскимъ языкомъ изъ первобытной родины индо-европейской семьи. Случаевъ, когда извѣстное слово повторяется во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ или даже въ нѣкоторыхъ только группахъ ихъ, бываетъ очень немного. Но это не должно насъ однако смущать. Если, положимъ, слово *pater* или ему подобное отъ того же корня не дошло до насъ въ славянскихъ языкахъ, то это не значитъ, что его въ нихъ и никогда не было: оно было, но только вытѣснено другимъ словомъ, выражающимъ то же понятіе,—**отьць**.

Вообще отдѣлить общеславянское отъ индо-европейскаго крайне трудно.

Заимствованія въ словарѣ. Не мало затрудненій представляетъ также вопросъ о словахъ заимствованныхъ. Славяне, хотя и долго не появляются на сценѣ исторіи, живутъ вообще обособленно отъ греко-римскаго и германскаго міровъ, но культурныя связи у нихъ, несомнѣнно, были, какъ съ ближайшими, такъ и съ болѣе отдаленными сосѣдями. Съ сѣ-

вера и востока славяне сосѣдили съ литвой, съ финскими и турецко-татарскими племенами; съ запада и юга поселенія славянъ граничили съ германскими и греко-латинскими областями. Всего сильнѣе тяготѣніе должно было, конечно, сказываться къ западу и къ югу, гдѣ жили культурные народы, чѣмъ къ востоку или сѣверу. Съ заимствованіями тѣхъ или другихъ культурныхъ понятій брались и чужія слова. Вотъ почему мы уже *à priori* можемъ сказать, что въ праславянскомъ словарѣ должны были быть слова, заимствованныя изъ языковъ германскихъ, латинскаго и греческаго. Дѣйствительно, такихъ словъ мы найдемъ въ общеславянскомъ языкѣ много, и эти чужія слова уже собраны въ трудахъ Миклошича[1]), Матценауера[2]), Крека, Брюкнера, Фасмера и др.

Рядомъ со словами, заимствованными изъ языковъ германскаго, латинскаго и греческаго въ обще-славянскомъ словарѣ имѣется также не мало словъ и восточнаго происхожденія, таковы, напр. *бисеръ* (араб. *бусра*), *каганъ*, *коврига* (тур. *кывракъ*), *корчага* (тур.), *кума* (тур.), *курганъ*, *топоръ* (персид. *tabar*), *клобукъ*, *калпакъ*, *лошадь* (тур. *алаша*), *санъ* (тур.), *товаръ* (тур.), *чертогъ* (перс.), *жемчугъ*, *казна* (татар. *quazân* = сокровище), *шатеръ* и др. (Меліоранскій).

Въ числѣ заимствованныхъ словъ, вошедшихъ во всѣ или только въ нѣкоторые славянскіе языки, не мало найдется и такихъ, которыя явились позднѣе, послѣ распаденія праславянской семьи. Этому больше всего содѣйствовало христіанство. Выдѣлить такія слова, внесенныя въ славянскіе языки переводомъ Библіи и богослужебныхъ книгъ, конечно, не представляетъ особенной трудности. Не трудно также выдѣлить изъ общеславянскаго словаря и тѣ слова, которыя вошли сюда еще до перевода Библіи, но тоже подъ вліяніемъ христіанства. Таковы, напр. слова *алтарь*, *церковь*, *цесарь*, *ликъ*, *князь*, *муръ*, *оцетъ*, *грекъ*, *латинъ* и др. Можно даже

---

1) *Miklosich.* Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien 1867.
2) *Matzenauer.* Cizí slova ve slovanských řečech. Brno 1870.

указать путь, какимъ эти слова вошли въ обще-славянскій словарь; *алтаръ* (герм. *altari*) и *грекъ* (лат. *graecus*, гот. *kreks*)—изъ латинскаго языка, можетъ быть,—при посредствѣ готскаго; слово *ликъ* (гот. *laiks*)—прямо изъ германскаго, какъ и слово *князъ (kuning)*, *муръ* (лат. *murus)*, *цесаръ (caesar)* и *оцетъ*—прямо изъ латинскаго (ибо готы произнесли бы послѣднія 2 слова *kaisar* и *akeit)*, а *церковъ* произошло или отъ латинскаго *circus*, коимъ обозначалась крестильница—баптистерій, обыкновенно круглой формы, или отъ древне-нѣмец. *kiricha* (греч. κυριακή) съ латинскимъ произношеніемъ греческаго *k* [1]).

Опредѣленіе первобытности слова. Но рѣшить вопросъ: первобытно ли извѣстное слово въ языкѣ, или оно заимствовано, порой бываетъ очень трудно. Единственнымъ критеріемъ въ этомъ случаѣ является т. о. правильность или неправильность *звуковыхъ* (фонетическихъ) *соотношеній* между двумя сравниваемыми языками. Мы увѣрены, напр., что обще-славянское слово *хлѣбъ* заимствовано изъ готскаго языка, въ которомъ есть слово *hlaibhos*, ибо славянскій звукъ *x* и готскій *h*, по законамъ о соотношеніи между германскими и славянскими звуками не могутъ произойти отъ одного и того же индо-европейскаго звука *k*, который извѣстенъ греческому языку: ὁ κλιβανίτης ἄρτος = печеный хлѣбъ, ὁ κλιβανεύς = истопникъ, ὁ κλίβανος=посуда, въ которой пекли хлѣбъ (ср. литов. *klaips)*. Индо-европейское *k*, правильно соотвѣтствующее германскому звуку *h* (ср. греч. ἑκατόν = *hund*—сто), въ общеславянскомъ или сохраняется или обращается въ свистящій или шипящій звукъ (см. выше). Очевидно, это *x* въ словѣ *хлѣбъ*, а съ нимъ и все слово *хлѣбъ* не славянское, а заимствованное, а именно изъ германскаго языка.

Къ сожалѣнію, не всегда можно пользоваться такими лингвистическими соображеніями для доказательства, заимствовано ли извѣстное слово въ праславянскомъ языкѣ или

---

[1]) *Буслаевъ*. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. М. 1848.

нѣтъ. Вѣдь легко можетъ случиться, что какое-нибудь слово было заимствовано славянами изъ другого языка въ такую раннюю эпоху ихъ жизни, когда въ праславянскомъ языкѣ еще не возникли, а если и возникли, то не пріобрѣли еще безусловной силы, тѣ фонетическіе законы, которыми былъ преобразованъ этотъ языкъ, въ отличіе отъ другихъ индо-европейскихъ языковъ; напр. утрата двоегласныхъ звуковъ и т. п Заимствованное слово, вовлеченное въ механизмъ, видоизмѣнившій фонетику языка, въ этомъ случаѣ должно будетъ, конечно, совсѣмъ потерять свой чужеземный видъ. Вотъ почему о такихъ, напр. словахъ, какъ *стекло* (**стькло**) = лит. *stiklas* = гот. *stikls; плугъ* - лит. *pliúgas* = герм. *pflug; долгъ* = готск. *dulgs*, **пласати** = готс. *plinsjan* и т. п. нельзя съ увѣренностью сказать, какого они происхожденія: заимствованы ли они у германцевъ, или — наоборотъ — германцы взяли ихъ у славянъ, или же они потому общи, что восходятъ къ одному индо-европейскому языку.

Иногда для опредѣленія заимствованія помогаютъ *историческія соображенія*. Возьмемъ такой примѣръ. Отъ индо-европейскаго корня *gan*, соотвѣтствующаго въ индійскомъ языкѣ *ǧan* (*ǧanaka* = рождающій, *ǧati* = родъ), въ греческомъ и латинскомъ *gen* (*γένος, genus* = родъ), въ германскомъ *kun*, въ обще-славянскомъ языкѣ образовалось слово *жена*, что буквально значитъ „рождающая". Въ германскихъ языкахъ этотъ корень *(kun)* получилъ дальнѣйшее развитіе: отъ первобытнаго порядка родовыхъ отношеній взошелъ до понятія о власти государственной, такъ какъ отъ *kuni* или *chuni* (родъ) образовалось слово *kuning* или *chuning* = предводитель. Этотъ суффиксъ *ing* получилъ развитіе только у германцевъ: онъ обозначаетъ происхожденіе, родство, напр. *Thüringi, Ottingi, During, Halbing* и т. п. Въ этомъ отношеніи онъ соотвѣтствуетъ обще-славянскому суфф. *ич*, который обозначаетъ не только отношеніе отца къ сыну (Васильевичъ, Ивановичъ и т. п.), но и отношеніе народа къ родоначальнику (Радимичи, Вятичи, Лютичи, Бодричи и т. п.). Вотъ эти соображенія и даютъ право сказать, что общеславянское сло-

во **кънязь (кънаг+j+ъ)**, которое произносилось, вѣроятно, какъ *kunędze*, и вполнѣ соотвѣтствуетъ по звукамъ германскому *kuning* (откуда *König)*, заимствовано изъ германскаго языка. Употребляя это слово **кънязь**, имѣвшее у германцевъ опредѣленный смыслъ (вождь, предводитель), славяне однако долго не понимали его спеціально-германскаго значенія, конечно, потому, что у нихъ не было такого развитія общественной власти, какое мы находимъ у германцевъ уже въ древнѣйшее время. Вотъ почему въ переводѣ Св. Писанія на древне-славянскій языкъ св. Кирилломъ слово **кънязь** обозначаетъ, не только „вождь“, „властитель“, но и всякій вообще „сильный человѣкъ“, „сановникъ“, „вельможа“ и т. п.

Разселеніе славянъ. Въ 3-емъ или 4-омъ в. послѣ Р. Хр. въ западныхъ частяхъ нынѣшней Россіи появляются съ южнаго берега Балтійскаго моря готы (германцы), которымъ удается покорить жившихъ здѣсь славянъ и основать сильное королевство (Эрманарихъ). Но пребываніе ихъ было здѣсь кратковременно, и завоеватели, оставивъ новыя мѣста, устремились къ югу. Около этого времени приходятъ въ движеніе и славяне. Что послужило причиной этого движенія—сказать трудно. Вѣроятно, тутъ было много причинъ, скорѣе внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ: увеличеніе населенія, при небольшихъ предѣлахъ занимаемой ими области; рознь и обособленность отдѣльныхъ племенныхъ группъ, на которыя, надо полагать, распалось къ этому времени первобытное славянство; толчекъ, данный готами; могучій потокъ великаго переселенія народовъ, волновавшій въ то время западную и юго-восточную Европу и т. п.

Одна часть славянъ осталась на мѣстахъ первоначальной осѣдлости въ Европѣ, другая, – болѣе рѣшительная и смѣлая, двинулась въ странствіе. Поднявшіеся пошли крупными массами въ двухъ главныхъ направленіяхъ.

Западные славяне. Часть ихъ стремится на западъ и юго-западъ и, перейдя Вислу, занимаетъ земли, между Балтійскимъ моремъ и Карпатами, мѣста поселенія германцевъ, теперь свободныя, такъ какъ прежніе обитатели частью откочевали

далѣе на западъ и югъ частью порѣдѣли въ борьбѣ съ римлянами и отъ внутреннихъ междоусобицъ. Въ этомъ направленіи славяне распространились очень далеко, почти до Рейна. Но напоръ славянъ былъ однако отброшенъ германцами, которые съ тѣхъ поръ, и особенно въ эпоху Карла Великаго, постоянно враждуютъ со славянами и тѣснятъ на востокъ, колонизуя ихъ земли.

Полабскіе славяне. Германизаціи и нѣмецкому натиску больше всего подверглись самые западные отроги славянъ,—славяне, поселившіеся по рѣкѣ Эльбѣ (Лаба) и на Балтійскомъ приморьѣ. Это такъ называемые балтійскіе или *полабскіе* славяне, раздѣлившіеся на 2 крупныя этнографическія группы—Лютичей и Бодричей. Нѣкогда они составляли многочисленное населеніе, покрывавшее весь сѣверъ нынѣшней Пруссіи до Эльбы и за нее, и раньше другихъ славянъ начали было создавать собственную культуру съ языческимъ характеромъ; между прочимъ, они славились предпріимчивостью и обширной торговлей (городъ Волинъ). Но внутренніе раздоры этихъ полабскихъ славянъ не позволили здѣсь образоваться государству; не успѣли Лютичи и Бодричи принять въ свое время также и христіанства съ его просвѣщеніемъ. То и другое повело къ тому, что полабскіе славяне уже въ XII в. потеряли свою политическую самостоятельность и вслѣдъ за этимъ стали быстро онѣмечиваться. Къ XV—XVI в. онѣмечиваніе Лютичей и Бодричей закончилось, и въ настоящее время полабанъ и полабскаго языка уже не существуетъ.

Сербы—лужицкіе. Они поселились къ югу отъ Лютичей. И этотъ народъ, занимавшій нѣкогда обширныя равнины между Саломъ, Чешскимъ Лѣсомъ, Одеромъ и его притоками, подъ натискомъ и культурнымъ вліяніемъ германцевъ также очень сильно порѣдѣлъ. Въ настоящее время онъ представляетъ небольшое славянское поселеніе по верхнему теченію р. Шпрее.

Поморяне. Они поселились на южномъ берегу Балтійскаго моря, на западъ отъ р. Вислы. Не создавъ самостоятельнаго государства, поморяне не въ силахъ были оказать и

сопротивленія дружному напору нѣмцевъ, которые постепенно овладѣвали ихъ землей и поглотили большую часть ихъ народности. Остатки древнихъ поморянъ, нынѣшніе померанскіе словенцы или *кашебы* (кашубы) представляютъ вообще бѣдное населеніе рыбаковъ, живущее по морскому берегу въ западной Пруссіи и Помераніи.

Поляки. Другое славянское племя, которое пошло на западъ были Ляхи, или Поляки, поселившіеся въ бассейнѣ Вислы, къ западу отъ Одера, между поморьемъ и нынѣшней Богеміей. Они осѣли дальше отъ германцевъ, а потому столкновенія были рѣже и не столь опасны. Правда, съ конца 9-го в. германцы, расширившіеся на востокъ, начинаютъ тѣснить и поляковъ, но національная самобытность племени была спасена введеніемъ христіанства, принятымъ княземъ Мѣшко I (965 г.), и объединеніемъ польскихъ племенъ подъ властью преемника сына Мѣшка, „смысленаго“, какъ говоритъ русская лѣтопись, Болеслава Храбраго (992—1025), котораго считаютъ основателемъ государства, распространившимъ его предѣлы далеко за черту первоначальной осѣдлости польскаго племени.

Чехо-моравы и словаки. Третья вѣтвь западныхъ славянъ, чехо-моравы и словаки, вышла изъ общей семьи великаго народа болѣе въ юго-западномъ направленіи и поселилась почти въ тѣхъ мѣстахъ, въ какихъ она живетъ и понынѣ, т.-е. въ нынѣшней Богеміи, Моравіи, юго-западной Силезіи и въ сѣверо-западныхъ частяхъ Австро-Венгріи. Какъ и всѣ вообще западные славяне, и эта вѣтвь на первыхъ же порахъ своей исторіи становится въ близкое сосѣдство и во враждебныя отношенія къ германскому народу. Но чешское племя, подобно своимъ ближайшимъ сородичамъ—полякамъ, во время успѣло сплотить свои силы, во время приняло христіанство (въ концѣ 9-го в.), чѣмъ и спаслось отъ поглощенія германцами.

По сосѣдству съ чехо-моравами, на востокъ отъ нихъ

между Карпатами и Дунаемъ, поселились ихъ близкіе родственники словаки [1]).

Южные славяне. Другой путь, по которому двинулись славяне изъ-за Карпатъ и Вислы, мѣстъ своей первоначальной осѣдлости въ Европѣ, шелъ къ югу, къ рѣкѣ Дунаю и далѣе. Въ этомъ направленіи разселились такъ называемые *южные* славяне, обособившіеся впослѣдствіи въ отдѣльныя племенныя группы: болгаръ, сербо-хорватовъ и словинцевъ или хорутанъ, поселившихся западнѣе другихъ южныхъ славянъ.

Восточные или русскіе славяне.

О славянахъ, оставшихся въ мѣстахъ первоначальной своей осѣдлости въ Европѣ, восточныхъ славянахъ, точныя свѣдѣнія впервые сообщаетъ древняя русская лѣтопись, такъ называемая „Повѣсть временныхъ лѣтъ", составленная въ концѣ XI в. Изъ этой лѣтописи мы узнаемъ, что восточные славяне въ X — XI в.в. раздѣлялись на множество племенъ, разселившихся по главнѣйшимъ воднымъ системамъ огромной равнины, къ сѣверу отъ Карпатъ почти до Финскаго залива и къ востоку, отъ водораздѣловъ Вислы, Зап. Двины и Нѣмана до Окскаго бассейна.

На этомъ пространствѣ жили слѣд. племена:

1) *Словѣне* вокругъ озера Ильменя; ихъ главный гор. Новгородъ.

2) Къ югу отъ нихъ, по верховьямъ Волги, зап. Двины и Днѣпра разселились *кривичи;* ихъ городъ Смоленскъ.

3) Къ западу отъ кривичей по рѣкѣ Полотѣ и зап. Двинѣ жили ихъ ближайшіе родичи *полочане.*

Мѣстности, лежащія къ югу отъ кривичей, заняли: по правую сторону Днѣпра *дреговичи,* нѣсколько южнѣе – *древляне,* по лѣвую—*радимичи* (р. Сожъ), *вятичи* (бассейнъ

---

[1]) Названія „словакъ" и „полякъ" тождественны по коренному значенію съ „словянинъ" и „полянинъ", только—другіе суффиксы.

верхней Оки), южнѣе *сѣверяне*, за которыми къ западу и къ югу шла уже земля *полянъ*, главнымъ городомъ которыхъ былъ Кіевъ.

Кромѣ этихъ племенъ въ лѣтописи упоминаются еще *бужане* (жили по з. Бугу), *дулѣбы, волыняне*, а также *угличи*[1]) *(улучичи)* и *тиверцы*, которые жили по Днѣстру, около Дуная и по берегу Чернаго моря.

Границы славянъ въ прошломъ. Какъ въ первое время разселенія, такъ и позднѣе до 9-го в., славяне занимали огромную площадь въ срединѣ Европы. Западная граница этой площади доходила до р. Фульда (притокъ Везера), а по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ — даже до Рейна. Въ нынѣшней Помераніи, Познани, Мекленбургѣ, Бранденбургѣ, Саксоніи, Силезіи, въ западныхъ и сѣверныхъ частяхъ Чехіи, верхней и нижней Австріи, въ Штиріи, Каринтіи и т. д., гдѣ въ настоящее время слышится только почти одна нѣмецкая рѣчь, въ то время славяне жили сплошными массами, и славянскій языкъ властно раздавался на всемъ протяженіи этой территоріи.

На югѣ области славянскаго племени и языка были въ то время также значительно обширнѣе, чѣмъ это мы видимъ въ настоящее время: въ VIII—IX в.в. онѣ заходили въ Эпиръ, Ѳессалію и даже въ древнюю Элладу и Пелопонесъ, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣло не мало мѣстныхъ славянскихъ названій.

На востокѣ и сѣверо востокѣ граница славянства подходила къ морямъ Мраморному, Черному и терялась въ необъятной шири великой россійской равнины.

Но эта огромная площадь, на которой жили славянскія племена, начинаетъ сокращаться уже въ IX—X в.в. Сокращеніе пошло съ запада, гдѣ славянъ тѣснятъ германцы, юго-запада, гдѣ славяне столкнулись съ италіанцами, и съ юга, откуда славянъ вытѣсняютъ греки; кромѣ этого, начиная съ

---

[1]) Названіе *угличей* пошло, надо полагать, отъ мѣстности, которая представляетъ уголъ между р. Днѣстромъ, Чернымъ моремъ, рр. Дунаемъ и Прутомъ. Эта область у грековъ называлась Ὄγγλος (= др. слов. жгълъ, уголъ), а у турокъ Буджакъ (уголъ).

X-го в., славянамъ пришлось сдѣлать много уступокъ въ пользу народовъ, появляющихся позднѣе въ исторіи: мадьяръ (угровъ), румынъ, албанцевъ и турокъ.

Всѣ эти сокращенія территоріи и потери областей славянской рѣчи на западѣ и югѣ однако ничтожны, въ сравненіи съ тѣми завоеваніями, какія были сдѣланы славянскимъ племенемъ и языкомъ въ средніе вѣка и новое время на востокѣ Европы, въ сѣверной и средней Азіи, на счетъ финскихъ и турецко-татарскихъ языковъ.

Границы славянъ теперь. Въ настоящее время территорія, занимаемая славянами, равняется приблизительно 400000 кв. милямъ. Если принять во вниманіе не только тѣ области, въ которыхъ славяне живутъ сплошными массами, но и тѣ, гдѣ славяне перемѣшаны съ другими народностями, причемъ перевѣсъ все-же остается за славянской рѣчью, то крайніе предѣлы славянскаго языка можно обозначить такимъ образомъ. На сѣверѣ — Бѣлое море и Ледовитый океанъ, на югѣ — Адріатика, Эгейское и Черное моря, склоны Паропамиза и Манджурія; на востокѣ — Великій океанъ, на западѣ — верхнее теченіе Эльбы, Чешскій лѣсъ и Норическія Альпы[1]).

Внѣ предѣловъ этой великой площади славяне въ довольно значительномъ числѣ (болѣе 3.000.000) живутъ въ Америкѣ.

Численность славянъ. Всѣхъ славянъ къ концу 1906 года болѣе 148½ м., по численію проф. *Т. Флоринскаго*[2]). Если эту цифру распредѣлить между отдѣльными племенами, то круглымъ счетомъ будетъ:

---

[1]) Западная граница славянскаго языка въ Европѣ очень извилиста и трудно опредѣлима съ точностью, особенно если принять положеніе Лужицкихъ сербовъ (въ Саксоніи и Бранденбургѣ). Можно лишь приблизительно сказать, что граница сплошной славянской рѣчи, исключая лужичанъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ нѣмцами, идетъ въ разстояніи отъ 40 — 125 верстъ отъ русской государственной границы съ Германіей — для польскаго племени и недалеко отъ Пильзена — для чеховъ, область которыхъ въ видѣ полуострова вдается въ германскія поселенія и лишь съ востока сосѣдитъ съ поляками и словаками.

[2]) *Т. Флоринскій.* Славянское племя. Кіевъ 1907 г.

1)	Русскихъ	102.840.000	чел.
2)	Поляковъ	19.200.000	„
3)	Сербо-хорватовъ	9.135.000	„
4)	Чехо-моравовъ	7.237.000	„
5)	Болгаръ	5.440.000	„
6)	Словаковъ	2.671.000	„
7)	Словинцевъ	1.475.000	„
8)	Кашубовъ (Кашебовъ)	366.000	„
9)	Сербовъ-лужицкихъ	157.000	„

Перечень славянскихъ нарѣчій. Разселившись на огромной территоріи, славяне съ давнихъ поръ стали обособляться другъ отъ друга, въ зависимости отъ разныхъ историческихъ и культурныхъ условій, въ какихъ оказалось то или другое племя. Такое же обособленіе произошло и въ ихъ языкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ мѣстахъ первоначальной осѣдлости въ Европѣ славянская семья, особенно разросшаяся, не говорила однимъ языкомъ на всемъ протяженіи своей территоріи. Нарѣчія и говоры и тогда должны были уже существовать, хотя обособленность ихъ была, несомнѣнно, слабѣе, чѣмъ это мы видимъ въ настоящее время. Въ дальнѣйшемъ, т.-е. послѣ разселенія славянской семьи, обособленіе славянскихъ племенъ и ихъ языковъ стало все болѣе и болѣе увеличиваться. И вотъ, нѣкогда единый языкъ распался на множество отдѣльныхъ нарѣчій, подрѣчій и говоровъ.

Въ настоящее время въ славянской семьѣ языковъ мы видимъ слѣдующихъ представителей:

1) **Русскій языкъ.** Онъ распадается на три главныя нарѣчія: *великорусское*, *бѣлорусское* и *малорусское*. Площадь распространенія русскаго языка обнимаетъ большую часть Европейской и Азіатской Россіи, а за предѣлами ея — восточную части Галиціи, прилегающую къ ней узкую полосу Угріи и сѣверо-западную часть Буковины. Европейская граница русскаго языка идетъ приблизительно, начиная отъ Чернаго моря, по р. Пруту, верховьямъ Тиссы, возлѣ городовъ Черновцы, Шейгеда (Сейгетъ), Ужгорода (Унгваръ), затѣмъ, поворачивая подъ угломъ

(на востокъ) къ сѣверу, направляется по среднему теченію р. Сана (притокъ Вислы), нѣсколько западнѣе городовъ Перемышля и Ярославля, и, вступивъ въ предѣлы Россіи, идетъ нѣсколько западнѣе рѣки Вепря (Люблинская губ), пересѣкаетъ извилистой линіей среднее теченіе Западнаго Буга (Сѣдлецкая губ.), верхнее Нарева и Бобра до Сувалокъ далѣе — среднія теченія Нѣмана (къ западу отъ г. Вильно) и Западной Двины (къ западу отъ г. Двинска), далѣе—къ западу отъ р. Великой, огибаетъ Чудское озеро и по р. Наровѣ упирается въ Финскій заливъ.

2) **Польскій языкъ.** Языкъ польскій — распадается на слѣдующія главныя нарѣчія: 1) *малопольское* (основа литературнаго польскаго языка), распространенное въ польской части Галиціи (за исключеніемъ склоновъ Карпатъ) и въ южной части Царства Польскаго (главнымъ образомъ въ губ. Кѣлецкой, Радомской, Петроковской и Люблинской); 2) *великопольское*—занимаетъ бо́льшую часть Познани и сѣверо-западную часть Царства Польскаго (губ. Калишская и часть Плоцкой); 3) *силезское*— въ верхней и средней Силезіи (Пруссія) и въ Тѣшинскомъ княжествѣ (Австрія); 4) *мазовецкое*, или *мазурское* въ южной части восточной Пруссіи, въ сѣверо-восточной части Царства Польскаго (губ. Плоцкая, Варшавская, части Сувалкской и Сѣдлецкой), а также — въ западныхъ частяхъ Гродненской губ.; 5) *куявское* — въ Влоцлавскомъ и Радѣевскомъ уѣздахъ Плоцкой губ., а также въ прилегающихъ округахъ Пруссіи (Иновроцлавскомъ, Торнскомъ, Бромбергскомъ) и 6) *горальское* или *карпатское*—на южной окраинѣ польской земли, т.-е. по склонамъ Карпатъ. На востокѣ и юго-востокѣ польскій языкъ сосѣдитъ съ русскимъ языкомъ (бѣлорусское и малорусское нарѣчія), на юго-западѣ - съ чешскимъ и словацкимъ языками, на сѣверѣ и западѣ—съ нѣмецкимъ языкомъ, кромѣ узкой полосы Помераніи, близъ Гданска (Данцигъ), гдѣ польскій языкъ граничитъ съ кашубскимъ языкомъ Граница съ нѣмцами очень извилиста. По линіямъ: Влоцлавскъ—Гданскъ и Варшава—Познань эта

граница отходитъ отъ русской государственной границы въ глубь Пруссіи двумя мысами, на протяженіи отъ 100—120 в.; въ другихъ мѣстахъ язычная полоса, при сплошномъ польскомъ населеніи, значительно уже: шириной отъ 30 — 60 верстъ въ Пруссію отъ русской государственной границы.

3) **Сербо-хорватскій языкъ.** Сербо-хорватскій языкъ занимаетъ западную половину Балканскаго полуострова, между р. р. Дунаемъ, Дравою и Адратическимъ моремъ, а также кое-гдѣ по лѣвымъ берегамъ Дравы и Дуная, по низовьямъ Тиссы, въ восточной части Истріи и на островахъ, прилегающихъ къ приморью и Далмаціи. Онъ распространенъ въ Сербскомъ королествѣ и Черногоріи, въ такъ называемой Старой Сербіи (Новобазарскій и Призрѣнскій округа), въ Босніи, Герцеговинѣ, Истріи, Далмаціи, Хорватіи и въ Славоніи. Разница между сербами и хорватами лишь въ вѣроисповѣданіи и культурѣ: первые православные, вторые католики, подчинившіеся въ значительной степени италіанской культурѣ. Сербо-хорватскій языкъ дѣлится на два главныя нарѣчія: 1) южное, или герцеговинское, такъ называемое *штокавское* (*что* = што), сдѣлавшееся литературнымъ языкомъ сербо-хорватовъ и 2) приморское, *чакавское* или *кайкавское* (*что*=ча, кай).

4) **Чехо-моравскій языкъ.** Чехо-моравскій языкъ занимаетъ Чехію, большую часть Моравіи, юго-восточный уголъ Силезіи и часть нижней Австріи. Въ Силезіи чешскій языкъ сосѣдитъ съ польскимъ, въ Моравіи и на Угорской границѣ со словацкимъ, со всѣхъ другихъ сторонъ окруженъ нѣмецкимъ языкомъ. Онъ распадается на множество говоровъ, связующимъ звеномъ которыхъ служитъ современный литературный чешскій языкъ — нарѣчіе стараго племени чеховъ (по р. Влтавѣ, возлѣ города Праги).

5) **Болгарскій языкъ.** Болгарскій языкъ распространенъ въ восточной части Балканскаго полуострова: въ Болгаріи, восточной Румеліи и Македоніи съ частью Албаніи. Сѣверная граница — Дунай, отъ Виддина до Чернаго моря; западная—

по границѣ Сербскаго королевства и далѣе, на юго-западъ, до восточнаго берега Охридскаго озера; южная—въ близкомъ разстояніи отъ береговъ Архипелага и Мраморнаго моря; восточная—по берегу Чернаго моря. Много живетъ болгаръ также въ Румыніи (Галацъ, Браиловъ и др.), въ Венгріи (Банатъ) и въ Россіи (губ. Бессарабская, Херсонская и Таврическая). Въ болгарскомъ языкѣ различаютъ два главныхъ нарѣчія: 1) *восточное*, послужившее основаніемъ современнаго литературнаго болгарскаго языка и 2) *западное*, изъ котораго однако въ особую группу выдѣляются *македонскіе* говоры болгаръ.

6) **Словацкій языкъ.** Словацкій языкъ распространенъ въ сѣверо-западной Венгріи, между Карпатами на сѣверѣ и р. Дунаемъ, до котораго однако не доходитъ, на югѣ, рѣкой Моравой на западѣ и верховьями Тиссы (г. Кошау) на востокѣ; на западѣ словацкій языкъ граничитъ съ чешскимъ (переходныя нарѣчія валашское и ганацкое), на сѣверѣ — съ польскимъ, на сѣверо-востокѣ и востокѣ — съ русскимъ (малорусское нарѣчіе).

7) **Словинскій языкъ.** Словинскій, или хорутанскій языкъ мы услышимъ къ западу отъ сербо-хорватскаго, въ горной странѣ Штиріи и Каринтіи, а также по берегу Адріатическаго моря, на востокъ и западъ отъ Тріеста, верстъ на 40 по побережью. Словинскій (*виндскій*, какъ называютъ его нѣмцы) языкъ представляетъ большое разнообразіе нарѣчій (до 18), изъ коихъ особенно интересны два: *резьянское* (въ Резьянской долинѣ, въ сѣверо-восточномъ углу Фріуля) — по его оригинальности и *нижне краинское* (въ восточной Коринтіи, г. Любляна), которое легло въ основу современнаго литературнаго языка словинцевъ.

8) **Сербо-лужицкій языкъ.** Сербо-лужицкій языкъ занимаетъ маленькую область по верхнему теченію рѣки Шпрее (по-славянски: Спрева), около 100 верстъ въ длину (съ сѣвера на югъ) и 40—60 верстъ (съ востока на западъ) въ ширину, къ сѣверу отъ Баутцена (Будишинъ), въ пограничныхъ частяхъ Саксоніи, Бранденбурга и прусской Силе-

зіи. Со всѣхъ сторонъ сербы-лужичане окружены нѣмецкими поселеніями. Сербо-лужицкій языкъ распадается на множество нарѣчій и говоровъ, изъ коихъ главныхъ два: а) *нижне-лужицкое*—въ Пруссіи, занимающее меньшую область распространенія и б) *верхне-лужицкое*—въ Саксоніи и частью тоже въ Пруссіи. Первое сближается съ польскимъ языкомъ, второе—съ чешскимъ, такъ что въ цѣломъ сербо-лужицкій языкъ служитъ какъ бы переходнымъ звеномъ отъ польскаго къ чешскому языку.

9) **Кашубскій языкъ.** Кашубскій (или по мѣстному названію кашебскій) языкъ занимаетъ маленькую область въ западной Пруссіи и Помераніи, на западъ отъ низовьевъ Вислы (и сѣвернѣе Данцига), по берегу Балтійскаго моря. Часть кашубовъ, живущая въ деревняхъ около Гардненскаго и Лебскаго озеръ въ Помераніи, называется *словинцами* и *кабатками.* Хотя кашубскій языкъ очень близокъ къ польскому, но, по многимъ рѣзкимъ отличіямъ, онъ тѣмъ не менѣе долженъ занимать самостоятельное мѣсто въ семьѣ западно-славянскихъ нарѣчій (Бодуэнъ де Куртене, Рамультъ) Разстояніе между нимъ и польскимъ языкомъ такое же, какъ между чешскимъ и словацкимъ. Подобно сербо-лужицкому языку, языкъ кашубовъ представляетъ одну изъ вѣтвей языка вымершаго балтійскаго или полабскаго славянства.

Мертвые славянскіе языки. Кромѣ указанныхъ живыхъ языковъ, къ славянской язычной семьѣ принадлежатъ также еще два мертвыхъ языка:

1) *старо* или *церковно-славянскій языкъ,* который сохранился въ священныхъ или богослужебныхъ книгахъ (XI—XIV в. в.) преимущественно православныхъ славянъ (болгаръ, сербовъ и русскихъ) и на который было переведено свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ св. Писаніе для славянъ, и

2) *полабскій языкъ* — извѣстный по скуднымъ остаткамъ въ нѣмецкихъ записяхъ XVII XVIII в. в., а также— по латино-нѣмецкимъ грамотамъ, лѣтописямъ и мѣстнымъ названіямъ. Въ живомъ употребленіи полабскій языкъ сохра-

нялся еще въ 18 в. и даже въ 1-ой четверти 19-го в. въ г. г. Люнебургѣ и Люковѣ за Лабой[1]).

Генеологическая классификація славянскихъ языковъ.

Исторія классификаціи славянскихъ языковъ повторяетъ собой исторію классификаціи индо-европейскихъ языковъ; къ ней примѣнялись всѣ три теоріи распаденія языка, главнымъ образомъ „родословнаго дерева“ и „волнъ“.

Классификація Добровскаго. По мнѣнію *Добровскаго*, патріарха славянской науки, положившаго начало классификаціи славянскихъ языковъ, праславянскій языкъ распался сначала на 2 основныя язычныя группы:

1) *восточную*, которую составили языки русскій, церковно-славянскій, сербскій (подъ которымъ у Добровскаго разумѣлся болгарскій языкъ), хорватскій и словинскій, и

2) *западную*, куда вошли языки польскій, чешскій, словацкій и сербо-лужицкій.

Въ основаніе этой классификаціи Добровскій въ своей Грамматикѣ древняго славянскаго языка[2]), положилъ рядъ звуковыхъ примѣтъ, которыя были приняты другими учеными (Ганка, Шафарпкъ, А. Шлейхеръ, Потебня, Крекъ и др.) и приведены въ болѣе научную и стройную систему, какой еще не было у Добровскаго.

Основанія классификаціи Добровскаго. Изъ этихъ примѣтъ наиболѣе важны слѣдующія звуковыя черты:

1) *Смягченіе губныхъ.* Въ восточной вѣтви славянскихъ языковъ губные согласные звуки смягчаются съ помощью

---

[1]) Кто интересуется познакомиться ближе со славянскими языками, тому можно рекомендовать книги: *Т. Флоринскаго.* Лекціи по славянскому языкознанію. Кіевъ ч. I 1895, ч. II 1897; *его же.* Славянское племя. Кіевъ 1907; *Л. Нидерле.* Обозрѣніе современнаго славянства. С. Петербургъ 1909 г. (II вып. Энциклопедіи Славянской Филологіи, подъ ред. акад. И. В. Ягича).

[2]) *Dobrowski.* Institutiones linguae slavicae veteris dialecti. Vindobonae 1822. (Переведена и на русскій языкъ).

л, чего нѣтъ въ западной вѣтви: напр. русское *люблю*, польское *lubię*, чешск. *lubim;* р. *земля*, п. *ziemia*, чеш. *země;* р. *журавль*, п. *żóraw*, ч. *zorav;* р. *грабли*, п. *grabie* и т. п.

2) Праславянскія сочетанія *дл, тл, дн* и *тн* въ восточной группѣ славянскихъ языковъ теряютъ свои *д* и *т*, тогда какъ въ западной группѣ эти *д* и *т* удерживаютя; напр. р. *сало*, п *sadło;* р. *мыло*, п. *mydło;* р. *мотовило*, п. *motowidło;* р. *велъ*, п. *wiodłem*, ч. *vedl;* р. *плелъ*, п. *plótl*, ч. *pletl;* р. *вянуть*, р. *więdnąć* и т. п.

3) Зубныя *d* и *t* въ славянскихъ языкахъ западной группы передъ *j* смягчаются почти всюду въ свистящіе звуки *dz, z* и *c*, въ языкахъ же восточной группы *d* и *t* или удерживаются или превращаются въ шипящіе звуки *ж, жд, ч* и *щ;* напр. русское *дѣдъ, тѣло*, польское *dziad, ciało* (но чеш. *děd, tělo);* р. *межа*, ц.-слав **межда**, сербское међа (медьжя), а польское—*miedza*, чеш. *meze;* рус. *чужой*, п. *cudzy*, ч. *cizi;* русск. *свѣча*, ц.-слав. **свѣща**, пол. *świeca*, чеш. *svice* и т. п.

4) Сочетанія *кв* и *гв* передъ *ѣ, и* и *ъ* въ восточной группѣ обращаются въ *цв* и *зв*, а въ западной остаются безъ перемѣны; напр. *цвѣтъ*, п. *kwiat*, ч. *květ; звѣзда*, п. *gwiazda*, ч. *hvězda*.

Недостатки классификаціи Добровскаго.

Но эти примѣты, узаконяющія дуализмъ въ раздѣленіи славянскихъ языковъ на родственныя группы, не могутъ, однако, быть названы безусловными, т.-е. нельзя сказать, чтобы тотъ или другой признакъ, характеризующій языки западной группы, по мѣстамъ не встрѣчался бы въ какомъ-нибудь языкѣ восточной группы — и наоборотъ. Возьмемъ, напр., сочетанія *dl, tl, dn* и *tn*, которыя, по теоріи Добровскаго, должны характеризовать только западные славянскіе языки. На самомъ же дѣлѣ мы ихъ находимъ и въ языкахъ восточной группы, напр. въ русскомъ языкѣ: *метла, подлъ, сѣдло, глотнуть, западня*, въ сербскомъ *паднем*, въ болгарскомъ *летнал* и др.; и— наоборотъ — въ западной группѣ встрѣчаются сочетанія безъ *d* и *t*, напр. въ лужицкихъ нарѣчіяхъ: *sało* (и sadło), *horło* (и *hordło), koszyło* (и koszydło), *szoł* (вм. *szedł), szła* (вм.

szedła), *krziło* (при krzidło), *wiły* (при *widły);* въ словацкомъ языкѣ: *sało, šiło,* въ чешскомъ (въ Моравіи)—*pleła* и т. п. То же слѣдуетъ сказать и про другія примѣты, на которыхъ основана теорія Добровскаго: спорадически мы ихъ находимъ въ обѣихъ группахъ славянскихъ языковъ (ср. напр, болг. *земя, любенье,* русск. *на земь, оземь* и т. п.).

Такимъ образомъ, распаденіе праславянскаго языка на двѣ группы, восточную и западную, на основаніи примѣтъ Добровскаго, возбуждаетъ сомнѣніе, тѣмъ болѣе, что въ другихъ отношеніяхъ фонетическія особенности славянскихъ языковъ не идутъ въ параллель съ дѣленіемъ ихъ на двѣ указанныя группы; такъ, носовые звуки (ѫ = ą, ѧ = ę) свойственны въ настоящее время не только польскому, кашубскому и полабскому языкамъ, но ц.-слав. и одному изъ живыхъ нарѣчій болгарскаго языка (македонское).

Классификація Востокова. Почти одновременно съ дуалистической классификаціей славянскихъ языковъ явилась теорія раздѣленія этихъ языковъ на три группы: восточную, южную и западную. Впервые мысль о такомъ именно дѣленіи была высказана Востоковымъ, который въ своемъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ“ 1820 г., отрицая дуализмъ, сказалъ слѣдующее: „Русскій языкъ составляетъ середину между восточными и западными діалектами славянскими, и самое племя славянъ, заселившихъ Россію, жило нѣкогда въ срединѣ между восточнымъ и западнымъ поколѣніемъ“. Это мнѣніе о самостоятельномъ положеніи русскаго языка въ средѣ славянскихъ языковъ было принято другими учеными и установилось въ наукѣ.

Такимъ образомъ праславянскій языкъ распался на три главныя вѣтви:

1) восточную, къ которой относится языкъ русскій; 2) южную, или юго-западную, куда входятъ языки болгарскій, сербо-хорватскій, словинскій и старо-или-церковно-славянскій и 3) западную, или сѣверо-западную, къ которой принадлежатъ языки польскій, чехо-моравскій, словацкій, сербо-лужицкій, кошубскій и полабскій.

Преимущество такого раздѣленія славянскихъ языковъ передъ дуалистической классификаціей заключается прежде всего въ томъ, что оно прекрасно соотвѣтствуетъ историко-географическому распредѣленію славянъ, съ тѣхъ поръ какъ они перестали жить одной семьей. Съ другой стороны, группировка славянскихъ нарѣчій не менѣе какъ на три вѣтви обязательна и потому, что найдены были фонетическіе признаки, выдѣляющіе языкъ русскій въ особую группу славянскихъ языковъ.

Главныя примѣты, обособляющія русскій языкъ въ отдѣльную группу славянскихъ языковъ.

Русскій языкъ во всѣхъ его нарѣчіяхъ и говорахъ отличается отъ другихъ славянскихъ языковъ разными фонетическими особенностями. Въ числѣ ихъ наиболѣе важныя слѣдующія:

I. **Полногласіе.** а) Когда въ общеславянскомъ языкѣ стояли слоги *ăл* и *ăр* между двумя согласными, что извѣстно изъ другихъ индо-европейскихъ языковъ, то въ разныхъ группахъ славянскихъ языковъ они получили разный видъ, а именно: 1) въ южныхъ славянскихъ языкахъ (церковно-славянскомъ, болгарскомъ, сербо-хорватскомъ, словинскомъ), а изъ западныхъ — въ чешскомъ и словацкомъ перешли въ *ла* и *ра*, напр. **глава**, *hlawa* (ср. лит. *galwa)*, **градъ**, *hrad* (ср. лит. *gardas* овчарня, гот. *gards* домъ); 2) въ польскомъ, сербо-лужицкомъ и кашубскомъ—въ *ło* и *ro*, напр. *głowa*, *gród* (изъ grod) - ogród и 3) въ русскомъ—въ *оло* и *оро*: *голова*, *городъ* и пр. б) Когда въ такомъ же положеніи, какъ *ăл* и *ăр* въ общеславянскомъ языкѣ находились слоги *ел* и *ер*, то изъ слога *ел* въ церковно-славянскомъ получилось **лѣ**, въ сербскомъ—*ле* и *лије*, въ чешскомъ—*lê* (**лѣ**) и *la*, въ польскомъ—*ło* и *le*, а въ русскомъ — *еле*, *ело* и *оло;* изъ слога же *ер* образовалось: въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и чешскомъ **рѣ** *(re)*, въ польскомъ—*re* (смягчившееся въ *rze)*, а въ

русскомъ — *ере;* напр. общеславянскія: *żelza, peln* (ср. лит. *pelnas* заработокъ), *melko* (ср. нѣм. *milch, mölkerei), żelb, berg* (ср. нѣм. *berg* гора) и *berza* (ср. лит. *berzas)* перешли: въ церковно-слав. въ **жлѣѕа, плѣнъ, млѣко, жлѣбъ, брѣгъ** и **брѣѕа**, въ сербо-хорватскомъ — въ *жлијезда, плијен, млијеко, жлијеб, бријег, брȅза,* въ чеш. *žleb* (и *žlab), břeh, bříza,* въ пол.-- *plon* (изъ *plen),* mleko, *żłób, brzeg* и *brzoza* (изъ *brzeza),* а въ русскомъ языкѣ — *железа, полонъ, молоко, желобъ, берегъ* и *береза.*

Такимъ образомъ, только въ русскомъ языкѣ мы находимъ *два* гласныхъ звука изъ одного общеславянскаго, тогда какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ въ этихъ сочетаніяхъ только *одинъ* гласный звукъ. Поэтому эта особенность русскаго языка и называется *полногласіемъ*[1]).

II. **Смягченіе зубныхъ** *д* и *т*. По древности рядомъ съ полногласіемъ можно поставить *смягченіе* зубного звука *д* въ *ж*, что принадлежитъ одному только русскому языку и не повторяется въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. русск. *вижу*, ц.-слав. **вижда**, серб. *виђу* (ђ=*дъжь)*, польск. *widzę;* русск. *межа*, ц.-слав. **межда**, серб. *међа*, слов. *meja*, чеш. *meza*, луж. *meza* и польское *miedza* (и międza). Что касается смягченія *т* въ

---

[1]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что не всякое церковно-славянское сочетаніе *ра, ла, рѣ, лѣ* между двумя согласными звуками соотвѣтствуетъ русскимъ *полногласнымъ* сочетаніямъ *оро, оло, ере, еле* или *ело, оло*, какъ, съ другой стороны, не всякое будто полногласное сочетаніе есть именно дѣйствительное полногласіе русскаго языка. Есть не мало случаевъ, когда церковно-слав. сочетанія ра, ла, рѣ, лѣ соотвѣтствуютъ такимъ же точно сочетаніямъ въ русскомъ языкѣ; напр. церк.-слав. **братъ, грабити, плакати, класти, грѣхъ, грѣти, крѣпость, клѣть, слѣпъ, плѣшь** и т. п. вполнѣ соотвѣтствуютъ такимъ же русскимъ словамъ, какъ, съ другой стороны, русскія слова *пелена, зеленый, половина, беретъ* и т. п. соотвѣтствуютъ такимъ же точно словамъ церковно-славянскаго языка, и ихъ полногласіе мнимое. То и другое объясняется тѣмъ, что какъ церковно-славянскія сочетанія **ра, ла, рѣ** и **лѣ**, имѣющіяся въ указанныхъ словахъ и въ русскомъ языкѣ, такъ и мнимо-полногласныя сочетанія *оло, еле, ере*, имѣющіяся и въ церковно-славянскомъ языкѣ, происходятъ не отъ обще-славянскихъ *ар, ал, ер, ел* съ предыдущимъ и послѣдующимъ согласнымъ звукомъ, а отъ другихъ звуковыхъ сочетаній. Далѣе, слѣдуетъ еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что въ русскомъ литературномъ языкѣ есть много словъ безъ полногласія, хотя послѣднее должно бы быть въ этихъ словахъ. Это объясняется вліяніемъ церковно-славянскаго языка на русскій литературный, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

ч, то оно, кромѣ русскаго языка, встрѣчается еще въ словинскомъ; напр., русск. *хочу*, слов. *hoczem*, *hoczo*, ц.-слав. **хощѫ**, серб. *хоћу* (ћ=*тъчъ*), или *ћу*, польск *chcę*.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ особенностей, въ русскомъ языкѣ мы найдемъ и другія характерныя черты, дающія этому языку право на особое самостоятельное положеніе въ средѣ славянскихъ нарѣчій.

Къ болѣе древнимъ принадлежатъ слѣдующія.

III. **Звукъ *о* вм. *е* (*je*) въ началѣ словъ.** Употребленіе начальнаго *о* вм. общеславянскаго *е*, напр. *озеро*, *одинъ*, *осень*, *олень*, *омёла*, *още* и т. п. вм. **ѥзеро**, **ѥдинъ**, **ѥсень**, **ѥлень**, **ѥмела**, **ѥще** и т. п., что находимъ въ прочихъ слав. языкахъ.

Спорадически *о* вм. **ѥ** встрѣчается, впрочемъ, и въ другихъ слав. языкахъ; напр, въ болгарскомъ *одна*, *още*, въ чешскомъ и словацкомъ *oseň*, *omela* и нѣк. др.

IV. **Замѣна носовыхъ звуковъ.** Носовые звуки, обозначенные изобрѣтателями церковно-славянской азбуки (кириллица) черезъ **ѫ** и **ѧ** и существовавшие въ обще-славянскомъ языкѣ, замѣнились въ русскомъ гласными *у* и *я* (послѣ шипящихъ *а*); напр. *дубъ*, *мясо*, *жать*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ эти носовые звуки: а) или сохранились: въ церковно-славянскомъ (**дѫбъ**, **мѧсо**, **жѧти**, **ѧдо**), въ польскомъ языкѣ (*dąb*, *mięso*), въ полабскомъ (*dǫb*, *pǫty*) и въ кашубскомъ (*mąka*, *pięć*); б) или замѣнились гласными звуками, но *по иному*, чѣмъ въ русскомъ языкѣ; такъ, въ сербскомъ языкѣ **ѫ** = *у*, а **ѧ** = *е*, напр. *дуб*, *месо*; въ словинскомъ **ѫ** = *u* или *o*, **ѧ** = *e*, напр. *dob*, *mũka*, *ruka*, *mêso*, *pêt*; въ чешскомъ **ѫ**=*u*, *ou*, а **ѧ**=*a*, *e*, *ie*, *i*, напр., *ruka*, *mouka*, *pata* (**пѧта**), *pêt* (**пѧть**), *vzêti* (**вꙁѧти**), *kliti* (**клѧти**); въ словацкомъ **ѫ**=*u*, **ѧ**=*ea* (дифтонгъ), *ja*, *a*, *ia* (дифтонгъ), напр. *dub*, *peat* (**пѧть**), *jacmen*, *zati* (**жѧти**), *sviazat* (**свѧꙁати**), *riad* (**рѧдъ**) и др.; въ сербо-лужицкомъ **ѫ** = *u*, **ѧ** =*ja*, *je*, *ê* напр, *dub*, *ruka*, *jazyk*, *knjez*, *mjaso* и *mêso* и т. п.

Такимъ образомъ, хотя замѣна юсовъ черезъ *у* и *я* встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ, но въ послѣднихъ

л можетъ въ то же время замѣняться и другими гласными звуками.

V. **Замѣна слоговыхъ** *л* **и** *р*. Въ общеславянскомъ языкѣ существовали плавные слоговые *л* и *р* (т.-е. *л* и *р*, составлявшіе слогъ, по своей близости къ гласнымъ звукамъ), которые въ церковно-славянскомъ письмѣ изображались въ видѣ **лъ**, **ръ**, **ль**, **рь**, напр., **влъкъ**, **плънъ**, **слънце**, **тръгъ**, **чльнъ**, **прьвыи**.

Въ русскомъ языкѣ эти слоговые *л* и *р* перешли въ *ол*, *ор*, *ел*, *ер*, напр., *волкъ*, *полнъ*, *торгъ*, *челнъ*, *первый*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ слоговые *л* и *р* частью остались, частью замѣнились чистыми гласными, частью, наконецъ, дали иныя сочетанія, чѣмъ въ русскомъ языкѣ. Такъ, напр., въ ц.-славянскомъ, сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ и словацкомъ слоговое *р* сохранилось: **тръгъ**, *први*, *трг*, *trh*, *prvy;* въ польск. перешло въ *ar*, *ier*, напр. *targ*, *gardło*, *twardy*, *pierwszy* и т. д. Что касается слогового *л*, то въ церковно-славянскомъ и чешскомъ (отчасти) оно сохранилось, напр. **слънце**, *vlna*, *plny*, *Plzen;* въ сербскомъ замѣнилось гласнымъ *у*, напр. *сунце*, *вук* (волкъ), *пун* (**плънъ**) и др.; въ польскомъ перешло въ *łu*, *eł*, *oł* и *il*, напр. *dług* (**длъгъ**), *chełm* (**хлъмъ**), *młowić* (древнее, нынѣ: *mówić* изъ **млъвити**), *czołn*, *milczeć* (**млъчати**), *wilk* и др.

Изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій по замѣнѣ плавныхъ *л* и *р* сочетаніями гласныхъ звуковъ *о* или *е* съ согласными *л*, *р* ближе другихъ къ русскому языку стоитъ сербо-лужицкій, въ которомъ *лъ* иногда замѣняется *ол* (*połny*, *połk*, *dołh*), а *ръ* и рь — *ор* (*horda*, *korczma*) и *er* (*pierwy*, *twerdy*); но рядомъ съ этимъ въ сербо-луж. нарѣчіи есть, напр., и польская замѣна слоговыхъ *л*, *р*, напр. *twardy*, *dług*, *słup* и т. п.

Строгая замѣна *лъ* (*ль*) сочетаніемъ *ол* (*ел*), а *ръ* (*рь*) — *ор* (*ер*) свойственно только русскому языку [1]).

---

[1]) Отъ слоговыхъ **л** и **р**, которые въ церковно-славянскомъ письмѣ свв. Кирилла и Мееодія обозначались сочетаніями съ **ъ** и **ь** — **лъ**, **ръ**, **ль** и **рь**, слѣдуетъ отличать *неслоговые* (согласные) **л** и **р**, послѣ которыхъ ставится **ъ** или **ь**, въ качествѣ глухихъ гласныхъ звуковъ, какими они были въ церковно-славянскомъ языкѣ

Есть и еще отличія русскаго языка отъ другихъ славянскихъ языковъ, но они сравнительно уже болѣе поздняго происхожденія, а потому я ихъ не привожу.

Славяновѣдѣніе, позаботившись отвести особое мѣсто русскому языку въ средѣ славянскихъ нарѣчій, ничего пока не успѣло сдѣлать опредѣленнаго для характеристики взаимныхъ отношеній между другими вѣтвями славянскихъ нарѣчій — западной и южной. Поэтому и признаки, характеризующіе нарѣчія западныя, въ отличіе отъ южныхъ, остаются пока прежніе, хотя и въ нѣсколько исправленномъ и подновленномъ видѣ, чѣмъ это было у Добровскаго.

Родословное дерево въ примѣненіи къ славянскимъ языкамъ.

А. Шлейхеръ, слѣдуя Добровскому, нарисовалъ родословное дерево славянскихъ языковъ въ такомъ видѣ (см. рис. 6). Но отъ выдѣленія русскаго языка по Востокову въ особую вѣтвь видъ этого дерева, конечно, совершенно измѣняется. Если не имѣть въ виду дѣленія западной и южной вѣтвей на отдѣльные сучья (ляшскую и чешскую), то родословное дерево славянскихъ языковъ въ этомъ случаѣ по Востокову, должно принять такой видъ (см. рис. 7).

Но изслѣдованія живыхъ славянскихъ языковъ показываютъ, что въ славянской семьѣ наблюдается то же явленіе, что и въ семьѣ индо-европейской, т. е., что они связаны между собою *цѣпью* непрерывныхъ сходствъ и разницъ. Поэтому, теоріей родословнаго дерева, хотя бы съ поправкой по Востокову, объяснять распаденіе праславянскаго языка и взаимоотношенія современныхъ славянскихъ языковъ не приходится. Къ нимъ, какъ къ индо-европейскимъ языкамъ, въ этомъ случаѣ болѣе примѣнима теорія Шмидта, которая, не допуская языковъ—прадѣдовъ, дѣдовъ и т. п., позволяетъ

въ эпоху св. Кирилла и Меѳодія, напр. **кръвь, блъха, крьстъ, пльвати** и т. п. Въ этихъ случаяхъ, съ переходомъ ъ и ь въ русскомъ языкѣ въ *о* и *е*, получились сочетанія *ро-ло-ре-ле: кровь, блоха, крестъ, плевать* и т. п.

объективно относиться ко всѣмъ индивидуальнымъ особенностямъ всѣхъ славянскихъ языковъ.

Теорія „волнъ" въ примѣненіи къ славянскимъ языкамъ.

По мнѣнію Шмидта, никакихъ посредствующихъ основныхъ славянскихъ языковъ не было: ни одинъ языкъ не далъ начала другому. Всѣ славянскіе языки образовались изъ одного праславянскаго путемъ постепенной дифференціаціи особенностей, свойственныхъ каждому языку. Зародыши всѣхъ славянскихъ діалектовъ были уже въ праславянскомъ языкѣ, при чемъ ихъ географическое распредѣленіе было приблизительно такое же, какое мы замѣчаемъ и теперь. Въ то время, когда славяне жили одной семьей, въ ихъ языкѣ были и мягкія *d* и *t* (*дѣдъ, тѣло*), и сочетанія *dł* и *tl* (*sadło, pletl*), и сочетанія *ar, al* (*gard, galwa*) и т. п. особенности. Съ теченіемъ времени, въ разныхъ мѣстахъ праславянскаго языка возникли другія звуковыя явленія, которыя съ мѣста своего возникновенія стали распространяться, скажемъ, по кругамъ. Въ одних мѣстахъ мягкіе *d* и *t* сохранились или стали переходить въ шипящіе звуки *ж, жд*, ђ, *ч, щ*, ћ (у предковъ русскихъ, болгаръ, сербовъ), въ другихъ они перешли въ свистящіе *dz, c* (напр. у предковъ поляковъ); въ однихъ мѣстахъ сочетанія *dl, tl dn, tn* сохранились (западные славяне), въ другихъ явилась склонность отбрасывать зубные *d* и *t* въ этихъ сочетаніяхъ (восточные и южные славяне) и т. п. Тогда то и образовались тѣ примѣты, которыя въ настоящее время отличаютъ западную вѣтвь славянскихъ языковъ отъ юго-восточной. Географическое распредѣленіе этихъ примѣтъ было такое, какое мы видимъ теперь, и графически его можно представить такъ (см. рис. 8).

Степень древности того или другого славянскаго языка.

Если, по мнѣнію І. Шмидта, всѣ славянскіе языки — только братья между собой, и ни одинъ изъ славянскихъ языковъ не вышелъ изъ другого, то спрашивается: какой изъ этихъ братьевъ старше? Другими словами: какой изъ славянскихъ языковъ въ его современномъ состояніи болѣе другихъ языковъ сохранилъ черты общеславянскаго языка? На этотъ вопросъ славян-

ская наука не можетъ дать определеннаго отвѣта. Старшинство въ этомъ отношеніи могло бы опредѣляться тѣмъ, что одинъ, положимъ, славянскій языкъ сохранилъ только архаизмы, т. е. черты праславянскаго языка, а другой — напротивъ — замѣнилъ эти архаизмы разными новшествами, *неологизмами*,— въ звукахъ, формахъ, словарѣ. Но этого нельзя сказать ни про одинъ славянскій языкъ, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ *свои* архаизмы и *свои* неологизмы, отличные отъ архаизмовъ и неологизмовъ въ другомъ славянскомъ языкѣ. Сравнимъ, напр., польскій языкъ съ русскимъ. Въ польскомъ языкѣ есть, напр. носовые звуки *ą, ę (dąb, mięso)* и твердое *ch (chytry, chyż)*—то и другое остатокъ праславянскаго языка, не извѣстный уже языку русскому, въ которомъ носовые замѣнились чистыми гласными звуками *у—я (дубъ, мясо)*, а твердое *х* утратилось *(хитрый, хижина)*. Но рядомъ съ этимъ въ польскомъ языкѣ утратились, напр., мягкіе *d, t* и *r*, потому что, становясь мягкими, эти *d, t* и *r* теряютъ свое качество и превращаются въ другіе звуки *dz, c* и *rz (dziad, ciało, rzeka)*, чего не знаетъ русскій языкъ, который тутъ сохранилъ праславянскіе мягкіе *(дѣдъ, тѣло, рѣка)*. Далѣе: польскій языкъ утратилъ *подвижное* удареніе, замѣнивъ его постояннымъ на 2-мъ слогѣ отъ конца; русскій языкъ, напротивъ, сохранилъ праславянское подвижное удареніе и т. п. То же слѣдуетъ сказать объ архаизмахъ и неологизмахъ другихъ славянскихъ языковъ: въ однихъ — одни архаизмы, въ другихъ — другіе и т. д. Поэтому ни одинъ изъ современныхъ живыхъ славянскихъ языковъ не можетъ быть названъ *старшимъ* братомъ, и всѣ они, такъ сказать, однолѣтки въ отношеніи къ праславянскому языку, своему отцу.

Поэтому мнѣніе, напр., сербскаго ученаго Даничича, что изъ всѣхъ славянскихъ языковъ ближайшимъ къ праславянскому слѣдуетъ считать сербскій яз. такъ же неправильно, какъ и мнѣніе русскаго ученаго проф. Кочубинскаго, который эту близость признавалъ за русскимъ языкомъ. Нѣкоторое исключеніе представляетъ только древній-церковно-славянскій языкъ. Какъ языкъ

мертвый, застывшій въ звукахъ и формахъ X—XI в.в., онъ, въ сравненіи съ новыми славянскими (живыми) языками, заключаетъ, конечно, *больше* архаизмовъ; но и только. Это однако вовсе не исключаетъ возможности, что въ новыхъ славянскихъ языкахъ найдутся архаизмы, которые и въ древнеславянскомъ языкѣ замѣнились уже въ X -- XI в. неологизмами.

Поэтому утверждать, что тотъ или другой славянскій языкъ заключаетъ въ себѣ только одни архаизмы будетъ такъ же неправильно, какъ и говорить, что извѣстный славянскій языкъ отличается одними лишь новшествами въ фонетикѣ и этимологіи. Нѣтъ, архаизмы разсѣяны по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, но только они не вездѣ одни тѣ же: въ одномъ нарѣчіи сохраняется одна древность, въ другомъ другая; наконецъ, оба нарѣчія свои индивидуальныя особенности развиваютъ самостоятельно и независимо другъ отъ друга изъ какой нибудь одной общей праславянской черты. Возьмемъ, напр., полногласіе русскаго языка. Русскія сочетанія *оло — оро, еле—ере* такъ же древни и такъ же непосредственно восходятъ къ праславянскимъ *al, ar, el, er,* какъ и юго-славянскія *ра, ла, рѣ, лѣ* или польскія *„lo, ro“ (голодъ—гладъ—glód* и т. п.) и т. д.

То же слѣдуетъ сказать про отдѣльныя нарѣчія въ предѣлахъ одной и той же группы славянскихъ языковъ. Относясь вполнѣ безпристрастно къ дѣлу, мы не имѣемъ права утверждать ни того, что, напр., нарѣчіе малорусское древнѣе великорусскаго, или — наоборотъ, ни, тѣмъ менѣе, того, что одно изъ русскихъ нарѣчій дало начало другому. Словомъ, болѣе внимательное изученіе фонетики и грамматическихъ формъ славянскихъ языковъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что отношенія между этими языками нельзя объяснять вѣтвями и сучьями генеологическаго дерева. Впрочемъ, и теорія „волнъ“ не въ состояніи разрѣшить всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ классификаціей славянскихъ языковъ. Поэтому строго научная классификація этихъ языковъ пока еще дѣло будущаго.

НАРѢЧІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Восточные славяне, оставшіеся въ мѣстахъ своей первоначальной осѣдлости въ Европѣ, расширились далѣе на востокъ и сѣверъ, за р. Днѣпръ, къ бассейну р. Оки и къ р. Волгѣ съ одной стороны и къ побережью Финскаго залива—съ другой. Не мало было отдѣльныхъ племенъ этихъ славянъ и съ разными сосѣдями граничили они: на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ—съ финскими племенами, на западѣ съ литовцами и поляками, на югѣ и юго-востокѣ—съ иранскими и турецко-татарскими народами, а отчасти и съ греками. Были, конечно, у восточныхъ славянъ и связи съ этими сосѣдями, не только дружественныя, но и родственныя; такъ, на сѣверо-востокѣ финская кровь, несомнѣнно, влилась съ жилы русскихъ племенъ; на сѣверѣ съ русской кровью смѣшивалась норманская, на югѣ—иранская и т. п. Но не смотря на это восточные славяне въ язычномъ отношеніи представляли и представляютъ *одно цѣлое* на всемъ протяженіи занятой ими территоріи. Всѣ они говорили на одномъ т. н. *общерусскимъ* языкѣ, подъ которымъ слѣдуетъ понимать совокупность коренныхъ элементовъ и формъ, лежащихъ въ основѣ всѣхъ современныхъ русскихъ нарѣчій и выдѣляемыхъ путемъ 1) устраненія позднѣйшихъ наслоеній въ русскихъ нарѣчіяхъ и 2) возведенія общихъ чертъ къ ихъ первообразамъ

Единство обще-русскаго языка. Единство этого общерусскаго языка заключалось и заключается въ слѣдующемъ: во 1) въ отсутствіи чуждыхъ, инородческихъ примѣсей въ фонетикѣ и грамматическомъ строѣ примѣсей—финскихъ, иранскихъ, турецко-татарскихъ и др.; во 2) въ единствѣ лексическомъ, т.-е, въ единствѣ корней русскаго языка, насколько въ нихъ выразилось основное міросозерцаніе всѣхъ русскихъ племенъ; въ 3) въ единствѣ синтаксическихъ формъ, способовъ построенія рѣчи и вообще стилистическихъ пріемовъ, обусловленныхъ, какъ извѣстно, единствомъ эпическаго воззрѣнія, и, наконецъ, въ 4) въ единствѣ морфологіи языка. Что касается звуковъ, какъ проявленія эвфонической потреб-

ности человѣка, то здѣсь единство могло ограничиваться только очень немногимъ, вообще же однообразія здѣсь не было и не могло быть. Характеръ произношенія того или другого звука прямо зависитъ отъ личности говорящаго, его духовныхъ и тѣлесныхъ свойствъ и способностей. Въ области звука постоянно происходятъ движенія, которыя, съ разными переворотами въ жизни племенъ, могутъ оказать значительное вліяніе и на весь организмъ языка. Строго говоря, отдѣльныхъ говоровъ того или другого языка (на почвѣ произношенія звуковъ) существуетъ столько, сколько людей и столько группъ этихъ говоровъ, сколько отдѣльныхъ общественныхъ ассоціацій.

Поэтому, уже самое дѣленіе русскаго народа на племена, жившія еще въ XI. в. и позднѣе болѣе или менѣе обособленной жизнью, предполагаетъ при общемъ единствѣ языка разныя діалектическія отличія. Каждое племя, по словамъ лѣтописца, тогда имѣло „свои обычаи и законъ отецъ своихъ, преданія, кождо свои правъ". Родовой бытъ, видѣвшій во всякомъ представителѣ другого рода большей частью врага, только усиливалъ замкнутость отдѣльныхъ племенъ. Какого нибудь объединяющаго начала, въ видѣ ли политическаго преобладанія одного племени надъ всѣми другими, или другихъ какихъ-либо культурныхъ преимуществъ (богатство, образованіе, литературный языкъ и т. п.) до призванія князей въ русской жизни не было. То и другое, конечно, должно было отражаться и на свободномъ развитіи діалектовъ отдѣльныхъ племенъ.

Но о русскихъ говорахъ въ эту отдаленную эпоху жизни русскаго народа у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній,

Немного мы можемъ сказать также и о русскихъ нарѣчіяхъ въ первые два вѣка появленія и распространенія въ Россіи христіанства и письменности. Въ литературныхъ памятникахъ XI—XIII в.в. мы имѣемъ дѣло съ буквами, которыя вообще не могутъ вполнѣ точно передать живыхъ звуковъ языка, а кромѣ того эти буквы были вѣдь изобрѣтены

для другого славянскаго языка, такъ называемаго старо- или церковно-славянскаго. При этомъ не слѣдуетъ еще забывать и того, что первые русскіе грамотники очень старательно переписывали церковно-славянскія книги, не желали отступать отъ подлинниковъ, имѣвшихъ при томъ же такое важное значеніе въ глазахъ христіанина, какъ книги св. Писанія и богослужебныя, —первыя по времени книги на славянскомъ языкѣ.

Но и при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ древне русскія рукописи все же даютъ указаніе на то, что русскій языкъ въ XI—XIII в. в. не представлялъ полнаго однообразія въ звукахъ, а, напротивъ, раздѣлялся на нѣсколько говоровъ, которые въ извѣстной степени совпадали съ дѣленіемъ русскаго народа на племена, упоминаемыя въ лѣтописи.

Говоръ кривичей и словѣнъ. По письменнымъ памятникамъ этого времени, можно прежде всего выдѣлить въ особую группу говоры *кривичей* и новгородскихъ *словѣнъ*. Это были говоры: новгородскій, псковскій и полоцко-смоленскій. Ихъ общая особенность состояла въ обоюдной замѣнѣ звуковъ *ч* и *ц*; такъ, въ однихъ мѣстахъ говорили: *цре(чрево), чвѣтъ (цвѣтъ), паличею* и т. д., въ другихъ — *сконцашася, нацальникъ, темницнымъ* и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ въ тѣхъ же говорахъ, особенно въ новгородскомъ, звукъ *ѣ* часто смѣшивался съ *и*, и наоборотъ, именно передъ мягкими слогами; напр., *лицемирѣство, терпиніе, человичь, при вечери* и др., а рядомъ: *извѣтіе* (вм. *извитіе*), *обѣтаетъ, апрѣль* (Aprilis) и т. п.

Псковское нарѣчіе, раздѣляя особенности новгородскаго говора, въ то же время отличалось одной характерной особенностью, свойственной только ему, именно - смѣшеніемъ звуковъ *ж* съ *з*, *ш* съ *с* и наоборотъ, напр. *зеланіе* (желаніе), *прилѣзно, озиве* (оживе), *васи* (ваши), *несося* (несоша) и т. п. съ одной стороны, и *прожябе* (прозябе), *на кладяжи* (кладязи), *ножѣ* (нозѣ), *вшю* (всю), *перши* (перси), *до шего* (сего) *дне* и т. п.—съ другой. Изъ этихъ говоровъ въ настоящее время сохранились только новгородскій и отчасти псковскій. Первый можно услышать не только въ Новгородѣ,

но почти во всей сѣверной полосѣ Россіи, которая еще въ древности была заселена выходцами изъ Великаго Новгорода. Псковскій говоръ сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петербургской, Псковской (около озера Псковского) и на сѣверѣ Смоленской губ., гдѣ можно до сихъ поръ услышать *рогозка, зелѣзный, золудь* и т. п.

Говоръ дреговичей. Говоръ древнихъ дреговичей, отъ котораго пошло бѣлорусское нарѣчіе русскаго языка, въ XII — XIII в. в. не выдѣлялся какими либо рѣзкими особенностями и былъ очень близокъ къ говору средне-русскому (вятичей, радимичей и сѣверянъ), который впослѣдствіи вмѣстѣ съ сѣверно-русскимъ говоромъ (кривичей и словѣнъ) образовалъ велико-русское нарѣчіе. Въ свою очередь, и средне-русскій говоръ въ XI — XIII в. в. не отличался ничѣмъ характернымъ: въ немъ замѣчалось только отсутствіе тѣхъ особенностей, которыя были свойственны кривичскимъ говорамъ.

Галицко-Волынскій говоръ. Это – говоръ южно-русскихъ племенъ, частью полянъ, дулѣбовъ, волынянъ, бужанъ, тиверцевъ и угличей, предокъ нынѣшняго малорусскаго нарѣчія. Въ XI — XIII в. в. онъ также отличался очень немногими особенностями, сравнительно съ другими нарѣчіями русскаго языка; такъ, въ нѣкоторыхъ памятникахъ изрѣдка встрѣчаются: а) *ѣ* вм. *е* въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ изъ этого *е* образовалось малорусское *і*, напр. *шѣсть = шість, пѣщь = піч*, *весѣліе=весілле* и т. п., б) *у* вм. *в* и наоборотъ, напр. *уселися* (вселися), *вꙋгоденъ* (угоденъ), *навъчити*, в) *жч* вм. *жд*, напр *дожчь, вꙋжчелѣша* и др., г) *ꙑ* вм. *и* и наоборотъ, напр. *просꙑти, милостина* и др. Но отличій галицко-волынскаго говора въ литературныхъ памятникахъ до-монгольскаго періода все же еще очень мало: большая часть особенностей малорусскаго нарѣчія появится и разовьется значительно позднѣе, съ XIV в.[1]).

---

[1]) см. академикъ *А. И. Соболевскій.* Лекціи по исторіи русскаго языка. Москва 1903 г. изд. 3.

Таково было состояніе древне-русскихъ говоровъ въ первую эпоху появленія письменности.

Хотя отраженіе въ письмѣ живыхъ говоровъ не было и не могло быть полнымъ, тѣмъ не менѣе это слабое отраженіе діалектовъ въ памятникахъ XI — XIII в. в. нельзя приписать одному только несовершенству письма и старанію русскихъ грамотниковъ строго слѣдовать церковно-славянскому письму, установленному свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Слабое отраженіе въ памятникахъ письменности діалектовъ, надо полагать, зависѣло также и отъ *слабаго* же развитія ихъ въ живой рѣчи; другими словами: въ XI — XIII в. в. русскіе говоры не успѣли еще въ достаточной степени обособиться. Они были въ то время еще очень близки другъ къ другу, подобно тому, какъ и русскій языкъ, во всей совокупности его діалектовъ, въ это время былъ еще очень близокъ къ другимъ славянскимъ языкамъ.

Особенности нарѣчій, на которыя въ настоящее время дѣлится русскій языкъ, явились позднѣе, и ихъ возникновеніе зависѣло частью отъ естественной склонности языка постоянно измѣняться, частью — отъ разныхъ историко-культурныхъ условій, какія пришлось пережить въ прошломъ тому или другому русскому племени.

Прежде всего постараемся припомнить, какъ разселились къ началу XI в. русскія племена на занятой ими территоріи и каковы были историческія условія, какія имъ пришлось потомъ пережить и какія могли содѣйствовать, съ одной стороны - ихъ обособленію другъ отъ друга, а съ другой — образованію изъ этихъ племенъ современныхъ этнографическихъ группъ русскаго народа, извѣстныхъ подъ названіемъ *великороссовъ, бѣлоруссовъ* и *малороссовъ*, съ ихъ нарѣчіями и говорами.

Разселеніе русскихъ племенъ къ началу XI в.

Въ началѣ русской исторіи всѣ русскія племена сгруппировались въ три племенные союза (сѣверно-средне и южно-русскій), объединенные, каждый въ отдѣльности, отчасти географической

смежностью, отчасти политическими и другими условіями, которыя заставляли племена, входившія въ нихъ, тяготѣть другъ къ другу.

Сѣверно-русскій племенной союзъ. Въ него вошли новгородскіе „словѣне", кривичи[1]) и финскія племена: Меря (г. Ростовъ), Весь (на Бѣлоозерѣ), Мурома (г. Муромъ), которыя въ эпоху призванія князей, надо думать, вполнѣ уже ославянились. Этому союзу принадлежалъ весь сѣверъ Россіи, т. е. области Новгородская, Владиміро-Суздальская, Ростовская и сѣверо-восточная часть Смоленской, значитъ — все верхнее и частью среднее Поволжье.

Средне-русскій племенной союзъ. Онъ состоялъ изъ дреговичей, радимичей (по р. Сожъ), вятичей (по р. Окѣ) и сѣверянъ. Эти племена занимали обширное пространство отъ бассейна Нѣмана до средняго теченія Оки включительно. Западной вѣтвью этой группы были дреговичи, жившіе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ литовцами и ляхами (поляками), восточною—сѣверяне (по р. Деснѣ, Сейму и Сулѣ), причемъ послѣдніе въ своемъ колонизаціонномъ движеніи на югъ и юго-востокъ доходили до р. Донца, который назывался въ старину „сѣверскимъ", и Дона, владѣли даже Тмутороканью (на полуостровѣ Тамани), которая, какъ извѣстно по лѣтописи, „тянула" къ г. Чернигову и вообще къ *сѣверской* землѣ. Съ паденіемъ Хазарскаго царства, простиравшагося по Дону и Волгѣ до предгорьевъ Кавказа, и съ появленіемъ въ южныхъ степяхъ печенѣговъ, половцевъ и другихъ кочевниковъ, славянское населеніе Хазаріи, т. е. восточные сѣверяне, вынуждены были отодвинуться къ сѣверу, вверхъ по Дону, въ область приокскую, въ землю Рязанскую, въ которой оно въ XII в. и осѣдаетъ.

Южно-русскій племенной союзъ. Въ него входили русскія племена, жившія на западѣ и югѣ отъ средне-русской племенной группы, именно: древляне, поляне, волыняне, бу-

---

[1]) Латыши и теперь называютъ всѣхъ русскихъ именемъ Kreews.

жане (по з. Бугу), дулѣбы (по ю. Бугу), угличи и тиверцы. Сѣверная граница этихъ южно-русскихъ племенъ шла нѣсколько сѣвернѣе рѣки Припети, восточная — по р. Днѣпру, который южно-руссы переходятъ только въ XIV в., а южная и западная границы подвергались рѣзкимъ колебаніямъ. Вся территорія, занятая южно русскими племенами, на сѣверѣ представляла лѣсистую область (Полѣсье), на югѣ степныя пространства. Сѣверъ занимали древляне и дулѣбы (на западѣ), степное пространство — волыняне, южнѣе которыхъ по низовьямъ Днѣпра жили угличи и тиверцы. Къ концу XI в. такое распредѣленіе южно-русскихъ племенъ рѣзко однако измѣнилось. Появленіе кочевниковъ въ черноморскихъ степяхъ заставило угличей и тиверцевъ двинуться отъ р. Днѣпра на западъ и юго-западъ и занять такъ называемое Понизовье (мѣстность между южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ), причемъ тиверцы распространились далѣе на сѣверо-западъ по р. Днѣстру и заняли нынѣшнюю Галицію до р. Санъ и за него. Вмѣстѣ съ угличами и хорватами, крайнею юго-западною отраслью южно-русскихъ племенъ, тиверцы образовали одно этнографическое и политическое цѣлое и создали Галицкое княжество.

Движеніе угличей и тиверцевъ на западъ и сѣверо-западъ отъ низовьевъ Днѣпра и ю. Буга отразилось на сосѣдяхъ, волынянахъ, которые вынуждены были, въ свою очередь, отодвинуться къ сѣверу, поселиться по верховьямъ южнаго и западнаго Буговъ и по р. Горыни и вытѣснить отсюда жившихъ здѣсь ранѣе древлянъ, бужанъ и дулѣбовъ; послѣдніе, отодвигаясь къ сѣверу, сталкиваются на сѣверо-западѣ съ литовскимъ народцемъ, ятвягами, и приходятъ въ соприкосновеніе съ дреговичами, съ которыми и образуютъ смѣшанное населеніе по обоимъ берегамъ р. Припети. Другая часть дреговичей отодвигается къ сѣверу и оттѣсняетъ полоцкихъ и изборскихъ кривичей, которые тоже частью смѣшиваются съ находниками, частью отступаютъ къ сѣверу и востоку.

Это броженіе русскихъ племенъ, начавшееся съ появленіемъ въ черноморскихъ степяхъ разныхъ тюркскихъ народовъ (печенѣговъ, половцевъ и др.), продолжалось и въ болѣе позднюю эпоху; но оно приняло уже другой характеръ: изъ наступательнаго — въ поискахъ за новыми землями сдѣлалось оборонительнымъ по отношенію къ кочевавшимъ на югѣ ордамъ [1].

Объединеніе русскихъ племенъ при первыхъ Рюриковичахъ.

Съ призваніемъ князей русская земля, дробившаяся на отдѣльныя племенныя группы, жившія болѣе или менѣе независимо другъ отъ друга, начинаетъ объединяться. Это объединеніе совершается сначала на сѣверѣ, въ средѣ сѣверно-русскихъ племенъ, ильменскихъ славянъ и кривичей, при чемъ политическимъ центромъ на первыхъ порахъ является Новгородъ. Предводительствуемые воинственными норманнами, сѣверно-русскія племена въ теченіе столѣтія мало-по малу втянули въ свой союзъ и другія племенныя группы, средне-и южно-русскія, которыя и присоединились частью добровольно, частью по принужденію. Объединеніе русскихъ племенъ, сильное на сѣверѣ и слабое на югѣ Россіи, поддерживалось: 1) сильной центральной властью,—въ лицѣ первыхъ Рюриковичей, кончая Ярославомъ Мудрымъ; 2) опасностью, постоянно угрожавшею со стороны степныхъ кочевниковъ и въ 3) явившимся въ концѣ X в. въ Россіи христіанствомъ и церковною письменностью, распространившейся изъ Кіева и земли полянъ по всѣмъ другимъ областямъ до-монгольской Руси. Высшаго напряженія централизація и единство русской земли достигли при Ярославѣ Мудромъ, который ревностно продолжалъ дѣло св. Владиміра: защищалъ и оберегалъ русскую территорію отъ степныхъ ордъ и запад-

---

[1] О русскихъ племенахъ, ихъ разселеніи и границахъ мѣстожительства въ эпоху призванія князей и позднѣе см. у *Грушевскаго.* Історія Украіни Руси у Львові 1898 г. т. I и академика *А. А. Шахматова.* Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. Спб. 1899 г. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, апрѣль), взглядъ котораго на разселеніе русскихъ племенъ тутъ и излагается.

ныхъ враговъ (литва, поляки), заселялъ сѣверо-востокъ и усердно заботился о распространеніи христіанства и образованности. При немъ древняя Русь отъ племеннаго, болѣе или менѣе бродячаго быта, мало по малу переходитъ къ областному: вмѣсто полянъ, сѣверянъ, Мери и т. п. въ лѣтописи говорится со второй половины XI в. уже о кіянахъ, черниговцахъ, переяславцахъ, суздальцахъ и т. п.

Но областной бытъ и вообще новый строй жизни обособляли интересы отдѣльныхъ областей, а съ другой стороны не могли, конечно, вполнѣ заглушить и рознь племенную. То и другое подготовило, отчасти даже вызвало, удѣльную систему, которая внесла новые факторы, содѣйствовавшіе раздробленности и розни древне-русскихъ областей.

Удѣльно-вѣчевой строй. Со смертью Ярослава I († 1054 г.) наступилъ удѣльно-вѣчевой порядокъ на Руси. По удѣльно-вѣчевому праву вся русская земля считалась собственностью цѣлаго княжескаго рода. Отдѣльные князья этого рода были только *временными* владѣтелями того или другого удѣла, а потому переходы изъ одного удѣла въ другой были, какъ извѣстно, тогда обычнымъ явленіемъ. Во главѣ всѣхъ князей стоялъ старшій въ родѣ—великій князь Кіевскій. Владѣть удѣломъ и связанными съ нимъ правами могли лишь тѣ князья, отцы которыхъ достигали при жизни старшинства, т. е. умирали на велико-княжескомъ престолѣ; остальные князья исключались изъ общаго союза и навсегда лишались не только права достиженія Кіевскаго стола, но даже права владѣнія *отчиною* (удѣлъ, которымъ владѣлъ отецъ извѣстнаго князя), если та, по требованію первородства, должна была перейти къ какому-нибудь князю, болѣе старшему въ родѣ (напр., старшему дядѣ, его дѣтямъ, внукамъ и т. п.), имѣвшему право на великокняжескій престолъ. Такіе князья назывались *изгоями* [1]). Они добы-

---

[1]) Вообще *изгоемъ* въ древности назывался человѣкъ, который почему-либо не могъ оставаться въ прежнемъ состояніи и не примкнулъ еще къ какому либо новому; напр., сынъ священника, не обучившійся грамотѣ, холопъ, выкупившійся

вали себѣ удѣлъ либо по милости своихъ родичей, либо—что случалось чаще по своей личной предпріимчивости. Такой удѣлъ, достававшійся князю-изгою большею частью на окраинахъ русской земли, становился уже его неотъемлемою собственностью и переходилъ въ его родъ, по праву наслѣдства.

Изгойныя княжества. Въ XI столѣтіи на окраинахъ Руси, сѣверо-западной и юго-западной, образовались два такихъ главныхъ изгойныхъ удѣла: полоцкій и галицкій. Земля полоцкая досталась Изяславу Владиміровичу, по его матери Рогнѣдѣ, княжнѣ полоцкой, и перешла въ его родъ, такъ какъ Изяславъ умеръ († 1001 г.) еще при жизни св. Владиміра, т. е. не былъ вел. княземъ. Область галицкая досталась внукамъ Владиміра Ярославича (сына Ярослава Мудраго), который тоже умеръ († 1052) при жизни отца († 1054), т. е. не побывавъ великимъ княземъ кіевскимъ. Такимъ образомъ, земля полоцкая съ первой половины XI в. и галицкая съ второй половины стали жить болѣе или менѣе самостоятельной жизнью, внѣ обще русской политической жизни, сердце которой билось въ Кіевѣ. Хотя князья этихъ изгойныхъ удѣловъ и принимаютъ нѣкоторое участіе въ дѣлахъ Кіевской Руси, но главные интересы ихъ и всего населенія были другіе: съ одной стороны ихъ вниманіе сосредоточивалось главнымъ образомъ на внутреннихъ дѣлахъ, съ другой — имъ приходилось вести борьбу съ сильными сосѣдями иноплеменниками — литовцами, поляками, венграми. Эта обособленность политическихъ интересовъ содѣйствовала, конечно, сильному разви-

---

изъ холопства, задолжавшій купецъ. Такими же изгоями, т. е. исключенными изъ родового княжескаго союза, лишенными права на старшинство — на занятіе того или другого удѣла и велико-княжескаго стола въ Кіевѣ, считались и тѣ князья, отцы которыхъ умирали, не побывавъ старшинами рода. Къ такимъ князьямъ—изгоямъ принадлежали, напр., сыновья и ихъ потомство второго брата, скончавшагося при жизни перваго брата, сидѣвшаго на велико-княжескомъ столѣ; дѣти старшаго сына великаго князя, если этотъ сынъ умиралъ при жизни отца, что случилось, напр., Изяславомъ, скончавшемся въ 1001 году, т. е. при жизни отца— Владиміра Святого († 1015 г.).

тію областной жизни обоихъ изгойныхъ удѣловъ, а слѣдовательно — и отчужденію отъ обще-русской семьи, объединенной Кіевомъ и родовыми счетами удѣльныхъ князей. Дальнѣйшая исторія этихъ областей еще болѣе развила и укрѣпила индивидуальность ихъ населенія.

Юго-западная Русь. Галицкая область, доставшаяся изгоямъ Ростиславичамъ (Рюрикъ, Володарь, Василько), внукамъ Владиміра Ярославича, въ XII столѣтіи становится богатой и сильной страной, особенно при Ярославѣ Осмомыслѣ, внукѣ Володаря. Вспомнимъ, какъ прославляетъ, напр., авторитетъ и силу Ярослава Осмомысла, отличавшагося умомъ и энергіей, авторъ Слова о полку Игоревѣ. — „Галичькый Осмомысле! Высоко сѣдиши на своемь златокованѣмь столѣ, подперъ горы Угорьскыя своими желѣзными пълкы, заступивъ королеви (т. е. венгерскому королю) путь, затворивъ Дунаю ворота [1]), меча (т. е. метая) бремена черезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ". Но наступившія послѣ Ярослава Осмомысла († 1187 г.) внутреннія смуты (борьба галицкихъ бояръ) обезсиливаютъ Галичъ. Этимъ воспользовался сосѣдній воинственный и храбрый князь Волынскаго удѣла Романъ Мстиславичъ († 1205) [2]) (его тоже прославляетъ авторъ Слова о полку Игоревѣ, а въ лѣтописи по уму и храбрости онъ уподобляется своему предку Владиміру Мономаху) и въ 1199 году, послѣ смерти Владиміра Ярославича, присоединилъ галицкую область къ своей вотчинѣ. Образовавшееся такимъ образомъ Галицко-Волынское княжество, съ населеніемъ, однороднымъ въ обычаяхъ и языкѣ, утверждается въ родѣ Романа, а при сынѣ его Даніилѣ Романовичѣ достигаетъ наибольшаго своего роста и внутренняго развитія. Съ прекращеніемъ этого рода, падаетъ и по-

---

[1]) т. е. препятствовалъ венгерскому королю свободно плавать по р Дунаю, такъ какъ владѣнія Ярослава Осмомысла шли отъ Карпатскихъ (Угорскихъ) горъ до устьевъ рр. Серета и Прута.

[2]) Внукъ Изяслава († 1151) и правнукъ Мстислава († 1181), сына Владиміра Мономаха († 1125).

литическая независимость галицко-волынскаго княжества. Сначала оно въ XIV в. входитъ въ составъ Литвы, а затѣмъ Польши. Такова была судьба Червонной Руси, населеніе которой, тиверцы, угличи, хорваты, волыняне и бужане, впослѣдствіи образуетъ малорусскую народность русскаго народа.

Сѣверо-западная Русь. Судьба полоцкой (кривской) земли была нѣсколько иная, и обособленность ея отъ обще-русской земли была вызвана другими условіями. Географически полоцкая земля находилась въ единеніи и съ Новгородскою и съ Кіевской Русью, такъ какъ полоцкій удѣлъ лежалъ на перепутьи отъ Кіева къ Новгороду. Съ другой стороны, и населеніе полоцкой земли было очень смѣшанное (дреговичи, кривичи, радимичи, отчасти древляне и сѣверяне) и не могло стоять въ какомъ-либо антагонизмѣ съ населеніемъ Новгородской и Кіевской Руси.

Обособленіе полоцкой земли зависѣло главнымъ образомъ отъ политическихъ условій.

Послѣ смерти Брячислава († 1044 г.) и сына его Всеслава Полоцкаго († 1101 г.) родъ Изяслава Владиміровича очень размножился, а съ нимъ раздробилась на много мелкихъ удѣловъ и земля полоцкая: полоцкій, минскій, витебскій, друцкій, городенскій, слуцкій, изяславскій и др. Удѣльные князья ведутъ все время междоусобицы, ослабляютъ страну, и этой слабостью пользуются не только князья русскіе, входившіе въ родовой союзъ великаго княжества Кіевскаго, но и иноплеменники, князья литовскіе. Разноплеменность населенія, развитіе областного порядка и усиленіе городовъ съ одной стороны, невзгоды жителей отъ княжескихъ распрей и опасность, угрожавшая съ конца XII в. отъ ливонскаго ордена,— съ другой послужили причинами сближенія русскихъ съ воинственными литовцами. Частью по принужденію, частью добровольно подъ власть литовскихъ князей начинаютъ переходить города бывшаго полоцкаго удѣла, сначала кривичскіе (Полоцкъ, Витебскъ), затѣмъ дреговичскіе (Городно. Новгородокъ, Слонимъ, Волковыцкъ и др. Къ концу XIV в. подъ

власть Литвы перешли всѣ западно-русскія области, заселенныя кривичами, дреговичами и радимичами, а съ юга и востока (у р. Десны) черниговскими сѣверянами. Образовалось новое государство—Литовско-Русское, которое только въ незначительной своей части (на сѣверо-западѣ) было литовскимъ: огромное большинство областей были чисто-русскія. Составляя большинство населенія, русскія племена и въ культурномъ отношеніи стояли выше Литвы. Этимъ и объясняется, почему князья литовскіе Рынгольдъ, Миндовгъ, Войшелкъ, Витенъ, Гедиминъ, Ольгердъ, создатели литовско-русскаго государства, проводили въ политикѣ русскія начала, которыя все болѣе и болѣе отодвигали на заднiй планъ значеніе литвы и жмуди. Тѣмъ же самымъ объясняется и то обстоятельство, что объединительная политика литовскихъ князей не встрѣтила особеннаго отпора и со стороны тѣхъ удѣловъ Кіевской Руси, которые эти князья присоединяли къ литовско-русскому государству на югѣ и востокѣ: Витень, Гедиминъ и Ольгердъ, земли черниговскія, смоленскія, орловскія, калужскія и даже курскія. На востокѣ литовско-русскіе князья встрѣтятъ только сильный отпоръ въ лицѣ московскихъ князей.

Съ прекращеніемъ дома Даніила Романовича (около 1336 г.), въ составъ Литвы вошла Волынь, а Галиція съ землей Холмской была присоединена къ Польшѣ. Соединеніе Литвы съ польскимъ королевствомъ (1386 г.) окончательно оторвало русское населеніе этихъ государствъ отъ обще-русской семьи. Литовско-польское государство обезопасило свои владѣнія отъ кочевниковъ, благодаря чему Приднѣпровье, опустѣвшее было въ XIII в., стало быстро заселяться выходцами изъ Волыни, Подоліи и Галиціи. Переселенцы распространяются на востокъ, смѣшиваются съ порѣдѣвшими полянами, переходятъ Днѣпръ и занимаютъ мѣста, принадлежавшія сѣверянамъ и разнымъ степнякамъ.

Такимъ образомъ, объединеніе русскихъ племенъ подъ властью Литвы положило прочное начало той русской народности, которая извѣстна подъ названіемъ *бѣлорусской*, объединеніе же русскихъ племенъ, населявшихъ Галицію и Во-

лынь, сначала — подъ властью галицко-волынскихъ князей, а затѣмъ Литовско-Польскаго государства, послужило началомъ образованія *малорусской* народности [1]).

Кіевская Русь. Послѣ смерти Ярослава Мудраго княжескій родъ распался, и Кіевская Русь раздробилась на множество удѣловъ. Начавшіяся смуты „за старшинство" и вотчины обезсиливаютъ Русь и грозятъ ей политической гибелью. Власть великаго князя, оберегателя единства русской земли, постепенно теряетъ свою силу и не можетъ поддерживать этого единства; только такимъ лицамъ, какъ Владиміръ Мономахъ, удавалось на время сплачивать Кіевскую Русь въ одно цѣлое, съ успѣхомъ отражать набѣги кочевниковъ и властно обращаться со строптивыми и задорными удѣльными князьями. Кіевская Русь съ ея удѣльно-вѣчевымъ строемъ не могла осуществить ожиданій, возлагавшихся на нее, именно— *служить центромъ* вновь зарождавшагося государства восточныхъ славянъ. Съ другой стороны, и г. Кіевъ не могъ сдѣлаться центромъ и столицей этого новаго государства. Кіевъ лежалъ почти на рубежѣ со степью и постоянно подвергался нападеніямъ кочевниковъ: печенѣговъ, половцевъ и др.

Далѣе. При одноплеменномъ составѣ Кіева и его округа (только поляне [2]), въ немъ не могла утвердиться и сильная

---

[1]) Названіе „Бѣлая Русь" восходитъ къ половинѣ XIII в. и впервые встрѣчается у нѣмецкихъ и польскихъ писателей (Weizzen Reuzzen, Alba Russia). Это названіе, надо полагать, возникло, какъ эпитетъ по внѣшнему виду бѣлоруссовъ: они въ большинствѣ случаевъ блондины, съ голубыми или свѣтло-сѣрыми глазами, одѣваются въ бѣлыя свитки, бѣлые „кожухи" (тулупы) и носятъ бѣлыя шапки (магерки). Названіе „Черная Русь", встрѣчающееся также у иностранныхъ писателей (Rossia Nigra), примѣняется то ко всей юго-западной Бѣлоруссіи, то только къ Новгородскому и Лидскому уѣздамъ и находится, вѣроятно, въ связи съ черными кафтанами жителей. Имя „Малая Русь" восходитъ къ концу XIII в. и примѣнялось сначала только къ Галиціи и Волыни, а съ XIV в. распространилось и на Кіевщину (см. *Е. Ѳ. Карскій.* Бѣлоруссы, т. I. Введеніе въ изученіе языка и народной словесности. Варшава 1903).

[2]) Территорія, которую заселяли поляне, была очень небольшая. На востокѣ ея границу составлялъ Днѣпръ, на сѣверѣ р. Ирпень, на югѣ—р. Рось; западный рубежъ пролегалъ гдѣ-то недалеко отъ Днѣпра, по всей вѣроятности—возлѣ верховьевъ рѣкъ Ирпени и Роси. Политическія границы Кіевской земли,

княжеская власть, которая въ то время была крайне необходима для введенія и укрѣпленія государственнаго строя: князю постоянно приходилось считаться съ вѣчемъ стольнаго города. По той же причинѣ и другіе города, входившіе въ княжескій союзъ Кіевской Руси, не могли также возвыситься до центровъ слагавшагося государства, такъ какъ вѣчевой строй, ослаблявшій княжескую власть въ г. Кіевѣ, былъ силенъ также и въ Новгородѣ, и въ Черниговѣ, и въ Переяславлѣ и въ другихъ городахъ.

Наконецъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Кіевской Русью, и даже на счетъ ея, слагались и усиливались иноплеменныя государства (Литва, Польша), угрожавшія ее поглотить, что, дѣйствительно, и случилось въ XIV в.

Лучшіе люди XII в. понимали опасность распаденія русской земли и всячески старались предотвратить его (Владиміръ Мономахъ).

Къ числу такихъ лучшихъ людей принадлежалъ и Андрей Боголюбскій, сынъ Юрія Долгорукаго, внукъ Владиміра Мономаха. Въ лицѣ Андрея Боголюбскаго Русь нашла своего спасителя, такъ какъ онъ явился представителемъ уже новаго государственнаго порядка.

Въ противоположность своему отцу, Юрію Владиміровичу, который, добившись послѣ долгихъ кровопролитій великокняжескаго стола, бросилъ свой сѣверный (Ростовскій) удѣлъ и переселился въ Кіевъ, Андрей, сдѣлавшись великимъ княземъ (1169 г.), ставитъ въ Кіевѣ своего подручника, младшаго брата Глѣба, а самъ по прежнему остается княжить въ своемъ родовомъ гнѣздѣ—въ землѣ Владиміро-Суздальской. Этотъ поступокъ Андрея былъ событіемъ величайшей важности, событіемъ *поворотнымъ*, отъ котораго начинался на Руси новый порядокъ вещей. Значеніе Кіева было сведено на степень второстепеннаго удѣла, а центръ политической и

куда входили области древлянъ, частью—дреговичей, въ XI—XII в в. были значительно шире этнографическихъ, но главнымъ образомъ—только на сѣверѣ (р. Уша и даже Припеть) и на западѣ (р. Случь).

обще-русской жизни переходитъ на дальній сѣверо-востокъ, въ г. Владиміръ на р. Клязьмѣ. Вторженіе татаръ, опустошившихъ всю лѣвобережную Украйну (Переяславщина) и кіевскую землю, повело къ тому, что значительная часть населенія этихъ областей должна была уйти на сѣверъ и западъ. Кіевщина превратилась въ украйну русской земли; вмѣстѣ съ этимъ окончательно пало и значеніе Кіева. Въ это время и позднѣе сѣверо-восточныя области все болѣе и болѣе заселяются, сплачиваются въ одно цѣлое и вырабатываютъ новый государственный строй жизни, съ сильной единой властью, которая мало по малу и объединила впослѣдствіи всѣ русскія племена.

Населеніе Владиміро-Суздальской области, съ тѣхъ поръ какъ сюда были перенесены центры политическій и религіозно-церковный (перенесеніе митрополіи м. Максимомъ въ 1299 году), составилось изъ 2 племенныхъ группъ: 1) *сѣверно-русской* — кривичей, давнихъ поселенцевъ края, занявшихъ весь сѣверъ Россіи и среднее Поволжье, и 2) *средне-русской*: а) вятичей, явившихся сюда по р.р. Окѣ и ея притоку Москвѣ и б) сѣверянъ, которые пришли сюда изъ рязанской земли и осѣли среди русскаго и финскаго населеній края. Изъ соединенія этихъ народностей и образовалось *великорусское* племя. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится Москва, обѣ племенныя группы, сѣверная и средняя, поселились въ *непосредственномъ* сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Вотъ, между прочимъ, почему явилась надобность, помимо другихъ условій, перенести центръ зарождавшагося на сѣверо-востокѣ русскаго государства сначала изъ Ростова во Владиміръ, а потомъ въ Москву, т.-е. къ юго-западу отъ Владиміра почти на 200 верстъ. Вокругъ Москвы собиралась вся сѣверо-восточная Русь: сначала древняя Ростовско-Суздальская область и мелкіе черниговскіе удѣлы (Боровскъ, Верея, Кашира, Козельскъ), затѣмъ въ предѣлы великорусскаго государства были включены Рязань, Тверь, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ. Сосѣдство сѣверно-русскихъ племенъ съ средне-русскими на московской территоріи, несомнѣнно, должно было отразиться и

на языкѣ, которымъ заговорили москвичи, что, дѣйствительно, и случилось. Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ историческія условія, при которыхъ сложились и образовались три главныя русскія народности, населяющія въ настоящее время Россію: великороссы, бѣлоруссы и малороссы.

Причины распаденія обще-русскаго языка.

Теперь мы отмѣтимъ нѣкоторыя звуковыя перемѣны, которыя совершились въ обще-русскомъ языкѣ и послужили основаніемъ для распаденія его на три главныя нарѣчія: великорусское, бѣлорусское и малорусское.

Было время, такъ до XI в., когда въ общерусскомъ языкѣ такъ называемые полугласные звуки *ъ*, *ь* и *й* (послѣ гласныхъ звуковъ) произносились, какъ чистые гласные: *ъ*—какъ *о* (склонное къ *у*), *ь*—*е* (склонное къ *и*) и *й*—какъ *и*. Дальнѣйшая судьба *ъ* и *ь* была такая. Въ концѣ словъ они совершенно исчезли изъ произношенія, напр. *род—ъ*, *ноч-ь*, внутри же словъ они 1) либо тоже исчезли, напр. *къто*, *кънига*, *съдѣлати*, *вьсе* и др. 2) либо перешли въ чистые гласные звуки—*о* и *е*. Переходъ *ъ* въ *о*, а *ь* въ *е* зависѣлъ: 1) отъ ударенія, напр. *сóнъ* (изъ *съ́нъ*), *день* (изъ *дьнь*), *пéстръ* (изъ *пьстръ*) и т. п.; 2) отъ положенія въ слогѣ, за которымъ слѣдовали еще *ъ* и *ь* неслоговые, напр. *начатокъ* (изъ *начатъкъ*), *остатокъ(—тъкъ)*, *греческъ* (изъ *грьчьскъ*), *купеческъ(—чьскъ)* и т. п. и 3) если эти *ъ* и *ь* стояли при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ, напр. *блоха* (изъ *блъхá*), *доска* (изъ *дъска*), *яблоко(яблъко)*, *тревога(трьвога)*, *стекло(стькло)* и т. п. Что касается *и*, то оно перешло въ полугласный звукъ *й* (*й* краткое) послѣ гласнаго звука: *войско*, *мой* и т. п. изъ *воиско*, *мои* и т. п.

Исчезновеніе и проясненіе глухихъ въ русскомъ языкѣ окончательно завершились къ XIV в.

На организмъ языка исчезновеніе *ъ*, *ь* и появленіе неслогового *й* оказало большое вліяніе, которое въ разныхъ нарѣчіяхъ обнаружилось однако по разному. Въ говорахъ сѣверныхъ и средне-русскихъ это исчезновеніе повліяло глав-

нымъ образомъ на измѣненіе согласныхъ звуковъ: ассимиляція, выпаденіе, отвердѣніе и пр.

Образованіе возмѣстительной долготы.

Напротивъ, въ говорахъ южно-русскихъ, именно въ галицко-волынскомъ, эта утрата гласныхъ *ъ, ь* и *и* повліяла на измѣненіе гласныхъ звуковъ. Когда *ъ, ь* потеряли свое гласное произношеніе и появилось *й,* то въ южно-русскихъ говорахъ это повело къ тому, что мы видимъ въ западно-славянскихъ языкахъ (напр. въ польскомъ, чешскомъ), т.-е. къ образованію *долгихъ гласныхъ звуковъ* изъ предшествующихъ чистыхъ (не изъ *ъ* и *ь)* *о* и *е,* какъ бы въ возмѣщеніе потери конечныхъ гласныхъ *ъ, ь* и *и.* Такъ, изъ первоначальныхъ *волъ, конь, твои, гнои, горько, доброволъно, пановъ, шесть, печь, веселье, несъ* и т. п. образовалось сначала *воол, коон, твоой, гноой, гоорь ко, добровоольно, паноов, шеесть, пеечь, весеелье, неес* и т. п. Эти долгіе звуки *о* и *е* затѣмъ, къ XIV в., переходятъ либо въ двоегласные (дифтонги), *о* въ *уо, е*—въ *юо,* либо въ звуки *у(о)* и *і(е).* Поэтому, въ разныхъ говорахъ современнаго малорусскаго языка, вмѣсто великорусскаго произношенія предыдущихъ словъ, мы услышимъ *вуол, вул,* и *вил* [1]); *куонь, кунъ* и *кинь, твуой* и *твий, ћний, ћирько, нижъ*(ножъ), *добровульно, панув, шіесть* и *шисть, піечь* и *пічь, весилле, нюс* и *нис* и т. п. (ср. польск. и чешск. *nóz, wóz,* чеш. *vuóz, ogród, mój, stój* и т. д.).

Къ тому же времени въ галицко-волынскомъ говорѣ звукъ *ы* сблизился, а по мѣстамъ и вполнѣ отождествился въ произношеніи съ звукомъ *и,* а *ѣ* перешло въ дифтонгъ *іе* или *і,* напр. *Давыда, мылый, димъ, миши*(мыши), *діты*(дѣти), *гріехъ* и *гріхъ*(грѣхъ), *біес* и *біс*(бѣсъ), *человіче, біелии* и *білий*(бѣлый), *діевка* и *дівка*(дѣвка) и т. п.

Когда эти фонетическія перемѣны произошли въ галицко-волынскихъ говорахъ, тогда обще-русскій языкъ распался на

---

[1]) Буквою *и* тутъ обозначается звукъ средній между *ы* и *и,* а буквою „і“—мягкое великорусское „*и*“.

2 главныя нарѣчія: сѣверо-восточное, или великорусское, и юго-западное, или малорусское.

Отдѣлившись другъ отъ друга, оба эти нарѣчія затѣмъ уже самостоятельно выработали новыя индивидуальныя особенности.

Аканье. Такъ, въ южной части сѣверо-восточнаго нарѣчія, въ говорахъ средне-русскихъ племенъ, около XIV в. явно обнаруживается такъ называемое *аканье*, т.-е. произношеніе неударяемыхъ *о* и *е*, какъ *а* и *я*, напр. *вада*(вода), *аһбнъ*(огонь), *бяру*(беру), *нясу*(несу) и т. п. На основаніи этого аканья, все великорусское нарѣчіе раздѣлилось на 2 группы говоровъ: *сѣверно-великорусскіе* говоры и *южно-великорусскіе*, акающіе.

Дзеканье и цеканье. Около XIV—XV столѣтія въ западной вѣтви южно-великорусскаго нарѣчія, въ говорѣ древнихъ дреговичей, радимичей и ихъ ближайшихъ сосѣдей, полоцкихъ и смоленскихъ кривичей, обнаружилось новое явленіе, именно—*дзеканье и цеканье*, т.-е. произношеніе мягкихъ *д* и *т* какъ *дз* и *ц* свистящія (а не шипящія, какъ въ польскомъ языкѣ), напр. *дзядзя, биць, цяперъ, цвярдзиць* и т. п. Эта особенность, вмѣстѣ съ другими фонетическими чертами, выработанными западной вѣтвью частью вмѣстѣ съ сосѣдними малорусскими говорами, частью подъ вліяніемъ польскаго языка (твердость *р*), выдѣлила западную вѣтвь южно-великорусскаго нарѣчія въ особое нарѣчіе, получившее названіе *бѣлорусскаго*.

Къ XVI в. русскіе говоры дифференцировались окончательно, и съ тѣхъ поръ въ звуковомъ и формальномъ отношеніяхъ къ нимъ не прибавилось ничего важнаго. Измѣнился только словарь, въ смыслѣ разныхъ заимствованій изъ чужихъ языковъ, да произошли разныя территоріальныя перемѣны тѣхъ или другихъ нарѣчій и говоровъ русскаго языка: одни распространились насчетъ другихъ, что особенно слѣдуетъ сказать о великорусскомъ нарѣчіи русскаго языка, которое, вслѣдствіе колонизаціи великороссовъ на востокѣ и юго-востокѣ Россіи, захватило большія пространства, раньше

XVI в. ему не принадлежавшія, а въ видѣ литературнаго языка сдѣлалось рѣчью всей не только образованной, но и читающей Россіи [1]).

I. Великорусское нарѣчіе русскаго языка.

Великороссами слѣдуетъ называть потомковъ тѣхъ сѣверно-и средне-русскихъ племенъ, которыя, послѣ паденія Кіева, какъ политическаго и культурнаго центра древней Руси, сосредоточились на сѣверо-востокѣ Россіи, главнымъ образомъ въ бассейнѣ средняго теченія Волги, и общими усиліями образовали сначала владиміро-суздальское княжество, а потомъ и московское государство. Великороссія въ тѣсномъ смыслѣ слова обнимаетъ губерніи, занимающія сѣверъ и средину великой русской равнины, въ бассейнахъ Волги, С. Двины, Онежскаго, Ладожскаго и Ильменскаго озеръ, а также р. Дона, за исключеніемъ части земли войска Донского. Западная и южная граница великорусскаго племени идетъ въ настоящее время отъ Бѣлаго моря къ Онежскому озеру, далѣе — по р. Свири и южному берегу Ладожскаго озера и нѣсколько сѣвернѣе Петербурга упирается въ Финскій заливъ; потомъ по р. Наровѣ, Чудскому и Псковскому озерамъ, по рѣкѣ Великой (нѣсколько западнѣе ея) къ югу до г. Опочки; отъ него—на востокъ по южнымъ уѣздамъ Псковской губ. и части Тверской до г. Ржева на Волгѣ; оттуда къ югу по восточнымъ уѣздамъ Смоленской, западнымъ Калужской, Орловской и Курской до р. Сейма; отсюда на востокъ до средняго теченія Дона и далѣе до Новохоперска (на р. Хопрѣ), отъ котораго граница идетъ опять къ югу и, захватывая все нижнее теченіе Дона (г. Ростовъ и Новочеркасскъ), пересѣкаетъ р. Кубань выше Екатеринодара, поворачиваетъ на юго-

[1]) См. *А. И. Соболевскій.* Лекціи по исторіи русскаго языка. М. 1903 г. изд. 3; *А. А. Шахматовъ.* Русскій языкъ, статья въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза и Ефрона. т. 55, стр. 564 и слѣд.

востокъ и направляется по р. Тереку къ Каспійскому морю. Всѣ губерніи, ограниченныя этой чертой съ запада и юга, Ледовитымъ моремъ—съ сѣвера и Уральскимъ хребтомъ—съ востока, принадлежатъ къ великорусскимъ. Сверхъ этого великороссы распространились и по всей Сибири. Въ настоящее время, по даннымъ послѣдняго времени, всѣхъ великороссовъ насчитывается свыше 65 милліоновъ.

Занимая такую огромную площадь, великорусскій языкъ, казалось-бы, долженъ былъ распасться на множество отдѣльныхъ нарѣчій и говоровъ. Этого однако не случилось, частью—вслѣдствіе особенной устойчивости и консервативности великорусскаго языка, частью—вслѣдствіе того, что территорія, занятая великороссами, представляетъ равнину, на которой возможно было самое широкое общеніе между отдѣльными племенами, жившими, съ момента ихъ объединенія подъ властью владиміро-суздальскихъ и московскихъ государей, въ одних политическихъ, соціальныхъ и культурныхъ условіяхъ. Въ частности, развитію рѣзкой обособленности великорусскихъ нарѣчій много препятствовалъ и языкъ Церкви, бывшій въ то же время разговорнымъ и книжнымъ языкомъ всѣхъ образованныхъ великороссовъ въ теченіе всего древняго и средняго періода русской исторіи, т. е. до XVIII вѣка.

Въ настоящее время великорусское нарѣчіе распадается на слѣдующіе три говора: 1) сѣверно-великорусскій, 2) южновеликорусскій и 3) московскій.

А. Сѣверно-великорусскій говоръ.

Сѣверно-великорусскій говоръ распространенъ въ губерніяхъ Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской, Владимірской, Костромской, Ярославской, а также въ сѣверныхъ частяхъ Псковской и Тверской.

Это—говоръ сѣверныхъ русскихъ племенъ, потомковъ древнихъ новгородскихъ „словѣнъ“ и кривичей, а также давняго русскаго населенія, осѣвшаго въ земляхъ ростовской и

владиміро-суздальской на мѣсто нѣкогда жившихъ тутъ финскихъ племенъ Веси, Мери и Муромы. Захвативъ къ XVI вѣку всю сѣверную часть Россіи отъ р. Волги, сѣверно-великорусскій говоръ, съ покореніемъ Казани и Сибири, распространился затѣмъ на востокъ, въ Приуральи и по всей Сибири.

Главной характерной особенностью сѣверно-великорусскаго говора, въ отличіе отъ литературнаго языка, является его такъ называемое *оканье*, т.-е. отчетливое произношеніе неударяемаго *о*, какъ *о*, напр. *богатый*, *пойду*, *стоитъ*, *окно*, *одёжа* и т. п. Для болѣе яснаго произношенія *о*, какъ *о*, надъ нимъ ставится иногда необычное для нашего литературнаго слуха удареніе; напр. *дѣвочка*, *никогда*, *молодъ*, *холодъ*, *полтора*, *видомъ*, *никово*, *можно* и т. п. Нерѣдко звукъ *о* замѣняетъ даже этимологическое *а*, особенно въ словахъ иностранныхъ; напр. *козна*, *холатъ*, *боранки*, *ломпада*, *троуръ*, *Олексѣй*, *Ондрей*, *Офоня*, *локей*, *тонцовать* и др. Отчетливо слышится *о* и тамъ, гдѣ оно въ литературномъ языкѣ замѣнилось въ письмѣ и произношеніи звукомъ *а*, напр. *робота*, *рокита*, *рости*, *тороканъ*, *корманъ*, *стоканъ*, *поромъ*, *батюшко*, *дядюшко* и др.

Одновременно съ *оканьемъ* мы услышимъ и *ёканье*, т. е. произношеніе неударяемыхъ *е* и *ѣ* передъ твердыми согласными, а также часто и въ концѣ словъ, какъ *ё(о)*, а послѣ шипящихъ—какъ *о*: *ведý*, *берý*, *пёсóкъ*, *рёкá*, *слёзá*, *сёстрá*, *стёкло́*, *ёво́*, *сёло́*, *жонá*, *горёва́ть*, *шостóй* и др.; иногда для болѣе яснаго произношенія *ё* на него переносится удареніе, напр. *будётъ*, *свадёбный*, *говоритё*, *пойдёмъ-тё*, *будёшь*, *платьё*, *завсёгда* и т. п.

Изъ другихъ особенностей, общихъ всему сѣверно-великорусскому говору, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

1) Стяженіе древнихъ сочетаній *ае* и *ое* въ *а* и *о*, напр. *бывáтъ*, *думáшь*, *дѣлáтъ*, *игрáтъ*, *твово́*, *свово́*, *момý* и т. п.

2) Частое сохраненіе древнихъ мягкихъ согласныхъ передъ суффиксами *ск* и *ств*, напр. *царьской*, *барьской*, *деревеньской*, *Смоленьской*, *русьской*, *царьство* и т. п.

3) Форма сравнительной степени оканчивается на *яе* вм. *ѣе*, напр. *скоряе, полняе, мудреняе, свѣтляе* и др.

4) Имена прилаг. въ им. пад. ед. ч. оканчиваются большей частью на *ой* и *ей*, напр. *хрёсной, дбброй, жаркбй, крупнбй, окоя́нной, усталой, си́ней* и т. п.

5) Очень распространено употребленіе члена, въ видѣ мѣстоименія *тъ-та-то*(тотъ), присоединяемаго къ концу слова, напр. *домо-тъ, баба-та, мужики-тѣ яму-ту копали* и т. п.

6) Описательная форма для выраженія прошедшаго времени, причемъ дѣйствующее лицо ставится въ род. пад. съ предлогомъ *у*, а глаголъ въ безличной формѣ причастія прош. вр. страдат. залога, напр. *у всѣхъ уѣхано изъ дому-то, у ёво вездѣ роботывано* и др.

Оканье и ёканье, составляющія самую характерную особенность сѣверно-великорусскаго говора, въ разныхъ мѣстахъ бываютъ однако разныя, т. е. въ однихъ сильнѣе, въ другихъ—слабѣе. Особенно рѣзко окаютъ и ёкаютъ во Владимірской губ. (въ южныхъ уѣздахъ) и въ смежныхъ частяхъ Нижегородской.

Всѣ *окающіе* говоры распадаются на двѣ главныя группы: 1) цокающую и 2) не цокающую.

1. Цокающіе говоры. Это — говоры древняго Новгорода и его обширныхъ колоній, занявшихъ весь сѣверъ Россіи, отъ р. Волги до Ледовитаго океана, озеръ Ладожскаго и Ильменя до Уральскаго хребета: губерніи Петербургскую, Новгородскую, части Псковской и Тверской, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую и Пермскую. 1) Главная особенность этихъ говоровъ—взаимная мѣна *ч* и *ц*, т. е. употребленіе *ц* вм. *ч* (цоканье), напр. *цаска, лутце, нацальникъ, вцера, руцка, сейцасъ, цешу, молоцко, цово,* и др., или *ч* вм. *ц* (чаканье), напр. *черква, чарь, отечъ, молодича, полотенче, овчи, руковичи, улича, чѣна* и т. п. Въ однихъ мѣстахъ это цоканье и чоканье слабѣе, въ другихъ—сильнѣе. Рядомъ съ этой особенностью цокающихъ говоровъ встрѣчаются еще слѣдующія, не менѣе характерныя.

2) Употребленіе *и* вм. *ѣ*, преимущественно въ словахъ

передъ мягкими согласными звуками, напр. *свичька, писня, исть, ричь, одіяло, обидня, звирь, сить* и др. Это тоже наслѣдіе древняго новгородскаго говора.

3) Переходъ *я(ja)* въ *е*, напр. *зеть, грезь, взеть, натегивать, евиться, опеть, преники, понели* и т. п.

4) Употребленіе формы род. п. вм. дательнаго и обратно: *къ жоны, по избы, у Матренѣ, изъ Москвѣ, отъ ногѣ, къ сёстры* и т. п.

5) Смѣшеніе формъ дат. и твор. п. множ. числа; напр. *съ дровамъ, ходить ногамъ, запирать замкамъ, къ вами, дать корма лошадьми, за крутымъ горамъ, къ полатами, подъ намъ* и т. п.

6) Пропускъ окончанія *тъ* въ 3 л. ед. ч., напр. *ёнъ возьмё, ёнъ ходи, бражничае, поѣде, ёнъ баё, буде, милуе* и т. п., рядомъ съ формами стяженными: *дѣлатъ, гулятъ* и т. п.

2. Нецокающіе говоры. Это — говоры потомковъ древняго населенія Ростово-Суздальской области, центръ которой занятъ былъ еще до XI-го вѣка вятичами. Территорія, гдѣ мы услышимъ нецокающіе говоры, сравнительно съ областью цоканья и чаканья, очень не велика: она обнимаетъ только юго-восточную часть губ. Тверской, почти всю Владимірскую, Ярославскую, западную и сѣверно-западную части губерній Костромской, Нижегородской и Симбирской. Впрочемъ, даже эта небольшая площадь не сплошь занята нецокающими говорами, такъ какъ между ними, здѣсь и тамъ, встрѣчаются деревни, гдѣ цокаютъ, напр. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Владимірской губ. Населеніе этихъ деревень, надо полагать, пришлое, составившееся изъ потомковъ тѣхъ колонистовъ, которые добровольно или по принужденію, особенно послѣ паденія Великаго Новгорода, выселялись изъ новгородскихъ областей въ земли владиміро-суздальскія. Какъ въ старину, такъ и теперь ростово-суздальскіе говоры, сравнительно съ новгородскими, отличаются только отсутствіемъ тѣхъ чертъ, которыя свойственны цокающимъ говорамъ: одно только оканье и ёканье тутъ грубѣе новгородскаго, да и то не всюду.

Нецокающіе говоры ростово-суздальской области нахо-

дятся въ ближайшемъ родствѣ съ говорами губерній Московской и сѣверныхъ частей Рязанской, Тульской и Калужской, и вслѣдствіе этого на нихъ можно смотрѣть, какъ на первую ступень перехода отъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія къ южно-великорусскому.

3. Сибирскій говоръ. Главная часть русскаго населенія Сибири составилась изъ новгородскихъ выходцевъ, колонистовъ вятско-пермскаго края и Пріуралья. Поэтому и сибирскіе говоры, естественно, имѣютъ много общаго съ сѣверно-великорусскими говорами, губерній Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской. Вся разница между тѣми и другими заключается главнымъ образомъ въ словарѣ, который въ русскихъ сибирскихъ говорахъ сильно уснастился разными инородческими примѣсями: остяцкими, тунгузскими, якутскими, бурятскими и т. п., смотря по тому, съ какими инородцами поселились въ сосѣдствѣ русскіе колонисты края. Впрочемъ, иногда и самое произношеніе инородцевъ оказываетъ вліяніе на произношеніе природныхъ русскихъ: такъ, подобно остякамъ, русскіе г. Туруханска произносятъ *с* вм. *ч* и *ш*, *з* вм. *ж*, *л* вм. *р;* напр. *осень*(очень), *больсой, зарко, альсынъ* и т. п.; или, какъ въ Нижне-Колымскѣ, подобно якутамъ, картавятъ, напр. *иба*(рыба), *юди*(люди), *ёмъ*(ромъ), *чеёнокъ* (теленокъ) и т. п.

Б. Южно-великорусскій говоръ.

Южно-великорусскій говоръ распространенъ на югъ, юго-западъ и юго-востокъ отъ Москвы. Это — говоръ потомковъ средне-русскихъ племенъ (радимичей, вятичей и особенно сѣверянъ), которые заняли нынѣшнія губерніи Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую, Орловскую, Калужскую и части губерній Курской, Смоленской и Черниговской; кромѣ того, южно-великорусскій говоръ занимаетъ значительную часть губерній Московской и Тверской. Тотъ же говоръ мы услышимъ въ губерніи Воронежской, въ сѣверныхъ частяхъ

Новороссіи, колонизованной, какъ извѣстно, выходцами изъ Московскаго государства, и въ Области Войска Донского.

На этомъ обширномъ пространствѣ много разнаго рода говоровъ, но всѣ они, въ отличіе отъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, объединяются общими чертами, изъ коихъ главныя слѣдующія:

1) *Аканье*. Неударяемое *о*, независимо отъ своего положенія къ ударяемому слогу, произносятся, какъ чистое открытое *а*, напр. *ва́да́, сасѣдъ, дараһо́й* и т. п.

2) *Яканье*. Всякое *е* и *ѣ*, стоящія непосредственно передъ слогомъ ударяемымъ или послѣ него, произносятся какъ *я*, а послѣ шипящихъ и *ц* какъ *а*, напр. *вясна, вяду, Яһоръ, пяро, нясу, вѣтяръ, дяла*(дѣла), *жана, шастой, дажа, цана, терямъ, нявѣста, ряка*(рѣка), *ня пьётъ* и т. п. Иногда неударяемое *е* переходитъ въ *и* (иканье), напр. *визли́*(везли), *нивѣста, винокъ, бирёза* и т. п.; это въ тѣхъ говорахъ, гдѣ аканье не такъ сильно.

На основаніи этого *аканья* (яканье) всѣ южно-великорусскіе говоры называются *акающими*.

Изъ другихъ особенностей, свойственныхъ акающимъ говорамъ, необходимо отмѣтить слѣдующія:

3) Твердое произношеніе *г=һ*, напр. *аһонь, чаһо, самаһо, Яһоръ, добраһо, һорадъ, һоварю* и др. Отъ этого *гаканья* съ трудомъ избавляются даже образованные люди.

4) Звукъ *к* передъ *а* и *у* въ концѣ словъ, если предыдущій слогъ мягкій, произносится мягко, напр. *хозяйкя, свѣчькю, батькя, тройкя, Ванькя, пальчькя, толькя* и др., но: *бабушка, дарожка* (*ш* и *ж* твердые).

5) Окончаніе 3 л. ед. и мн. ч. мягкое *ть* (въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ твердое), напр. *идётъ* или *идеть, вязётъ, нясётъ, вядутъ, брутъ* и т. п.

Всѣ южно-великорусскіе говоры раздѣляются на двѣ группы: 1) восточную или рязанскую и 2) западную. Восточная группа говоровъ, съ рязанскимъ во главѣ, является типической представительницей всѣхъ южно-великорусскихъ говоровъ. Она—сильно акающая группа. Въ ней аканье до

того сильно, что это отразилось даже на грамматикѣ языка; такъ, благодаря аканью здѣсь исчезъ почти совсѣмъ средній родъ ед. ч. именъ существительныхъ и прилагательныхъ, напр. *какая харошая адѣяла*, *ширбкая поля*, *мая сяло* и т. п. Западная группа говоровъ акаетъ слабѣе, за исключеніемъ только восточной части Смоленской губ., гдѣ аканье доходитъ до приторности, усиливаясь по мѣрѣ приближенія къ бѣлорусскому нарѣчію. Слабѣе аканье наблюдается также и въ тѣхъ частяхъ Рязанской, Тульской и Калужской губ., которыя прилегаютъ къ губерніи Московской.

В. Московскій говоръ.

Московскій говоръ — самый небольшой по занимаемой имъ площади и самый распространенный по своему употребленію въ Россіи. Простой народъ говоритъ на немъ только въ Москвѣ и въ ближайшихъ ея окрестностяхъ (такъ, верстъ на 15 вокругъ Москвы), но зато этотъ говоръ слышится въ устахъ всѣхъ образованныхъ людей, такъ какъ онъ легъ въ основаніе русскаго литературнаго языка.

Наиболѣе чистымъ литературнымъ языкомъ говорятъ только природные москвичи или люди, долго жившіе въ Москвѣ. Образованные люди другихъ мѣстностей Россіи обыкновенно примѣшиваютъ къ московскому говору разныя мѣстныя особенности языка; такъ, русская интеллигенція сѣверныхъ городовъ съ трудомъ избавляются отъ оканья, южновеликорусскихъ и малорусскихъ—отъ *гаканья (һалка, һарохъ)*, западно-русскихъ — отъ твердаго произношенія *р (бура* вм. *буря, рысъ* вм. *рисъ)* или особенной мягкости согласныхъ звуковъ въ 3 л. ед. и мн. ч. напр. *ходить, берутъ* и т. п.

Москва, вокругъ которой осѣли сѣверныя и средне-русскія племена, образовавшія великорусскую народность, съ XIV в. становится такимъ образомъ какъ бы этнографическимъ центромъ этихъ племенъ. На ея территоріи происходило смѣшеніе обѣихъ группъ великорусскихъ племенъ и великорусскихъ нарѣчій. Это повело къ образованію и особаго

типа — москвича и особаго говора — московскаго. Московскій говоръ образовался изъ сочетанія обоихъ главныхъ говоровъ великорусскаго языка, съ большей однако примѣсью южно-великорусскихъ, чѣмъ сѣверно-великорусскихъ особенностей. Говоря точнѣе: въ произношеніи гласныхъ звуковъ московскій говоръ слѣдуетъ южно-великорусскому нарѣчію (акаетъ) въ произношеніи согласныхъ — сѣверно-великорусскому (произношеніе *г*, какъ *g*, а не какъ *h*). Занимая какъ бы средину между двумя великорусскими нарѣчіями, московскій говоръ сглаживаетъ въ то же время и крайности этихъ нарѣчій въ ихъ основномъ отличіи другъ отъ друга — *оканьи* и *аканьи*. Москвичъ хотя всегда акаетъ, но акаетъ умѣренно: въ его аканьи нѣтъ той рѣзкости, какую мы слышимъ, напр., въ рязанскомъ говорѣ; только нѣкоторыя москвички (замоскворѣцкія купчихи) въ своей пѣвучей рѣчи произносятъ *а* полновѣсно и протяжно. Обыкновенно же неударяемыя *а* и *о* послѣ твердыхъ согласныхъ звучатъ въ московскомъ говорѣ не ясно, глухо, какъ бы скрадываясь, такъ что ихъ можно условно обозначить ъ, напр. *нá пълъ* (полъ), *вы́лъска* (вылазка), *и́зъ дъму* (дому). Глухо произносятся *а* и *о* и тогда, когда стоятъ въ слогѣ второмъ отъ ударяемаго; напр. *съпаги́, тъскава́ть, стърику́ хърашó, дърагóй* и т. д. Мягкое *а*, т. е. *я*, или *а* послѣ мягкихъ шипящихъ *(ч, щ,)* звучитъ, какъ *и*, а послѣ твердыхъ шипящихъ *(ж* и *ш)* — какъ *ы*, передъ удареніемъ или послѣ него; напр. *питóкъ* (пятокъ), *свитóй* (святой), *вы́иснить* (выяснить), *чисы́* (часы), *щиве́ль* (щавель), *шыги́* (шаги), *жылѣ́ть* (жалѣть), *жыркóе* (жаркое) и т. п.

Вполнѣ ясно произносится *а*, коренное или образовавшееся изъ *о*, только въ томъ случаѣ, когда оно стоитъ въ слогѣ, *сосѣднемъ* съ ударяемымъ; напр. *задóкъ, силачá, вадá* (вода), *прикаснýсь* (прикоснусь), *далжны́* (должны) и т. п.

Что касается звука *е* (и *ѣ*), то въ слогахъ, сосѣднихъ съ ударяемыми, онъ переходитъ въ *и* (иканье), напр. *виду* (веду́), *пирó* (перо), *рикá* (рѣка), *къ ня́ни* (нянѣ), *слипóй* (слѣпой), *бири́те* (берите) и т. п.

Въ произношеніи согласныхъ звуковъ можно отмѣтить слѣдующія черты московскаго говора:

1. Задне-небное *г* почти вездѣ произносится, какъ латинское (и польское) *g*, а не какъ *h*, за исключеніемъ очень немногихъ словъ; напр. *hасподь*, *Боhа*, *hдѣ*, *коhда* и нѣк. друг., причемъ многіе и эти слова произносятъ съ *g*.

2. Согласные *ж*, *ш* и *ц* всегда тверды, а *ч* и *щ*—мягки въ произношеніи; напр. *жывотъ*, *шырокій*, *цэпъ*, *жэчь*, *жолтый* (желтый), *шолъ* (шелъ), но — *чябанъ* (чабанъ), *чюма* (чума), *чюжой* (чужой), *плащъ* (плащъ), *клещя* (клеща) и т. п. Наше правописаніе не соотвѣтствуетъ произношенію шипящихъ звуковъ.

3. Звукъ *р* можетъ быть и твердымъ и мягкимъ, напр. *рабъ*, *рубитъ*, *рытвина*, но—*рябой*, *ремесло*, *пирина* (перина) и т. п.

Съ другими особенностями московскаго говора мы познакомимся, когда перейдемъ къ характеристикѣ звуковъ и формъ литературнаго языка.

Московскій говоръ, сдѣлавшійся *общерусскимъ* литературныхъ языкомъ, можетъ быть названъ *умѣренно* акающимъ. Ясное произношеніе *а* и *о*, требующее сильнаго движенія губъ, тутъ имѣетъ мѣсто только подъ удареніемъ, напр. *рабъ*, *полъ* и т. п. Въ виду этого, московскій говоръ можно назвать *легкимъ* для произношенія. Такимъ однако его не считаютъ *окающіе* русскіе, которые называютъ московскую рѣчь *высокого* за то, что въ ней часто употребляется неопредѣленный звукъ, близкій къ *ы*, вм. *а* и *о*, напр. *шыги* (шаги), *жылѣть* (жалѣть), *зыхатѣлъ* (захотѣлъ), *сыраковка* (сороковка 1/40 часть ведра водки), *ты(ъ)лкавать* (толковать и т. п.

Было бы ошибочно думать, что литературный языкъ есть говоръ московскаго или подмосковнаго простонародья. Только въ произношеніи звуковъ тутъ тождество, въ словахъ же и формахъ есть разница. Хотя простонародье употребляетъ вообще слова (незаимствованныя) и формы литературнаго языка, но рядомъ съ этимъ въ его рѣчи мы услышимъ и

цѣлый рядъ словъ и формъ, которыхъ образованный человѣкъ избѣгаетъ, считая ихъ вульгарными; напр *энтотъ, эфтотъ, рублёфъ, дёнъ* (дней), *сажбнъ* (са́жень), *паложь* (положи), *хошь* (хочешь), *остановлять, встрѣлся* (встрѣтился), *не трошь* (трогай), *я ѣмши* (я поѣлъ), *пимши* (я напился) и др., *таперича, дарма* (даромъ, напрасно), *нонича* (нынче), *пужать, пущать, жуликъ* (продолговатый маленькій хлѣбъ за 1 коп.), *убивецъ, убѣчь* (убѣжать), *слышь* (послушай), *откудова, пара чаю* (порція), *мерзавчикъ* (сороковка), *фатера* (квартира), *тутотка* (тутъ) и др. У русскихъ писателей XVIII стол. нѣкоторыя изъ этихъ простонародныхъ словъ и формъ однако встрѣчались [1]).

II. Бѣлорусское нарѣчіе русскаго языка.

Это—нарѣчіе западной вѣтви средне-русскихъ племенъ, потомковъ древнихъ дреговичей, радимичей, части (западной) вятичей, а также полоцкихъ и смоленскихъ кривичей, жившихъ въ бассейнахъ верхнихъ теченій Западной Двины, Нѣмана и Днѣпра. По исчисленію проф. Карскаго [2]), всѣхъ бѣлоруссовъ въ настоящее время слѣдуетъ считать около $8^1/_2$ мил. Западная граница бѣлорусской народности и языка очень извилиста, но главными выступами пересѣкаетъ среднее теченіе З. Двины (нѣсколько ниже г. Двинска), Виліи (ниже г. Вильны), верхнее теченіе Нѣмана (возлѣ г. Друскеникъ), затѣмъ, отъ Августова, проходитъ по р. Бобру и Нареву, нѣсколько западнѣе Бѣлостока. Южная граница идетъ по рѣкѣ Припети и почти по срединѣ Черниговской губ.; восточная — по западнымъ частямъ губ. Орловской, Калужской и восточной части Смоленской; сѣверная по южнымъ уѣздамъ губерній Псковской и Тверской.

---

[1]) ак. *А. И. Соболевскій.* Очеркъ руской діалектологіи. Спб. 1892; *А. Колосовъ.* Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI—XVI в. Варшава. 1872.

[2]) *Е. Θ. Карскій.* Бѣлоруссы т. I. Варшава 1903 г., стр. 190.

На западѣ бѣлоруссы сосѣдятъ съ литвой и поляками, на югѣ — съ малороссами, на востокѣ и сѣверѣ съ великороссами. Такимъ образомъ, Бѣлоруссія занимаетъ всю Могилевскую губ., Минскую, за исключеніемъ южныхъ уѣздовъ (Мозырскаго и Пинскаго), Гродненскую, кромѣ Брестскаго уѣзда, затѣмъ—почти всю Виленскую и Витебскую. Къ этому Бѣлорусскому ядру прилегаютъ бѣлорусскія части губерній Псковской, Тверской, Смоленской, Калужской, Орловской и Черниговской.

На бѣлорусское нарѣчіе въ общемъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на третье подрѣчіе (западное) великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ (*аканье, hаканье* и др.).

Но раздѣляя общія особенности съ южно-великорусскими говорами, бѣлорусское нарѣчіе въ то же время отличается отъ послѣднихъ и рядомъ примѣтъ, свойственныхъ только ему.

Къ важнѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ слѣдующія:

1. *Дзеканье* и *цеканье*, т. е. произношеніе, но лишь въ большинствѣ говоровъ, мягкихъ *д* и *т* передъ гласными и мягкимъ *в*, а также въ концѣ словъ, какъ свистящія *дз* и *ц*, напр. *дзядзя, дзѣдъ, цихо, биць, дзвѣ, цвярдзиць, цяперъ* и т. п. На юго-востокѣ и отчасти востокѣ бѣлорусской территоріи этого дзеканья и цеканья однако не замѣчается. Несмотря на то, что *дзеканье* развилось въ бѣлорусскомъ нарѣчіи самостоятельно (оно извѣстно и другимъ русскимъ говорамъ: въ губ. Казанской, Нижегородской и въ Уральской области), но польское вліяніе, надо полагать, его поддерживало, хотя польское *dz* отличается отъ бѣлорусскаго *дз* шипящимъ характеромъ. Со второй половины XIX-го вѣка, съ ослабленіемъ этого вліянія, постепенно утрачивается у бѣлоруссовъ и дзеканье.

2. Твердое произношеніе звука *р*, напр. *зара, hару, царъ, hарыць* и т. п.—въ большинствѣ говоровъ.

3. Окончанія прилагательныхъ—*ый* и *ій* вм. великорусскихъ *ой* и *ей*, напр. *сляпый, друhій*, вм. слѣпой, другой и т. п

Вмѣстѣ съ этимъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи есть звуковыя особенности, раздѣляемыя и малорусскимъ нарѣчіемъ. Къ нимъ принадлежатъ слѣдующія:

1. Переходъ звука *л* (твердаго), стоящаго передъ согласнымъ и на концѣ словъ въ неслоговое ў; напр. *воўкъ, ушоў, тоўстъ, коўбаса, ходиў, спаў* (спалъ), *быў* (былъ) и т. п. Многіе бѣлоруссы въ настоящее время рѣшительно не могутъ произносить твердаго звука *л*.

2. Приставки *в* и *h* передъ *о* и *у*, напр. *вбсянь* (осень), *вулица, вутка, hаўца* (овца), *hужи* (ужи) и др.

3. Неударяемое *у* не составляетъ слога и переходитъ въ *ў*, напр. *ўдарыць, навчила, ўгоденъ;* равно и древнее *в*, твердое или мягкое, въ началѣ слова или послѣ ударенія передъ согласнымъ звукомъ произносится, какъ неслоговое *у*, напр. *дзеўка, здароўя, уся* (вся), *у томъ, Пятроў* (Петровъ), *сыноў* (сыновъ) и т. п.

4. Твердое произношеніе губныхъ звуковъ въ концѣ словъ, а также передъ іотомъ *(j)*, напр. *семъ* (семь), *симъ* (малорос.), *пъю, голубъ, мъясо, пъять*. У бѣлоруссовъ эта черта встрѣчается, впрочемъ, діалектически, а не повсемѣстно.

5. Отсутствіе звука *ф*, вмѣсто котораго употребляется *х* или *хв*, напр. *Хведоръ, Хвилиппъ* (или Пилиппъ), *хвамилія* и т. п.

6. Употребленіе древняго смягченія гортанныхъ звуковъ въ свистящіе, напр. *на порози, назѣ́, руцѣ́, на сасѣ́* и т. п.

7. Сохраненіе зват. падежа именъ, напр. *пóпя (е), сватку, сынку, караваю* и т. п.

Въ словарномъ отношеніи бѣлорусское нарѣчіе мало отличается отъ сосѣднихъ великорусскихъ городовъ. Въ южныхъ и юго-западныхъ областяхъ бѣлорусское нарѣчіе по словарю очень близко къ малорусскому, а кромѣ того встрѣчается много полонизмовъ, напр. *якъ* (какъ), *абы* (чтобы), *альбо* (или), *баhнó* (болото), *борщъ, брудъ* (грязь), *вильhóта* (сырость), *вгбмосць* (сударь), *жадный* (ни одинъ), *жебракъ* (нищій), *кобета* (женщина), *лáтвый* (ловкій), *моцъ* (сила), *покута* (покаяніе), *трохи* (немного), *шлюбъ* (вѣнчаніе) и мн. др. Есть

въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, въ южныхъ и западныхъ областяхъ, заимствованія словъ и у евреевъ (изъ жаргона), которые съ бѣлоруссами живутъ очень давно, напр. *балабо́съ* (хозяинъ), *балаго́ла* или *балагула* (огромная еврейская крытая повозка), *борбхъ* (грязный), *бэбухи* (внутренности, ср. пол *bebech*), *гиморы* (хитрость), *дзибаць* (красть), *кошеръ* (чистая пища), *махеръ* (обманщикъ), *пэйсаховка* (водка, приготовленная на праздникъ Пасхи), *хала* (еврейскій плетеный бѣлый хлѣбъ) и нѣк. др.

Всѣ бѣлорусскіе говоры очень сходны между собою, и рѣзкихъ отличій между ними мы не найдемъ. Вся разница сводится главнымъ образомъ къ бо́льшему или меньшему развитію основныхъ примѣтъ въ томъ или другомъ говорѣ, да отчасти — къ разнымъ заимствованіямъ у ближайшихъ сосѣдей: великороссовъ, малороссовъ и поляковъ.

Тѣмъ не менѣе бѣлорусскіе говоры можно раздѣлить на двѣ главныя группы, положивъ въ основаніе произношеніе звука *р* и аканье: 1) *юго-западную* группу говоровъ, въ которой *р* произносится всегда твердо, а аканье очень сильное и 2) *сѣверно-восточную*, въ которой наблюдается и *р* мягкое, какъ въ южно-великорусскомъ говорѣ.

Тамъ, гдѣ сильно акаютъ, тамъ и характерная особенность бѣлорусскаго нарѣчія—дзеканье и цеканье—проявляется рѣзче. На границѣ съ Польшей, въ юго-западной группѣ бѣлорусскихъ говоровъ, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ польскаго языка, замѣчается также отпаденіе окончанія 3-го ед. ч. глаголовъ *тъ (цъ)*, напр. *будзе, кличе, идзе, чеше, бывае* и т. п.

Сѣверо-восточная группа бѣлорусскихъ говоровъ, обнимающая восточныя части Могилевской губ., Витебской, южныя Псковской, и Тверской, всю бѣлорусскую часть Смоленской и сѣверную часть Черниговской, составляетъ переходную (переливную) группу частью въ сѣверно-, а большей частью въ южно-великорусское нарѣчіе: тутъ есть и мягкое *р* и смѣшеніе *ч* съ *ц*, дзеканье и цеканье не такъ рѣзки, какъ въ средней полосѣ бѣлорусскаго нарѣчія, а рядомъ съ аканьемъ и яканьемъ *(вада́, бяру)*, наблюдается и неопредѣ-

ленное произношеніе *о* и *е* безударныхъ, на московскій ладъ: *гблысъ, сыбака, пывадка, быялись* и т. п.

Эта сѣверо-восточная группа говоровъ, въ свою очередь, распадается на двѣ подгруппы: 1) *цокающую* и 2) *нецокающую*.

Цокающіе говоры обнимаютъ бѣлорусскія части Псковской и Тверской губ., сѣверъ Смоленской и сѣверо востокъ Витебской. Кромѣ постоянной замѣны звука *ч* звукомъ *ц*— *цымъ, круцына, гарящымъ*, и т п., такъ что звука *ч* иногда совсѣмъ не слышно, въ цокающихъ говорахъ можно еще замѣтить *я* вм. *е*, а рядомъ *и* вм. *е*, напр. *ляжу, цяперъ, ня можа, цябѣ, нисли, грихи, свитая* и т. п. Смѣшеніе *ч* съ *ц* (сѣверно-великорусская черта), иногда даже полное отсутствіе *ч*, было причиною названія бѣлоруссовъ этихъ мѣстностей *цвикунами* [1]).

III. Малорусское нарѣчіе русскаго языка.

Малороссы—потомки тѣхъ южно-русскихъ племенъ, которыя нѣкогда составляли населеніе отчасти кіевской, а главнымъ образомъ галицко-волынской Руси. Въ настоящее время малороссами заселены губерніи Волынская, Кіевская, Подольская, Полтавская, Черниговская, Херсонская, Харьковская, Екатеринославская и часть Таврической. Кромѣ сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губ., гдѣ малороссы сосѣдятъ съ бѣлоруссами, и Крыма, гдѣ малороссы живутъ только на Керченскомъ полуостровѣ, всѣ эти губерніи заселены малороссами сплошь. Такое же сплошное малорусское населеніе мы найдемъ въ западной части Бессарабіи, въ южныхъ и юго-восточныхъ уѣздахъ Сѣдлецкой и Люблинской губерній, въ южныхъ уѣздахъ Гродненской, Минской, Курской (на югъ отъ р. Сейма), Воронежской (къ югу отъ р.

---

[1]) *Е. Ө. Карскій.* Очеркъ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Москва 1886 г.; *его же.* Бѣлоруссы. Варшава 1903 г., т. I и 1908, т. II; ак. *А. И. Соболевскій.* Бѣлорусское нарѣчіе (Живая Старина, Спб. 1892 г., вып. III).

Сосны и къ западу отъ Дона), въ землѣ Войска Донского, въ области Кубанской. Въ видѣ колоній, не мало малороссовъ живетъ въ губ. Саратовской, Самарской, Оренбургской, Астраханской и въ Сибири. Въ Австріи малороссамъ принадлежитъ Галиція (до р. Сана), прилегающая къ ней полоса Угріи, гдѣ малорусское населеніе сливается со словацкимъ, и сѣверо-западная часть Буковины. Наконецъ, въ Румыніи малороссовъ мы найдемъ по устьямъ Дуная, морскому берегу, а спорадически и въ другихъ мѣстахъ.

Широкое распространеніе малороссовъ въ предѣлахъ Россіи, особенно по ея восточнымъ окраинамъ, — явленіе, сравнительно, позднее; такъ, губерніи Курская, Воронежская, Харьковская, вообще вся Новороссія заселились малороссами только въ XVII—XVIII в. Но движеніе малороссовъ съ юго-запада на востокъ и сѣверо-востокъ началось уже съ XIII—XIV в., когда галицко-волынская Русь, а затѣмъ Литовско-Русское и Польское государства расширили свои владѣнія къ востоку отъ Приднѣпровья, коренное населеніе котораго частью осталось на мѣстѣ, частью отхлынуло къ сѣверо-востоку, къ бассейнамъ Оки и средней Волги. По вычисленію проф. Флоринскаго, всѣхъ малороссовъ къ концу 1906 г. въ Россіи и Австро-Венгріи насчитывается около 31 мил. (30.925.000)

Отличительныя черты малорусскаго нарѣчія, въ сравненіи съ великорусскимъ, слѣдующія:

1. Звукъ *о* въ слогахъ, за которыми слѣдовали *ъ*, *ь* и *й* (неслоговые), произносится въ настоящее время, какъ *уо*, *уи*, *у* и *и*, напр. *куонь*, *куинь*, *кунь*, *кинь* (конь), *вуолъ*, *вілъ*, *нисъ*, *ґний* (гной), *лій* (лой) и т. п.; а звукъ *е* въ томъ же положеніи перешелъ въ *юо*, *ю* и *і*, напр. *тюотка*, *тютка*, *тітка*, *ніч* (ночь), *принюс*, *ніс* (несъ) и т. п.

2. Древній *ѣ* звучитъ какъ *іе*, *е* или *і*, напр. *ліето*, *лето*, *літо*, *ліесъ*, *лісъ*, *гріехъ*, *гріхъ*, *ріка*, *діевка*, *дівка* и т. п.

3. Звуки *ы* и *и* почти смѣшались въ произношеніи; послѣ согласныхъ они произносятся или мягче, чѣмъ литературное *ы*, или тверже, чѣмъ *и*; напр. *мыты*, *сыла*, *лыхо*, *сырота*, *однымъ* и т. п.

4. Звонкіе согласные звуки *(б, в, г, д, ж, з)* въ концѣ слова и передъ глухими *(п, ф, к, т, ш, с)* не переходятъ въ глухіе, какъ въ литер. языкѣ; напр. *ніжъ* (ножъ), *підскбчу* и т. п.

Само собой разумѣется, что этими примѣтами особенности малорусскаго нарѣчія не исчерпываются; есть и другія, кромѣ общихъ съ бѣлор. нарѣчіемъ, но онѣ менѣе важны.

Что касается словаря малорусскаго языка, то въ говорахъ западной половины, т. е. въ областяхъ, сосѣднихъ съ Польшей, мы найдемъ много полонизмовъ, а въ говорахъ карпатскихъ и угорскихъ встрѣчаются словацизмы.

Въ настоящее время малорусскій языкъ раздѣляютъ на двѣ главныя группы нарѣчій: 1) сѣверно-малорусскую и 2) южно-малорусскую.

Сѣверно-малорусскіе говоры. Эти говоры мы услышимъ въ южныхъ частяхъ Черниговской губ., въ сѣверныхъ уѣздахъ Полтавской, Кіевской, Волынской (Полѣсье), юго-запад. части губ. Минской и въ малорусскихъ уѣздахъ Гродненской и Сѣдлецкой (Подляшье).

Говоры эти въ большинствѣ случаевъ смѣшанные, но характерныя примѣты ихъ слѣдующія:

1. Двоегласныя *уо, уи, уэ* или *у, и, ю,* вмѣсто древнихъ *о* и *е,* напр. *куонь* (конь), *вуонъ* (онъ), *тюотка, серпумъ* (серпомъ), *поруогъ* и т. п.

2. Произношеніе древняго *ѣ,* какъ *іе* или *е* (рядомъ съ *і),* напр. *біесъ, діедъ, діело, дело* и т. п.

3. Твердое *р* вм. древняго мягкаго *рь,* напр. *царъ, прывезъ, радъ* (рядъ), *вечерати, цара* и т. п.

Сѣверо-малорусскіе говоры въ сосѣдствѣ съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ отличаются нѣкоторыми бѣлорусскими чертами, напр. аканьемъ: *вада, чаловіекъ, пастой, һарілка* и др. (напр. въ Глуховскомъ у. Черниговской губ.), а въ малорусскихъ говорахъ Мозырскаго уѣзда, Минской губ. попадается даже цеканье и дзеканье, напр. *начоваць, хадзиць* и т. п.

Южно-малорусскіе говоры. Эти говоры обнимаютъ остальную часть малорусской территоріи, между прочимъ малорусскую часть Люблинской губ., Галицію и Буковину. Въ отличіе отъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ, южно-малорусскіе произносятъ:

1. Звуки *о* и *е* въ указанномъ положеніи, какъ *и* (i), напр. *нисъ* (носъ), *нижъ* (ножъ), *нижка* (ножка), *кинь* (конь), *нiсъ* (несъ) и т. п.

2 Древній *ѣ*—постоянно, какъ *i*, напр. *бiгъ, сiно, звiръ* (исключеніе—*стреляти*, при *стрiляти*).

Изъ южно-малорусскихъ говоровъ самымъ распространеннымъ считается говоръ *украинскій* (губ. Полтавская, Воронежская, Екатеринославская, Харьковская и др.). Этотъ говоръ, обработанный въ произведеніяхъ Шевченка, Квитки, Котляревскаго и другихъ малорусскихъ писателей, сдѣлался литературнымъ языкомъ малороссовъ. По мягкости произношенія своихъ звуковъ, напр. въ слогахъ *дя, тя, ся, дi, сi, тi* т. п. и звучности, особенно — въ Полтавской губ, онъ считается наиболѣе пріятнымъ въ произношеніи.

Очень близокъ къ украинскому *подольскій* говоръ малорусскаго нарѣчія (въ зап. и юго-вост. частяхъ губ. Подольской, съ прилегающими къ ней частями губ. Херсонской, Бессарабской и Галиціи). Въ отличіе отъ украинскаго, въ подольскомъ замѣчается: во 1) очень мягкое произношеніе всѣхъ согласныхъ передъ *и*, соотвѣтствующимъ древнему *о*, такъ что слова *нiсъ* (несъ) и *нисъ* (носъ) звучатъ одинаково, тогда какъ въ украинскомъ въ произношеніи звука *и* тутъ замѣчается разница; во 2) болѣе частое употребленіе *ў* вм. *л*, напр. *ћорiўка* (укр. ћорiлка) и въ 3) уподобленіе согласныхъ звонкихъ глухимъ, чего нѣтъ въ другихъ малорусскихъ говорахъ, напр. *пiтскбчу, нiшъ, нисъкій* (укр. *пiдскочу, нижъ, низкій*).

Кромѣ украинскаго и подольскаго, въ южно-малорусскомъ нарѣчіи извѣстны также говоры галицкій и карпато-рус-

скіе по обоимъ склонамъ Карпатъ въ Галиціи и Венгріи (говоры Лемковъ, Бойковъ и Гуцуловъ)[1]).

Изобрѣтеніе церковно-славянскихъ письменъ.

Зародыши письменности были у славянъ еще до изобрѣтенія славянской азбуки свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Свѣдѣнія объ этомъ дошли до насъ въ сказаніи монаха Храбра о славянскихъ письменахъ. Этотъ писатель, болгаринъ, надо полагать, по происхожденію, жилъ въ эпоху, очень близкую ко времени славянскихъ Первоучителей, по всей вѣроятности—въ началѣ X-го в.: по его словамъ—„суть бо еще живы, иже суть видѣли ихъ", т. е. свв. Кирилла и Меѳодія. Вотъ что онъ писалъ. „Прежде" (т. е. до свв. Кирилла и Меѳодія) „Словѣне не имѣаху книгъ (т. е. письменъ), но чертами и рѣзами читаху и гадаху погани суще; крестивше же ся римскими и греческими письмены нуждахуся писати словѣньску рѣчь безъ устроя", т. е. безъ порядка, безъ системы.

Такимъ образомъ инокъ Храбръ различалъ троякій видъ письма у славянъ до Кирилла († 869) и Меѳодія († 885): 1) черты и рѣзы, 2) греческую и 3) латинскую азбуку.

Подъ „чертами" и „рѣзами" слѣдуетъ, вѣроятно, понимать письмо руническое, восходившее, конечно, къ глубочайшей древности. О томъ, что у славянъ имѣлись руны, до насъ дошли свѣдѣнія. Такъ, нѣкоторые арабскіе историки X в. (Аль-Массуди, Ибнъ Фоцланъ 921 г.) передаютъ, что у славянъ, между прочимъ и у русскихъ, были свои письмена, которыя они употребляли, вырѣзывая на лубкахъ и надгробныхъ памятникахъ (имена покойниковъ). Дитмаръ Мерзебургскій, писавшій въ XI в., замѣчаетъ, что на своихъ ку-

---

[1]) См. *П. Житецкій.* Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ. 1876; *А. И. Соболевскій.* Къ діалектологіи русскаго языка. Малорусское нарѣчіе (Живая Старина. 1892, кн. 4)

мирахъ прибалтійскіе славяне-язычники вырѣзывали имена боговъ. Но каковы были эти руны, въ сравненіи съ рунами скандинавскими и вообще германскими, ничего не извѣстно. Можно только предполагать, что эти „черты“ и „рѣзы“, какъ и всякое руническое письмо, составляли достояніе жрецовъ, считались тайной языческихъ кудесниковъ и чародѣевъ, а потому не были распространены въ народѣ и не могли перейти къ славянамъ, принявшимъ христіанство.

Славяне-христіане (а такихъ было уже не мало до свв. Кирилла и Меѳодія) пользовались письменами греческими и латинскими. Но съ какого времени, гдѣ и въ какой степени употребляли славяне тотъ или другой классическій алфавитъ, объ этомъ мы тоже ничего не знаемъ достовѣрнаго. Мы можемъ только предполагать, что греческимъ алфавитомъ въ примѣненіи къ славянскому языку пользовались тѣ славяне, которые жили вблизи греческихъ культурныхъ центровъ— Царьграда, Солуня, а, пожалуй, и въ Крыму, возлѣ Корсуня, гдѣ св. Кириллъ, отправлявшійся съ проповѣдью къ Хазарамъ въ 860 г., нашелъ, какъ повѣствуетъ его житіе, Евангеліе и Псалтирь, писанныя на „русскомъ языкѣ“. Возможно, что эти книги св. Писанія и были писаны греческими буквами (иные предполагаютъ тутъ готское письмо), но звуки передавали славянскіе.

Если славяне, занявшіе Балканскій полуостровъ, по которому въ IX в. они расселились до южныхъ областей Пелопонеса, оставивъ грекамъ только приморскую полосу съ востока и запада полуострова, въ культурномъ отношеніи находились подъ вліяніемъ грековъ и для своихъ нуждъ, особенно славяне-христіане, пользовались греческимъ алфавитомъ, то славяне, занявшіе Иллирикъ, Паннонію, восточное и сѣверное побережья Адріатики, несомнѣнно, въ культурномъ отношеніи должны были подчиниться вліянію Рима, вообще Италіи. Степень этого вліянія зависѣла, конечно, отъ степени близости славянскихъ поселеній къ вѣчному городу; нѣкоторыя племена, поселившіяся въ сѣверной Италіи, окончательно романизировались уже въ первые вѣка христіанской

эры (венеты адріатическіе); другіе, поселившіеся дальше отъ Рима, хотя и тяготѣли къ нему, но своей самобытности все же не потеряли. Среди тѣхъ и другихъ славянъ съ римской культурой и христіанствомъ распространилась и латинская азбука. Этой азбукой могли писать нѣкоторыя молитвы, поученія, формулы исповѣди и т. п., на манеръ, напр., такъ называемыхъ Фрейзингенскихъ отрывковъ X—XI в., заключающихъ славянскій текстъ, писанный латинницей для юго западныхъ славянъ (словинцевъ). О томъ, какъ греческій и латинскій алфавиты передавали славянскіе звуки, мы можемъ судить по характеру начертаній славянскихъ мѣстныхъ и личныхъ именъ, а иногда даже нарицательныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній у писателей византійскихъ и латинскихъ. Вотъ, напр., какъ Константинъ Багрянородный, написавшій въ концѣ X в. сочиненіе „Объ управленіи государствомъ", писалъ греческими буквами славянскія названія Днѣпровскихъ пороговъ: Νεασήτ (Наясыть), Ναπρέζη (Напрязи), Βερούτζη (Вѣручи), Βουλνηπραχ, Οστροβουνιπραχ и т. д.; или: Σφενδοσθλάβος (Свѧтославъ), Τζερνιγώγα (Черниговъ) и т. п. У другихъ греческихъ и латинскихъ писателей славянскія имена передаются такъ: **Свѧтоплъкъ** — Σφενδοπλόκος, *Sfetopelek* и *Suatoplik;* **Дрьжиславъ** — *Dirsislaus;* **Ꙁвонимиръ** — *Svinimir;* **Вышеславъ** — Βοισεσθλάβος, **Цѧтина** — Τζεντίνα, Мѣшко—*Mesco* и *Misеco,* жупанъ — ζουπανος и *zupanus,* **сътьникъ**—*setenik* и *setinik* и т. п.

Это письмо было только механическимъ воспроизведеніемъ чужихъ звуковъ, насколько эти звуки могъ усвоить и передать грекъ или латинянинъ.

То же слѣдуетъ сказать и про письмо самихъ славянъ, пользовавшихся латинскими или греческими буквами. Какого-либо однообразія, выдержанности въ передачѣ звуковъ въ немъ не было и не могло быть. Съ другой стороны, греческой и латинской азбуками нельзя было передавать всѣхъ славянскихъ звуковъ. Переписчикъ Фрейзингенскихъ отрывковъ такъ, напр., передаетъ славянскіе звуки латинскими: **в** через *u, uu, v* или *vu,* напр. *uzeh*—**вьсѣхъ**, *vzovues*—**възо-**

кеши, *ugotoulienо*—оуготовлено, *miloztiui;* звукъ ж-черезъ *s* и *z*, напр. *Bose, sivuot, siti* (жити), *zelezneh* и *selezni* и т. п.; ю и ѥ — черезъ *iu* и *g*, напр. *zlodeiu, liubo, gezim* (ѥсмь), *gego* (ѥго) и т. п.; х — черезъ *ch* и *h*, напр. *grecha, greh, moih, nasich* и т. п.; ы — черезъ *i, ui* и *e*, напр. *biti* (быти), *buiti, mui* (мы); ѧ—черезъ *e, en*, и *a*, напр. *zueti* и *zuueti* (свѧтыи), *te* (мѧ), *nedela* (недѣлѧ), *vuensih* (кѧщьшихъ) и т. п.

Словомъ, „словѣньска рѣчь“ была „безъ устроя“, какъ выразился черноризецъ Храбръ.

Необходимо было привести въ порядокъ эту письменную рѣчь, т. е. выработать опредѣленную азбуку, придать ей извѣстную систему, установить выдержанную славянскую графику, согласовавъ славянскіе звуки съ ихъ символами буквами, и создать стройную орѳографію, вполнѣ приноровленную къ духу славянскаго языка и къ практическимъ потребностямъ народа.

Нужда въ славянской азбукѣ и славянскомъ письмѣ ощущалась въ IX в. тѣмъ сильнѣе, что греко-римская культура, а съ нею и христіанство успѣли пустить къ этому времени уже большіе корни среди многихъ славянскихъ племенъ, особенно жившихъ въ недальнемъ разстояніи отъ древнихъ культурныхъ центровъ — Царьграда, Солуня, Аквилеи и Рима.

„Тогда“, говоритъ въ своемъ сказаніи Храбръ, „человѣколюбецъ Богъ, строяй вся и не оставляяй человѣча рода безъ разума, но вся къ разуму приводя и спасенію, помиловавъ родъ словѣньскъ, посла имъ св. Константина Философа, нарицаемаго Кирилла, мужа праведна и истинна и сотвори имъ (т. е. славянамъ) письмена тридесять и осмь (38), ова убо по чину греческихъ письменъ, ова же по словѣньстѣй рѣчи“.

Константинъ, въ монашествѣ Кириллъ, являлся человѣкомъ болѣе другихъ въ то время способнымъ совершить этотъ великій подвигъ — составить грамоту для славянъ. По свидѣтельству житія, онъ съ юныхъ лѣтъ выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ и умомъ и большою любовью къ ученію. Вмѣстѣ съ этимъ духовныя силы даровитаго юноши

были развиты блестящимъ по тому времени образованіемъ, сначала въ домѣ родителей, въ г. Солуни, а потомъ въ Константинополѣ, при дворѣ византійскаго императора Михаила III, подъ непосредственнымъ руководствомъ знаменитаго Фотія, впослѣдствіи патріарха константинопольскаго. До своего патріаршества ученый Фотій стоялъ во главѣ значительнаго кружка образованныхъ людей, которые ревностно изучали не только св. Писаніе и творенія свв. Отцовъ Церкви, но также греческихъ и римскихъ писателей золотого вѣка античной литературы, вмѣстѣ съ другими дисциплинами высшаго образованія того времени (математика, музыка и др.). Въ этотъ кружокъ попалъ и юноша Константинъ и усердно началъ заниматься словесными, философскими и математическими науками. Здѣсь, надо думать, отъ имѣлъ возможность познакомиться и со многими языками.

Кромѣ замѣчательной филологической подготовки, у молодого даровитаго философа было еще одно очень важное преимущество передъ другими для успѣшнаго совершенія задуманнаго имъ дѣла (изобрѣтеніе славянскихъ письменъ) — основательное практическое знаніе славянскаго языка, который онъ постоянно слышалъ еще въ родительскомъ домѣ. Солунь былъ главнымъ городомъ Македоніи, области—почти сплошь заселенной въ то время славянами. По преданію, и мать его была родомъ славянка.

Константинъ, окруженный съ дѣтства и въ зрѣломъ возрастѣ славянами, видѣлъ, что, хотя христіанство и распространяется среди этого могучаго племени, но глубокихъ корней оно все таки не пускаетъ и не можетъ пустить. Одной проповѣди Евангелія, даже на славянскомъ языкѣ, тутъ было слишкомъ недостаточно. Необходимо было завести еще понятное для народа богослуженіе, научить самихъ славянъ совершать это богослуженіе, а съ этой цѣлью создать школы, распространить грамотность, образованіе и т. п. Все это понялъ блаженный Кириллъ и, пылая благочестивою ревностью просвѣтить язычниковъ, задумалъ составить славянскую азбуку и перевести на славянскій языкъ св. Писаніе и богослужебныя книги.

Кириллица. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужила открывшаяся миссія въ Моравію, откуда Ростиславъ, князь моравскій, обратился въ 861—862 г. въ Константинополь съ просьбой прислать ему проповѣдниковъ, которые, не въ примѣръ нѣмцамъ, научили бы подвластный ему славянскій народъ христіанской вѣрѣ и богослуженію на понятномъ для народа языкѣ, такъ какъ и требы и богослуженіе у нихъ совершались только на латинскомъ языкѣ. Желанію князя византійскій императоръ и патріархъ удовлетворили, и послали Кирилла, какъ самаго способнаго, наиболѣе подходящаго и опытнаго въ этомъ отношеніи человѣка. До этого времени Кириллъ ѣздилъ уже съ проповѣдью въ малую Азію къ сарацинамъ и въ южную Россію къ хазарамъ.

Кириллъ, собираясь въ эту миссію съ братомъ Меѳодіемъ, по выбору царя и патріарха, „и сложи тогда письмена", по свидѣтельству Храбра [1]).

Въ основу славянской азбуки онъ положилъ греческій алфавитъ, откуда имъ было взято цѣликомъ 24 буквы. „И отъ нихъ соуть четыре между десятьма подобна грьчьскымъ письменемъ; суть же сия: А, В, Г, Д, Є, Ꙁ, И, Ѳ, І, К, Л, М, Н, Ѯ, О, П, Р, С, Т, Ѵ, Ф, Х, Ѱ, Ѡ". Такъ говоритъ Храбръ. Кромѣ этого свидѣтельства инока Храбра, пользованіе именно греческимъ алфавитомъ доказывается также замѣчательнымъ сходствомъ древнѣйшаго, такъ называемаго, уставного славянскаго письма (напр. въ Остромировомъ Евангеліи 1056—1057 г.) съ греческимъ такимъ же уставнымъ (унціальнымъ) письмомъ по рукописямъ VII—IX в. в.

Недостающія буквы, т. е. Б, Ж, Ѕ, Ц, Ү, Ш, Щ, Ъ, Ь, Ы, Ѣ, Ю, Ѫ и Ѧ для звуковъ, которыхъ не было въ греческомъ языкѣ, Кирилломъ частью придуманы, частью тоже заимствованы. Если обратить вниманіе на характеръ этихъ придуманныхъ буквъ, то нужно признать, что Ѧ представляетъ

---

[1]) По словамъ Храбра—въ 855 году, по другимъ извѣстіямъ—около 862 г., что вѣрнѣе.

своего рода видоизмѣненіе буквы А, Ж—видоизмѣненіе Ѧ, а Ъ, Ь, Ѣ по начертаніямъ очень близки другъ къ другу, восходятъ къ одному знаку и, можетъ быть,—не болѣе, какъ стилизаціи буквы В; буквы Ю(ІОV) и Ѕ сходны съ греческими ιού и ς (стигма); наконецъ, Ж есть видоизмѣненіе буквы Ȥ(земли), утратившей свою нижнюю часть. Что касается буквъ—Ш, Ү и Ц, то онѣ заимствованы изъ другихъ извѣстныхъ Кириллу алфавитовъ, и, вѣроятно, изъ еврейскаго, гдѣ буквы, „цаде“ (т. е. наше *ц)* похожа на кирилловское Ц, а буква „шинъ“ тождественна по начертанію съ кирилловскимъ Ш Остается еще буква Щ, но она есть, безъ сомнѣнія, вязь изъ Ш и Т(Щ); поэтому Щ въ древнѣйшихъ рукописяхъ изображалось или въ видѣ Ш̄, или даже просто какъ ШТ.

По имени изобрѣтателя эта азбука получила впослѣдствіи названіе *кириллицы.*

Когда азбука была составлена, древне-славянская графика и ороографія выработаны, Кириллъ и Меѳодій перевели на славянскій языкъ Евангеліе, Апостолъ, Псалтырь, чинъ литургіи, Паримейникъ (сборникъ чтеній изъ книгъ Ветхаго Завѣта) и другія книги, необходимыя при богослуженіи въ греческой церкви. Съ этими книгами свв. Братья отправились въ Моравію и стали насаждать тамъ христіанство, а вмѣстѣ съ этимъ продолжали переводить и другія книги, оставшіяся еще непереведенными.

Дальнѣйшій ходъ проповѣднической дѣятельности, сначала обоихъ братьевъ, а потомъ, послѣ смерти св. Кирилла († 869 г.), одного Меѳодія, намъ извѣстенъ изъ исторіи. Несмотря на всѣ гоненія латино-нѣмецкаго духовенства (изъ южной Германіи), которое вызвало подозрительное отношеніе къ проповѣднической дѣятельности Первоучителей славянства самихъ папъ и свѣтской власти (императоръ Людовикъ, князь Святополкъ), Меѳодію, сначала въ санѣ епископа, а затѣмъ архіепископа Моравскаго, удалось все-таки насадить въ Моравіи и Панноніи славянское богослуженіе, распространивъ его и за предѣлы этихъ областей (Чехія, Силезія и Польша). Въ теченіе всей своей жизни († 885 г.) св. Меѳодій неутомимо

боролся съ противниками этого богослуженія и усердно заботился о просвѣщеніи своей паствы. Но со смертью св. Меѳодія его великое дѣло, обѣщавшее въ будущемъ братское единеніе *всѣхъ* славянъ и на почвѣ религіозно-церковной, должно было прекратиться въ своемъ развитіи. Сильный словомъ и правотою своего подвига, мужественный соперникъ латино-нѣмецкаго духовенства отошелъ въ вѣчность, и его враги тотчасъ безпрепятственно захватываютъ Моравскую архіепископію въ свои руки, устраняютъ славянскій языкъ изъ церкви и съ ожесточеніемъ преслѣдуютъ ближайшихъ наиболѣе дѣятельныхъ учениковъ и помощниковъ св. Меѳодія: Климента, Наума, Ангеляра, Савву и Горазда, которые, будучи изгнаны изъ Моравіи, уходятъ въ разныя стороны, на востокъ и югъ, преимущественно въ Болгарію, куда и переносятъ свою просвѣтительную дѣятельность.

Нашествіе угровъ (мадьяръ), которые около 900 г. разорили Моравію и Паннонію и основали на развалинахъ Великой Моравы свою державу, подчинившуюся въ церковномъ отношеніи Риму, этой разрушительной дѣятельности латино-нѣмецкаго духовенства, конечно, только содѣйствовали.

Древнѣйшіе кирилловскіе памятники Самые древніе памятники кирилловскаго книжнаго письма восходятъ только къ XI вѣку. Наиболѣе важные между ними слѣдующіе:

Остромирово Евангеліе. Оно было написано въ Россіи, въ Великомъ Новгородѣ, діакономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира (1056—1057 г.). Это Евангеліе хранится теперь въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ. Оно было издано въ первый разъ въ 1843 г. Востоковымъ, а во 2-ой и 3-ій купцомъ Савинковымъ въ 1883 г. и 1889 г. фототипически.

Саввино Евангеліе. Оно безъ начала и конца. Въ древнѣйшей части оно XI вѣка; писано какимъ то попомъ Саввою, по имени котораго и названо. Хранится въ Московской Синодальной Типографской библіотекѣ. Этотъ памятникъ въ полномъ видѣ недавно изданъ проф. Щепкинымъ (С.-Птб. 1907 г.).

Евангельскіе листки Ундольскаго. Это—отрывки изъ Евангелія, писанные въ XI вѣкѣ; изданы ак. Срезневскимъ (1868 г.), и проф. Карскимъ (1904 г.) съ подлинника, находящагося въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ.

Супрасльская рукопись. Это —сборникъ житій святыхъ съ нѣкоторыми поученіями Отцовъ Церкви (такъ наз. Четья-Минея на мартъ мѣсяцъ). Въ цѣломъ видѣ этотъ сборникъ принадлежалъ Супрасльскому монастырю (близъ г. Бѣлостока). Часть ея въ настоящее время хранится въ Люблянской (г. Любляна или Laibach) лицейской библіотекѣ, другая часть попала въ библіотеку графа Замойскаго въ Варшавѣ; наконецъ, двѣ тетради стали собственностью академика Бычкова (С.-Петербургъ). Она была издана впервые Миклошичемъ въ Вѣнѣ въ 1851 г., а недавно (1905 г) г. Северьяновымъ на средства Академіи Наукъ [1]).

Глаголица. Кромѣ кириллицы, у южныхъ и западныхъ славянъ была, а у хорватовъ на Адріатическомъ приморьѣ и теперь имѣется, еще другая азбука, такъ называемая *глаголица*. По своему внѣшнему виду, она, въ сравненіи съ кириллицей, представляетъ очень замысловатое письмо, съ разными усложненіями, въ видѣ кружковъ, завитушекъ, ушекъ и пр., которыми украшены основныя начертанія буквъ

Видъ глаголической азбуки по наиболѣе древнимъ рукописямъ (XI в.) такой: Ⰰ(**А**, обозначаетъ число 1), Ⰱ(**Б**, 2), Ⰲ(**В**, 3), Ⰳ(**Г**, 4), Ⰴ(**Д**, 5), Ⰵ(**Є**, 6), Ⰶ(**Ж**, 7), Ⰷ(**S**, 8), Ⰸ(**Ζ**, 9), Ⰹ, Ⰺ(**І**, 10), Ⰻ(**И**, 20), Ⰼ(**ћ**, 30), Ⰽ(**К**, 40), Ⰾ(**Л**, 50), Ⰿ(**М**, 60), Ⱀ(**Н**, 70), Ⱁ(**О**, 80), Ⱂ(**П**, 90), Ⱃ(**Р**, 100), Ⱄ(**С**, 200), Ⱅ(**Т**, 300),

---

[1]) Письмо кирилловское въ надписяхъ (на камняхъ и др.) восходитъ къ болѣе древнему времени, чѣмъ книжное письмо. Такова древнѣйшая изъ всѣхъ славянскихъ надписей надпись царя (вѣроятно) Самоила 993 года, найденная въ 1898 году въ селѣ Германъ (вблизи г. Преспы въ Македоніи, на границѣ съ Албаніей) на обломкѣ каменной надгробной плиты надъ его родителями и братомъ: **Въ имѧ отьца и сꙑна и с҃таго доух҃а· азъ Самоилъ рабъ Бж҃(и) полагаѫ памѧть (оть)цоу и матери и брат(оу) (и)ѧ крьстѣхъ сих(ъ) имена оусъпъш(ихъ) (Ни)кола рабъ Бж҃и(и)...ѣ даꙗдъ написа(шаса) (въ) лѣто отъ сътвор(ениѣ ми-роу) ҂ѕ҃ ·:· ф҃ а҃.** (т. е. 6501) **индик(та ѕ҃·:·)** см. Извѣстія Рус. Археол. Института въ Константинополѣ. 1899 г. IV т.

Ⱆ(Оу, 400), Ⱇ(Ф, 500), Ⱈ(Х, 600), Ⱉ(Ѡ, 700), Ⱋ(Щ, 800), Ⱌ(Ц, 900), Ⱍ(Ч, 1000), Ⱎ(Ш), Ⱏ(Ъ), ⰟⰊ или ⰟⰉ(Ꙑ), Ⱐ(Ь), Ⱑ(Ѣ), Ⱓ(Ю), Ⱔ(Ѧ), Ⱗ(Ѭ), Ⱚ(Ѳ), Ⱛ(Ѵ).

Въ то время, какъ кириллица въ древнѣйшихъ рукописяхъ передаетъ для 24 буквъ почти фотографическій снимокъ съ греческаго устава VII—IX вѣковъ, а для начертаній славянскихъ звуковъ, недостающихъ въ греческомъ языкѣ, представляетъ или своего рода стилизацію того же греческаго алфавита, или заимствованіе изъ другихъ алфавитовъ (еврейскаго, коптскаго), для прихотливой глаголицы нельзя найти такихъ ясныхъ прототиповъ. Но попытки найти этотъ прототипъ тѣмъ не менѣе дѣлались, и онѣ очень любопытны. Вообще, о нихъ можно сказать слѣдующее. Одни ученые полагаютъ, что глаголица представляетъ передѣлку латинскаго скорописнаго письма VIII—IX в.в. черезъ посредство албанскаго алфавита [1]), другіе—передѣлку греческаго [2]), третьи, наконецъ, думаютъ, что она не болѣе какъ витіеватое измѣненіе кириллицы [3]). Но эти попытки къ опредѣленному заключенію, которое было бы принято всѣми учеными, однако не привели. Каково бы ни было однако происхожденіе глаголицы, но связь ея съ кириллицей, вообще взаимное вліяніе обоихъ алфавитовъ установить можно.

Порядокъ буквъ въ той и другой азбукѣ одинъ и тотъ же и почти тождественный съ порядкомъ буквъ въ греческомъ алфавитѣ. Буквы въ той и другой азбукѣ имѣютъ и числовое значеніе, причемъ въ кириллицѣ числа означали только буквы, заимствованныя изъ греческаго алфавита (1=а, 2=в, 3=г, 4=д, 5=є и т. д.), а новыя буквы (б, ж, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю и ѫ), кромѣ одного ц=900, были исключены изъ ариѳметическаго счета. То же мы видимъ и въ глаголицѣ, съ тою лишь разницею, что числовое значеніе въ

---

1) *Geitler*. Die albanesischen und slavischen Schriften. Wien 1883.

2) *И. Ягичъ*. Четыре критико-палеографическія статьи (Сборникъ 2-го отдѣленія И. А. Н. т. XXXIII).

3) *А. И. Соболевскій*. Древній церковно-славянскій языкъ. М. 1891.

ней придано также **Ꙉ** и **ж**, не считая **Ꙉ** или ђ (звукъ=дьжь),— буквы, которой нѣтъ въ древней кириллицѣ. Мало этого. Какъ глаголица, подобно кирилловскому письму, гдѣ это письмо было ужъ слишкомъ точной копіей съ греческаго письма, вводитъ нѣсколько лишнихъ буквъ, именно—3 начертанія для **и** (Ⰹ, Ⰺ, Ⰻ), 2 начертанія для **о** (Ⱁ, Ⱉ), 2 начертанія для **ф** (Ⱇ и Ⱚ): такъ точно и кириллица, въ свою очередь, какъ бы въ подражаніе глаголицѣ, не употреблявшей іотированныхъ гласныхъ (т. е. **ꙗ**, **ѥ**, **ѩ**, **ѭ**), передаетъ иногда эти іотированныя гласныя безъ іота (вмѣсто **ѩ** встрѣчается въ кириллицѣ и **ѧ**).

Кто составилъ глаголицу, гдѣ и когда, съ какою цѣлью и при какихъ обстоятельствахъ она была составлена,— объ этомъ нѣтъ у насъ почти никакихъ свѣдѣній. Существуютъ только предположенія. Такъ, нѣкоторые ученые слависты (Шафарикъ, Рачки, Миклошичъ, Ягичъ) полагаютъ, что глаголица древнѣе кириллицы, и что св. Кириллъ составилъ *именно* глаголицу, а не тотъ алфавитъ, который впослѣдствіи сталъ называться кириллицей. Глаголицей именно были — говорятъ они—написаны первыя богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ. Но письмо это, будучи строго стилизовано св. Кирилломъ, слишкомъ далеко ушло отъ своего греческаго (предполагаемаго) образца. Въ Моравіи и Панноніи, при жизни св. Меѳодія, славяне читали только глаголическія книги, но со смертью св. Меѳодія († 885 г.) славянское богослуженіе было уничтожено латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, а ученики св. Просвѣтителей должны были бѣжать изъ Моравіи, частью въ Хорватію, частью въ Болгарію, куда они и принесли съ собой церковно-славянскія книги, писанныя глаголицей. Между тѣмъ Болгарія съ конца IX вѣка и въ началѣ X, въ эпоху царя Симеона († 927), вступаетъ въ самую тѣсную духовную и вообще культурную связь съ Византіей. Такое единеніе Болгаріи съ Византіей должно было, по словамъ защитниковъ первородства глаголицы, отразиться немедленно и на недавно изобрѣтенной славянской азбукѣ, т. е. глаголицѣ. Болгарскіе грекофилы, можетъ быть, даже нѣкоторые изъ учениковъ св. Меѳодія (напр. еп. Климентъ), уви-

дѣли-де, что глаголическое письмо слишкомъ ужъ не похоже на греческое, и, желая его упростить и сблизить съ греческой азбукой, ввели вмѣсто глаголицы кириллицу, которая поэтому и является, какъ бы сколкомъ съ греческаго уставного письма. Замѣна одного алфавита другимъ совершилась, конечно, не вдругъ, а постепенно, такъ что въ первое время реформы одни грамотники писали глаголицей, другіе — кириллицей. Но полное вытѣсненіе глаголическаго письма письмомъ кирилловскимъ состоялось, должно быть, около конца X вѣка, времени, когда христіанство было принято русскими славянами, которые получили изъ придунайской Болгаріи церковныя книги, писанныя уже кириллицей. Глаголическая письменность въ Болгаріи такимъ образомъ постепенно замерла. Но въ другихъ мѣстахъ славянскаго міра, напр. въ Панноніи и особенно по берегамъ Адріатическаго моря, въ Далмаціи и Истріи у хорватовъ, гдѣ византійское вліяніе было слабѣе, сталкивалось съ вліяніемъ римскимъ и вообще итальянскимъ, глаголица сохранялась очень долго не только въ церковномъ, но и въ свѣтскомъ письмѣ (въ грамотахъ, актахъ, законникахъ и т. п.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Истріи и Далмаціи (именно въ четырехъ епархіяхъ: Сплѣта, Шибеницы, Задра и острова Крка или *Veglia)* глаголицей въ богослужебныхъ книгахъ пользуются и въ настоящее время.

Такъ представляютъ себѣ происхожденіе глаголицы и кириллицы глаголиты.

Это мнѣніе о кирилловскомъ происхожденіи глаголицы можно было бы вполнѣ принять, если бы у насъ не было свидѣтельства инока Храбра, который прямо указываетъ на то, что св. Кириллъ составилъ именно кириллицу. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, какую азбуку изобрѣлъ св. Кириллъ, кириллицу или глаголицу, пока остается открытымъ. Несомнѣнно пока одно: оба алфавита очень древніе, такъ какъ оба дошли до насъ въ памятникахъ, восходящихъ къ эпохѣ, очень близкой къ времени св. Первоучителей славянства.

Древнѣйшіе глаголическіе памятники. Къ древнѣйшимъ глаголическимъ памятникамъ церковно-славянскаго языка принадлежатъ слѣдующіе, всѣ—XI вѣка.

Зографское Евангеліе. Оно раньше принадлежало болгарскому Зографскому монастырю на Аѳонѣ, а нынѣ хранится въ С.-Пб. Публичной библіотекѣ. Издано проф. Ягичемъ въ Берлинѣ въ 1879 г.

Ассеманово Евангеліе. Хранится въ Ватиканской библіотекѣ, въ Римѣ, куда перешло отъ Ассемани, который пріобрѣлъ его въ 1736 году въ Іерусалимѣ. Издано въ первый разъ ученымъ Рачки (1865 г. въ Загребѣ), а во второй — Черничемъ въ Римѣ (1878 г.) въ латинской транскрипціи.

Маріинское Евангеліе. Раньше находилось въ скиту Пресвятой Богородицы на Аѳонѣ, а теперь—въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ; издано Ягичемъ въ 1883 г.

Синайская Псалтырь. Рукопись хранится въ библіотекѣ монастыря св. Екатерины на горѣ Синаѣ; издана проф. Гейтлеромъ въ Загребѣ въ 1883 г.

Синайскій Евхологій. Этотъ Требникъ найденъ въ томъ же монастырѣ св. Екатерины на горѣ Синаѣ, гдѣ и Синайская Псалтырь. Изданъ Гейтлеромъ въ Загребѣ въ 1882 г.

Древній церковно-славянскій языкъ.

Кирилловскія и глаголическія книги писаны на т. н. древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ. Прошлое этого языка было блестящее. Въ эпоху свв. Кирилла и Меѳодія церковно-славянскій языкъ былъ богослужебнымъ языкомъ въ Моравіи, Панноніи и Чехіи. Послѣ смерти св. Меѳодія, съ усиленіемъ гоненія со стороны латино-нѣмецкаго духовенства, церковно-славянскій языкъ въ церкви уступилъ мѣсто латинскому. Но славянское богослуженіе тѣмъ не менѣе не скоро еще заглохло у западныхъ славянъ. Оно сохранялось нѣкоторое время и послѣ разрушенія Великой Моравской державы

венграми (уграми). Нѣкоторые венгерскіе князья въ X столѣтіи, сносясь съ Константинополемъ, принимали христіанство по восточному обряду, а въ XI в. упоминаются въ Вышеградѣ и Веспримѣ славянскіе монастыри.

Въ Чехіи славянское богослуженіе въ X - XI в. существовало рядомъ съ латинскимъ. Княгиня Людмила и внукъ ея Вячеславъ очень любили читать славянскія книги. Пражскіе латинскіе епископы постоянно старались вытѣснить славянскій языкъ изъ церковной службы, но народъ и чешскіе князья стояли за славянское богослуженіе, и оно сохранилось еще въ XI в. въ Сазавскомъ монастырѣ, пока Сазавскіе монахи, вслѣдствіе козней латинскаго духовенства, не вынуждены были уйти въ Угрію.

Просвѣтительная дѣятельность св. Меѳодія распространилась и за Карпаты, на верхнюю Вислу, гдѣ какой-то сильный „поганскій князь Вислянъ", какъ говорится въ житіи, былъ крещенъ св. Меѳодіемъ. Какъ въ Чехіи, Угріи, такъ и въ краковской землѣ славянское богослуженіе нѣкоторое время существовало наряду съ латинскимъ.

Изъ Паннонія славянское богослуженіе распространилось на югъ и юго-востокъ — въ Хорватіи, Сербіи и Болгаріи, отчасти при жизни св. Меѳодія, отчасти послѣ его смерти, при чемъ въ Хорватіи, гдѣ ему пришлось вести ожесточенную борьбу съ богослуженіемъ на латинскомъ языкѣ, церковно-славянскій языкъ (по глаголическимъ книгамъ) въ концѣ концовъ одержалъ верхъ даже въ католической церкви и сохранился до настоящаго времени (въ 4-хъ епархіяхъ: Задра, Сплѣта, Крка и Шибеницы).

Но истиннымъ убѣжищемъ церковно-славянскаго языка была все-таки Болгарія. Здѣсь въ началѣ X в. на этомъ языкѣ разцвѣла богатѣйшая литература (вѣкъ царя Симеона 888 – 927). Изъ Болгаріи эта письменность распространилась по Сербіи, а потомъ перешла почти цѣликомъ въ Россію.

Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ сдѣлался литературнымъ и прежде всего — богослужебнымъ сначала у *всѣхъ* славянъ, а потомъ у болгаръ, сербовъ и русскихъ,

у которыхъ языкъ этотъ остался въ церковномъ употребленіи и по настоящее время.

Независимо отъ высокаго историческаго и культурнаго значенія, церковно-славянскій языкъ и самъ по себѣ очень важенъ: онъ отличается замѣчательнымъ богатствомъ звуковъ, формъ и чертами архаизмовъ. Его поэтому не даромъ иные называютъ „санскритомъ" всѣхъ славянскихъ нарѣчій, для которыхъ онъ, дѣйствительно, служитъ вообще древнѣйшимъ представителемъ.

Происхожденіе церковно-славянскаго языка.

Какъ славное прошлое этого языка, такъ и его выдающіяся качества заставляютъ обратить на него особенное вниманіе.

Такъ какъ церковно-славянскій языкъ давно мертвый, то прежде всего является вопросъ: къ какому изъ живыхъ славянскихъ нарѣчій онъ принадлежалъ? Какое славянское племя говорило на этомъ языкѣ въ эпоху свв. Кирилла и Меѳодія? Гдѣ слѣдуетъ искать родину этого священнаго языка восточныхъ и южныхъ славянъ?

Вопросъ о родинѣ древняго церковно-славянскаго языка долгое время вызывалъ въ ученой литературѣ большіе споры. Одни ученые (напр. Миклошичъ) полагали, что церковно-славянскій языкъ былъ языкомъ паннонскихъ славянъ, которые жили въ IX вѣкѣ между Дунаемъ и Дравою и потомками которыхъ слѣдуетъ считать нынѣшнихъ словинцевъ или хорутанъ. Это—такъ называемая *паннонская* теорія происхожденія церковно-славянскаго языка. Другіе слависты (большинство), отрицая первое мнѣніе, утверждали, что этотъ языкъ есть древнее нарѣчіе македонскихъ славянъ, т. е. языкъ древне-болгарскій. Это—*болгарская* (македонская) теорія происхожденія церк.-славянск. языка. Наконецъ, были нѣкоторые слависты, именно Ламанскій и Будиловичъ, которые полагали, что церковно-славянскій языкъ представляетъ нѣчто *искусственное*, своего рода смѣсь, куда вошли особенности разныхъ славянскихъ діалектовъ. Эти примѣси введены были св. Братьями, по мнѣнію Ламанскаго, въ нарѣчіе солунскихъ

болгаръ, а по мнѣнію Будиловича—въ нарѣчіе славянъ, жившихъ въ Константинополѣ и въ Малой Азіи.

Такое различіе во взглядахъ ученыхъ на происхожденіе церковно-славянскаго языка зависитъ отъ состоянія матеріаловъ. Документальныхъ данныхъ о томъ, на какомъ именно славянскомъ языкѣ писали св. Кириллъ и Меѳодій, нѣтъ. Поэтому, помимо разныхъ косвенныхъ историческихъ свидѣтельствъ о жизни и просвѣтительной дѣятельности св. Братьевъ, происхожденіе церковно-славянскаго языка могло быть опредѣлено главнымъ образомъ на основаніи изученія, съ одной стороны—древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ, съ другой—современныхъ живыхъ славянскихъ нарѣчій тѣхъ областей, гдѣ жили и учили св. Кириллъ и Меѳодій. Но памятниковъ церковно-славянской письменности, вышедшихъ *непосредственно* изъ подъ пера св. Первоучителей славянства или ихъ ближайшихъ непосредственныхъ учениковъ, до насъ не дошло. Сохранились только копіи съ ихъ подлинниковъ, притомъ сравнительно очень позднія, ибо самая ранняя копія изъ отмѣченныхъ годомъ, именно—Остромирово Евангеліе, была сдѣлана почти 200 лѣтъ спустя послѣ появленія подлинника. Въ теченіе этого долгаго времени кирилло-меѳодіевскій текстъ и письмо, конечно, должны были очень измѣниться, что, дѣйствительно, произошло и на самомъ дѣлѣ. Виновниками этихъ перемѣнъ были переписчики, съ ихъ вольными и невольными ошибками противъ оригинала, при чемъ эти ошибки становились все многочисленнѣе и разнообразнѣе, и, наслаиваясь другъ на друга, все болѣе и болѣе затемняли и подлинный переводъ и подлинное письмо Первоучителей. Если мы возьмемъ, напр. евангельскій текстъ въ его древнѣйшихъ спискахъ, кирилловскихъ и глаголическихъ, то увидимъ, что онъ въ первые два вѣка послѣ введенія письменности у славянъ подвергался самой усиленной переработкѣ, какъ въ языкѣ, такъ и въ письмѣ. Мы не найдемъ ни одной рукописи Евангелія, которая по тексту во всемъ была бы похожа на другую. Ошибки и разныя неточности, допущенныя первыми переводчиками, исправлялись; непереведенныя

иностранныя слова замѣнялись славянскими (напр. въ одной рукописи встрѣчаемъ слово *алтарь*, а въ другой чисто славянскія слова — *жертвеникъ* или *требникъ);* выраженія славянскія, болѣе искусственнаго характера, что такъ возможно было вводить при первомъ опытѣ перевода на необработанный еще литературный языкъ, уступали мѣсто исконнымъ славянскимъ; наконецъ, діалектическія особенности одной мѣстности сглаживались подъ вліяніемъ словоупотребленія, звуковъ и формъ языка въ другой и т. п. И все это, въ большей или меньшей степени, отразилось въ дошедшихъ до насъ текстахъ церковно-славянскаго Евангелія, по древнѣйшимъ спискамъ.

Особенно много мѣшаютъ точному опредѣленію мѣста церковно-славянскаго языка въ ряду другихъ славянскихъ нарѣчій, а слѣдовательно—и родины его, разныя *діалектическія* наслоенія въ церковно-славянскихъ книгахъ. Несмотря на значительную близость всѣхъ славянскихъ нарѣчій въ IX – X в. в. другъ къ другу, между группами этихъ нарѣчій, даже между отдѣльными языками той или другой группы все таки уже существовали разныя діалектическія отличія—въ звукахъ, формахъ, словахъ и въ словосочетаніяхъ. И вотъ, въ церковно-славянскихъ книгахъ, переписанныхъ, положимъ, въ Болгаріи, появились *болгаризмы*, въ Панноніи и Моравіи—*паннонизмы* и *моравизмы*, въ Сербіи — *сербизмы*, въ Россіи — *руссизмы* и т. п. Чѣмъ дальше шло время и промежуточныхъ копій дѣлалось больше, тѣмъ больше, конечно, въ этихъ копіяхъ накоплялось и разныхъ діалектическихъ наслоеній и тѣмъ эти наслоенія становились пестрѣе. Бо́льшее или меньшее преобладаніе въ извѣстной рукописи тѣхъ или другихъ діалектическихъ особенностей положило начало образованію разныхъ *изводовъ* церковно-славянскихъ книгъ, о чемъ ниже.

Такимъ образомъ, въ чистомъ, такъ сказать, видѣ, т. е. безъ всякихъ позднѣйшихъ примѣсей, и церковно-славянскій языкъ и письмо его, установленное свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, до насъ не дошли. То и другое приходится еще критически возсоздавать. Отсюда и споры о томъ, какое чтеніе считать первоначальнымъ, а какое—болѣе позднимъ. Но кро-

мѣ этого, въ дѣлѣ точнаго опредѣленія мѣста церковно-славянскаго языка въ ряду другихъ славянскихъ нарѣчій долгое время мѣшало, да и теперь отчасти мѣшаетъ недостаточное знакомство славянской науки съ живыми славянскими нарѣчіями, особенно — съ македонскими говорами болгарскаго языка, что имѣло существенное значеніе для повѣрки и оправданія выводовъ по письменнымъ памятникамъ.

Но несмотря на всѣ пробѣлы въ матеріалахъ и разныя затрудненія въ анализѣ этихъ матеріаловъ, изъ двухъ главныхъ теорій происхожденія церковно-славянскаго языка, паннонской и болгарской, въ наукѣ, особенно послѣ изысканій въ этой области академиковъ А. И. Соболевскаго и И. В. Ягича, выдающагося ученика послѣдняго проф. В. Облака и проф. П. А. Лаврова, прочно установилась въ настоящее время вторая. Въ ея пользу говорятъ очень важныя историческія и лингвистическія данныя, а именно:

1. Въ такъ называемыхъ Паннонскихъ житіяхъ свв. Кирилла и Меѳодія, сказано, что Первоучители явились въ Моравію уже съ готовыми славянскими переводами необходимыхъ въ богослуженіи церковныхъ книгъ. Значитъ, эти книги могли быть переведены только на тотъ языкъ, который Кириллъ и Меѳодій могли знать и знали съ дѣтства, т. е. на языкъ *солунскихъ болгаръ*.

2. Въ эпоху просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія (вторая половина IX в.), близость славянскихъ нарѣчій другъ къ другу была такъ велика, что южный славянинъ легко могъ понимать западнаго и обратно. Поэтому свв. Братьямъ вовсе не было надобности учиться языку моравaнъ и паннонскихъ славянъ и вводить его особенности въ свои болгарскіе тексты. Достаточно было только того, чтобы паства и учителя понимали другъ друга. Конечно, придунайскіе уроженцы, ближайшіе ученики свв Кирилла и Меѳодія, переписывая богослужебныя книги, вводили кое-какія черты своего родного говора, но черты эти, особенно на первыхъ порахъ, были во всякомъ случаѣ немногочисленны.

3. Нѣкоторыя звуковыя особенности въ церковно-сла-

вянскихъ книгахъ свойственны исключительно болгарскому нарѣчію и не встрѣчаются въ другихъ нарѣчіяхъ, въ томъ числѣ и въ словинскомъ говорѣ, на который смотрятъ, какъ на потомка паннонскаго говора. Это именно: смягченіе зубныхъ **д** въ **жд**, а **т** въ **шт** (напр. **хождж**, **свѣшта**), смѣшеніе **ѣ** съ **ꙗ**, напр. **ѣко**, **сꙗмо** и др.

4. Вообще, всѣ звуковыя особенности церковно-славянскаго языка въ древнихъ памятникахъ, кирилловскихъ и глаголическихъ, тождественны съ такими же особенностями живого болгарскаго языка и главнымъ образомъ — его македонскихъ говоровъ. Такъ, напр. носовые звуки, обозначенные въ кириллицѣ буквами **ж** и **ѧ**, сохранились и въ македонскомъ говорѣ болгарскаго языка.

Всѣ эти соображенія и даютъ основаніе утверждать, что въ основѣ церковно-славянскаго языка лежитъ именно македонско нарѣчіе болгарскаго языка.

Изводы церковно-славянскихъ книгъ. Церковно-славянскій языкъ, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ живыхъ славянскихъ языковъ, сталъ мало по малу измѣняться. Вмѣстѣ съ этимъ исчезала и кирилло-меѳодіевская традиція. Произношеніе церковно-славянскихъ звуковъ и правила письма, выработанныя св. Кирилломъ, но не поддерживавшіяся теоретическимъ изученіемъ языка, т. е. его грамматикой, которой не было, постепенно забывались. И вотъ, на фонѣ древней церковно-славянской рѣчи и правописанія, помимо разныхъ ошибокъ противъ подлинника, появились здѣсь и тамъ діалектическія особенности того или другого живого славянскаго языка, на которомъ говорилъ переписчикъ. Чѣмъ дальше шло время и церковно-славянская грамотность болѣе забывалась, тѣмъ болѣе и болѣе мы находимъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ и діалектическихъ отраженій. Вслѣдствіе этого всѣ дошедшіе до насъ памятники церковно-славянскаго языка и письма, кирилловскіе и глаголическіе, начиная съ древнѣйшихъ (XI в.), представляютъ церковно-славянскій языкъ не въ чистомъ кирилло-меѳодіевскомъ видѣ, а съ разными примѣсями. Такъ какъ церковно-славянская письменность, исчез-

нувшая подъ напоромъ латинскаго духовенства у западныхъ славянъ, сосредоточилась почти исключительно у славянъ южныхъ и восточныхъ, то виновниками тѣхъ измѣненій, какія пришлось пережить церковно-славянскому языку, были преимущественно переписчики болгарскіе, сербскіе и русскіе. Поэтому и діалектическія примѣси, какія явились въ церковно-славянскихъ книгахъ, заключаются въ особенностяхъ средне-болгарскаго, сербскаго и русскаго языковъ. Хотя въ одной и той же рукописи *болгаризмы*, *сербизмы* и *руссизмы* нерѣдко перемѣшиваются, но большинство тѣхъ или другихъ даетъ тѣмъ не менѣе наукѣ право установить три главныхъ вида, рецензіи или *извода* церковно-славянскаго языка и письма: 1) *средне-болгарскій*, 2) *сербскій* и 3) *русскій*.

Изъ всѣхъ изводовъ при изученіи русскаго литературнаго языка для насъ наиболѣе важенъ, конечно, *русскій*, хотя и другіе, какъ увидимъ ниже, тоже не лишены значенія въ этомъ отношеніи.

Русскій изводъ церк.-слав. книгъ. Въ Россію церковно-славянскія книги перешли изъ придунайской Болгаріи въ концѣ X вѣка. Насколько церковно-славянскій языкъ, побывавъ въ придунайской Болгаріи, отступилъ отъ своего прототипа, о томъ мы очень мало знаемъ, но измѣненія, вѣроятно, уже наслоились, хотя, можетъ быть, и не очень еще большія. Перейдя на новую почву, т. е. въ Россію, церковно-славянскій языкъ подвергся діалектическому вліянію живого русскаго языка, вслѣдствіе чего явились слѣдующія звуковыя перемѣны:

1. Замѣна носовыхъ звуковъ чистыми: большого юса (ѫ, ѭ) звуками *у, ю*, а малаго юса (ѧ, ѩ)—*я* (и *а* послѣ шипящихъ звуковъ); при этомъ большой юсъ (ѫ) уже въ самыхъ раннихъ памятникахъ, переписанныхъ въ Россіи, замѣнился черезъ *у, ю*, тогда какъ малый (ѧ) постоянно чередовался съ ꙗ и позднѣе, но, конечно, только въ видѣ графическаго знака; напр. *моужь* (**мѫжь**), *люблю* (**люблѭ**), *мясо* (**мѧсо**), *часть* (**чѧсть**).

2. Чередованіе *ѣ* съ *е*, такъ какъ оба эти звука вообще не различались въ произношеніи русскаго языка.

3. Замѣна начальнаго церковно-славянскаго **ѥ** звукомъ *о*,

напр. *оже* (**юже**), *озеро* (**юѕеро**), *олень* (**юлень**), *одва* (**юдва**), *одинъ* (**юдинъ**) и др.

4. Смягченіе зубныхъ *д* въ *ж*, а *т* въ *ч*, причемъ чаще встрѣчалась замѣна *д* посредствомъ *ж*, чѣмъ *т* звукомъ *ч*, напр. *хожу* (**хождж**), *свѣча* (**свѣща**).

5. Постановка глухихъ *ъ* и *ь* передъ плавными (слоговыми) *р* и *л*, тамъ, гдѣ въ церковно славянскомъ глухіе стоятъ послѣ нихъ: *вълкъ* (вм. **влъкъ**), *чьлнъ* (**члънъ**), *търгъ* (**тръгъ**), *пълкъ* (**плъкъ**) и т. п., при чемъ *ъ* и *ь* впослѣдствіи прояснились въ *о* и *е*: *волкъ*, *полкъ*, *челнъ* и др.

6. Полногласіе, т. е. употребленіе сочетаній *оро*, *оло*, *ере*, *еле*, *оло*, вм. церковно славянскихъ **ра**, **ла**, **рѣ**, **лѣ**, напр. *городъ* (**градъ**), *холодъ* (**хладъ**), *вередъ* (**врѣдъ**), *железа* (**жлѣѕа**), *молоко* (**млѣко**) и др.

Къ концу XII в. русскій изводъ уже совсѣмъ образовался, т. е. все, что живой говоръ могъ дать, все это отразилось и въ письменной церковно-славянской рѣчи.

Дальнѣйшія измѣненія русскаго извода церковно-славянскихъ книгъ шли параллельно съ измѣненіями въ живой русской рѣчи. Поэтому русскій изводъ церковно-славянскаго языка въ разное время носилъ разный видъ.

Со второй половинѣ XIV в. и въ теченіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ въ дѣлѣ *обрусѣнія* церковно-славянскаго языка наступилъ въ Россіи перерывъ. Частью подъ вліяніемъ южно-славянскихъ (болгарскихъ и сербскихъ) книгъ, которыя съ конца XIV в. во множествѣ снова стали приходить въ Россію, частью вслѣдствіе стремленія московскихъ книжниковъ къ старинѣ, подражавшихъ въ дѣлѣ исправленія книгъ южно-славянскимъ справщикамъ изъ школы патріарха Евѳимія Тырновскаго, русскій изводъ сильно запестрѣлъ въ это время церковно-славянскими звуками и формами, но уже въ болгаро-сербской окраскѣ поздняго времени; такъ, въ рукописяхъ XV — XVI вѣковъ мы опять встрѣтимъ юсы, церковно-славянскія сочетанія *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ*, вмѣсто русскихъ полногласныхъ формъ *оро*, *оло*, *ере*, *еле*; сочетанія полу-

гласныхъ съ плавными по церковно-славянскому образцу (*трьгъ, плькъ*) и т. п.

Хотя это увлеченіе „стариной", а точнѣе — болгарско-сербскимъ письмомъ, было довольно сильное, тѣмъ не менѣе основныя черты живого русскаго языка, отразившіяся раньше въ церковно-славянскихъ книгахъ, не могли уже совершенно изчезнуть изъ этихъ книгъ. Въ юго-западной Руси этотъ болгаро-русскій смѣшанный изводъ употреблялся почти до начала XVIII столѣтія. Тотъ же изводъ вошелъ и во первопечатныя церковно-славянскія книги, изъ коихъ самыя раннія (Часословъ, Тріоди и Псалтырь) явились въ Краковѣ въ 1491 году. Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, въ смыслѣ сближенія церковно-славянскихъ звуковъ и формъ съ русскими, мы находимъ этотъ изводъ и въ современныхъ синодальныхъ изданіяхъ церковныхъ и другихъ книгъ въ Россіи.

Главные періоды въ образованіи и развитіи русскаго литературнаго языка.

Съ появленіемъ въ Россіи христіанства и письменности, русскій языкъ, бывшій до этого времени только въ устномъ употребленіи, сталъ передаваться и на письмѣ, при помощи азбуки, называемой кириллица, и тѣхъ графическихъ и орѳографическихъ пріемовъ письма, которые были установлены изобрѣтателями этой азбуки.

Но пользоваться азбукой, графикой и орѳографіей, придуманными для другого славянскаго языка, хотя родственнаго и очень близкаго къ живому русскому языку, но все же во многомъ отличавшагося отъ этого языка, первымъ русскимъ грамотникамъ было, конечно, очень трудно, потому что никто ихъ этому не могъ научить и примѣровъ для подражанія не было: имъ приходилось самимъ творить, самимъ придумывать способы пользованія этими чужими средствами для выраженія на письмѣ родныхъ звуковъ, формъ и словъ. Это послужило, конечно, однимъ изъ серьезныхъ препятствій къ упо-

требленію живой разговорной рѣчи въ письменности, особенно въ первое время ея установленія въ Россіи.

Другое обстоятельство, которое еще болѣе мѣшало утвердиться живому русскому языку въ письменной рѣчи, заключалось въ характерѣ отношенія русскихъ къ языку церковно-славянскому. Послѣдній былъ прежде всего священный языкъ церкви и богослуженія, далѣе — литературный языкъ всего славянства, на которое распространилась просвѣтительная дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія, наконецъ языкъ той богатой письменности, какая досталась русскимъ отъ южныхъ славянъ, ихъ сосѣдей. Все это окружало церковно-славянскій языкъ въ глазахъ русскихъ, какъ и южныхъ славянъ, ореоломъ святости и обаянія, вызывало желаніе писать только на этомъ языкѣ, литературно обработанномъ и въ то же время вполнѣ понятномъ. Авторитетъ и сравнительная легкость усвоенія церковно-славянскаго языка и побуждали древнихъ русскихъ грамотниковъ употреблять въ литературѣ главнымъ образомъ лишь этотъ языкъ.

Дѣловой языкъ. Вслѣдствіе этого пользованіе живымъ русскимъ языкомъ въ письмѣ было въ древности очень ограничено. Его употребляли, можно сказать, только по необходимости, а именно — лишь въ сферѣ бытовыхъ, соціальныхъ, вообще — вещественныхъ отношеній древне-русской жизни, для письменнаго выраженія которыхъ церковно-славянскій языкъ, съ его чуждымъ болѣе или менѣе юго-славянскимъ словаремъ и синтаксическими формами, былъ не всегда подходящимъ. Русскій языкъ въ письмѣ былъ въ полномъ смыслѣ только *дѣловымъ* языкомъ, языкомъ законодательныхъ актовъ и разнаго рода грамотъ: рядныхъ, купчихъ, заемныхъ, вкладныхъ, договорныхъ, исковыхъ, челобитныхъ, слѣдственныхъ и т. п. Употреблялся онъ также, да и то не безъ ограниченій, въ дипломатическихъ сношеніяхъ и въ частной непринужденной перепискѣ. Это былъ языкъ дьяковъ, подъячихъ и разныхъ приказныхъ избъ (канцелярій). Кромѣ особыхъ архаическихъ формулъ и юридическихъ терминовъ, закрѣпленныхъ давностью и общихъ въ многихъ мѣстахъ, этотъ дѣловой языкъ древней

Руси, будучи примитивно простымъ по синтаксическимъ оборотамъ и вообще однообразнымъ по словарю, въ то же время отличался большимъ разнообразіемъ письма и звуковъ. Письмо было не выработанное, разнообразное и грамотное лишь по стольку, по стольку писецъ усвоилъ церковно-славянскую грамотность. Въ одной и той же грамотѣ писецъ изображалъ одни и тѣ же слова и формы по разному; такъ, въ договорной грамотѣ князя Мстислава съ Ригою 1229 г. слова *берегъ, серебро, Смоленскъ, Готскій* пишутся: **керьгъ, кърѣгъ** и **керьго, серькро** и **серєкро, Смольнескъ, Смольньскъ,** и **Смольнѣскь, Готскъіи** и **Гоүкъій** и т. п. Далѣе, въ этомъ дѣловомъ письмѣ, съ развитіемъ нарѣчій въ русскомъ языкѣ, стали свободно и рѣзко отражаться разныя діалектическія особенности. Такъ, въ Великомъ Новгородѣ и его колоніяхъ грамоты писались на новгородскомъ нарѣчіи, въ Псковѣ—на псковскомъ, въ Москвѣ—на московскомъ, въ сѣверо-западной Россіи—на бѣлорусскомъ и т. д.

Въ самыхъ раннихъ опытахъ русскихъ грамотниковъ ихъ дѣловой языкъ былъ, надо полагать, вообще точнымъ отраженіемъ разговорнаго языка, насколько, конечно, могли быть точны эти грамотники, далекіе отъ какихъ-либо филологическихъ знаній о правильности въ изображеніи звуковъ своей рѣчи съ помощью чужихъ при этомъ средствъ—церковно-славянской азбуки, графики и ороографіи. Но впослѣдствіи, особенно въ московскій періодъ русской жизни, когда церковно-славянская грамотность очень понизилась, это совпаденіе живой рѣчи съ письменной должно было нарушиться. Какъ всякій письменный языкъ, притомъ еще оффиціальный, въ которомъ извѣстныя формы должны были по существу закрѣпляться, онъ сталъ отставать отъ языка живого, не могъ поспѣвать за всѣми измѣненіями, совершавшимися въ послѣднемъ, и въ позднихъ грамотахъ явился съ архаизмами, которыхъ живая рѣчь народа уже не знала. Съ другой стороны, тотъ же дѣловой языкъ, съ теченіемъ времени, особенно въ XV — XVII столѣт., подвергся сильному вліянію церковно-славянскаго языка, котораго, впро-

чемъ, не избѣжала, какъ сейчасъ увидимъ, и живая народная рѣчь.

Языкъ книжный. Вторымъ письменнымъ языкомъ въ Россіи былъ языкъ церковно - славянскій, языкъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ. Это и былъ *собственно* литературный языкъ русскихъ, въ теченіе древняго и средняго періодовъ ихъ исторіи, съ XI по XVII вв.

Въ Россію церковно-славянскій языкъ пришелъ въ томъ видѣ внутренняго и внѣшняго строя, какой онъ получилъ къ концу X-го вѣка въ восточной Болгаріи. Русскіе славяне давно находились въ близкихъ сношеніяхъ съ дунайскими болгарами, языкъ болгарскій былъ имъ хорошо вообще знакомъ, а потому и вполнѣ естественно, что Кіевская Русь, принявъ христіанство, воспользовалась готовой грамотой и готовыми переводами церковныхъ книгъ, бывшими въ употребленіи у восточныхъ болгаръ. Такое заимствованіе литературныхъ трудовъ свв. Кирилла и Меѳодія, оставленныхъ въ наслѣдіе всѣмъ, безъ исключенія, славянамъ, совершилось на Руси въ 988 г. тѣмъ свободнѣе, что кіевляне были знакомы съ болгарскимъ языкомъ въ христіанскомъ богослуженіи уже со временъ великой княгини Ольги и что этотъ языкъ въ то время не представлялъ такихъ рѣзкихъ отличій отъ живого русскаго языка, какія явились впослѣдствіи. Большое сходство обоихъ языковъ, болгарскаго и древне-русскаго, повело даже къ тому, что у русскихъ книжниковъ и грамотеевъ съ самаго начала письменности въ Россіи сложилось убѣжденіе, что языки церковно-славянскій и русскій „едино есть". Для насъ такое убѣжденіе, конечно, только своего рода гипотеза, но для древнихъ русскихъ книжниковъ оно было почти истиной, которая укрѣпилась въ ихъ сознаніи, просуществовала цѣлые вѣка и опредѣлила, можно сказать, весь ходъ образованія, развитія и характеръ русскаго литературнаго языка въ теченіе древняго и средняго періода русской литературы.

Вся исторія русскаго литературнаго языка и заключается именно въ томъ, какъ этотъ древне-болгарскій языкъ сталъ

подъ перомъ русскихъ литературныхъ дѣятелей съ XI—XVII в. постепенно измѣняться, приближаясь все болѣе и болѣе къ языку разговорному, народному русскому, употреблявшемуся въ дѣловыхъ сношеніяхъ, и какъ этотъ послѣдній изъ узкой сферы грамотъ и актовъ сталъ постепенно проникать въ книги и завоевывать тамъ себѣ мѣсто. Заранѣе слѣдуетъ однако сказать, что уступки въ пользу живой рѣчи въ книжномъ языкѣ шли очень туго, особенно въ первый періодъ образованія русскаго литературнаго языка, отъ введенія христіанства и письменности до XII в.

Надо помнить, что все русское просвѣщеніе и вся письменность въ древній и средній періоды русской исторіи носили характеръ почти исключительно религіозно-церковный, образованными людьми были лица въ огромномъ большинствѣ случаевъ только духовныя, и какого-либо дуализма между духовною и свѣтскою литературой, какой мы замѣчаемъ на Западѣ, въ Россіи не было и не могло быть, потому что не было свѣтскаго образованія, являющагося впервые только въ XVII ст., а точнѣе—съ реформами Петра Великаго. Авторитетъ церкви, учрежденія по существу консервативнаго, не допускалъ вообще рѣзкихъ перемѣнъ въ своемъ языкѣ, всегда сдерживалъ вліяніе на него живой народной рѣчи.

Съ другой стороны, тотъ же авторитетъ долженъ былъ вліять и на развитіе народныхъ говоровъ и прежде всего въ устахъ образованныхъ, т. е. книжныхъ людей.

Когда у народа уже съ самаго начала письменности имѣется литературный языкъ, близкій къ разговорному, родственный, тогда естественное развитіе народныхъ говоровъ невольно этимъ какъ-бы парализуется, и стремленіе живого языка къ дифференціаціи, лежащее въ самой природѣ языка, не можетъ уже идти свободно и быстрыми шагами впередъ, задерживается на почвѣ извѣстнаго однообразія и постоянства.

И вотъ, роль такого, скажемъ, ограничителя дифференціаціи живого русскаго языка особенно была присуща церковно-славянскому языку. Онъ не только былъ родственнымъ, очень понятнымъ и литературнымъ языкомъ русскаго

народа, языкомъ людей верхнихъ слоевъ его, а потому влiятельныхъ, но въ то же время онъ имѣлъ и высокiй авторитетъ въ глазахъ простого народа, людей не грамотныхъ. Если книжный, образованный русскiй человѣкъ въ своей рѣчи, не только письменной, но и устной, примѣнялся къ звукамъ и формамъ церковно-славянскаго языка, то такое же влiянiе этого языка, хотя и въ меньшей, конечно, степени, должно было сказываться и на языкѣ простеца, человѣка не книжнаго и даже не грамотнаго. Слова церкви, въ видѣ ли богослуженiя, проповѣди или разныхъ требъ, простой народъ слышалъ постоянно, по всѣмъ концамъ Россiи, и къ этимъ словамъ не могъ, конечно, оставаться вполнѣ равнодушнымъ. Къ авторитетнымъ звукамъ онъ внимательно прислушивался, и тѣ, такъ или иначе, влiяли и на его разговорную рѣчь, лишь только эта рѣчь хоть немного возвышалась надъ уровнемъ будничной жизни съ ея повседневными мелочными заботами и интересами. Вмѣстѣ съ этимъ сильно дѣйствовалъ на простеца, конечно, и примѣръ, образованныхъ людей, старавшихся, говорить по книжному. Отсюда въ живыхъ народныхъ говорахъ должны были накопляться звуки и формы церковно-славянскiе, а въ сходствахъ церковно - славянскаго языка съ русскимъ, народнымъ, дифференцiацiя послѣдняго должна была задерживаться.

Но, помимо прямого влiянiя церкви и примѣра книжныхъ людей, былъ еще одинъ источникъ, откуда простой народъ знакомился съ церковно-славянскимъ языкомъ

Сношенiя съ южными славянами, особенно съ болгарами, всегда существовавшiя, усилились послѣ введенiя въ Россiи христiанства. Благодаря этимъ сношенiямъ, русскiе стали еще болѣе свыкаться съ звуками болгарскаго языка, и русская литература начала обогащаться произведенiями народной или полународной болгарской письменности. Рядомъ съ книгами богослужебными, церковными, творенiями св. отцовъ и пр., въ Россiю переходили и южно-славянскiе тексты апокрифовъ легендъ, народныхъ сказанiй и пр., которые въ скоромъ времени распространились среди русскихъ и въ болѣе или ме-

нѣе переработанномъ видѣ вошли въ содержаніе устныхъ народныхъ произведеній: духовныхъ стиховъ, легендъ, сказокъ, заговоровъ, заклятій и пр. Хотя эти тексты, перейдя въ Россію, во многомъ затѣмъ измѣнились на русскій ладъ, но струя книжная, церковно-славянская, въ нихъ тѣмъ не менѣе осталась еще достаточно сильной. Запасъ церковно-славянскихъ звуковъ, формъ и словъ отъ этого въ разговорномъ народномъ языкѣ, конечно, долженъ былъ увеличиться. Такія слова, какъ *злато*, *сребро*, *младъ*, *пещера* (рядомъ съ *печера*), *власть*, *врагъ*, *градъ*, *крестъ*, *нéбо*, *предъ*, *храмъ* и мн. др., а также разные грецизмы церковно-славянскаго языка (*попъ*, *понамарь*, *трапеза* и т. д.), въ изобиліи встрѣчающіеся въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, былинахъ, сказкахъ, легендахъ, духовныхъ стихахъ, заклятіяхъ и заговорахъ, зашли сюда книжнымъ путемъ, т. е. изъ языка церковно-славянскаго, болгарскаго.

Вліяніе церковно-славянскаго языка, отражавшееся изъ разныхъ источниковъ въ теченіе многихъ вѣковъ на разговорномъ русскомъ языкѣ и задерживавшее дифференціацію послѣдняго. послужило, между прочимъ, одною изъ причинъ того, почему русскіе современные говоры, при всемъ ихъ разнообразіи, такъ все таки очень сходны между собою, чего мы не видимъ на Западѣ, напр. въ области нарѣчій французскаго языка или нѣмецкаго. Нечего прибавлять, что такая близость нарѣчій русскаго языка имѣла огромное культурное и историческое значеніе въ смыслѣ объединенія русскаго народа въ одно крѣпкое государственное и бытовое цѣлое.

Благодаря общей консервативности книжнаго языка и народной рѣчи, стоявшей подъ воздѣйствіемъ языка церкви, и нашъ современный русскій языкъ не только книжный, но и разговорный, по своей близости къ церковно-славянскому языку, занимаетъ, можно сказать, первое мѣсто въ семьѣ новыхъ славянскихъ языковъ. Въ звукахъ, формахъ и въ словарѣ русскаго литературнаго языка до сихъ поръ сохраняется очень много церковно-славянизмовъ.

Церковно-славянизмы литературнаго языка

Характерною особенностью русскаго языка является, какъ извѣстно, такъ называемое *полногласіе*, т. е. сочетанія *оло-оро, еле-ере* въ извѣстномъ положеніи; напр. *голодъ, городъ, железа, молоко, берегъ, середина* и мн. др.

Но рядомъ съ этимъ въ русскомъ литературномъ языкѣ имѣется и цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ церковно-славянскихъ сочетаній, т. е. *ла, ра, ре* (изъ *рѣ*) и *лѣ* или *ле* (изъ *лѣ*); напр., *глава, власть, влачить, храбрый, врагъ, стражъ, млечный, плѣнъ, членъ, шлемъ, время, среда, предъ, вредъ, чрево* и мн. др.; вмѣсто этихъ формъ мы ожидали бы, конечно, въ русскомъ литературномъ языкѣ только формы: *голова, волость, волочить, хоробрый, ворогъ, сторожъ, молочный, полонъ, челенъ, шелемъ* или *шеломъ, середа, веремя, передъ, вередъ, черево* и др. Одни изъ этихъ словъ въ полногласной формѣ въ литературномъ языкѣ совсѣмъ не употребляются и извѣстны только народнымъ говорамъ, напр. въ бѣл. и малорус. *вéремя* и *вéремъя* = погода и великор. *безверемье* = глухое (для торговли), вообще тяжелое время, малор. *хоробрий*, великор. народ. *полонъ, шеломъ* и т. п. Другія слова, хотя и существуютъ въ полногласной формѣ, но уже съ инымъ значеніемъ, чѣмъ неполногласная форма, напр. *власть* и *волость, стражъ* и *сторожъ, оградить* и *огородить, глава* и *голова, страна* и *сторона, вредъ* и *вередъ, mракъ* и *морокъ* (*обморокъ*), *гражданинъ* и *горожанинъ, хранить* и *хоронить, предать* и *передать, нравъ* и *норовъ* (*сноровка*), *праздный* и *порожній, прахъ* и *порохъ, потребить* и *теребить, храмъ* и *хоромы, главный* и *головной, привлечь* и *приволочь, предокъ* и *передокъ* и т. д. Такихъ парныхъ словъ въ литературномъ языкѣ очень много, причемъ за русской, полногласной, формой сохраняется значеніе болѣе *конкретное* и узкое по смыслу, чѣмъ за формой церковно-славянской.

Рядомъ съ полногласіемъ, другой отличительной особенностью русскаго языка всегда было смягченіе зубныхъ: *д* въ *ж*, а *т* въ *ч*, вмѣсто церковно-славянскихъ — *д* въ *жд* и

т — въ *щ*. Но изъ этого правила въ литературномъ языкѣ имѣется множество исключеній, навѣянныхъ церковно-славянскимъ языкомъ. Эти исключенія извѣстны во многихъ грамматическихъ категоріяхъ. Таковы: 1) Имена существительныя: *вождь* (но-*вожакъ, вожатый*), *рождество, жажда, надежда, одежда, нужда, овощь, пещера* (но-*печерскій*), *вещь, плащъ, пища, общество* и мн. др., а также всѣ отлагательныя сущ. на *ніе* отъ основъ на *д* и *т*: *хожденіе, навожденіе, рожденіе, принужденіе, укрощеніе, обѣщаніе, освѣщеніе* (но-*свѣченіе*) и мн. др. Одни изъ этихъ словъ извѣстны только въ церковно-славянской формѣ; напр. *пища, овощь, вещь, плащъ, пещера*, другія съ русскимъ смягченіемъ зубныхъ встрѣчаются частью только въ народной рѣчи, напр. *жажа, надёжа, одёжа, обчествб* и т. д., частью — въ литературномъ языкѣ (*вожатый*). 2) Имена прилагательныя: *чуждый* (но-*чужой*), *хищный, общій* и др. 3) Глаголы вида несов. на *ждать* и *щать*, напр. *осуждать* (но-*ссужать*), *рождать* (но - *рожать*), *побѣждать, возбуждать. предупреждать, утверждать, завѣщать, освѣщать, укрощать, обѣщать, похищать* и др., а также причастія стр. залога прош. вр. отъ тѣхъ же основъ, но вида совершеннаго, напр. *осужденный, побѣжденный, укрощенный, просвѣщенный* и т. п., хотя рядомъ мы находимъ и русскія причастныя формы, но уже въ значеніи прилагательныхъ: *су́женый, ряженый, посажёный, золочёный, мѣченый*, и др. Сюда же относятся церковно-славянскія образованія: *изощрять, умерщвлять, ухищряться, ухищреніе* и т. п. и формы: *клевещу, ропщу, трепещу* съ другими лицами и причастіями наст. времени отъ нихъ. 4) Окончанія причастія наст. вр. дѣйст. зал. *щій* тоже заимствовано изъ церк.-славянск. языка, напр. *ходящій, любящій, несущій* и т. п. Что касается собственно русской формы этого причастія, т. е. на *чій*, то она стала прилагательнымъ, напр. *ходячій, бродячій, могучій, ползучій, колючій, гремучій, летучій, текучій, бодучій* и мн. др. Церковно - славянское смягченіе зубныхъ *д* и *т* въ *жд* и *щ*, помимо литературнаго языка, проникло и въ народную рѣчь, гдѣ встрѣчается даже въ словахъ, въ которыхъ

литературный языкъ избѣгаетъ этого смягченія, напр. *урождай, обиждатъ, бодущій, затребущій, завидущій* и т. п.

Отсутствіемъ полногласія и церковно-славянскимъ смягченіемъ зубныхъ зависимость литературнаго языка отъ церковно-славянскаго далеко не ограничивается.

Въ русскомъ языкѣ звукъ *е*, стоящій подъ удареніемъ и непосредственно передъ твердымъ согласнымъ звукомъ или слогомъ, произносится, какъ *йо* (*ё*), напр. *рёвъ, плётка, ёлка, ёжъ, зовётъ* и т. п. Между тѣмъ въ литературномъ языкѣ есть много словъ и формъ, въ которыхъ звукъ *е* въ этомъ положеніи произносится, какъ *е*; напр. *ме́рзкій, ще́дрый, верте́пъ, де́рзкій, пе́рстъ, исче́зъ, кре́стъ* (но: *крёсной*), *не́бо* (но: *нёбо*), *паде́жъ* (но — *падёжъ*), *учебный* (*но* - *учоба*), *жертва* и мн. др.; а также тѣ, въ которыхъ сохранилась неполногласная церковно-славянская форма—*ре* (изъ *рѣ*) вмѣсто русской полногласной *ере*, напр., *вредъ, чрево, трезвый, треба, членъ, предъ* и т. п. Сюда относятся также отглагольныя имена прилагательныя: *надме́нный, дерзнове́нный, неоцѣне́нный, открове́нный, почте́нный, смире́нный* и мн. др. Такое произношеніе установилось подъ вліяніемъ книжнаго церковно-славянскаго языка, въ которомъ *е* подъ удареніемъ передъ твердымъ слогомъ не произносилось, какъ *йо*. Эти случаи надо отличать отъ другихъ, въ которыхъ произношеніе *е*, какъ *е*, а не *йо* (*ё*), обусловливается западно - европейскимъ выговоромъ, сохраняемымъ русскимъ литературнымъ языкомъ въ словахъ иностранныхъ, напр., *офице́ръ, кавале́ръ, гренаде́ръ, курье́ръ* и т. п., хотя русская народная фонетика сказалась и на произношеніи многихъ иностранныхъ словъ, напр., *гувернёръ, волонтёръ, режиссёръ, тапёръ, сапёръ*, и т. п.

Общеславянскіе звуки *ъ* и *ь*, перейдя на русскую почву, прояснились въ *о* и *е* либо подъ удареніемъ (*сонъ, день* изъ *сънъ, дьнъ*), либо когда стояли передъ слѣдующимъ *ъ* и *ь* (*начатокъ* изъ *начатъкъ*), либо, наконецъ, когда этого проясненія въ гласные *о* и *е* требовало стеченіе согласныхъ (*яблоко* изъ *яблъко, стекло* изъ *стькло*); во всѣхъ же другихъ слу-

чаяхъ ъ и ь въ великорусскихъ говорахъ исчезали; напр., *взять (възять), сходъ (съходъ), судо́къ и судно* (отъ *съсудъ*) и т. п. Поэтому, если ъ или ь не исчезли тамъ, гдѣ имъ по-русски слѣдовало исчезнуть, а перешли въ *о* и *е*, то этимъ литературный языкъ обязанъ церковно-славянскому, въ которомъ ъ и ь были гласными звуками (*о* и *е*); напр. *восходъ* (*възходъ*) вм. *всходъ* (но—*всходы*), *воспоминаніе* (но—*вспоминать*), *сосудъ* (*съсудъ*), *сокровище* (*съкровище*, хотя—*скрыть*), *сохранить* (но—*схоронить*), *уповать* (*упъвати*), *греческій* (*гръчьскыи*) вм. *грецкій* (нар.), *купеческій* (изъ *купьчьскыи*) вм. *купецкій* (народ.), *соборъ* (но—*сборъ*) изъ *съборъ* и т. п.

Подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка въ литературномъ языкѣ установилась приставка *раз* вм. *роз* напр. *разумъ, разсыпать, разный, разбой, разсказывать* и т. п.; чисто русская приставка *роз* сохраняется лишь въ народныхъ говорахъ, а въ литературномъ языкѣ—лишь подъ удареніемъ; напр. *ро́зсыпь, ро́сказни, ро́змахъ, ро́зница, ро́здыхъ, ро́скошь, ро́зстани* (при *разстояніе*) и т. п. Употребленію приставки *раз* въ литературномъ языкѣ помогло также аканіе московскаго, вообще южно-великорусскаго нарѣчія.

Церковно-славянскому языку обязанъ русскій литературный языкъ и отглагольными существительными на *ніе* съ удареніемъ на 3-емъ (и далѣе) слогѣ отъ конца; напр. *писа́ніе, спасеніе, успеніе, преполовеніе, воздвиже́ніе, перене́сеніе, катаніе, гаданіе* и т. п.; тѣ же книжныя формы на *ніе* перешли и въ народные говоры, въ которыхъ однако имѣютъ также и чисто русскія формы этихъ словъ, напр *ка́танье, спа́сенье, успленьё, преполовеньё, вздви́женье* и т. п.

Вліяніе церковно-славянскаго языка отразилось также и на нѣкоторыхъ формахъ склоненія литературнаго языка; такъ, форма род. п. ж. род. *ея* заимствована изъ церковнаго языка (вм. русской *её* изъ *еѣ*: *у неё*, что сохраняется только въ произношеніи) и та же форма именъ прилаг. на *ыя* и *ія*, лишь недавно вышедшая изъ употребленія: ею пользовались иногда еще Пушкинъ (Средь зеленыя дубравы. Сказка о мертв. царевнѣ 1833) и Лермонтовъ (Призракъ дымныя мечты.

Портреты 1824 г.). Тѣмъ же заимствованіемъ объясняются формы прил. въ род. п. ед. ч. муж. и средняго рода на *аго* и *яго* вм. русскихъ формъ на *ого* и *его*, а также окончаніе имен. пад. мн. ч. жен. р. на *ыя (ія)* вм. *ыъ (іъ)*; напр. *добраго, сытаго, синяго, добрыя синія*, и т. п., хотя такія формы не соотвѣтствуютъ ни этимологіи, ни даже произношенію русскаго литературнаго языка.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать еще на словарь русскаго литературнаго языка, куда вошло множество словъ церковно-славянскаго происхожденія, не только отвлеченнаго, но и вещественнаго характера: 1) прямо заимствованныхъ изъ греческаго, напр. *іерей, епископъ, литургія, елей, идолъ, ангелъ, демонъ, грамота, китъ, игуменъ, пластырь, трапеза* и т. д., 2) переведенныхъ, точнѣе - переложенныхъ, такъ сказать, съ греческаго: *богословіе* (ἡ θεολογία), *благочестіе* (ἡ εὐσέβεια), *благословеніе* (ἡ εὐδοξία), *великолѣпіе* (ἡ μεγαλοπρέπεια), *всесожженіе* (τὸ ὁλοκαύτωμα), *единодушный* (ὁμόψυχος), *живописецъ* (ὁ ζώγραφος), *землемѣріе* (ἡ γεωμέτρια), *инородный* (ἀλλογενής), *мѣстоименіе* (ἡ ἀντωνομία), *малодушіе* (ἡ μικροψυχία), *первородный* (πρωτογενής), *предлогъ* (ἡ πρόθεσις), *пророкъ* (ὁ προφήτης), *славолюбіе* (ἡ φιλοδοξία) и мн. др. и 3) словъ южно-славянскихъ; напр., *пастырь* (рус. *пастухъ*), *старѣйшина* (*староста*), *наслѣдство* (*задница*), *жертва* (*треба*), *чрево* (*утроба, желудокъ*), *олтарь* или *жертвенникъ* (*требникъ*), *верблюдъ, свидѣтель* (*послухъ*), *болѣзнь* (*болѣсть*) и др.

Такимъ образомъ, современный русскій литературный языкъ представляетъ самую густую смѣсь языка церковно-славянскаго съ древне-русскимъ въ звукахъ, формахъ и въ словарѣ. Церковно-славянскій языкъ впитался въ родной ему русскій, передалъ ему звуки, которые, однако, не остались пустыми звуками: напротивъ, они внесли въ русскую рѣчь новыя понятія, не вытѣснивъ въ то же время и чисто русскихъ звуковъ. Изъ двухъ родственныхъ и близкихъ другъ другу языковъ явился одинъ,—и въ этомъ заключается его главное достоинство: богатство, сила, гибкость и выразиельность.

История русскаго литературнаго языка не только въ подробностяхъ, но даже въ главныхъ очертаніяхъ еще не написана, и полнаго руководства по этому предмету пока еще не имѣется. Это понятно: научной разработкой живого русскаго языка стали заниматься сравнительно очень недавно, а ученыхъ, посвятившихъ себя этой разработкѣ, было и есть мало. Тѣмъ не менѣе матеріалъ собранъ значительный, съ хорошимъ освѣщеніемъ для древняго и средняго періодовъ литературнаго языка (труды Ѳ. Буслаева, И. Срезневскаго, В. Ягича, А. Потебни, М. Колосова и, особенно, академиковъ А. И. Соболевскаго и А. А. Шахматова) и достаточнымъ — для новаго и новѣйшаго (труды Я. Грота, Е. Ѳ. Будде и В. Поржезинскаго). Пользуясь этимъ матеріаломъ и руководящими указаніями изслѣдователей, имѣвшихъ дѣло съ нимъ, мы и постараемся нарисовать общую картину исторіи образованія и развитія русскаго литературнаго языка, со времени введенія письменности въ Россіи до эпохи Пушкина.

Главныхъ періодовъ въ исторіи русскаго литературнаго языка можно намѣтить *четыре*: *первый*—съ XI по XIV в., *второй*—съ XV по XVII, *третій*—XVIII в. и *четвертый* — отъ Пушкина до нашихъ дней.

Первый періодъ. Первыми учителями грамотѣ русскихъ были, конечно, тѣ болгары, вообще южные славяне, которые принесли въ Россію богослужебныя книги и заняли въ ней на первыхъ порахъ мѣста священниковъ и руководителей новопросвѣщенныхъ христіанъ. Произношеніе писанной рѣчи было, конечно, болгарское, и о какой либо реформѣ кирилловскаго алфавита, а тѣмъ болѣе о переводѣ церковныхъ книгъ на русскій языкъ тогда не могло быть и рѣчи, да и надобности въ этой реформѣ не представлялось. Слѣдовательно, и начальные опыты первыхъ русскихъ грамотеевъ въ книжной рѣчи могли быть вполнѣ болгарскіе, со всѣми характерными особенностями болгарскаго языка и письма X-го и начала XI вѣка. Къ сожалѣнію, рукописныхъ памятниковъ отъ этой ранней эпохи введенія письменности въ Россіи до насъ не дошло. Но что письмо было чисто

болгарское, объ этомъ мы можемъ судить по болѣе позднимъ образцамъ, изъ которыхъ самымъ раннимъ справедливо считается знаменитое Остромирово Евангеліе 1056 — 1057 г. Новгородскій дьяконъ Григорій списалъ эту книгу съ болгарскаго подлинника, писаннаго въ придунайской Болгаріи, и, по тщательному отношенію писца къ этому подлиннику, она была, можно сказать, самой точной его копіей. Ту же точность въ передачѣ болгарскихъ оригиналовъ слѣдуетъ, конечно, признать еще въ большей степени и за первыми русскими книжниками, которые могли научиться церковно-славянскому чтенію и письму непосредственно у болгарскихъ выходцевъ.

Но, при всемъ стараніи этихъ книжниковъ слѣдовать своему оригиналу во время переписки, звуки родной русской рѣчи тѣмъ не менѣе оказывали вліяніе на ихъ письмо. Это мы видимъ и по Остромирову Евангелію. Дьяконъ Григорій, несмотря на свою особенную аккуратность при перепискѣ такой при томъ важной книги, какъ Евангеліе, не могъ однако устоять противъ вліянія звуковъ родной рѣчи. Читая подлинникъ, онъ многія слова произносилъ по-русски, и въ результатѣ этого оказался цѣлый рядъ руссизмовъ; напр., въ замѣнѣ *юсовъ* чистыми звукаго (ѫ черезъ **оу**, **ѭ** — **ю**, **ѧ** — **ꙗ** или **а**), въ смѣшеніи ѣ съ є, въ мягкомъ произношеніи шипящихъ (**въждавшю**), въ смягченіи зубного *д* въ *ж*, даже — въ одномъ случаѣ полногласія **перегнѫвъ**, не считая двухъ въ записи: **Новѣгородѣ** и **Володимироу**) и т. п. Впрочемъ, эти руссизмы въ О. Е. нужно еще, такъ сказать, вылавливать: сравнительно съ подавляющимъ большинствомъ случаевъ церк.-славян. письма и произношенія, ихъ все таки пока очень немного.

Но чѣмъ ближе мы подходимъ къ концу XI-го вѣка, тѣмъ промаховъ и ошибокъ противъ старославянской грамматики въ пользу русскаго произношенія звуковъ становится въ памятникахъ все больше и больше; таковы, напр. два Изборника Святослава (одинъ 1073, другой 1076 г.), Архангельское Евангеліе 1092 г. Новгородскія Минеи 1096 и 1097 г. г. и т. д.

Намъ нѣтъ надобности ни перечислять эти руссизмы,

вошедшіе вольно или невольно въ церковно-славянскій текстъ указанныхъ памятниковъ, ни тѣмъ болѣе, останавливаться на объясненіи ихъ, въ связи съ развитіемъ живого русскаго языка. Для насъ важно лишь отмѣтить по памятникамъ такія отраженія живого русскаго языка, которыя впослѣдствіи сдѣлались достояніемъ русской литературной рѣчи и письма.

Зачатки этой рѣчи и письма ясно видны уже въ О. Е. Но то, что дьяконъ Григорій вводилъ въ свое письмо какъ бы противъ воли, въ концѣ XI столѣтія становится уже общимъ явленіемъ русскаго письма. Такъ, мы встрѣчаемъ уже памятники, гдѣ юсъ большой (ѫ) уже совсѣмъ не употребляется, замѣнившись звукомъ оу (ю); таковы, напр. Минеи 1095 и 1096 г. Очевидно, возникла уже школа, которая стала сознательно относиться къ русскому письму и произношенію въ этомъ случаѣ. Прогрессивно, т. е. въ смыслѣ приближенія къ русскому выговору, пошло дѣло и съ другимъ церковно-славянизмомъ—постановкою глухихъ *ъ* и *ь* въ сочетаніи съ плавными *л* и *р* (слоговыми) въ извѣстномъ положеніи. Этотъ церковно-славянизмъ въ XI—XII в. принимаетъ въ русскихъ памятникахъ троякій видъ: 1) ъл, ър, ьл, ьр, 2) ъл̑, ър̑, ьл̑, ьр̑ и 3) ълъ, ъръ, ьль, ьрь. Изъ этихъ трехъ видовъ господствующимъ становится первый, часто съ замѣной полугласныхъ звуками *о* и *е*, напр. *волкъ, торгъ, первый* и т. д. вм. *вълкъ, търгъ* и т. п.; два другихъ вида представляли какъ бы компромиссъ между русскимъ произношеніемъ и болгарскимъ письмомъ. Рядомъ съ этими особенностями, преобладающими въ письмѣ русскихъ рукописей XI — XII в., по степени большого распространенія слѣдуетъ поставить смѣшеніе *ѣ* съ *е*. Болгаринъ строго въ то время отличалъ ѣ отъ є и смѣшивалъ ѣ только съ ꙗ. Смѣшеніе ѣ съ є мы найдемъ во всѣхъ памятникахъ XI—XII в. в., въ однихъ больше, въ другихъ меньше; въ нѣкоторыхъ же рукописяхъ такое смѣшеніе доходитъ до полнаго отождествленія этихъ буквъ (напр. Минея XI—XII в. С.-Пб. Духовной Академіи). Правильное употребленіе ѣ зависѣло почти исключительно отъ внимательнаго отношенія къ кирилло-меѳодіевской традиціи, т. е. отъ грамотности писца.

Въ отсутствіи грамотности въ этомъ отношеніи повинны были, можно сказать, всѣ древне-русскіе писцы XI — XII в., какъ сѣверные, такъ и южные.

Сохраняя древне-славянскую традицію, мы въ настоящее время пишемъ *ѣ* вообще правильно, хотя, по примѣру древнихъ русскихъ грамотниковъ, допускаемъ въ нашемъ литературномъ письмѣ много ошибокъ въ этомъ отношеніи. Начало такихъ ошибокъ, какъ— *семья, прилежно, время, мелкій, бремя, среди, песокъ, летать, млечный, древній, влеку, блескъ, ведро, жребій* и мн. др. съ *е*, вмѣсто этимологическаго *ѣ*, и — наоборотъ - *сѣкира, змѣй, брѣю, Алексѣй, Сергѣй, рѣдька* и нѣк. др. съ *ѣ*, вмѣсто правильнаго *е*, – было положено русскими писцами уже въ XI — XII в. в., хотя часть этихъ ошибокъ установилась въ русской орѳографіи и позднѣе, г. о. въ XIV в., напр. *прилѣжно, Алексѣй.*

О другихъ особенностяхъ русскаго литературнаго письма XI – XII в. в. можно сказать лишь вообще: число руссизмовъ, сравнительно съ О. Е., значительно увеличилось. Такъ, если въ О. Е. нашлась въ текстѣ лишь одна полногласная форма, то теперь такія формы встрѣчаются десятками; смягченіе зубныхъ проводится послѣдовательнѣе, находимъ русское *о* вм. начальнаго *е (озеро, одинъ* и т. п.) и т. д., при чемъ—и полногласіе, и русское смягченіе зубныхъ и русское *о* вм. *е* употребляются нерѣдко и тамъ, гдѣ въ литературномъ языкѣ въ настоящее время этого не замѣчается; напр. *полонъ, норовъ* (Изб. Святослава 1073, 1076 г.), *черево* (Минея 1096 г.), *вередити* (Изб. 1077), *оболочити, осужаемый* (Изб. 1076), *клевечущи* и *въ печерахъ* (Изб. 1076), *одва* вм. *едва* и мн. др.

Если отъ звуковъ перейти къ формамъ словъ, то здѣсь мы встрѣтимъ пока очень мало отступленій отъ церковно-славянскаго языка. Это объясняется тѣмъ, что за формами было легче слѣдить, чѣмъ за звуками, а съ другой стороны—тѣмъ, что живой русскій языкъ въ XI—XII в и раньше имѣлъ формы, можно сказать, тѣ же, что и церковно-славянскій, конечно — лишь въ русской окраскѣ звуковъ.

Исторія формъ во всякомъ флексивномъ языкѣ — исторія

ихъ постепеннаго паденія. Древнее этимологическое богатство мало-по-малу исчезаетъ: разнообразіе сводится къ какому нибудь единству, число склоненій сокращается, меньше становится падежей, временъ, чиселъ, наклоненій и т. п. Это паденіе древней этимологіи въ новѣйшихъ языкахъ возмѣщается синтаксисомъ, сочетаніями двухъ или трехъ словъ въ такъ называемыхъ описательныхъ формахъ (ср., напр., латинскій языкъ съ современными романскими). Какъ сокращеніе этимологіи, такъ и способъ возмѣщенія ея древняго богатства зависятъ отъ прогресса анализа мысли и все возрастающей потребности быстраго и отчетливаго пониманія. И русскій разговорный языкъ, какъ и его отраженіе,—литературная рѣчь, испыталъ въ этомъ отношеніи общую судьбу флексивныхъ языковъ. Въ историческое время своего существованія онъ выступилъ почти съ тѣмъ же запасомъ флексій, какой былъ и въ церковно-славянскомъ языкѣ. Потомъ этотъ запасъ постепенно растеривался. Если взглянуть на рукописи XI—XII в. со стороны тѣхъ формъ, которыя въ будущемъ сдѣлаются достояніемъ русскаго литературнаго языка, то онѣ, эти рукописи, въ этомъ отношеніи дадутъ очень мало; можно только отмѣтить дат. п. ед. числа полныхъ именъ прилагательныхъ на *ому*, *ему* (Изб. Святослава 1073 и 1076 г.) и др., несклоняемое причастіе прош. вр. на *лъ*, безъ вспомогательнаго глагола, въ значеніи прошедшаго времени, послѣднее, впрочемъ, въ надписяхъ (на Тмутороканскомъ камнѣ 1068: **Глѣбъ кнѧзь мѣрилъ море**) и записяхъ (напр. въ Минеѣ 1096 г.: **Григорьѧ псалъ** вм. **пьсалъ ѥсть**). Конечно, въ *дѣловомъ* языкѣ грамотъ, договоровъ и пр. отступленій отъ церковно-славянскихъ звуковъ и формъ могло быть гораздо больше, чѣмъ въ *книжномъ*, собственно литературномъ, но памятниковъ дѣлового русскаго языка отъ XI вѣка до насъ не дошло.

Вѣкъ XII-й и начало XIII-го составляютъ, можно сказать, блестящій періодъ въ исторіи древне-русской литературы и просвѣщенія. До этого времени литературная дѣятельность русскихъ состояла главнымъ образомъ въ списываніи книгъ съ болгарскихъ оригиналовъ и въ переводахъ съ греческаго; лишь изрѣдка мы находимъ болѣе или менѣе

самостоятельные опыты; напр. поученіе Луки Жидяты (1036 — 1059 г.), м. Иларіона (1051 г.), Θеодосія Печерскаго (1055—1074), труды черноризца Іакова (житія кн. Владиміра и св. Бориса и Глѣба), современника Θеодосія и нѣк. др. Теперь, напротивъ того, съ особенною силой разовьется самостоятельная дѣятельность и оригинальное творчество древне-русскихъ писателей. Я едва ли много преувеличу, если скажу, что все, чѣмъ особенно богата древне-русская литература, чѣмъ болѣе всего она можетъ гордиться,—почти все идетъ отъ XII и первой половины XIII ст. Такіе памятники, какъ Начальная лѣтопись, стоящая на рубежѣ между XI—XII в., посланія и поученія м. Никифора (до 1121 г), Поученіе Владиміра Мономаха (до 1125 г.), Хожденіе игумена Даніила (около 1114 г.), труды м. Климента Смолятича (1147 г.), Кирилла Туровскаго (до 1174 г.), Моленіе Даніила Заточника (до 1199 г.), Кіево-печерскій Патерикъ, Толковая Палея, составленіе которой слѣдуетъ тоже отнести къ XII—XIII в. и т. п., наконецъ—перлъ древне-русской литературы, знаменитое Слово о полку Игоревѣ,—всѣ эти памятники пошли отъ указаннаго періода русской литературы и послужили прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшаго развитія оригинальной письменности. Не прекратилась, конечно, и переводная дѣятельность, проявившаяся въ Россіи съ особенной энергіей со временъ Ярослава I († 1054), а также переписка и передѣлка памятниковъ, переходившихъ на Русь въ южно-славянскихъ переводахъ.

Такое развитіе оригинальной литературы въ XII—XIII вѣкѣ должно было, несомнѣнно, отразиться и на развитіи русской литературной рѣчи. Но о томъ, какова была эта литературная рѣчь въ указанныхъ памятникахъ самобытнаго творчества, мы не знаемъ, такъ какъ всѣ они дошли до насъ не въ современныхъ, а въ болѣе позднихъ спискахъ, отъ XIV—XVI в. в., потерпѣвшихъ уже значительное измѣненіе и въ языкѣ. Для исторіи языка, въ частности для исторіи русскаго литературнаго языка, это — огромная потеря, такъ

какъ подлинники такихъ сочиненій, какъ, напр. начальная русская лѣтопись или Поученіе Владиміра Мономаха нарисовали бы намъ, несомнѣнно, вѣрную картину того, какъ образованный русскій человѣкъ XII в. литературно выражался, насколько онъ допускалъ въ своей книжной рѣчи вліяніе церковно - славянскаго, а насколько живого русскаго языка и т. п.

Приходится поэтому довольствоваться лишь матеріаломъ, который сохранился. Этотъ матеріалъ однако очень большой и довольно разнообразный. Кромѣ многихъ богослужебныхъ и церковныхъ книгъ (Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь Октоифъ, Тріоди, Стихирарь, Ирмологій, Минеи и пр.), которыя переписывались съ древне-болгарскихъ подлинниковъ болѣе внимательно (іератическое письмо), чѣмъ всякія другія книги, у насъ есть еще цѣлый рядъ памятниковъ, въ которыхъ соблюденіе традиціи могло быть не столь обязательно, какъ въ богослужебныхъ книгахъ; таковы именно разные церковные уставы, творенія св. Отцовъ и учителей Церкви, въ сборникахъ или отдѣльно, житія святыхъ, въ томъ числѣ и русскихъ угодниковъ (свв. Бориса и Глѣба и Ѳеодосія Печерскаго въ спискахъ XII в.) и др. Кромѣ этого, отъ конца XII-го и начала XIII в. дошли до насъ еще четыре грамоты: дарственныя — князя Мстислава Владиміровича отъ 1130 г. и преп. Варлаама Хутынскаго (около 1192 г.) и двѣ договорныя грамоты князя Мстислава Смоленскаго съ Ригою 1229 и 1230 г.

Характеръ графики остался въ общемъ прежній, но юсъ большой встрѣчается очень рѣдко, и большинство памятниковъ его совсѣмъ уже не знаетъ. Въ фонетикѣ тоже преобладаетъ старое преданіе, но уступки въ пользу живого языка въ книжной рѣчи очень значительныя. Такъ, слоговые ъ и ь часто переходятъ уже въ *о* и *е* (*полкъ*, *держати* и т. п.), а не слоговые выпадаютъ (*книга*, *всего*); полногласіе является господствующимъ даже тамъ, гдѣ нынѣ оно замѣнилось церковно-славянскими формами, напр. *чересла*, *оболость*, *пороздьньи* и т. п.; то же слѣдуетъ сказать и о смягченіи

зубныхъ, особенно *д*, напр. *гражане, надежа, хожен'е, исправливаюче* и т. п. Одновременно съ этимъ обнаружились въ рукописяхъ даже особенности мѣстныхъ говоровъ: новгородскаго (смѣшеніе *ч* съ *ц: притъцю, цто, овъчи* и т. п.) и южно-рускаго (*жд=жч: дъжчь* Галиц. Ев. 1144; *ѣ=е: пѣщь, сѣдмъ, знамѣнье* Добрилово Ев. 1164 г.).

Въ склоненіи именъ установилась древне-русская форма род. ед. ч жен. р и вин. пад. мн. ч. муж. и жен. р. на *ѣ* вм. ѩ (ѧ), напр. доушѣ, *ключѣ, вечерѣ* и мн. др.; въ склоненіи прилагательныхъ очень часто употребляются окончанія *ого* и *ому*, а въ грамотахъ, сверхъ того, господствуетъ форма перфекта на *лъ* (часто безъ вспомог. глагола) вм. аориста и т. п. Эти особенности русскаго письма и произношенія, какъ и многія другія, имъ подобныя, до того запестрятъ въ книжномъ языкѣ памятниковъ XII—XIII, что теперь не можетъ быть уже рѣчи о чистомъ церковно славянскомъ письмѣ, какъ нѣтъ еще пока рѣчи о письмѣ чисто русскомъ. Тѣмъ не менѣе обще-русская редакція книжнаго языка къ концу этого періода, можно сказать, вполнѣ уже сложилась; мало еще пока діалектическихъ отраженій отдѣльныхъ русскихъ говоровъ.

Со второй половины XIII-го в. и по первую половину XIV-го въ исторіи русскаго живого языка и литературной рѣчи наступаетъ дальнѣйшая стадія развитія и образованія. Къ этому времени завершились, мы знаемъ, очень крупныя событія, подготовленныя всей предшествовавшей исторіей Россіи. Уже съ конца XII в. центръ государственной власти, расшатанной удѣльно-вѣчевой системой, для спасенія Руси перемѣстился на дальній сѣверо-востокъ, въ область владиміро-суздальскую. Умный и дѣятельный Андрей Боголюбскій, сдѣлавшись великимъ княземъ, не поселился въ Кіевѣ, куда еще стремился и гдѣ умеръ его отецъ, а по прежнему засѣлъ въ своемъ родовомъ удѣлѣ, въ землѣ владиміро суздальской, надъ устройствомъ которой и провелъ всю свою жизнь, господствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ югомъ Россіи. Сюда же, т. е. на сѣверъ, передвинулась за великимъ княземъ и часть населенія Кіевской Руси, спасавшагося отъ внѣшнихъ враговъ и

внутреннихъ неурядицъ. Такимъ образомъ, въ бассейнѣ Оки и средней Волги поселились въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ двѣ главныя группы народностей, издавна обитавшія въ Россіи: *сѣверно-русская* и *средне-русская.* Смѣшеніе обѣихъ группъ, спорадически происходившее повсюду, съ особенной силой и послѣдовательностью обнаружилось въ мѣстахъ, пограничныхъ между племенами сѣверными и средне-русскими. Такимъ рубежемъ, гдѣ сливались обѣ народности, была московская область, точнѣе — городъ Москва съ ея ближайшей округой. Это положеніе возвысило Москву надъ другими городами сѣверо-восточной Россіи. Будучи центромъ этнографическимъ, Москва впослѣдствіи сдѣлалась центромъ и въ другихъ отношеніяхъ — политическомъ, религіозномъ и вообще культурномъ. Вокругъ Москвы сгруппировались древне-русскія народности, изъ соединенія которыхъ произошло *великорусское* племя.

Но все это совершится, однако, не ранѣе XV в., когда Москва получитъ преобладающее значеніе на сѣверѣ, а ея нарѣчіе въ достаточной степени разовьется и станетъ отражаться въ письмѣ. Въ разсматриваемую же эпоху, т. е. въ XIII и XIV в. в. сѣверовосточная Русь пока еще только складывалась, и хотя центръ ея уже былъ намѣченъ, сила которая должна была сплотить ее, тоже уже обозначилась, но ни этотъ центръ, ни эта сила, олицетворявшаяся сначала въ лицѣ Андрея Боголюбскаго, а потомъ — его преемниковъ, князей владиміро-суздальскихъ и первыхъ московскихъ, не обладали еще достаточнымъ авторитетомъ, чтобы парализовать развитіе мѣстныхъ интересовъ на почвѣ извѣстнаго однообразія. Обособленность жизни по удѣламъ въ XIII—XIV была очень большая, а это, несомнѣнно, содѣйствовало дифференціаціи мѣстныхъ городовъ русскаго языка. Дѣйствительно, въ это время были не только заложены прочныя основанія для нарѣчій бѣлорусскаго и малорусскаго, нарѣчій тѣхъ племенъ, которыя уже съ конца XII в. жили болѣе или менѣе внѣ обще-русской жизни, а съ паденіемъ Кіева и перенесеніемъ центра на востокъ, и совсѣмъ оторвались отъ этой жизни,

подчинившись сильному вліянію Литвы и Польши, — но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самой сѣверно-восточной Руси довольно отчетливо уже обозначились два главныхъ говора—сѣверный и южный, съ ихъ подрѣчіями.

Благодаря сильному развитію діалектовъ, объ одномъ общемъ литературномъ языкѣ въ XIII—XIV в.в. можетъ быть меньше рѣчи, чѣмъ прежде, когда традиція въ письмѣ была еще очень сильна. Теперь письмо запестрѣло провинціализмами, и по нимъ мы довольно легко узнаёмъ, гдѣ писалась та или другая рукопись; только въ рукописяхъ владиміро-суздальскаго происхожденія мы не найдемъ никакихъ спеціальныхъ особенностей говора.

Рѣзче всего проявляются провинціализмы въ новгородскихъ рукописяхъ, гдѣ мы найдемъ ихъ даже въ такихъ текстахъ, которые были списаны прямо съ средне-болгарскаго оригинала, напр. Тактиконъ Никона 1397 г. Стремленіе новгородскихъ грамотеевъ въ письмѣ къ звукамъ родной рѣчи для насъ очень важно. Вѣдь старый Новгородъ въ это время по прежнему еще вліялъ на весь сѣверо-востокъ Россіи, и въ культурномъ отношеніи съ нимъ пока никто не могъ тогда сравниться. Поэтому, можно смѣло сказать, что литературная рѣчь во владиміро-суздальскій періодъ развивалась главнымъ образомъ подъ перомъ писцовъ новгородскихъ.

Въ смыслѣ освобожденія отъ звуковъ и формъ церковно-славянскаго языка, новгородская школа и раньше была прогрессивнѣе школы кіевской, постоянно питавшейся древне-болгарскими оригиналами изъ близкой къ Кіевской Руси ихъ родины: такіе идеальные переписчики, какимъ былъ діаконъ Григорій, уже не повторялись впослѣдствіи. Теперь разрывъ съ традиціей оказался полный, и новгородская школа стала писать почти такъ, какъ она говорила, особенно въ памятникахъ полудуховнаго или свѣтскаго характера (историческія сочиненія). Между тѣмъ, въ живомъ русскомъ языкѣ XIII-XIV в. в. произошли уже очень крупныя измѣненія, подготовлявшіяся раньше, и они значительно приблизили тогдашнюю устную рѣчь

къ ея нынѣшнему состоянію. Исторія языка подробно разсматриваетъ эти измѣненія, мы же остановимся только на болѣе важныхъ. Такова, напр. судьба глухихъ звуковъ ъ, ь. Къ XIV вѣку слоговые ъ и ь перешли въ *о, е;* то же проясненіе въ чистые гласные звуки совершилось и съ неслоговыми полугласными, стоявшими въ группѣ согласныхъ, отчетливое произношеніе которыхъ требовало гласнаго звука, напр. *яблоко* (изъ *яблъко), величество* (изъ *величьство).* Переходъ глухихъ въ гласные *о, е* сильно отразится на составѣ русскаго вокализма, а эти измѣненія немедленно перейдутъ и въ письмо. Еще болѣе перемѣнъ повело за собой исчезновеніе глухихъ, которые въ многихъ случаяхъ перестали слышаться въ живомъ говорѣ уже съ XI в., а въ XIV пропали и тамъ, гдѣ прежде еще сохранялись. Въ сѣверно-русскихъ говорахъ исчезновеніе глухихъ отразилось преимущественно въ области измѣненія согласныхъ звуковъ (ассимиляція, вставки, пропуски, смягченіе, отвердѣніе согласныхъ и т. п.). Литературный языкъ какъ въ письмѣ, такъ и въ произношеніи, обязанъ преимущественно XIV в. такими словами, какъ *здоровіе* (изъ *съдоровіе), гдѣ* (изъ *къде), пчела* (изъ *бъчела), свадьба* (изъ *сватьба), царь* (изъ *цьсарь), дамъ* (изъ *дамь), темный* (изъ *темьный), царство* (изъ *цьсарьство), шлю* (изъ *сълю), умеръ* (изъ *умерлъ), мельчать* (мягкое *л* вм. прежняго твердаго) и т. п.

Рядомъ съ цѣлыми серіями перемѣнъ, которыя произошли въ русской фонетикѣ отъ паденія глухихъ и превращенія ихъ въ чистые гласные звуки, въ XIII и XIV в. в. выработается въ живомъ языкѣ и много другихъ особенностей, которыя войдутъ потомъ въ нашу литературную рѣчь и письмо.

Въ формахъ совершилось тоже много перемѣнъ противъ прежняго. Исчезло прежде всего немало архаическихъ формъ, напр. двойственное число (кромѣ случаевъ въ сочетаніяхъ съ числительнымъ *два*), преходящее время (Imperfectum), правильная форма сослагательнаго наклоненія, въ которомъ для всѣхъ лицъ теперь стало употребляться лишь *бы* и т. д. Взамѣнъ утраченныхъ архаизмовъ, появились разныя новшества. Такъ, благодаря

завершившемуся къ этому времени смѣшенію основъ именъ на *у, о, и* (*сынъ, волкъ, кость*) съ основами на *а* (*жена*) древнія флексіи въ дат. твор. и предл. падежахъ множеств. числа у первыхъ замѣнились флексіями, заимствованными у вторыхъ (см. выше стр. 35); сильно распространились формы родит. ед. женскаго рода на *и* вм. *ѣ* (напр. *земли* вм. *землѣ*), а также дательнаго и предложнаго падежей на *ѣ* вм. *и*, напр. *землѣ* вм. древней формы *земли*. Въ склоненіи прилагательныхъ вполнѣ установился род. п. муж. р. ед. ч. на *ого*; вмѣсто древне-русской формы род. ед. жен. р. *доброѣ, синеѣ* и т. д. очень часто видимъ *доброй, синей* и т. п. Эти примѣры, конечно, не исчерпываютъ всѣхъ особенностей живого языка XIV в.: въ рукописяхъ того времени найдется и многое другое, что теперь вошло въ нашу современную русскую грамматику. Съ другой стороны, тѣ же примѣры не исключаютъ въ литературномъ языкѣ XIII—XIV в. в. и такихъ звуковыхъ явленій, которыя теперь стали архаизмами и вышли изъ употребленія. Но общее впечатлѣніе, которое оставляютъ въ насъ памятники XIII - XIV в. в. своимъ языкомъ, можно характеризовать такъ: все русское, соотвѣтствующее живой рѣчи, и мало чужого, подражательнаго, въ духѣ церковно-славянскихъ образцовъ.

Сильно сблизивъ литературную рѣчь съ народной въ чертахъ общерусскихъ, новгородскіе писцы въ то же время совсѣмъ не стѣснялись вводить въ письмо и свои провинціализмы (смѣшеніе *ч* съ *ц*, *ѣ* съ *и*). Писцы владиміро - суздальскіе, а затѣмъ московскіе, которые только съ конца XIV-го в. приняли дѣятельное участіе въ обработкѣ литературнаго языка, подражая своимъ учителямъ — новгородцамъ въ палеографическихъ пріемахъ и орѳографіи, переняли отъ нихъ даже нѣкоторые изъ новгородизмовъ. Большая часть этихъ новгородизмовъ просуществуетъ, впрочемъ, лишь короткое время, а потомъ исчезнетъ на московской почвѣ (напр. *чѣпъ* вм. *цѣпъ*), но нѣкоторые дойдутъ и до нашего времени, напр. *апрѣль* вм. *април*, *цапля* вм. *чапля*, *сиверко* вм. *сѣверко* и т. п.

Съ второй половины XIV в. наше наблюденіе надъ ли-

тературнымъ языкомъ переносится уже въ Москву, въ область южно-великорусскаго говора.

Характерную особенность этого говора составляетъ такъ называемое *аканье*, т. е. произношеніе безударныхъ *о* и *е*, какъ *а* и *я* (и). Съ конца XIV в. аканье стало отражаться и въ письмѣ. Южно-великорусскіе писцы начали смѣшивать *а* съ *о* и обратно, а съ другой *е* съ *и*, *я* (а). Затрудненія въ письмѣ отъ этого увеличивались все болѣе и болѣе. Многія изъ такихъ замѣнъ, не оправдываемыхъ этимологіей, были приняты и дошли до нашего времени. Такъ, напр., мы произносимъ и даже пишемъ: 1) *а* вм. *о: заря, барсукъ, катить, карманъ, лапта, калачъ, касатка, стаканъ, завтракать, паромъ, крапива, Авдотья, Кашира* и т. п., 2) *о* вм. *а: ласковъ* (ср. пол. łaskawy), *оводъ* (пол. owad, др.-рус. *оводъ*: кор. *вад*), 3) *е* или *ѣ* вм. *я (а): тетива* (**тАтика**), десна (**дАсна**), колодезь (**клАдАзь**), ястребъ (**ꙗстрАбъ**), рѣсница (**рАсница**) и т. п., 4) *и* вм. *е* или *ѣ: витія* (вм. *вѣтія), мизинецъ* (*мѣзинецъ*), *двѣсти* (*двѣсъти*), *свирѣпъ* (*сверѣпъ*), *снигирь* (*снѣгирь*) и т. п. Эти неправильности современнаго литературнаго письма и произношенія являются діалектическимъ отраженіемъ южно-великорусскаго нарѣчія. Впрочемъ, это наслѣдіе аканья вошло въ наше письмо, вѣроятно, позднѣе, такъ какъ до XV в. московское письмо еще слабо отражаетъ аканье. Большая или меньшая правильность письма въ этомъ отношеніи зависѣла частью отъ самого характера московскаго говора, въ которомъ рѣзкости обоихъ нарѣчій, окающихъ и акающихъ, нѣсколько сглаживались (напр. моск. *жена*, сѣверно-велик. *жона* и южно-велик. *жана*), частью отъ установившейся уже старой ороографіи, выработанной въ предѣлахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

Типъ самостоятельной русской графики въ XIV вѣкѣ уже совсѣмъ опредѣлился, а въ смыслѣ употребленія, напр. *ѣ* эта графика являлась этимологически болѣе правильной, чѣмъ наше нынѣшнее письмо, которое допускаетъ *е* вм. *ѣ* въ очень многихъ словахъ: *песокъ, ведро, мелкій* и т. п.

Къ сожалѣнію, ни эта графика, ни почти полное осво-

божденіе русскаго литературнаго языка отъ звуковъ и формъ церковно-славянскаго языка не просуществуютъ долго.

Второй періодъ. Съ конца XIV в. и почти до XVII-го въ развитіи нашего литературнаго языка наступилъ рѣзкій перерывъ. Сношенія Россіи съ славянскими землями и Византіей, ослабѣвшія было къ XIII в., въ исходѣ XIV в. возобновились. Время и татарскій погромъ уничтожили много книгъ, а между тѣмъ потребность въ назидательномъ чтеніи возросла, благодаря усилившемуся, между прочимъ, въ русскомъ обществѣ аскетизму (татарскій погромъ много способствовалъ развитію въ Россіи монашества). Русскіе съ конца XIV вѣка часто стали ѣздить въ Константинополь и на Аѳонъ, въ этотъ литературный центръ всего южнаго славянства, тамъ пріобрѣтать книги, даже сами ихъ переписываютъ (см. Путешествіе къ св. мѣстамъ Стефана Новгородца ок. 1350 г.) и вывозить на родину Вмѣстѣ съ этимъ явилась потребность исправлять богослужебныя и вообще церковныя книги, въ которыя отъ времени вкралось очень много разнаго рода ошибокъ. Ревнители благочестія исправленіемъ однихъ ошибокъ однако не ограничились. Частью самостоятельно, а еще болѣе по примѣру и подъ вліяніемъ болгарскихъ и сербскихъ справщиковъ изъ школы патріарха Евфимія Тырновскаго[1]), они исправляли и самый

---

[1]) Послѣдній патріархъ Болгаріи, Евфимій Тыровскій († послѣ 1393 г.), ревностно заботясь о чистотѣ благочестія и упорядоченіи богослуженія, церковной практики, предпринялъ массовое исправленіе богослужебныхъ книгъ, и съ этою цѣлію создалъ въ Болгаріи цѣлую школу справщиковъ и списывателей книгъ, центромъ которой былъ расположенный вблизи г. Тырнова св. Троицкій монастырь, въ просторѣчіи названный Шишманъ, по имени послѣдняго болгарскаго царя Іоанна Шишмана, покровителя патріарха Евфимія. Богослужебныя и церковныя книги, исправленныя въ этой школѣ по руководству, составленному самимъ Евфиміемъ, распространились затѣмъ по всей Болгаріи и образовали такъ называемые *тырновскіе* изводы церковно-славянскихъ книгъ. Реформа патр. Евфимія отразилась и въ Сербіи, въ правленіе сербскаго деспота Стефана Лазаревича (1389—1427), который, самъ будучи очень образованнымъ и даже ученымъ сербомъ, много покровительствовалъ просвѣщенію. Между прочимъ, онъ основалъ на рѣкѣ Рессавѣ въ 1407 году монастырь во имя св. Троицы, богато одарилъ его имѣніями, украсилъ и собралъ сюда лучшихъ и наиболѣе образованныхъ иноковъ, стараясь, чтобы этотъ монастырь во всѣхъ отношеніяхъ былъ подобенъ аѳонскимъ по своему просвѣтительному вліянію. Тутъ иноки тоже

языкъ, формы и даже правописаніе русскаго извода. Вліяніе юго-славянскихъ редакцій памятниковъ (изводы тырновскіе и рессавскіе) немедленно отразились на нашей письменности и надолго разорвали ея связь съ живою рѣчью.

Въ противоположность русскимъ текстамъ XIII - XIV в., гдѣ вполнѣ господствуетъ русское письмо и русское произношеніе звуковъ, въ рукописяхъ XV-XVII в. мы находимъ много разнаго рода нововведеній, и въ графикѣ, и въ грамматикѣ и въ словарѣ. Такъ, по образцу средне-болгарскихъ рукописей,— въ письмѣ въ это время опять явились большіе юсы (ѫ), буквы ѣ и т измѣнили свои прежнія начертанія и стали писаться по южно-словянскимъ новымъ образцамъ (ѣ, ш и даже 7); вмѣсто древняго ъı начали писать ы по сербскому образцу, такъ какъ у сербовъ ъ давно былъ вытѣсненъ ь; появились снова исчезнувшія было совсѣмъ ѳ и ѕ (въ рукописяхъ XII - XIII в., писанныхъ въ Россіи, эти буквы обыкновенно употреблялись лишь въ значеніи цифръ 9 и 6); вошло мало по малу въ употребленіе ї передъ гласными звуками (раньше і, и притомъ безъ точекъ, употреблялось обыкновенно вм. и ради экономіи въ мѣстѣ). Вмѣстѣ съ этимъ русское письмо, по образцу юго-славянскаго, запестрѣло множествомъ надстрочныхъ знаковъ и даже не русскими удареніями, въ родѣ, **иско́ни, ко́да, ви́но** и т. п.

Конечно, нѣкоторымъ изъ этихъ нововведеній въ русскомъ письмѣ XV—XVI в. в. помогъ назрѣвшій переходъ отъ стараго

занимались исправленіемъ и списываніемъ книгъ, которыя затѣмъ распространились по Сербіи и образовали такъ называемый *рессавскій* изводъ церковныхъ книгъ. Въ числѣ главныхъ помощниковъ Стефана Лазаревича въ дѣлѣ просвѣщенія сербовъ и руководителей исправленія книгъ былъ и ученикъ патріарха Евфимія Константинъ Костенскій или Костенчьскій (отъ с. Костенца въ Болгаріи), составившій для справщиковъ и писцовъ грамматическое руководство, дошедшее до нашего времени, подъ названіемъ „Сказанія о письменехъ". Тырновскіе и рессавскіе изводы церковныхъ книгъ впослѣдствіи перешли въ Россію, равно какъ и грамматика Константина Костенчьскаго, и послужили образцами для русскихъ справщиковъ и писцовъ, которые имъ и слѣдуютъ въ своей практикѣ, наивно считая языкъ и письмо этихъ юго-славянскихъ изводовъ XIV в. древне-славянскими и, значитъ, вполнѣ правильными.

крупнаго полуустава къ полууставу младшему, болѣе мелкому, и къ скорописи. Но важно то, что почти всѣ начертанія тогда приняли юго славянскій характеръ.

Но подражаніями юго-славянскимъ образцамъ въ графикѣ (начертаніе буквъ, ихъ употребленіе), русскіе писцы и справчики, къ сожалѣнію, не ограничились. Ихъ, такъ называемое *модное* письмо распространилось и на произношеніе словъ, т. е языкъ, которому они постарались придать древній видъ; такъ, они русскія полногласныя формы во множествѣ замѣнили юго-славянскими неполногласными (вм. **городъ** —**градъ**, вм. **холодъ** — **хладъ** и. т. д.), слоговые плавные звуки (**л** и **р**) стали изображать по церковно-славянски (т. е. писать **влъкъ**, **тръгъ** вм. русскихъ **вълкъ**, **търгъ** и даже **волкъ**, **торгъ**) и ввели много архаизмовъ въ формахъ склоненія, напр. род. пад. прилаг. на **лго**, преходящее на **лаше** и т. д.

Вмѣстѣ съ этимъ въ языкѣ и письмѣ русскихъ рукописей XV—XVI в. в. мы найдемъ рядъ болгаризмовъ поздняго происхожденія, напр. смѣшеніе юсовъ, смѣшеніе **ъ** съ **ь**, **ы** съ **и**, **ѣ** съ **ꙗ**, а также формы, въ родѣ — **сыновомъ**, **сыновѣхъ**, **тріехъ** и т. п.

Этимъ оцерковнославянившимся вновь литературнымъ письмомъ и языкомъ написаны почти всѣ русскія рукописи XV—XVI в. в., заключающія не только переводныя и заимствованныя у южныхъ славянъ, но даже оригинальныя произведенія литературы, притомъ свѣтскаго характера и содержанія. Такова, напр., была рукопись XVI в., заключавшая въ себѣ, между прочимъ, и знаменитое Слово о полку Игоревѣ (она принадлежала графу Мусину-Пушкину и во время Московскаго пожара въ 1812 г. сгорѣла).

Тѣ же пріемы юго-славянскаго письма и произношенія отразились и въ грамотахъ.

Чуждыя ударенія, множество надстрочныхъ знаковъ, разные церковно-славянизмы, болгаризмы и пр. до того „изукрасили" рукописи XV — XVI в. в., что современникамъ становилось очень трудно не только писать, но и читать. Отсюда явилась потребность въ новомъ грамматическомъ ру-

ководствѣ. Издавна существовавшей въ Россіи грамматики, неправильно приписываемой Іоанну, экзарху Болгарскому, подъ названіемъ—„О осьми частяхъ слова", и разныхъ грамматическихъ опытовъ б. или м. самостоятельнаго происхожденія (въ родѣ „О грамотѣ прѣпростаго Евдокима") теперь уже было недостаточно. На помощь пришла грамматика Константана Костенчьскаго „Сказаніе о письменехъ", которое въ сокращенномъ видѣ и легло въ основу русскихъ грамматическихъ руководствъ XVI - XVII в. Эти руководства вошли частью въ такъ называемые азбуковники, своего рода русскіе энциклопедическіе словари, частью въ прописи извѣстныя подъ названіемъ буквицъ. Они подробно разъясняютъ между прочимъ *модное* письмо, причемъ относительно, напр., употребленія *юсовъ* говорятъ, что ихъ слѣдуетъ ставить *красоты ради, а не истинно.* Въ исторіи нашей письменности азбуковники имѣли большое значеніе, и въ среднихъ классахъ русскаго общества не потеряли его почти до конца XVIII в.

Грамматическія статьи, находящіяся въ нихъ, не грамматики въ нашемъ смыслѣ слова, а просто собраніе разныхъ правилъ и наставленій, какъ читать, писать и вообще учиться грамотѣ. При незначительности объема этихъ сборниковъ и отсутствіи системы, нѣкоторыя правила ихъ отличаются порой необычайною обстоятельностью въ мелочахъ, а потому запоминались съ большимъ трудомъ. По этимъ правиламъ начинающій учиться грамотѣ долженъ былъ вызубрить наизустъ цѣлыхъ 45 буквъ азбуки, которая проходилась сначала „въ стремнину", т. е. по порядку алфавита, потомъ „на вспять", затѣмъ „всмѣсъ", т. е. въ разбивку, затѣмъ опять *всмѣсъ*, но уже *на вспять*. Въ дальнѣйшемъ онъ обязанъ былъ изучить множество надстрочныхъ знаковъ, твердо помнить ихъ названія и знать, гдѣ и когда ихъ нужно ставить. Трудность изученія увеличивалась еще оттого, что въ самихъ правилахъ было много неяснаго, запутаннаго, субъективнаго, и они часто разнообразились. Между тѣмъ не знать всѣхъ этихъ правилъ не только считалось безграмотностью, но порой гро-

зило даже обвиненіемъ въ ереси и грѣхѣ. Вотъ, напр., какъ заключаетъ ученіе о титлахъ одна грамматика: „Что покрыто, то свято, а что не покрыто, то посреднее, ино же отпадшее. Сего ради совѣтуемъ ти, о каллиграфе, Господа ради, не смѣшай несмѣсная, честная отъ недостойнаго отдѣляй. Кій бо болій сего грѣхъ есть еже творити горькое сладко, а сладкое горько... Горе творящему сія: полагаетъ бо соблазнъ душамъ“.

Само собой разумѣется, что немногіе могли усвоить себѣ всѣ эти тонкости и быть „острозрительными“ не по „одному чернилу“, какъ того требуютъ грамматики XVI - XVII в.в. Отъ нетвердаго пониманія и изученія правилъ явилась неувѣренность, которая, въ свою очередь, повела къ разнообразію и неустойчивости въ письмѣ. Вотъ почему правописаніе въ XV - XVI в. в. по рукописямъ очень пестро, невыдержанно и вообще малограмотно. Самая трудность изученія грамоты и письма послужила, можетъ быть, одной изъ главныхъ причинъ общаго паденія грамотности въ разсматриваемое время. Многіе, желавшіе научиться грамотѣ, поступали, вѣроятно, какъ тѣ „мужики“, которыхъ архіепископъ новгородскій Геннадій старался подготовить въ ставленники на мѣста священниковъ, но которые, по его словамъ, „поучатся мало грамотѣ, да и просятся прочь“. А вѣдь это говорилось въ культурномъ Новгородѣ, который уже во всякомъ случаѣ не могъ походить „на дикій воинскій станъ“, какимъ называетъ проф. Буслаевъ Москву XIV - XV в. в.

Кромѣ полеографическихъ пріемовъ письма, ороографіи и звуковъ, юго - славянская письменность XIV - XV в. в. оказала большое вліяніе на русскую и въ стилистическомъ отношеніи

Въ самостоятельныхъ опытахъ (напр. хожденіяхъ, лѣтописяхъ, житіяхъ и разныхъ вообще описательно-повѣствовательныхъ сочиненіяхъ) русскіе хотя и всегда придерживались общаго склада и оборотовъ церковно славянской рѣчи, но къ XIV в, народная стихія тутъ явилась, можно сказать, уже преобладающей. Литературный слогъ, напр., древне-русскихъ житій до

XV-го в. былъ простой, безыскусственный, съ своеобразнымъ и сильнымъ строемъ, не лишеннымъ порой даже художественности. Подъ перомъ юго-славянскихъ выходцевъ и ихъ русскихъ подражателей эта самобытная рѣчь однако приняла совсѣмъ другой характеръ. Образованные въ сербо-болгарскихъ школахъ, гдѣ, рядомъ съ стремленіемъ къ звукамъ и формамъ церковно-славянскаго языка, господствовалъ въ то же время и вкусъ къ слогу витіеватому, напыщенному, „украшенному", эти выходцы занесли свои литературные вкусы и пріемы и въ Россію. Особенно дѣятельнымъ въ этомъ отношеніи былъ сербъ Пахомій Логоѳетъ. Ему, какъ человѣку образованному, какихъ тогда было мало въ Россіи, поручили не только составлять новыя житія святыхъ, но даже передѣлывать старыя, древне-русскія. И вотъ, послѣ его исправленій прежняя простота замѣнилась искусственностью; русскія формы, слова и обороты уступили мѣсто церковно-славянскимъ въ юго-славянской окраскѣ; все бытовое, народное русское исчезло, было стерто, и весь разсказъ, по содержанію и языку, получилъ безличный, сухой и напыщенный характеръ.

Этотъ новый стиль, не имѣвшій ничего общаго ни съ краснорѣчіемъ древне-славянскихъ писателей (Климентъ, Іоаннъ экзархъ Болгарскій, епископъ Константинъ и др.), ни съ краснорѣчіемъ древне-русскимъ (митрополитъ Иларіонъ, Кириллъ Туровскій и др.), очень однако понравился русскимъ, нашелъ покровителей и подражателей, а Пахомію доставилъ славу мужа, „иже превзыде мудростью и разумомъ всѣхъ книгчій". Я потому остановился именно на житіяхъ, что они, съ развитіемъ подвижничества въ Россіи и стремленій Москвы сплотить собранную Русь и въ религіозно-нравственномъ отношеніи, сдѣлались въ XV - XVI в. в. преобладающимъ литературнымъ типомъ. Съ другой стороны, житія вѣдь всегда были любимымъ и наиболѣе распространеннымъ чтеніемъ древнихъ русскихъ. Поэтому языкъ и слогъ житій могли имѣть особенное вліяніе на рѣчь письменную вообще и даже разговорную, разъ она касалась предметовъ, хоть сколько нибудь возвышавшихся надъ уровнемъ

повседневныхъ житейскихъ отношеній. Особенно любопытно то обстоятельство, что усилившееся вліяніе церковно-славянскаго языка въ XV-XVI в. в. помогло утвердиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ письмѣ и произношеніи московскому аканью, напр. въ такихъ словахъ, какъ *расту, работа* и т. п. вм. древне-русск. *росту, робота*, въ формѣ родит. падежа прилаг. на *аго, яго* вмѣсто древне-русскаго *ого, ёго* и т. п.

Но какъ ни сильно было въ XV-XVI в. в. вліяніе церковно-славянскаго языка на русскій литературный, какъ ни старались ревнители старины и поборники подражанія юго-славянской письменности ввести въ русскій литературный языкъ разные чуждые ему элементы, въ ущербъ языку живому, народному, — этотъ живой языкъ однако постоянно давалъ о себѣ знать даже въ письмѣ лучшихъ тогдашнихъ грамотеевъ. Дѣло въ томъ, что къ XVI-му в. русскій разговорный языкъ уже окончательно сложился, т. е. въ звуковомъ и формальномъ отношеніяхъ онъ въ XVI в. былъ уже тѣмъ, какимъ мы знаемъ его теперь; послѣ XVI-го в. великорусскій разговорный языкъ измѣнялся лишь въ словарѣ и стилѣ Поэтому въ XVI вѣкѣ между языкомъ литературнымъ, т. е. церковно-славянскимъ, хотя и значительно обрусѣвшимъ, и разговорнымъ, раскрылась такая пропасть, какой не было даже въ XIII-XIV в. Сблизить обѣ рѣчи не было уже никакой возможности, несмотря даже на то, что церковно-славянскіе тексты тоже сильно обрусѣли. Поэтому въ письменномъ языкѣ нашихъ грамотниковъ XV—XVI в. в. явились такія особенности, какихъ раньше не бывало. Большинство ихъ перестало даже понимать церковно-славянскій языкъ; такъ, не встрѣчая, напр., въ живомъ русскомъ языкѣ формъ аориста, который уже съ XII в. уступилъ мѣсто perfect'у на *лъ* съ глаголомъ *быть* или безъ него, русскій грамотникъ смѣшивалъ этотъ аористъ съ imperfect'омъ и даже настоящимъ временемъ, а въ самомъ аористѣ форму 1-го лица—съ формой 2-го, формы единственнаго числа съ формами множественнаго и т. д. Такое согласованіе, какъ — *мы обрѣтохъ, жена моя молиша*, нарушавшее уже всякую логику и

попадающееся въ книгахъ и грамотахъ XV - XVI в. в., въ прежнее время было невозможно.

Вмѣстѣ съ формами перестали понимать также и церковно-славянскія слова, занесенныя книгами, но не вошедшія въ употребленіе и не вытѣснившія словъ чисто русскихъ. Это повело къ составленію словарей, начало которыхъ было положено еще въ XIII в. Въ XV - XVII в. в. потребность въ объясненіи словъ сильно увеличилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрасло и число словарей; таковы словари: Новгородскій 1431 г., многіе азбуковники, словарь Лаврентія Зизанія (1596 г.), Памвы Берынды и др. Теперь уже перестали думать, какъ прежде, что русскій и церковно-славянскій языкъ „едино есть". Если первый Новгородскій словарь (1282 г.) подводитъ еще всѣ непонятныя ему слова подъ названіе „жидовскихъ" словъ, то съ XV в. русскіе уже отчетливо видятъ разницу въ чужеземныхъ стихіяхъ, какъ это, напр., показываетъ самое заглавіе словаря 1431 г: *Тлъкованіе неоудобь познаваемомъ.. речемъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныихъ преводникъ: ово словенскы, ино сръбскы, и другаа блъгарскы и грьчьскы, ихже не оудоволишася преложити на рускый.* Въ этихъ словаряхъ и азбуковникахъ мы порой замѣчаемъ довольно тонкое пониманіе русскихъ словъ и звуковъ, въ отличіе отъ церковно-славянскихъ; такъ, книжныя слова *болѣзнь, женому, пастырь, плѣвы, рожденіе, зри* и т. п переводятся на русскій языкъ словами: *болѣсть, гониму, пастухъ, половы, роженье, смотри* и т. п. Но понимая разницу между русскимъ и церковно-славянскимъ языкомъ, русскіе грамотники не потеряли однако охоты подражать церковно-славянскому языку, хотя знаніе этого языка и было очень слабое въ это время. Вотъ, напр., что говорилъ Зиновій Отенскій, русскій писатель XVI в., о церковно-славянскомъ языкѣ: „Я думаю, что это лукавое умышленіе христоборцевъ и людей грубыхъ смысломъ вводить въ книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей, тогда какъ, по моему, приличнѣе книжными рѣчами (т. е. церковно-славянскими) исправлять обще-народныя рѣрѣчи, а не книжныя народными обезчещивать"

Въ XVII в. вліяніе церковно-славянскаго на русскій литературный языкъ не ослабѣваетъ. Въ Москву въ это время переносится вся такъ называемая „кіевская ученость", которая надолго здѣсь и утвердилась. Разработка литературы и образованіе юношества перешли въ руки наѣхавшихъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ. Эти ученые, по происхожденію малороссы или бѣлоруссы, съ тѣмъ большимъ рвеніемъ старались поддерживать въ литературѣ церковно-славянскій языкъ, что мѣстное великорусское нарѣчіе для нихъ было въ большей или меньшей степени чуждо и даже несовсѣмъ понятно. Вмѣстѣ съ этимъ они путемъ своихъ многочисленныхъ сочиненій, духовнаго, а отчасти и полусвѣтскаго характера (вирши, поздравительныя и привѣтственныя слова, драматическія произведенія и пр.), вліяли на книжный языкъ великороссовъ своимъ книжнымъ, литературнымъ языкомъ, представлявшимъ весьма характерную смѣсь изъ разныхъ элементовъ. Въ основѣ этой смѣси лежалъ тоже церковно-славянскій языкъ, но не древній, конечно, а тѣхъ же югославянскихъ изводовъ, которые черезъ Молдаво-Валахію заходили въ Кіевъ еще чаще, чѣмъ въ дальнюю Москву. Но къ нему густыми слоями прибавились примѣси нарѣчій малорусскаго и бѣлорусскаго, языка латинскаго, особенно польскаго и отчасти даже греческаго, который у кіевскихъ ученыхъ пользовался большимъ авторитетомъ. Вотъ, напр., образецъ этого языка, заимствованный изъ сочиненія Іоанникія Голятовскаго „Наука, албо способъ зложеня казаня (проповѣди)". — „Кто хочетъ казане учинити, найперше маетъ положити зъ писма святого ѳему, которая есть фундаментомъ всего казаня, бо ведлугъ ѳемы мусится повѣдати все казане, въ которомъ знайдуются три части" и т. д. Въ такомъ родѣ, хотя ближе къ церковно-славянскому языку, писали другіе ученые и проповѣдники кіевской школы, такъ какъ у Голятовскаго все же больше народности въ языкѣ, стилѣ, чѣмъ, напр., у Лазаря Барановича и др.

Конечно, при переходѣ на московскую почву рѣзкія особенности этого языка-жаргона нѣсколько сгладились, подъ

вліяніемъ великорусскаго нарѣчія (ср. напр., языкъ Симеона Полоцкаго съ рѣчью Голятовскаго), но другія, тоже не менѣе характерныя черты остались и на новой почвѣ. Прежде всего языкъ кіевскихъ ученыхъ внесъ въ словарь русскаго языка много польскихъ и латинскихъ словъ. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ сохранились до настоящаго времени въ литературномъ русскомъ языкѣ, напр., *бляха*, *бричка*, *булка*, *збруя*, *кухня*, *рыдванъ* и мн др. [1]). Кромѣ этого, на общій складъ великорусскаго литературнаго языка XVII вѣка сильно повліяли многіе латино-польскіе элементы въ построеніи прозаической рѣчи (длинные періоды), въ стихотворномъ размѣрѣ (силлабическій) и пр.

Употребленіе славяно-русскаго языка въ литературѣ и высокихъ разговорахъ образованныхъ людей XVII в. сдѣлалось тѣмъ болѣе обязательнымъ, что языкъ этотъ получилъ уже въ это время теоретическую обработку въ разныхъ грамматическихъ руководствахъ, изъ которыхъ самымъ важнымъ по своему значенію была грамматика Мелетія Смотрицкаго (1619 г.); между тѣмъ какъ русскій разговорный языкъ попрежнему оставался въ пренебреженіи, т. е. безъ всякой теоретической разработки.

Мы уже слышали отзывъ о русскомъ языкѣ Зиновія Отенскаго. А вотъ отзывъ одного иностранца Генриха Лудольфа (1693 г.) объ употребленіи церковно славянскаго языка въ Россіи въ концѣ XVII в.—„Безъ помощи славянскаго языка никто изъ русскихъ не можетъ писать или разсуждать объ ученыхъ предметахъ, напротивъ, въ домашней жизни не употребляется *одинъ* славянскій языкъ, потому что многихъ словъ изъ житейскаго быта нѣтъ въ тѣхъ книгахъ, изъ которыхъ почерпается языкъ славянскій. Поэтому, считается правиломъ: говорить по-русски, а писать по-славянски“.

Несмотря на такое увлеченіе церковно-славянскимъ язы-

---

[1]) *Я. Гротъ*. Филологическія разысканія. Спб. 1885, т. I, стр. 609 и др., гдѣ приведенъ словарикъ словъ, заимствованныхъ изъ польскаго языка или черезъ посредство польскаго.

комъ, живая разговорная рѣчь все сильнѣе и сильнѣе пробивалась въ литературную и постоянно давала о себѣ знать.

Если уже въ XVI в. мы находимъ не мало литературныхъ произведенiй, гдѣ живой русскiй языкъ является почти преобладающимъ (напр., Домострой попа Сильвестра, сочиненiя Iоанна Грознаго и др.), то теперь, въ XVII в., число такихъ памятниковъ не только свѣтской (трудъ Котошихина, Азовское сидѣнiе и др.), но и духовной литературы значительно увеличилось. Много этому помогло все возраставшее преобладанiе надъ духовными, религiозно-церковными интересами интересовъ свѣтскихъ, которые, съ реформами Петра Великаго, заняли особое самостоятельное мѣсто и обратили на себя главное вниманiе Преобразователя Россiи и его сподвижниковъ. Въ началѣ XVIII в. зародилось свѣтское образованiе и явился гражданскiй алфавитъ Конечно, все это должно было отразиться и на литературномъ языкѣ времени Петра Великаго,— въ смыслѣ влiянiя на него языка разговорнаго.

Такъ это на самомъ дѣлѣ и случилось.

Третiй перiодъ. Всѣ памятники петровской эпохи по отношенiю къ литературному языку можно раздѣлить на *два* вида. Одни писаны еще на церковно-славянскомъ языкѣ, конечно, новаго типа, напр. переводъ басенъ Эзопа, Введенiе въ исторiю европейскихъ государствъ Пуффендорфа въ переводѣ Бужинскаго, въ другихъ церковно-славянскiй языкъ уступилъ уже мѣсто языку русскому, напр. проповѣди Ѳеофана Прокоповича. Второй видъ сдѣлался мало-по-малу господствующимъ. Но, сохраняя звуки и формы русской рѣчи, этотъ литературный языкъ, въ словарѣ и оборотахъ былъ однако настоящимъ макароническимъ языкомъ [1]), представлявшимъ самую наивную, безце-

---

[1]) Макароническою поэзiей (отъ итал. слова macherone шутъ) называлось въ западно-европейской литературѣ среднихъ вѣковъ стихотворство на латинскомъ языкѣ съ большими примѣсями словъ и выраженiй изъ родного языка автора. Впервые она возникла во Италiи въ концѣ XV в., откуда затѣмъ распространилась по всей Европѣ. Отсюда макароническою рѣчью называется рѣчь, обильно уснащенная разнаго рода варваризмами.

ремонную и почти безсмысленную смѣсь словъ русскихъ съ польскими, латинскими, нѣмецкими, голландскими и т. п. Теперь вліяніе Европы сказалось гораздо сильнѣе, чѣмъ это было въ XVII в., и русскіе познакомились съ самыми разнообразными сторонами европейской жизни и культуры, и, слѣдовательно, новыми понятіями, для которыхъ однако не было словъ въ литературномъ и разговорномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого, языкъ русскій былъ застигнутъ какъ бы врасплохъ, и въ него хлынулъ цѣлый потокъ иностранныхъ словъ, заносившихъ съ собой и новыя понятія. Насъ поражаетъ эта странная рѣчь, какъ самого Петра I, такъ и всѣхъ его сподвижниковъ [1]. Но рано или поздно это должно было случиться.

Многіе изъ такихъ варваризмовъ, какъ времени Петра I, такъ и слѣдующихъ царствованій, когда усилилось вліяніе нѣмецкое, французское, привились къ языку и дошли до нашего времени. Большая часть этихъ словъ—изъ сферы госу-

---

[1]) Вотъ, напр., какъ писалъ (удерживаемъ однако современное правописаніе) Борисъ Куракинъ, свойкъ Петра Великаго (оба были женаты на родныхъ сестрахъ—Лопухиныхъ), долго обучавшійся и жившій потомъ въ Италіи, въ своей статьѣ, озаглавленной—„Вѣдѣніе о *папежской ауторитѣ* надъ всѣми *потентатами религіи* католицкой“, составленной авторомъ въ 1707 г.: „Всѣ тѣ, которые той церкви владѣтели въ своихъ провинціяхъ, имѣюще *конвенты* (монастыри) и церкви, брать съ нихъ никакихъ податей не могутъ безъ позволенія *папежскаго*.. Съ сей причины всякъ можетъ *выразумѣть*, что *религія католицкая* и та *совранита папежская* дѣлаетъ всѣхъ принцевъ, которые *депендируютъ*, *скъявами* (*ит.* schiavi=рабы), такъ что въ своихъ *властныхъ* (пол. собственный) владѣніяхъ не могутъ властвовать своими подданными, а просятъ позволенія *отъ* викарія *изъ* Рима... Каждаго *отъ потентатовъ*, ежели когда похочетъ (т. е. папа) *скомуниковать* (ит. scomunicare), можетъ *скомуниковать*, отъ которой *скомуникаціи* можетъ оный великую тягость понести, поне же всѣ мы знаемъ и видимъ, какъ отъ *религіозовъ* закона римскаго всѣ дворы обязаны, а паче отъ езуитовъ и т. д. Такимъ образомъ у Б. Куракина не было словъ, имѣющихся въ современномъ литературномъ языкѣ: папскій (пол. папежскій), верховная власть (ауторита, совранита), владѣтель (пол. потентатъ), вѣроисповѣданіе (религія), зависѣтъ (депендировать), собственный (пол. власный), отлучитъ отъ церкви (скомуниковать), духовныя лица (религіози) и т. п. Даже понятія извѣстныя, для которыхъ въ русскомъ языкѣ были подходящія слова, и тѣ Куракинъ обозначилъ иностранными словами, очевидно, не думая и не заботясь о чистотѣ рѣчи, напр. конвентъ вм. монастырь, скъяви вм. рабы и т. п. (Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. IV, Саратовъ 1893 г.).

дарственнаго и общественнаго устройства, техники и т. п; таковы, напр. *флотъ, генералъ, мануфактура. сенаторъ, навигація, коллегія* и т. п.; другія слова сохраняются теперь преимущественно въ разговорной рѣчи менѣе серьезнаго тона, напр, *афронтъ, авантажъ, амбиція, персона, капутъ, форсъ, баталія, шерамыга* (отъ *cher ami*), *пассія, парадизъ* (раекъ въ театрѣ, галёрка), *резонъ* и т. п; наконецъ, третьи, неуклюжія и совсѣмъ ненужныя, просуществовали недолго и исчезли изъ литературнаго оборота, напр, *универсалъ* (грамота, оглашеніе), *калюмнія* (клевета), *слично* (отлично), *образа* (обида), *потентатъ* (владѣтель), *максимъ* (правило, основаніе), *регулъ* (правило), *пестъ* (чума, моръ), *темпоральный* (временный), *фортеція* (крѣпость), *жадный* (никакой), *мусить* (быть должну), *власно* (точно), *якъ* (какъ), *звыкнуть* (привыкнуть), *электоръ* (избиратель), *аттенція* (вниманіе, уваженіе), *инвенція* (изобрѣтеніе) и др., которыя часто употреблялъ Петръ Великій, его сподвижники и современные писатели (Кантеміръ).

Съ безчисленными варваризмами въ словарѣ явились также варваризмы и въ самомъ строѣ рѣчи, на которую сильно повліялъ языкъ польскій, а также нѣмецкій, съ его длиннѣйшими періодами и со сказуемымъ въ концѣ. Вліяніе нѣмецкаго языка особенно сильно сказалось въ переводахъ, хотя Петръ I не разъ говаривалъ: „не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіе (т. е. содержаніе) *выразумѣвъ* (т. е. понявъ), на свой языкъ ужъ такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть“.

Увлеченіе новшествами въ жизни, естественно повело за собой и увлеченіе въ языкѣ. Стремительность мысли тутъ соединялась, видно, еще съ боязнью не только языка церковнославянскаго, который въ глазахъ Петра В. и его сотрудниковъ олицетворялъ собою какъ бы всю дореформенную Русь, но и своей рѣчи, тоже вѣдь сильно пропитанной славянизмами въ кругу людей образованныхъ. Съ другой стороны, здѣсь обнаружилось, конечно, большое незнаніе богатства и силы языка народнаго. Если по всему этому прибавить, что грамматики русскаго языка, гдѣ разграничивались бы элементы

русскіе отъ церковно-славянскихъ, еще не было, несмотря на пожеланія и даже нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи (Генрихъ Лудольфъ, Өедоръ Максимовъ, Ададуровъ и др). то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему въ петровскую эпоху было такое сильное увлеченіе всякими варваризмами въ разговорномъ и книжномъ языкѣ

Но эта эпоха въ жизни языка была, конечно, лишь переходной.

Самый характеръ литературнаго языка петровскаго времени уже намѣтилъ тѣ задачи, какія предстояли для рѣшенія русскимъ ученымъ и литераторамъ, подъ перомъ которыхъ станетъ совершенствоваться нашъ литературный языкъ и постепенно подходить къ его современному состоянію. Задачи эти были слѣдующія: 1) отдѣлить звуки и формы церковно-славянскаго языка и письма отъ русскаго, выработать грамматику русскаго языка и установить его правописаніе; во 2-хъ) очистить русскую литературную рѣчь отъ варваризмовъ въ словарѣ и строѣ, замѣнивъ эти варваризмы элементами чисто-русскими или такими неологизмами, которые были бы свойственны духу русскаго языка и въ 3-хъ) опредѣлить взаимное отношеніе языковъ русскаго и церковнославянскаго, указавъ сферу примѣненія того и другого.

Рѣшеніемъ этихъ важныхъ задачъ и занялись прежде всего два нашихъ первыхъ ученыхъ литератора Ломоносовъ (1711—1765 г.) и Тредьяковскій (1703—1769 г.).

Заслуги Ломоносова и Тредьяковскаго.

Еще въ 1730 г. въ предисловіи къ переводу съ французскаго сочиненія Поля Теллемана „Ѣзда въ островъ любви“ Тредьяковскій рѣшительно заявилъ, что церковно - славянскимъ языкомъ надо писать только церковныя книги, для книгъ же „мірскихъ“, т. е. свѣтскихъ, нуженъ простой разговорный языкъ. Раньше ни самъ Тредьяковскій, по его словамъ, ни другіе писатели этого совсѣмъ не сознавали.—„Языкъ славянскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми“ — писалъ Тредьяковскій. Немного спустя, тотъ же Тредьяковскій въ

своей рѣчи, при открытіи Академіи Наукъ, высказалъ надежду, что „Академія будетъ радѣть о возможномъ дополненіи россійскаго языка, его чистотѣ, красотѣ, желаемомъ совершенствѣ и о составленіи грамматики доброй и исправной“. Тредьяковскій и самъ много поработалъ надъ чистотой языка и обогатилъ родную рѣчь цѣлымъ рядомъ новыхъ удачно составленныхъ словъ (неологизмовъ), напр. *естественность, разумность, чувственность, достовѣрный, вѣроятный, провидѣніе, подлежащее, искусство, нравственный* и др., всѣ эти неологизмы являются буквальнымъ переводомъ латинскихъ словъ: essentia, intelligentia, sensatio, certus, probabilis, providentia, subjectum, experientia, moralis и др. Много потрудился онъ также надъ русской орѳографіей и первый указалъ на то, что русскому языку свойственно *тоническое*, а отнюдь не *метрическое* или *силлабическое* стихосложеніе, какъ думали до него (Кантеміръ 1708—1744 г.).

Но грамматику русскаго языка написалъ Ломоносовъ, обнаружившій въ этомъ отношеніи, по словамъ Я. Грота, „удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія, несмотря на всѣ недостатки его ученаго труда“. Грамматика Ломоносова (1755 г.) и положила начало грамматическимъ руководствамъ по русскому языку. Съ другой стороны, Ломоносовъ впервые высказалъ и основной принципъ нашей орѳографіи: „чтобы правописаніе не удалялось много отъ нашего выговора и чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды происхожденія и сложенія реченій“. Начало это съ большею послѣдовательностью было проведено впослѣдствіи. Даже въ нѣкоторыхъ частностяхъ слѣды Ломоносовской орѳографіи дошли до нашего времени, напр., употребленіе окончаній *ые* (іе) и *ыя* (ія) въ именит. падежѣ множ. числа полнаго склоненія именъ прилагат. муж. и жен. р.

Третья задача—опредѣленіе отношенія церковно-славянскаго языка къ русскому также была рѣшена Ломоносовымъ, хотя и своеобразно. Его знаменитая теорія о трехъ стиляхъ (высокомъ, среднемъ и низкомъ), при всей ложности ея основного принципа, несмотря на то, что узаконяла ду-

ализмъ въ языкѣ и нашла слишкомъ ретивыхъ послѣдователей высокаго стиля (Поповъ въ переводѣ „Освобожденный Іерусалимъ, Елагинъ, Екимовъ, Пахомовъ и даже Фонвизинъ въ переводахъ), имѣла тѣмъ не менѣе большое значеніе въ исторіи русскаго литературнаго языка XVIII вѣка: по крайней мѣрѣ, эта теорія разъ навсегда исключала употребленіе церковно-славянскаго языка изъ цѣлаго ряда литературныхъ произведеній и отвела мѣсто даже для „подлой", или народной рѣчи, которой въ то время такъ чуждались, подъ вліяніемъ ложнаго классицизма въ литературѣ, съ его аристократическими тенденціями. Басни, комедіи, сатиры, разныя описательныя и повѣтствовательныя сочиненія писатели (Сумароковъ, Хемницеръ, Фонвизинъ, Капнистъ, Богдановичъ, Аблесимовъ, Сатирическіе журналы 1769—1774 г. г.) начали сочинять уже на разговорномъ русскомъ языкѣ съ значительной примѣсью народныхъ словъ и оборотовъ.

Но эта область употребленія русскаго языка не могла, конечно, оставаться въ границахъ, отведенныхъ ей искусственно кабинетной теоріей. Съ другой стороны, слѣдуя строго теоріи о трехъ стиляхъ, авторы даже въ самой области, назначенной русскому языку, съ малѣйшей перемѣной мысли, тона, немедленно мѣняли языкъ русскій на церковно-славянскій. Отсюда происходила большая невыдержанность рѣчи, даже въ комедіяхъ и сатирическихъ статьяхъ, которыхъ такъ много писалось въ XVIII вѣкѣ. Ее можно видѣть и въ русскихъ журнальныхъ статьяхъ XVIII в., и въ прозаическихъ сочиненіяхъ Сумарокова, Крылова и въ письмахъ фонвизиновскаго Стародума и т. п. Вотъ какъ, напр., писалъ „Живописецъ", журналъ Новикова: „Желалъ-бы я, чтобы Россія меньше имѣла нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ"—и рядомъ съ этой хорошо составленной фразой непосредственно идетъ: „естьли (т. е. если) какое они находятъ въ томъ *препятство* къ тому, чтобъ *нарещися* ей за превосходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другого нѣтъ, какъ *сей токмо* недостатокъ".

Одновременно съ невыдержанностью въ употребленіи языка церковно-славянскаго и русскаго, у писателей XVIII ст. мы найдемъ, съ одной стороны — крайнюю невыдержанность въ ороографіи, съ другой — непринужденное пользованіе просторѣчіемъ,—даже въ особенностяхъ мѣстныхъ говоровъ. Литературная ороографія въ это время еще не установилась, и слова часто писались по произношенію. Но насъ, конечно, въ этомъ случаѣ интересуютъ не примѣры этимологической малограмотности писателей (напр. смѣшеніе *ѣ* съ *е*, *д* съ *т*, *з* съ *с* и т. п.), которые мы найдемъ и въ XIX в., а случаи, въ которыхъ обнаруживалось народное произношеніе словъ и формъ; такъ, напр., въ XVIII столѣтіи очень распространена была форма прил. въ имен. пад. ед. ч. на *ой* безъ ударенія, напр.: *первой* и *перьвой*, *которой*, *тихой*, *богатой*, *слуга царской*, *драгоцѣнной мечь* и мн. др. (эти формы мы найдемъ, впрочемъ, и у Пушкина); далѣе, очень часто встрѣчается форма родит. пад. ед. ч. прилаг. на *ова;* напр., до *другова* времени, *этова* не бываетъ, нашли *ево чудъ живова* (Хемницеръ) и т. п.

Еще интереснѣе отраженія діалектическія. Писатели, говорившіе съ особенностями сѣверно-великорусскаго говора, (какъ, напр., Ломоносовъ), произносили и писали: *добряе, красняе, простяе, горою* вм. сухимъ путемъ; Дмитріевъ и Хемницеръ употребляли провинціализмы, извѣстные на востокѣ Россіи, напр. *лукать* (вм. бросать), *казаться* (вм. нравиться) и т. п. Нерѣдки были также слова и формы, употребляемыя теперь только въ просторѣчіи, напр. *пужать* вм. пугать (Державинъ), *допущать* вм. допускать (Озеровъ); *пострѣлъ ихъ побери, потылица, рохля,* и т. д. (*Фонвизинъ.* Недоросль) и т. п. Смѣшеніе церковно-славянизмовъ, варваризмовъ съ формами простонародными придавало литературному языку писателей XVIII в. большую пестроту.

Въ концѣ XVIII столѣтія, когда усилилось французское вліяніе на русскую литературу и жизнь, эта пестрота еще болѣе увеличилась отъ массы нахлынувшихъ въ литературный языкъ *галлицизмовъ,* даже у образцовыхъ писателей, которые

сами боролись противъ разныхъ варваризмовъ въ литературномъ языкѣ. Такъ, Фонвизинъ хотя и смѣялся въ „Бригадирѣ“ надъ галлицизмами въ современной рѣчи, но самъ не могъ избѣжать ихъ даже въ „Недорослѣ“, гдѣ, рядомъ съ простонародными словами (см. выше), употребляетъ, напр. такіе галлицизмы: *дѣлать должность* (faire son devoir) вм. исполнять объязанность, долгъ; *взять отставку* (prendre congé), *авансировать; радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство* вм. радъ познакомиться съ вами и т. п. Это увлеченіе галлицизмами въ письменной и устной рѣчи явилось какъ бы протестомъ противъ славяно-россійскаго слога, осмѣяннаго Карамзинымъ. Взамѣнъ „высокаго штиля” неразумныхъ подражателей Ломоносова, явился такъ называемый „французскій штиль“, т. е. слогъ, изуродованный самыми нелѣпыми галлицизмами, въ родѣ *подпирать свое мнѣніе (soutenir son opinion), двигать духами (mouvoir les esprits), законъ ударяетъ совсѣмъ на иные предметы* и т. п.

Заслуга Карамзина. Примирить обѣ крайности литературнаго языка посчастливилось Карамзину. Требуя чистоты рѣчи въ пользу русскаго языка, онъ въ то же время возставалъ противъ излишняго увлеченія французскимъ языкомъ, хотя подражаніе послѣднему въ общемъ было болѣе свойственно духу русскаго языка, чѣмъ тяжелый періодическій строй латино-нѣмецкой рѣчи, установившійся со временъ Ломоносова. „Вознамѣриваясь выйти на сцену“ — говорилъ Карамзинъ — „я не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ писателей, который былъ бы достоинъ подражанія, и, отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ замѣтить его стиль *дикій, варварскій*, вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ; сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ“. По лучшимъ произведеніямъ иностранной литературы, французской и англійской онъ замѣтилъ, что книжные языки ихъ авторовъ мало отличаются отъ ихъ разговорныхъ языковъ, и старался сблизить письменную рус-

скую рѣчь съ разговорной людей образованныхъ, не увлекавшихся иностранщиной, т. е. 1) писать недлинными періодами, 2) въ расположеніи словъ слѣдовать естественному порядку мыслей и законамъ русскаго языка и 3) избѣгать вообще варваризмовъ и особенно церковно-славянизмовъ. Основнымъ принципомъ Карамзина и его подражателей, при обработкѣ литературнаго языка, было правило: „писать такъ, какъ говорятъ (т. е. образованные люди) и говорить такъ, какъ пишутъ“. Заботясь объ улучшеніи синтаксическаго строя литературнаго языка, Карамзинъ вмѣстѣ съ этимъ приложилъ много стараній къ очищенію его отъ церковно-славянизмовъ и варваризмовъ: такъ, слова *резонъ, естима, консидерація, апробація* и др. имъ были отвергнуты, а взамѣнъ *моральный, интересный, натура* онъ сталъ употреблять *нравственный, любопытный природа*. Хотя въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“ у Карамзина встрѣчается много разнаго рода галлицизмовъ, и Шишковъ упрекалъ его за это недаромъ, но огромное большинство ихъ однако привились къ литературному языку и дошли до нашего времени, напр. *катастрофа, сцена, фарсъ, физіогномія, регулярный, оригинальный, рецензія, барельефъ, мизантропъ, каѳедральный, гротъ, монументъ, банкрутъ, магическій, иронія, экранъ, роль, терраса* и мн. др., выражающія понятія, которыя и въ настоящее время трудно обозначить всегда русскими словами. Съ другой стороны, современный литературный русскій языкъ обязанъ Карамзину цѣлымъ рядомъ неологизмовъ, частью имъ самимъ придуманныхъ, частью благодаря ему главнымъ образомъ вошедшихъ во всеобщее употребленіе, напр. *водоемъ, лавина, носильщикъ, выпуклый, человѣчный, трогательный* (touchant), *сосредоточить* (concentrer), *переворотъ* (révolte), *потребность, вліяніе, развитіе* ума, таланта и мн. др. Познакомившись съ древне-русскимъ языкомъ по лѣтописямъ и другимъ памятникамъ древне-русской письменности, при составленіи „Исторіи Государства Россійскаго“, Карамзинъ извлекъ оттуда много старинныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, которые въ его время были, можно ска-

зать, забыты образованнымъ русскимъ обществомъ, но благодаря ему снова вошли въ употребленіе, обогативъ литературный языкъ чисто русскими словами, напр. *тризна, клѣть, кровный союзъ, бить челомъ, самосудъ, идти съ повинною, судить-рядить, пригородъ, выставить на позоръ, потакать, слезно молить, рудожелтый, противное слово, свѣтлый пиръ, книжное дѣло, играть душою, домовитый, истома* и мн. др. Въ результатѣ усиленной и умѣлой обработки литературнаго языка подъ перомъ этого талантливаго писателя, очень строго относившагося къ своему языку, явилась въ первый разъ на русскомъ языкѣ проза ровная, чистая и музыкальная, гдѣ нѣтъ уже болѣе ни шероховатостей ломоносовскаго стиля, ни пестроты и уродливости „штиля“ французскаго.

Въ XIX в. эта проза служитъ образцомъ для всѣхъ стилистовъ русскаго слова. По ней учились писать всѣ русскіе писатели, съ Пушкинымъ во главѣ, несмотря на запоздалый протестъ А. С. Шишкова, стрѣлы котораго летѣли при этомъ не столько въ Карамзина, сколько—въ разныхъ галломановъ, въ родѣ фонвизиновскихъ Иванушки и Совѣтницы въ литературѣ.

Тѣмъ не менѣе были и въ этой прозѣ крупные недостатки, объяснявшіеся воспитаніемъ и характеромъ литературнаго направленія Карамзина (сентиментализмъ). Такъ, еще Крыловъ и Грѣдичъ справедливо упрекали Карамзина за то, что его рѣчь, при всей ея гладкости, *монотонна, однообразна,* лишена мужественности и крѣпости. Это было на самомъ дѣлѣ и зависѣло отъ того, что авторомъ руководило лишь одно начало — быть пріятнымъ и даже нѣжнымъ въ своемъ слогѣ. Такой недостатокъ, мало, впрочемъ, проявляющійся въ „Исторіи Государства Россійскаго“, которую Карамзинъ написалъ слогомъ торжественнымъ, съ примѣсями церковно-славянизмовъ и древне-русскихъ словъ, объясняется тѣмъ, что авторъ Писемъ Русскаго Путешественника избѣгалъ пользоваться языкомъ *народнымъ,* особенно — просторѣчіемъ, на которое онъ, какъ и многіе другіе его времени, смотрѣлъ вообще пренебрежительно. Хотя въ „Письмахъ“ его и встрѣ-

чаются народныя слова, обороты, напр. *работящій, смекнуть, начисто, особливый, ударить по рукамъ* и т. п., но въ общемъ авторъ постоянно ихъ чуждался. Это, конечно, было большой ошибкой съ его стороны, такъ какъ этотъ именно „подлый“ языкъ, какъ въ то время называли просторѣчіе, и могъ бы придать мужество и силу его искусственному, манерному, нѣсколько слащавому и приторному слогу. Примѣры предшественниковъ и современниковъ Карамзина,— Ломоносова, Сумарокова, Богдановича, Фонвизина, Княжнина, Державина, Грибоѣдова и др., показываютъ, что только народные элементы придавали силу и красоту ихъ литературному языку, несмотря на недостатки его въ другихъ отношеніяхъ.

Послѣ Карамзина обработка литературнаго языка и пошла именно въ направленіи сближенія его съ разговорной и народной рѣчью. Съ одной стороны, въ немъ постепенно исчезали архаизмы, варваризмы и разныя искусственныя построенія карамзинской прозы, съ другой онъ все болѣе и болѣе обогащался словами и оборотами, частью заимствованными прямо изъ разговорной рѣчи и даже просторѣчія, частью вновь составленными въ духѣ русскаго языка. Много въ этомъ отношеніи было сдѣлано Крыловымъ, Грибоѣдовымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ, но еще больше Пушкинымъ и его преемниками, которые, подобно Пушкину, стали считать народный языкъ достойнымъ „глубочайшихъ изслѣдованій и подражанія“. Значеніе Пушкина въ исторіи языка то же, что и его значеніе въ исторіи литературы. Онъ вполнѣ сблизилъ литературный языкъ съ языкомъ разговорнымъ, народнымъ, и, какъ великій художникъ, отвергнувъ неестественность рѣчи сентименталистовъ и ново-романтиковъ (Жуковскій), достигъ удивительной простоты и изящества въ выраженіи своихъ мыслей.

Процессъ обогащенія литературнаго языка на почвѣ народной, конечно, еще продолжается, и нельзя предвидѣть, до какихъ предѣловъ дойдетъ онъ въ будущемъ. Но для настоящаго времени достаточно и тѣхъ народныхъ сокровищъ, которыя внесли въ литературное употребленіе Пушкинъ и его

школа. Въ сочиненіяхъ научнаго, даже философскаго характера наша современная рѣчь отличается простотой, точностью и ясностью (В. Соловьевъ); въ произведеніяхъ же поэтическихъ она вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣла замѣчательную выразительность и благозвучіе.

Такимъ образомъ, современный русскій литературный языкъ, предметъ нашего изученія, въ его звукахъ, формахъ, оборотахъ и письмѣ заключаетъ два главныхъ элемента: церковно-славянскій и русскій. Тотъ и другой—разнаго времени и разнаго происхожденія. Это всегда слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы наше отношеніе къ составу русскаго литературнаго языка и къ оцѣнкѣ его явленій было вполнѣ сознательнымъ. То же слѣдуетъ сказать про синтаксическій строй и особенно — про словарь литературнаго языка, въ которомъ наслоенія еще пестрѣе, чѣмъ въ звукахъ и формахъ [1]).

Фонетика русскаго языка.

Фонетика (отъ греч. слова ἡ φωνή голосъ, звукъ, тонъ) есть та часть грамматики, которая заключаетъ ученіе о зву-

---

[1]) Книга, которая обстоятельно и во всей полнотѣ исчерпывала бы исторію русскаго литературнаго языка, пока еще не написана. Но пособія имѣются: ак. *А. Соболевскій.* Лекціи по исторіи русскаго языка. Москва, 1903 г. изд. 3; *его же.* Русскій литературный языкъ—статья въ жур. „Вѣстникъ и библіотека Самообразованія" за 1904 г. № 11; *Я. Гротъ.* Филологическія разысканія. С.-Пб. 1885 г. 2 тома; *Е. Карскій.* Главнѣйшія теченія въ русскомъ литературномъ языкѣ (Варш. Унив. Изв. 1893 г. 3); *П. Житецкій.* Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII в. (Изв. Отд. рус. яз. и словесности И. Ак. Н. С.-Пб. 1903, т. VIII, кн. 2); *Е. Будде.* Очеркъ исторіи современнаго литературнаго языка (XVII—XIX в. в.) въ 12 вып. „Энциклопедіи славянской филологіи", изд. И. Ак. Наукъ, подъ ред. ак. И. Ягича, С.-Пб. 1908 г. (въ этой книгѣ интересующійся найдетъ ссылки и на другія сочиненія, общія и спеціальныя по данному вопросу); *В. Поржезинскій.* Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка. Москва, 1910 г. Кромѣ этого см. еще *А. Будиловичъ.* Общеславянскій языкъ. Варшава, 1892 г. т. II, гл. IV; *В. Истоминъ.* Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній (русскихъ писателей). Варшава 1893—1898 г. г. (Р. Ф. В. т. т. 29—40).

кахъ рѣчи, ихъ сочетаніяхъ, взаимныхъ отношеніяхъ и перемѣнахъ. Для своихъ выводовъ фонетика пользуется тремя подсобными для ея цѣлей отраслями знаній: 1) *акустикой* (ἀκουστικός — слуховой, отъ ἀκούω слышу, слушаю), т. е. ученіемъ о звукахъ вообще, 2) *анатоміей* или физіологіей, т. е. ученіемъ объ органахъ голоса и рѣчи и въ 3) *психологіей*, — какъ ученіемъ о слуховыхъ и мускульно-осязательныхъ ощущеніяхъ, когда мы слушаемъ или произносимъ то или другое слово.

Дѣленіе фонетики. Фонетика дѣлится на *статическую* (στατικός — останавливающій, стоячій) и *динамическую* (δυναμικός: имѣющій силу). Предметъ статической фонетики: 1) ученіе о члено-раздѣльныхъ звукахъ рѣчи въ отдѣльности, другими словами—ученіе о ихъ происхожденіи, свойствахъ и классификаціи и во 2) ученіе о законахъ сочетанія членораздѣльныхъ звуковъ. Динамическая фонетика разсматриваетъ чередованія и измѣненія членораздѣльныхъ звуковъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій.

Членораздѣльность звука. Звуки человѣческой рѣчи отличаются отъ звуковъ, какіе мы слышимъ въ природѣ (пѣніе птицъ, крикъ животныхъ и пр.), тѣмъ особеннымъ, присущимъ только человѣческому слову свойствомъ, которое называется *членораздѣльностью*. Это свойство состоитъ въ томъ, что всякое слово или извѣстное звуковое сочетаніе, произносимыя человѣкомъ, можно раздѣлить на его составныя части. Когда мы произносимъ— „наука", „душа", „кому", „воздуха" и т. п., мы эти слова можемъ расчленить на отдѣльные звуки (гласные или согласные), которые являются уже недѣлимыми частями этихъ словъ. Говоря о звукахъ рѣчи, слѣдуетъ ихъ отличать отъ звуковъ вообще, съ физической точки зрѣнія, такъ какъ не всякій членораздѣльный звукъ нашей рѣчи есть въ то же время и звукъ съ физической точки зрѣнія: членораздѣльнымъ звукомъ бываетъ и то, что въ акустикѣ называется шумомъ. Кромѣ того, необходимо всегда отличать звуки нашей рѣчи отъ изображенія

ихъ на письмѣ, т. е. буквъ. Звуки рѣчи, съ теченіемъ времени, мѣняются въ произношеніи свободнѣе, нежели буквы алфавита. Буква есть только условный видимый знакъ звука, нерѣдко уже измѣнившагося противъ своего первоначальнаго характера или даже совсѣмъ исчезнувшаго въ произношеніи; такъ, напр. сложные звуки *я* (йа́, *е* (йэ) и др. въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ мы обозначаемъ одиночными буквами, т. е. безъ указанія на ихъ составъ, что было въ старину (ꙗ, ѥ), буква *щ* въ русскомъ языкѣ изображаетъ другой звукъ (*шч*), чѣмъ это было въ церковнославянскомъ языкѣ, гдѣ она уже своимъ внѣшнимъ видомъ указывала на произношеніе звука *щ*=щ, т. е. шт; буквы ъ и ь у насъ не произносятся, тогда какъ въ древности эти начертанія обозначали особые глухіе звуки, близкіе въ произношеніи къ *о* и *е*, чѣмъ они впослѣдствіи въ русскомъ, между прочимъ, языкѣ и замѣнились. Иногда двѣ и даже три буквы служатъ для обозначенія одного звука, напр. *ѣ* и *е* — для обозначенія звука *е*, а буквы *и*, *і* и *ѵ* — для обозначенія звука *и*. Каждый членораздѣльный звукъ является результатомъ: 1) нѣсколько усиленнаго (сравнительно съ обыкновеннымъ дыханіемъ) выдыхательнаго тока воздуха изъ дыхательнаго горла черезъ голосовую щель, верхнюю часть гортани, полость глотки, рта или носа и 2) той или другой артикуляціи голосового аппарата. Органами произношенія звуковъ являются: 1) гортань, 2) полость рта: нёбо, языкъ, зубы и губы и 3) полость носа [1]).

---

[1]) Наука, которая занимается изученіемъ образованія звуковъ рѣчи, въ зависимости отъ дѣятельности органовъ рѣчи, входитъ въ отдѣлъ *физіологіи*, а изученіе общихъ свойствъ звуковъ составляетъ предметъ отдѣла *физики*, называемаго *акустикой*. Кто желаетъ изучать звуки извѣстнаго языка вполнѣ научно, тотъ обязанъ хорошо познакомиться съ физіологіей органовъ рѣчи и съ акустикой. Въ настоящее время произношеніе и перемѣны въ звукахъ человѣческой рѣчи опредѣляются уже опытнымъ путемъ, при помощи разныхъ приборовъ и машинъ, и научная фонетика сдѣлалась *экспериментальной*, т. е. опытной.

Общій характеръ звуковъ русскаго языка.

Если сравнить русскій выговоръ съ произношеніемъ звуковъ въ западно-европейскихъ языкахъ, къ которымъ приближаются и нѣкоторыя славянскія нарѣчія (напр. языки чешскій, сербскій), то мы найдемъ между тѣмъ и другимъ большую разницу: русскіе болѣе раскрываютъ ротъ и сильнѣе напрягаютъ мускулы органовъ рѣчи. Поэтому, и произносимые русскими звуки ихъ рѣчи, особенно гласные, кажутся какъ бы шире и грубѣе. Числомъ гласныхъ звуковъ русскій языкъ нѣсколько беднѣе, чѣмъ, напр., германо-романскіе языки; такъ, въ русскомъ языкѣ нѣтъ ни *ö* (франц. *eu*), ни *ü*, ни разнообразныхъ двоегласныхъ звуковъ, какіе имѣются въ другихъ европейскихъ языкахъ. Но за то у насъ есть звукъ *ы*, котораго нѣтъ въ германо-романскихъ и во всѣхъ почти славянскихъ языкахъ, т. е. кромѣ польскаго и сербо-лужицкаго, въ которыхъ *ы* отъ *и* различается такъ же рѣзко, какъ и въ русскомъ языкѣ. Что касается согласныхъ звуковъ, то ими русскій языкъ богаче другихъ европейскихъ языковъ: въ русской азбукѣ найдутся почти всѣ согласные звуки, которые у западныхъ народовъ разсѣяны по разнымъ азбукамъ. Особенно русскій языкъ богатъ согласными зубными. Далѣе, у насъ есть сложный звукъ „*щ*“ (*шч*), котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ языковъ.

Характерной чертой русскихъ согласныхъ звуковъ является рѣзкое разграниченіе согласныхъ твердыхъ отъ мягкихъ: напр. *носъ, нёсъ, токъ, тёкъ, даль, дядя, дѣло, волъ, вёлъ, вилы, рубаха, рюмка* и т. п. Здѣсь мы слышимъ рѣзкую разницу въ произношеніи между *н, т, д, в, л, р* передъ *о, а, ы, у* и тѣми же согласными звуками передъ *е, я, и, ю*. Между тѣмъ въ европейскихъ языкахъ, германскихъ и романскихъ, нѣтъ такого разграниченія. Тамъ господствуютъ такъ называемые *средніе* согласные звуки, напр. *Bad* и *Bett*, *loben* и *leben*, *bonté* и *bémoll* и т. п. Даже въ другихъ

славянскихъ языкахъ (напр. сербскомъ и чешскомъ), за исключеніемъ развѣ польскаго, нѣтъ такихъ твердыхъ согласныхъ, какъ въ русскомъ языкѣ. Что касается мягкихъ согласныхъ, то въ польскомъ языкѣ, весьма богатомъ мягкими согласными, нѣтъ все-таки мягкихъ для *d*, *t* и *r* (они перешли въ *dz*, *c* и *rz*), тогда какъ въ русскомъ они на лицо: напр. *дѣдъ* (*dziad*), *тѣнь* (*cień*), *рѣка* (*rzeka*) и т. п. Чешскій языкъ знаетъ только три мягкихъ согласныхъ звука: *d*, *t* и *n*, отчасти и *c*, напр. *dêd*, *raditi*, *têlo*, *nêco*, *prace*, *noc*; у сербовъ только *четыре* мягкихъ согласныхъ звука: *л* (ль), *н* (нь), ђ (джь) и ћ (тчь): *краљ*, *коњ*, *međa*, *ноћ*; словинцы смягчаютъ только *два* согл.: *l* и *n*, напр. *kralj*, *konj*. Въ одномъ русскомъ почти всѣ согласные звуки, не теряя своего качества, могутъ быть въ настоящее время и твердыми и мягкими, смотря по положенію; исключеніе составляютъ *ж*, *ш* и *ц*, которые всегда тверды, *ч* и *щ* и отчасти *х*, которые мягки, хотя *х* иногда произносится и твердо, напр. *отпихывать*, *попыхывать*.

Классификація звуковъ русскаго языка.

Звуки русскаго языка, какъ и всякаго другого языка, дѣлятся на разряды и классы. Въ основаніи дѣленія лежитъ: 1) положеніе органовъ рѣчи и 2) названіе самихъ органовъ рѣчи (гортань, нёбо, зубы, губы, языкъ). Гласные звуки произносятся болѣе или менѣе открытымъ ртомъ, когда воздушный токъ не встрѣчаетъ на своемъ пути существенной преграды. Напротивъ, согласные звуки могутъ произноситься лишь тогда, когда ротъ въ извѣстныхъ мѣстахъ смыкается, плотнѣе или слабѣе, а воздушный токъ встрѣчаетъ на своемъ пути болѣе или менѣе значительную преграду.

Гласные звуки. Къ гласнымъ относятся: *а*, *и*, *о*, *у*, *ы*, *е* (*ѣ*), *э*, *ю* и *я*. Изъ нихъ звуки *и—а—у* можно назвать *основными* въ системѣ гласныхъ. Прочіе гласные звуки (*э*, *о*, *ы*) - *про*-

межуточные или *переходные* между этими основными. Звукъ *э* переходный отъ *и* къ *а*, *о* переходный отъ *а* къ *у*, а звукъ *ы* отъ *у* къ *и*.

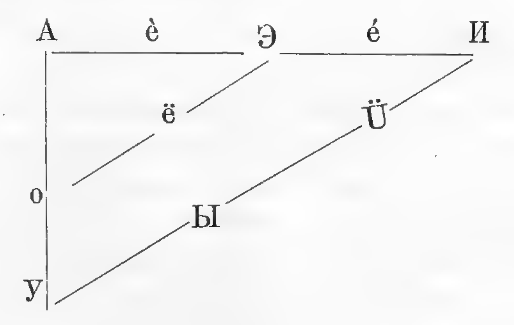
При такомъ близкомъ родствѣ этихъ гласныхъ, становится вполнѣ понятнымъ тотъ фактъ, почему они такъ легко переходятъ другъ въ друга, что мы встрѣчаемъ во всѣхъ языкахъ, и—въ частности—въ русскомъ. Въ свою очередь, и переходные звуки *э* и *о* имѣютъ разные оттѣнки, смотря по тому, къ какому изъ основныхъ гласныхъ они стоятъ ближе. Такъ, въ русскомъ языкѣ звукъ *э*, произносимый ближе къ *а*, даетъ такъ называемое *э* широкое [1]), открытое, похожее на французское *e* ouvert (открытое, напр. въ членѣ муж. р. *le)*; напротивъ, стоя ближе къ звуку *и*, русское *э* является узкимъ, закрытымъ, похожимъ на французское *é* fermé (закрытое, напр. въ членѣ мн. ч *les*, въ словѣ *salé* соленый и т. п.). Первое *э*, т. е. открытое (*è*), всегда слышится передъ твердыми согласными звуками или въ концѣ словъ, напр. *шèстъ*, *цѣ̀лъ*, *̀этотъ*, *ужè* и др.; второе *э*, т. е. закрытое *(é)*,—передъ мягкими согласными звуками или слогами, напр. *шéсть*, *цѣ́ль*, *э́ти*, *бéй*, *ужéли* и т. п. Кромѣ этого въ русскомъ языкѣ имѣется еще звукъ *ё* (йо́), очень близкій къ *о*. Что касается звука *о*, то, находясь подъ удареніемъ, онъ бываетъ въ великорусскомъ языкѣ только открытымъ, т. е. близкимъ къ *а*. Наконецъ, звукъ *ы*, промежуточный между *у* и *и*, болѣе близокъ къ *у*, чѣмъ къ *и*. Вмѣстѣ съ этимъ русскій человѣкъ, особенно образованный, легко произноситъ и западно-европейскіе звуки *ö(еи)*, *ü(и)*, которые слышатся, напр., въ нѣмецкихъ словахъ: *Völker* (народы), *möglich* (возможный), *schütze* (стрѣлокъ), *hügel* (холмъ)

---

[1]) Термины „узкій“ и „широкій“ гласный звукъ употребляется въ фонетикѣ, въ зависимости отъ того, есть-ли напряженіе языка при произношеніи гласнаго звука, или языкъ, напротивъ, лежитъ свободно и спокойно въ полости рта. Въ первомъ случаѣ гласный звукъ называется „узкимъ“, потому что полость рта, при его произношеніи, дѣйствительно, *суживается* (напр. *ы*, *и*), во второмъ „широкимъ“ (напр. *а*, *о*, *у*).

и т. п. или во французскихъ: *peuple* (народъ), *jeudi* (четвергъ), *durant* (во время), *murmure* (шумъ, шёпотъ) и т. п. Для обозначенія этихъ звуковъ русскій алфавитъ не знаетъ подходящихъ буквъ, такъ какъ ни *ё* ни *ю* точно не передаютъ западно-европейскихъ *ö* (*eu*) и *ü* (*u*). Наличностью всѣхъ этихъ гласныхъ въ живомъ русскомъ языкѣ и объясняется тотъ фактъ, что русскій очень легко усвоиваетъ звуки иностранныхъ языковъ.

Соотношеніе ударяемыхъ гласныхъ можно графически представить въ такой таблицѣ:

Гласные простые и сложные. Гласные звуки русскаго языка раздѣляются на 1) *простые*, или чистые: *и, э, а, о, у, ы* и 2) *сложные*: *е* (*ѣ*), *ё, я, ю, и* (т. е. *йи*). Сложными они называются потому, что въ произношеніи ихъ слышится особый призвукъ, въ родѣ *й*, соотвѣтствующій нѣмецкому или польскому *j* (іотъ), напр. въ словахъ *Jahr*, *jego* и т. п. Этотъ не обозначаемый особою буквою призвукъ произносится быстрѣе, чѣмъ основной звукъ, напр. *йэго* (его), *йэсть* (ѣсть), *мойихъ*(моихъ), *йбжъ* (ежъ), *йáзва* (язва), *твойа* (твоя), *йубка*(юбка) и т. п. По характеру произношенія гласные звуки раздѣляются на *твердые* — а, о, у, э, ы и *мягкіе* – я, ё, ю, и, е (иѣ), йи. Твердые гласные звуки иначе называются *широкими* (отъ положенія полости рта), мягкіе — *узкими*. Кромѣ одного *и*, звука простого, всѣ мягкіе гласные —звуки сложные, а мягкость ихъ достигается іота-

ціей твердыхъ гласныхъ: *я = йа*, *ю = йу*, *ё = йо*, и т. д. Поэтому мягкіе иначе называются *іотированными*.

Гласные ясные и неясные. Какъ гласные простые, такъ и сложные могутъ произноситься либо усиленно, какъ бы протяжно, либо безъ усиленія голоса, въ зависимости отъ того, падаетъ ли на нихъ удареніе или нѣтъ. Этотъ способъ произношенія гласныхъ звуковъ съ удареніемъ или безъ него, оказываетъ большое вліяніе на свойство самихъ гласныхъ звуковъ. Если удареніе падаетъ, тогда гласные бываютъ *ясные, опредѣленные*, напр.: *то́карь, та́кже, мы́ло, ту́мба, я́блоко, ю́бка* и т. п., если нѣтъ ударенія, то они—*неясные, неопредѣлэнные*, напр. *че(и)ло(а)вѣ́къ, вы́ла(ъ)зка, то(ъ,ы)л́ко(а)вать, я́й(ей,ий)цб, бче(и,ъ)нь, сла́бо (а)* и т. п.

Полугласный й. Этотъ звукъ есть не что иное, какъ тотъ же *и*, но столь быстро произнесенный, что онъ уже не составляетъ особаго слога, а входитъ въ составъ того слога, который образуется другимъ гласнымъ, будетъ ли тотъ впереди или послѣ *и*; напр. *край, я(йа́)стребъ*. Вслѣдствіе такого краткаго произношенія *й* можно назвать *полугласнымъ* звукомъ. Онъ ставится послѣ гласныхъ и соотвѣтствуетъ европейскому *j*, напр. *sein, bei* и др. Появленіе этого *й* въ русскомъ языкѣ восходитъ, надо думать, къ очень давнему времени, вѣроятно къ X—XI в. в., хотя знакъ краткій явился и не такъ давно. Раньше *й* произносилось какъ *и*, напр. *воиско* вм. *войско*, *краи* вм. *край* и т. д.

Согласные звуки, ихъ классификація. Названіе *согласные (consonae)* введено на томъ основаніи, что только гласные звуки *(vocales)* будто-бы могутъ произноситься самостоятельно, согласные же—лишь съ помощью гласныхъ. Но это не совсѣмъ точно, потому что только, напр. *б, г, д, п, к, т* не могутъ быть выговорены сами по себѣ, безъ помощи гласнаго звука, чего однако нельзя сказать про *в, ж, з, с, ш, ф, л, р, м, н*, которые легко произносятся и безъ помощи гласныхъ.

Согласные звуки прежде всего классифицируются по способу ихъ образованія. Физіологическая особенность со-

гласныхъ звуковъ заключается въ томъ, что для произнесенія ихъ необходимо участіе двухъ какихъ либо частей органа рѣчи, такъ что бываетъ одно изъ двухъ: либо эти части *плотно смыкаются* и *размыкаются* (напр., обѣ губы для произнесенія *б*, *п*; передняя часть языка съ нёбомъ и зубами для *д*, *т* и т. д.), либо образуютъ только *суженіе*, напр. между зубами и кончикомъ языка для образованія *з*, *с*, *ж*, *ш*. На этомъ основаніи согласные дѣлятся на 1) *мгновенные* или *смычные* и 2) *фрикативные* (отъ frico:тру) или *длительные*. Мгновенные согласные требуютъ полнаго смыканья органовъ рѣчи. Это именно согласные — *б*, *г*, *д*, *к*, *п*, *т* Они иначе называются также *взрывными*, потому что воздухъ, задержанный при образованіи затвора, какъ-бы взрывается, какъ только устранена преграда. Длительные согласные звуки образуются, напротивъ, безъ полнаго смыканія, вслѣдствіе чего ихъ можно протягивать, пока позволяетъ дыханіе. Къ нимъ принадлежатъ всѣ остальные согласные звуки: *в*, *h*, *ж*, *з*, *ш*, *ф*, *х*, *л*, *р*, *м*, *н*, хотя звуки *л*, *р*, *м* и *н* образуются иначе, чѣмъ прочіе длительные. Это основное дѣленіе согласныхъ звуковъ.

Далѣе, если принять во вниманіе положеніе голосовой щели, когда произносятся согласные звуки, то въ одныхъ случаяхъ эта щель остается *раскрытою*, въ другихъ *суживается*, результатомъ чего является *звонкость*, *голосъ*. Съ этой точки зрѣнія согласные звуки дѣлятся на 1) *звонкіе* или *голосовые*, въ образованіи коихъ участвуетъ голосъ (щель суживается) и во 2) *глухіе* или *безголосые*—образуемые безъ участія голоса. Къ первымъ принадлежатъ *б*, *в*, *г*, *h*, *д*, *ж* и *з*, ко вторымъ соотвѣтствующіе имъ въ порядкѣ: *п*, *ф*, *к*, *х*, *т*, *ш* и *с*.

Наконецъ, по названіямъ органовъ произношенія согласные раздѣляются: 1) на губные: *б*, *в*, *м*, *п*, *ф*, 2) *зубные* *д*, *т*, *з*, *с*, *л*, *н*, 3) *передне-небные* *ж*, *ш* и *р* и 4) средне-(отчасти задне-) небные: *г*, *h*, *к*, *х*, не точно называемые гортанными. Звуки одного органа называются одноименными, а звуки одной звучности—одностепенными. Кромѣ этого зву-

ки *м* и *н* называются *носовыми*, *р* и *л*—*плавными*, *ж*, *ш*—*шипящими*, а *з*, *с* – *свистящими*.

Изъ отдѣльныхъ согласныхъ звуковъ обращаютъ на себя вниманіе *г*=*h*, *ф* и *ѳ*.

Звукъ г = h. Это твердое задне-небное *г* (лат. = *h*) въ настоящее время господствуетъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, а изъ великорусскихъ говоровъ мы его слышимъ только въ южно-великорусскомъ. Въ московскомъ говорѣ и въ литературномъ языкѣ это *h* встрѣчается въ очень немногихъ словахъ, напр. *Господь, Бога, благо, мягокъ, гдѣ, когда, тогда* и нѣк. друг. Впрочемъ, и въ этихъ словахъ, а равно и въ словахъ заимствованныхъ, гдѣ болѣе чувствуется или греческое густое придыханіе (*Гомеръ, гидра*), или латино-германское *h* (*Голландія, Гуго, гусаръ, галстухъ, горельефъ*), въ русскомъ литературномъ языкѣ это *h* произносится обыкновенно, какъ средне-небное *г* (польск. *g*). Въ обще-русскомъ языкѣ звука *г*, соотвѣтствующаго латинскому *h*, не было, и *г* произносилось только, какъ *g*. Въ велико- бѣло- и малорусскомъ нарѣчіяхъ твердость *г* = *h* — явленіе болѣе или менѣе позднее, развившееся, по всей вѣроятности, не ранѣе XII вѣка. Что же касается (непостояннаго все таки) произношенія *г*, какъ *h*, въ словахъ: *Господь, благо Бога* и т. д., то въ литературномъ языкѣ его можно объяснить южно или западно-русскимъ вліяніемъ.

Звуки ф, ѳ. Губной звукъ, обозначаемый буквами *ф* и *ѳ*, не русскій, вообще не славянскій звукъ. Въ праславянскомъ языкѣ этого звука не было; но новые славянскіе языки, въ томъ числѣ и русскій, не чуждаются этого звука. Помимо нѣкоторыхъ вполнѣ обрусѣвшихъ, хотя и заимствованныхъ словъ, въ родѣ *фамилія, фунтъ, лафа* и т. п., звукъ этотъ почти всегда замѣняетъ губной звонкій *в* въ концѣ словъ и передъ глухими согласными звуками, напр. *лефъ* (левъ), *жифъ* (живъ), *лафка* (лавка) и т. п. Въ словахъ греческихъ звукъ *ф* смѣшивается въ произношеніи съ *ѳ*, напр. *Федоръ* и *Ѳеодоръ*, *ариф*(-*ѳ*)*метика*, *анаф*(-*ѳ*)*ема* и т. п. Это смѣшеніе возникло,

вѣроятно, уже на византійской почвѣ: оно замѣчается и теперь въ ново-греческомъ языкѣ.

Слитные согласные звуки. Въ числѣ перечисленныхъ выше согласныхъ звуковъ въ ихъ классификаціи по органамъ произношенія, не указаны согласные *ч*, *ц*, *щ*. Но ихъ и нельзя отнести къ категоріи звуковъ простыхъ, такъ какъ они по характеру сложные, точнѣе слитные звуки, созвучія, а именно: *ч*=*т*+*ш*, *ц*=*т*+*с*. Въ первой части своего состава они даютъ мгновенное *т*, а во второй фрикативныя *т* и *с*, хотя сліяніе такъ тѣсно, что слышится какъ бы одинъ только звукъ. Созвучіе *ц*, т. е *т* + *с*, особенно слышно въ твердыхъ слогахъ, напр. *царъ*, *хочется* (*-тца*) и т. п. Что касается звука *щ*, то онъ собственно представляетъ даже три звука: *ш* + *т* + *ш*, напр. *роща* = *роштша*; въ народномъ произношеніи это трехзвучіе сокращается, съ пропускомъ средняго элемента, въ два *ш* (*шш*), напр. рошша, пушшу и т. п.

Твердые и мягкіе согласные звуки. Почти всѣ русскіе согласные звуки могутъ произноситься и твердо и мягко, тогда какъ въ другихъ языкахъ, мы знаемъ, господствуютъ согласные средніе. Такое произношеніе въ русскомъ языкѣ зависитъ отъ того, какой гласный звукъ слѣдуетъ за тѣмъ или другимъ согласнымъ. *Мягкими* согласные звуки бываютъ тогда, когда за ними слѣдуютъ *э*, *ъ*, *е*, *ѣ*, *и* и *я*, *твердыми* — когда за ними слѣдуютъ гласные *а*, *о*, *у*, *ы*, напр. *ба* и *бя*, *бо* и *бё*, *бу* и *би* и т. п. Въ концѣ словъ русскій согласный звукъ можетъ произноситься почти всегда и твердо и мягко: *день*, *домъ*. Вслѣдствіе этой способности русскаго языка произносить согласные звуки твердо и мягко, число согласныхъ отъ этого увеличивается *почти* вдвое. Мы говоримъ „почти" потому, что не всѣ согласные имѣютъ такое двойное произношеніе. Исключеніе составляютъ: 1) *ж*, *ш*, *ц* 2) *г*, *к*, *х* и 3) *ч*, *щ*. Звуки *ж* *ц* и *ш* произносятся въ русскомъ языкѣ всегда твердо, напр. *жывотъ*, *жэмчугъ*, *шырокій*, *жолтый*, *жать* (=**жати**), *шэстъ*, *цыфра* и др. и не могутъ сочетаться съ мягкими *ю*, *я*, кромѣ иностранныхъ словъ (напр. *брошюра*,

которое однако произносится *брошура*). Наше правописаніе тутъ не соотвѣтствуетъ выговору и является остаткомъ старины, когда *ж* и *ш* были всегда мягкими звуками. Звуки *г, к, х* въ прежнее время были задне-небными, и за ними всегда слѣдовали широкіе, т. е. твердые гласные, напр. *Кыевъ, хытрый, гыбкій* и т. п. Теперь эти звуки сдѣлались *средне-небными*, а потому стали сочетаться, во 1) съ *и* вм. древняго *ы*, напр. *Кіевъ, гибель, кислый, хитрый* и т. п., кромѣ случаевъ *отпихывать, попыхывать*, гдѣ *х* сохраняетъ еще свое древнее произношеніе (ср. польск. chytry) и 2) съ *ѣ*, впрочемъ, довольно рѣдко: только въ падежныхъ формахъ, напр. *рукѣ, ногѣ, блохѣ* (прежде *г, к, х* тутъ замѣнялись *з, ц, с*). Въ концѣ словъ звуки *г, к, х* по прежнему, однако, могутъ соединяться только съ *ъ*, а не съ *ь*, напр. *Богъ, полкъ, духъ* и др., хотя слово *верхъ* произносится иногда, какъ *верьхъ*. То же слѣдуетъ сказать про сочетанія *гя, кя, хя, гю, кю, хю* и т. п., которыя въ литературномъ языкѣ невозможны. Мягкіе *к, г* передъ *я, е, ю* мы слышимъ только въ нѣкоторыхъ иностранныхъ словахъ, напр. *Кяхта, Гяуръ, Гюго* и др. Впрочемъ, это касается одного только литературнаго языка. Въ народныхъ говорахъ, именно въ южно-великорусскомъ нарѣчіи, напротивъ, мы услышимъ: *чяйкю, Ванькя, капейкя, поскорешенькю* и т. п. Что касается *ч* и *щ*, то они въ литературномъ языкѣ всегда произносятся мягко, напр. *щитъ, щюка, плащъ, мечъ, чяй, чюжой, щявель*, хотя письмо и здѣсь идетъ въ разрѣзъ съ произношеніемъ.

Письмо.

Искусство письма — величайшее открытіе человѣческаго духа, могучее и разумное средство, съ помощью котораго человѣкъ выражаетъ свои мысли, желанія и дѣлаетъ ихъ понятными для другихъ. Великое значеніе письма во всемірной культурѣ не нуждается въ доказательствахъ. Достаточно отмѣтить лишь тотъ безспорный фактъ, что степень развитія каждаго народа всегда находилась и находится въ за-

висимости не только отъ того, имѣлась ли или нѣтъ у него письменность, при отсутствіи которой народъ не можетъ выйти изъ состоянія темной некультурной массы, но и отъ степени усовершенствованія и упрощенія самого письма. Искусство письма, какъ и всякое другое явленіе въ жизни человѣка, имѣетъ свою исторію. Оно проходило различныя ступени развитія, прежде чѣмъ человѣку удалось додуматься до того простого способа, которымъ мы пользуемся теперь для передачи своихъ мыслей — съ помощью алфавита. Алфавитное письмо явилось не вдругъ, а постепенно и есть результатъ человѣческаго труда тысячи поколѣній, съ незапамятныхъ временъ.

Вещевое письмо. На самой ранней стадіи развитія люди выражали свои мысли при помощи разныхъ предметовъ. Таково, напр., *узловое* письмо, которое употреблялось въ глубокой древности персами, китайцами, перуанцами и др. Наибольшаго развитія оно достигло у перуанцевъ. Для этого они брали, между прочимъ, толстую веревку, на которой, въ видѣ бахромы, прикрѣплялось множество шнурковъ, связанныхъ различными узлами, сплетеніями и окрашенныхъ въ разные цвѣта, если они были назначены для выраженія мыслей. Съ помощью этихъ узловъ, или — какъ они называли — *квипосовъ*, перуанцы излагали цѣлые документы, договоры и событія. Сѣверо-американскіе индѣйцы вмѣсто шнурковъ пользовались для выраженія своихъ мыслей разноцвѣтными раковинами (раковинное письмо), которыя они нанизывали на ремешки и проволоки. Цвѣтъ, форма, величина и различныя комбинаціи раковинъ выражали у нихъ разныя понятія Древніе германцы и скандинавы употребляли для передачи своихъ мыслей особыя палочки съ зарубками, что, впрочемъ, встрѣчалось и у другихъ народовъ, напр, у славянъ и др.

Начертательное письмо. Его системы. *Вещевое* письмо являлось подготовительнымъ къ письму *начертательному*, — когда люди для выраженія своихъ мыслей и чувствъ стали пользоваться не предметами, а разными знаками, изображеніями, и прежде всего — самихъ предметовъ, сдѣланными на

камняхъ, кости, деревѣ, корѣ, листьяхъ, кожѣ и пр. и даже на своемъ собственномъ тѣлѣ (татуировка). Такой способъ передачи мысли и есть письмо въ собственномъ смыслѣ слова, если выходить изъ основнаго значенія корня слова „письмо“ (вырѣзывать, изображать по мѣркѣ). Въ историческомъ развитіи начертательное письмо пережило въ общемъ три главныхъ періода: 1) періодъ *картиннаго,* или *живописнаго* письма, 2) періодъ *фигурнаго,* или *гіероглифическаго* и 3) періодъ *азбучнаго* письма. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, и главныхъ системъ начертательнаго письма насчитываютъ три: 1) живописное письмо, 2) фигуральное, или гіероглифическое и 3) азбучное.

1. Живописное письмо. Оно встрѣчается у всѣхъ племенъ, вышедшихъ изъ состоянія дикости, и состоитъ въ передачѣ или цѣлыхъ фразъ или каждаго отдѣльнаго понятія, въ видѣ соотвѣтствующей картины или рисунка. Первобытные образцы его мы находимъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, которые, передавая, напр., свои пѣсни, для каждаго стиха употребляли отдѣльный образъ. Такова напр., найденная пѣсня индѣйскихъ кудесниковъ Къ первой фигурѣ, изображающей человѣка, отъ ушей котораго исходятъ зигзагообразныя линіи, относились слова: „Теперь я слышу волшебныя слова жреца, мои милые друзья, вокругъ меня сидящіе“! Къ шестой фигурѣ, представляющей изображеніе человѣка съ двумя черточками на животѣ и четырьмя на связанныхъ ногахъ относились слова: „Цѣлыхъ два дня вы должны поститься, друзья, а четыре спокойно сидѣть и не двигаться съ мѣста“ и т. п. Написанную такимъ образомъ пѣсню можетъ, очевидно, разобрать лишь тотъ, кто ее знаетъ наизусть, а самое письмо можетъ служить только поддержкой для памяти, независимо же отъ нея не имѣетъ никакого значенія. Одновременно съ этимъ у тѣхъ же американскихъ индѣйцевъ извѣстныя понятія изображались *опредѣленными* фигурами, такъ что и другіе могли понимать; такъ, для понятія „жизнь“ индѣйцы рисовали почему то изображеніе рогатой змѣи, для выраженія понятія „смерть“ рисовали какое-нибудь живот-

ное (тотемъ) [1]) кверхъ ногами; чтобы выразить понятіе „проворный", рисовали человѣка съ крыльями вмѣсто рукъ, изображеніе натянутаго лука обозначало „война", „трубки", украшенной перьями,—„миръ", а изображеніе человѣка, курящаго трубку, означало „заключить миръ" и т. д. Кромѣ сѣверно-американскихъ индѣйцевъ, живописное письмо было и у всѣхъ вообще народовъ земного шара въ древнѣйшую эпоху: мексиканцевъ, египтянъ, китайцевъ и т. д. И замѣчательно, что народы самыхъ отдаленныхъ странъ свѣта совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга выработали у себя одни и тѣ же способы для картиннаго обозначенія всевозможныхъ понятій. У американскихъ краснокожихъ изображенія предметовъ (на камняхъ, берестѣ и пр.) очень грубы; у мексиканцевъ, народа болѣе культурнаго, эта живопись была уже гораздо ближе къ природѣ Вмѣстѣ съ этимъ мексиканское письмо представляло дальнѣйшій шагъ въ развитіи и въ другомъ отношеніи: во 1) не весь предметъ рисовали, а лишь часть его; напр. изображеніе „дома" означало „городъ", головы съ діадемой—„царь" и во 2) съ изображеніями предметовъ встрѣчаются уже какіе-то знаки, имѣвшіе, очевидно, символическій смыслъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи живописное письмо у разныхъ народовъ совершенствовалось разными способами.

Китайцы и другіе народы восточной Азіи разъ навсегда остановились на этомъ именно письмѣ и усовершенствовали его лишь въ томъ смыслѣ, что упростили свои рисунки и

---

1) Почти у всѣхъ народовъ земного шара, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, распространено религіозное воззрѣніе, фетишизмъ, будто души людей послѣ смерти переселяются въ какое-нибудь животное, то именно, отъ котораго, по ихъ вѣрованіямъ, произошли люди, напр. волкъ, журавль, черепаха и т. п. Это животное давало названіе и самому племени дикарей, напр. журавлиное, оленье, бычье, черепашье и т. п. племя, а съ другой стороны являлось божествомъ, покровителемъ и символомъ племени. Такой символъ у американскихъ индѣйцевъ назывался *тотемомъ*, а у австралійцевъ—*кабонгомъ*. На надгробныхъ памятникахъ тотемъ и изображался кверхъ ногами, и всякій дикарь зналъ, представитель какого племени тутъ погребенъ. И въ другихъ случаяхъ смерть человѣка символизировалась такимъ именно образомъ.

превратили ихъ въ знаки, въ которыхъ, однако, можно найти нѣкоторое сходство съ первоначальными рисунками; такъ, „солнце" (жи) изображалось у нихъ въ старину кружкомъ, „ротъ" (коу) - эллипсомъ, „середина"—въ видѣ кружка, перечеркнутаго перпендикулярно чертой, какъ буква ф, и т. п. Каждый корень у нихъ изображается особымъ начертаніемъ, и такихъ начертаній въ ихъ письмѣ до 100000, хотя изъ нихъ употребляется только тысячъ 30—40, а для обыкновеннаго литературнаго письма достаточто знать отъ *четырехъ* до *пяти* тысячъ знаковъ. Такъ какъ въ языкѣ китайца каждый корень имѣетъ нѣсколько значеній, то *извѣстное* его значеніе на письмѣ опредѣляется сочетаніемъ его знака съ другими начертаніями, обозначающими другіе корни. Такъ, слово „корабль" по китайски „чоу" и обозначается знакомъ, напоминающимъ парусъ на мачтѣ. Но такъ какъ корень „чоу" значитъ еще, между прочимъ, „болтливость", то, чтобы изобразить на письмѣ послѣднее понятіе, къ знаку корабля присоединяется еще знакъ „рта". Или: сочетаніе рисунка, обозначающаго „ротъ" (коу), съ рисункомъ „собака" (цюань) значитъ „лаять", а съ рисункомъ, обозначающимъ „птицу" (няо), значитъ „пѣть" (минь) и т. п. Китайское письмо, достигнувъ извѣстнаго развитія еще въ глубокой древности, не можетъ быть теперь замѣнено никакой другой системой, такъ какъ стоитъ въ зависимости отъ живого языка. Чтобы китайцу перейти, напр., къ алфавитной системѣ, ему необходимо было бы измѣнить совершенно свой разговорный языкъ, а именно — исключить изъ него прежде всего массу однозвучныхъ словъ-корней.

Въ противоположность китайцамъ, египтяне, вавилоняне и финикійцы не остановились на живописномъ письмѣ, а пошли дальше и стали рисунками изображать не цѣлыя понятія, а только *слоги,* затѣмъ *звуки,* и такимъ образомъ они положили начало алфавиту.

2. Фигуральное, или гіероглифическое письмо.

Изъ множества начертаній картиннаго письма, которое употреблялось въ Египтѣ въ древнѣйшую эпоху его исторіи, египтяне вы-

брали только тѣ, которыя отличались наибольшей простотой техники. Этимъ рисункамъ, названнымъ греками *іероглифами* (отъ ἱερός — священный, ἡ γλυφή — рѣзьба), они придали совершенно другое значеніе, а именно: каждый изъ нихъ сталъ изображать не отдѣльное понятіе, какъ это было раньше, а только нѣсколько согласныхъ, входившихъ въ названіе фигуры, точнѣе—большею частью только 2 первыхъ согласныхъ звука. Такъ, изображеніе корзины съ ручкой, которая по египетски называлась *kote*, соотвѣтствовало согласнымъ *kt*, и всѣ слова, содержащія въ себѣ эти согласные звуки, могли обозначаться изображеніемъ „корзины"; напр. *kata* — мудрость. Или: изображеніе „пальца", по египетски *teb*, обозначало и „палецъ", и „сосудъ" — *taibe* и 10000—*tba* и т. п. Такимъ образомъ, однимъ рисункомъ можно было обозначить много словъ, содержащихъ 2 одинаковыхъ согласныхъ звука; напр., изображеніе передней лапы льва—*kme*, могло обозначать: Египетъ (*keme*), „войско" (*kom*), „высота" (*koma*) и „книга" (*kam*). Съ другой стороны, разные рисунки (общее число ихъ доходило до 500) могли обозначать одно и то же слово, лишь бы въ названіи этихъ рисунковъ находились тѣ согласные звуки, которые имѣлись въ названіи даннаго слова; такъ, по египетски „цѣпь"—*hite*, „гиппотамъ"—*hte*, „гіена"—*hoite*, и всѣми этими изображеніями (цѣпи, гиппопотама и гіены), въ отдѣльности, можно было написать слово „часъ" — *hote*. Что касается гласныхъ звуковъ слова, то они совершенно пропускались, вѣроятно, потому, что у всѣхъ восточныхъ народовъ первоначально не существовало строгаго различія въ произношеніи между гласными звуками. Но чтеніе фигуръ въ контекстѣ давало возможность, нерѣдко, можетъ быть, и съ трудомъ догадываться о гласныхъ, подобно тому, какъ и мы можемъ догадаться о томъ, какія слѣдуетъ поставить гласныя буквы, написавъ, напр., такія фразы: прзднст. мт. пркв., лв. хщн. звр. и т. п.

Тѣмъ не менѣе такое письмо, съ обозначеніемъ однихъ только согласныхъ звуковъ, просуществовало у египтянъ не долго. Совершенно безъ гласныхъ буквъ египтяне обойтись

не могли, особенно въ словахъ, начинающихся съ гласныхъ звуковъ, и въ именахъ собственныхъ. И вотъ, уже въ самыхъ раннихъ памятникахъ египетскаго письма мы находимъ изображенія и гласныхъ звуковъ, тоже въ видѣ фигуръ. Для этого египтяне употребляли такія изображенія, названіе которыхъ начиналось желаемымъ гласнымъ звукомъ; такъ, фигура „орла" обозначала гласную букву *a*, потому что „орелъ" по египетски *ahom*, изображеніе „листа пальмы" — букву *e* (*esch*), фигура „зайца" - букву *u* (*uose*) и т. п. Въ дальнѣйшей стадіи развитія своего письма египтяне стали изображать фигурами и отдѣльныя согласныя буквы, причемъ пользовались въ этомъ случаѣ такими фигурами, въ названіи которыхъ нужная согласная изображала начальный звукъ названія предмета; такъ, изображеніе „корзины" (*kote*), стало обозначать букву *k*, изображеніе „ноги" (*pat*)—букву *p*, „львиной лапы" (*kme*) — *k*, фигура „льва" (*labo*) — букву *l*, „совы" (*mulach*) — букву *m* и т. д. Сначала отдѣльныя фигуры для согласныхъ употреблялись лишь въ томъ случаѣ, когда въ словѣ было 3 согласныхъ звука; для обозначенія двухъ первыхъ согласныхъ ставили, какъ было выше сказано, одну фигуру, а для обозначенія третьяго согласнаго звука — другую. Съ теченіемъ времени, подобное слоговое письмо (одна фигура для обозначенія двухъ согласныхъ звуковъ слова) уступило у египтянъ мѣсто алфавитному, т. е. когда гласные и согласные звуки стали отдѣльно обозначаться особыми фигурами, причемъ выборъ фигуръ всецѣло зависѣлъ отъ усмотрѣнія и произвола писцовъ. Съ открытіемъ папируса, гіероглифическое письмо, бывшее, по своей трудности (вырѣзывали на камнѣ, деревѣ, древесной корѣ и пр.), до сихъ поръ достояніемъ только жрецовъ, стало доступно всѣмъ. Получивъ возможность писать легко и бѣгло, египтяне начали уже мало заботиться объ отдѣлкѣ каждой фигуры, замѣняя послѣднія крючками, имѣвшими однако извѣстное сходство съ фигурами. Это, такъ называемое, *гіератическое* или *жреческое* письмо вскорѣ вытѣснило прежніе гіероглифы. Перейдя въ народъ, гіератическое письмо подверглось

дальнѣйшему измѣненію, и къ VII в. до Р. Х. измѣнилось въ письмо *демотическое* (ὁ δῆμος народъ), или народное, въ которомъ знаки приняли уже совершенно буквенный характеръ, превратившись въ кружки, полукружки, угольники и черточки, въ которыхъ нельзя установить даже отдаленнаго сходства съ гіероглифами. Всѣ три вида письма, гіероглифическое, гіератическое и демотическое, у египтянъ въ позднѣйшую эпоху существовали вмѣстѣ и всѣ три изучались въ школахъ, причемъ гіероглифы употреблялись для стѣнописи, гіератическое письмо — для разныхъ религіозныхъ цѣлей, а демотическое сдѣлалось письмомъ канцелярскимъ и употреблялось въ обыденной жизни.

Въ 1799 г. французы выкопали въ г. Розеттѣ (въ Египтѣ, при устьи Нила) огромную каменную плиту (теперь хранится въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ) съ тремя надписями: гіероглифической, демотической и греческой. Изъ греческой надписи узнали, что это переводъ одного и того же текста, содержащаго постановленіе египетскихъ жрецовъ о почестяхъ фараону Птоломею Епифану (196 г. до Р. Х.). Полагая, что каждому гіероглифу соотвѣтствуетъ цѣлое греческое слово, ученые долгое время и тщетно старались найти ключъ къ чтенію таинственныхъ гіероглифовъ. Тайна была раскрыта французскимъ ученымъ Шампольономъ Младшимъ въ 1822 году. Онъ увидѣлъ, что въ тѣхъ мѣстахъ египетской надписи, которыя въ греческой соотвѣтствовали имени Птоломея, *рядъ* гіероглифовъ обведенъ овальными рамками. Отсюда онъ заключилъ, что въ этихъ рамкахъ и содержится имя Птоломея (Ptolmees), число же фигурокъ навело его на мысль, что каждая изъ нихъ можетъ изображать отдѣльный звукъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и вышло. Сходныя фигурки для однихъ и тѣхъ же звуковъ (*p*, *l*, *o*, *e*) въ имени Клеопатры въ двуязычной (гіероглифической и греческой) надписи на обелискѣ, найденномъ на островѣ Филе, только подтвердили его геніальную догадку, и вѣковая тайна гіероглифовъ для науки была открыта.

3. Азбучное письмо. Хотя египтяне въ концѣ своей исторіи и по-

дошли къ системѣ алфавитнаго письма, но она у нихъ не получила однако полнаго развитія То же слѣдуетъ сказать и про ассиро-вавилонянъ съ ихъ клинообразными письменами, которыя, какъ и гіератическое письмо египтянъ, восходятъ тоже къ фигуральному письму. Клинопись ассиро-вавилонянъ, разгаданная въ 1802 г. нѣмецкимъ ученымъ Гротефендомъ, въ послѣдней стадіи своего развитія остановилась на силлабизмѣ, т. е. клинья въ разныхъ сочетаніяхъ обозначали не звуки, а сочетанія звуковъ и слоги.

Честь изобрѣтенія алфавита принадлежитъ древнимъ евреямъ. Въ то время, когда они жили въ Египтѣ (XV в. до Р. X.), они переняли у египтянъ принципъ алфавитной системы, заимствовали изъ ихъ гіератическаго письма рядъ начертаній, придумали для звуковъ, по требованію своей фонетики, особыя начертанія, придали всей системѣ наиболѣе раціональную форму и назвали буквы соотвѣтствующими ихъ внѣшнему виду именами. Изъ Египта этотъ алфавитъ былъ перенесенъ евреями въ Ханаанъ, а отсюда самостоятельно или черезъ посредство финикіянъ распространился по всему міру и въ различное время произвелъ 4 самостоятельныхъ семейства алфавитовъ: *семитическое, иранское, индійское* и *европейское,* или греко-италійское [1]).

Научная транскрипція. Изъ всѣхъ системъ письма высшую и послѣднюю степень развитія письменности представляетъ, конечно, азбучное письмо, передающее, въ видѣ отдѣльныхъ начертаній, гласные и согласные звуки языка. Но наличность азбучной системы у того или другого народа вовсе однако не служитъ доказательствомъ, что и самое письмо его совершенно и не нуждается въ улучшеніи. Вполнѣ безупречнымъ въ научномъ отношеніи письмомъ можетъ быть

---

[1]) О системахъ письма, азбукахъ и пр. см.: Памятники для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ. Трудъ профессоровъ: Петрова, Клина, Мещщкова и Буслаева, Москва 1855 г.; *Я. Гротъ.* Филологическія разысканія. С.-Петербургъ, 1885 г. т. II; С. *Георгіевскій.* Анализъ гіероглифической письменности китайцевъ. С.-Пб., 1888; *Я. Шницеръ.* Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. С.-Пб., 1903 г.

только такое, которое точно и всегда послѣдовательно передаетъ звуковую сторону даннаго языка, такъ что по писанному можно было бы цѣликомъ возсоздать устную рѣчь писавшаго. Такого письма однако въ настоящее время нѣтъ ни у одного народа, и оно возсоздается только теоретически для научныхъ потребностей. Такую научную транскрипцію слѣдуетъ строго отличать отъ транскрипціи практической, обыкновеннаго литературнаго письма, принятаго у того или другого народа, пользующагося азбучной системой. Въ то время, какъ научная транскрипція стремится съ величайшей точностью и послѣдовательностью обозначать не только всѣ звуки, но даже всѣ оттѣнки звуковъ даннаго языка, литературное письмо не всегда можетъ имѣть въ виду эту цѣль и обыкновенно жертвуетъ научнымъ совершенствомъ въ передачѣ устной рѣчи для удобства и легкости въ практическомъ примѣненіи, а нерѣдко и обязано жертвовать, въ силу разныхъ историческихъ условій. Системы научной транскрипціи, общей для всѣхъ европейскихъ народовъ, пока не выработано. Но мы можемъ представить себѣ теоретически, какимъ должно быть письмо строго научное.

Въ дѣлѣ письменности, какъ передачѣ видимыми знаками устной рѣчи, необходимо различать три категоріи: 1) азбуку, 2) графику и 3) ороографію, или правописаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Научная азбука. Азбука есть собраніе буквъ, или особыхъ начертаній, приспособленныхъ для обозначенія на письмѣ звуковъ языка. Научный алфавитъ долженъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) по изображенію буквъ онъ долженъ быть *одинъ*; между тѣмъ для научной транскрипціи употребляютъ разные алфавиты, большей частью вообще латинскій, но нерѣдко, какъ у насъ, и кирилловскій; во 2-хъ) внѣшнія начертанія, т. е. буквы, должны удовлетворять: а) экономіи мѣста и времени, б) условіямъ оптическимъ (соотвѣтствіе законамъ человѣческаго зрѣнія) и эстетическимъ (изящество) и 3-хъ) число буквъ научнаго алфавита должно равняться ровно числу звуковъ и всѣхъ звуковыхъ оттѣнковъ даннаго

языка, не больше, не меньше. Такова должна быть научная азбука.

Научная графика. Научная графика, какъ *способъ* обозначенія звуковъ и созвучій языка съ помощью буквъ, должна быть вполнѣ *буквальною*, т. е. удовлетворять такимъ условіямъ: 1) каждый звукъ языка долженъ обозначаться всегда однимъ и тѣмъ же самостоятельнымъ знакомъ; 2) не должно быть въ письмѣ ни одного начертанія, которое не произносилось бы; 3) каждая буква во всѣхъ случаяхъ должна обозначать одинъ только звукъ, а не созвучія и въ 4) слѣдуетъ выражать на письмѣ только существующее въ языкѣ, а не существовавшее или возможное, что, впрочемъ, допускается только для научныхъ цѣлей. Таковы требованія научной графики.

Научное правописаніе. Правописаніе есть процессъ обозначенія на письмѣ звуковой стороны языка, въ связи съ значеніемъ словъ. Это—привычка обозначать въ извѣстныхъ случаяхъ или прошедшее языка, или его настоящее. Вслѣдствіе этого, во всякомъ правописаніи дѣйствуютъ три принципа: 1) *фонетическій*—когда слово пишется такъ, какъ оно произносится, 2) *этимологическій*—когда въ написаніи слова ясно видно происхожденіе, составъ этого слова и его отношеніе къ соотвѣтствующему слову въ родственныхъ языкахъ, и въ 3) *историческій*—когда, вопреки двумъ первымъ принципамъ, слово пишется только по навыку и преданію. Поэтому научная орѳографія въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть, какъ графика, чѣмъ либо однообразнымъ: ея характеръ зависитъ отъ той цѣли, какую поставилъ себѣ ученый. Иногда этотъ ученый можетъ интересоваться только звуковой стороной языка въ его современномъ состояніи, и тогда его правописаніе будетъ строго *фонетическимъ*; иногда онъ принимаетъ во вниманіе составъ словъ, ихъ происхожденіе, отношеніе къ тѣмъ же словамъ въ родственныхъ языкахъ и пр., и тогда въ его правописаніи отразится *этимологическое* начало письма; иногда, наконецъ, ученому необходимо изобразить слово такъ, какъ оно писалось въ старину, но вопреки его этимологіи и звуковому составу—и тогда его пра-

вописаніе будетъ *историческимъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, въ научномъ правописаніи допустимы всѣ принципы, смотря по цѣли, какою задается ученый. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что научная орѳографія имѣетъ обыкновенно дѣло не столько съ исторіей или значеніемъ слова, сколько съ его звуковой стороной въ данное время, фонетическое начало является въ научной орѳографіи преобладающимъ.

Всѣмъ указаннымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ научной транскрипціи, практическое (литературное) письмо далеко не удовлетворяетъ, и въ современномъ его состояніи оно отступаетъ отъ научной транскрипціи во всѣхъ категоріяхъ: въ азбукѣ, графикѣ и орѳографіи. Почему же это такъ происходитъ?

Литературное письмо.

Появленіе алфавита у того или другого народа восходитъ къ такой отдаленной отъ нашего времени эпохѣ, когда о точномъ изображеніи звуковъ буквами не думали и не могли думать. Съ другой стороны, всякая азбука въ моментъ своего зарожденія изображала звуки не цѣлаго народа, для котораго она составлялась, а только извѣстной части этого народа, даже извѣстной группы лицъ, а строго говоря — только одного лица, т. е. ея изобрѣтателя Поэтому, уже съ самаго начала письменности между живыми звуками языка извѣстнаго народа и его азбукой, заранѣе можно сказать, не было *полнаго соотвѣтствія*, т. е. число звуковъ языка не исчерпывалось полностью числомъ соотвѣтствующихъ буквъ. Это мы, дѣйствительно, и видимъ въ древнихъ азбукахъ, напр. еврейской. Но если бы, допустимъ, подобное соотвѣтствіе въ моментъ изобрѣтенія азбуки и имѣло мѣсто, то дальнѣйшая исторія языка немедленно нарушила бы такое соотвѣтствіе. Языкъ, какъ живой организмъ, подвергается постояннымъ перемѣнамъ. Одни звуки въ немъ исчезаютъ, вмѣсто ихъ появляются новые звуки, другіе измѣняются въ

оттѣнкахъ произношенія и т. д. Такъ, напр., въ древне-русскомъ языкѣ было только *г*=*g* (лат. или польск. *g*), а теперь въ малорусскомъ и южно-великорусскомъ нарѣчіяхъ, отчасти и въ литературномъ языкѣ мы находимъ *г*=*h*. Или: *ъ* и *ь* нѣкогда произносились, какъ гласные звуки, а теперь они не произносятся. Или: нѣкогда *ж* и *ш* были только мягкими звуками, а теперь они отвердѣли въ произношеніи и т. п. Поэтому, съ перемѣною въ звукахъ языка, азбука, остающаяся неизмѣнной, перестаетъ уже точно изображать ихъ, и чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ несоотвѣтствіе между звуками и буквами становится больше, и можетъ, наконецъ, наступить такой моментъ, когда азбука станетъ совсѣмъ не подходящей для изображенія живыхъ звуковъ языка, а письмо сдѣлается вполнѣ условнымъ, что случилось, напр., съ англійскимъ письмомъ. Вотъ почему всѣ современныя азбуки европейскихъ народовъ такъ далеки отъ научной теоріи, за исключеніемъ развѣ одной сербской азбуки, которую въ новѣйшее время исправилъ ученый Вукъ Караджичъ. Французскій ученый Вольней въ своемъ сочиненіи „Европейскій алфавитъ въ примѣненіи къ азіатскимъ языкамъ“ (Alphabet européen appliqué aux langues asiatiques) такъ отозвался объ азбукахъ европейскихъ народовъ, для которыхъ алфавитъ заимствованъ изъ латинскаго: „Азбучные методы нашей Европы — настоящія каррикатуры: множество неправильностей, двусмыслій, двоякихъ примѣненій одной и той же буквы оказывается даже въ италіанскомъ и испанскомъ алфавитахъ, но особенно—въ нѣмецкомъ, въ польскомъ и въ голландскомъ. Что же касается французскаго и англійскаго, то въ нихъ совершенная путаница“. Что сказано Вольнеемъ о латинскомъ алфавитѣ западно-европейскихъ народовъ, то въ равной мѣрѣ относится къ графикѣ и орѳографіи этихъ народовъ, такъ какъ авторъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду не только составъ азбукъ, но и способы примѣненія ихъ къ изображенію звуковъ языка.

Русское литературное письмо.

Русская азбука. Азбука *кириллица* составлена для церковно-славянскаго языка и составлена, надо признаться, очень удачно, насколько это могъ сдѣлать образованный человѣкъ и филологъ своего времени. „Нельзя безъ удивленія смотрѣть на алфавитъ“, говоритъ нѣмецкій ученый Бетлингъ, членъ русской Академіи Наукъ, „вполнѣ достигающій своей цѣли столь малыми средствами“. Это общее впечатлѣніе, производимое большинствомъ письменныхъ знаковъ и способами ихъ примѣненія. Но есть и недостатки въ кирилловскомъ алфавитѣ. Изобрѣтатель изъ черезчуръ точнаго подражанія греческому алфавиту ввелъ нѣсколько буквъ, лишнихъ для алфавита древне церковно-славянскаго. Это именно: *три* буквы для звука *и* (**И**=греческой Н, **І**=греч. Ι и **Ѵ**=Υ), два знака для *о* (**о**=греч. ο и **ѡ**=греч. ω), двѣ буквы для несуществовавшаго въ церковно-слав. языкѣ звука *ф* (**ф**=греч. Φ и **ѳ**=Θ) и отдѣльныя буквы для звуковыхъ сочетаній *кс* и *пс*, т. е. **ѯ**=греч. ξ и **ѱ**=греч. ψ. Изъ этихъ 9 буквъ для церковно-славянскаго алфавита слѣдовало бы оставить только 3, а именно: **о**, **і** и **ф**, послѣднюю, впрочемъ, только для словъ иностранныхъ, вторую же — **і** вм. **и** потому, что она входила, въ видѣ составной части, въ такъ называемые іотированные гласные звуки (**ꙗ**, **ѥ**, **ѭ**, **ѩ**); остальными же 6-ю буквами можно было-бы легко поступиться. Кромѣ этихъ 6-ти лишнихъ буквъ, въ другихъ отношеніяхъ между азбукой—кириллицей и звуками церковно-славянскаго языка въ моментъ изобрѣтенія алфавита существовало, можно сказать, большое соотвѣтствіе.

Но что въ общемъ было хорошо для языка церковно-славянскаго въ IX-мъ в., то не могло быть въ той же степени хорошимъ для языка русскаго, когда кириллица безъ всякихъ измѣненій съ конца X столѣтія становится русскимъ алфавитомъ.

При всей относительной близости славянскихъ нарѣчій

другъ къ другу въ концѣ X в., между русскимъ и церковно-славянскимъ языкомъ тѣмъ не менѣе и тогда существовала уже большая разница въ звуковомъ отношеніи. Такъ, въ кирилловскомъ алфавитѣ была буква, которая уже своимъ внѣшнимъ видомъ не соотвѣтствовала русскому алфавиту, гдѣ ей пришлось изображать другой звукъ. Это именно щ: въ церковно-славянскомъ алфавитѣ она обозначала созвучіе *шт*, и своимъ начертаніемъ въ кириллицѣ указывала на это созвучіе — щ или ш͞т, а въ русскомъ должна была обозначать соотвѣтствующее созвучіе *шч*. Буква *ѣ* въ церковно-славянскомъ языкѣ обозначала, надо полагать, мягкое открытое *е*, приближавшееся къ *а* и въ то же время рѣзко отличавшееся отъ обыкновеннаго *е;* между тѣмъ въ русскомъ алфавитѣ *ѣ* должно было обозначать звукъ *е*, закрытый и долгій. Далѣе. Въ русскомъ языкѣ уже въ началѣ исторической эпохи явился звукъ, котораго не было въ церковно-славянскомъ языкѣ. Это именно неслоговое *й* послѣ гласнаго звука; напр. *войско, край*, соотвѣтствующія церк.-слав. **воиско, краи.** А между тѣмъ для этого звука въ кириллицѣ не было особаго начертанія. Наконецъ, въ кириллицѣ оказались такія буквы, для которыхъ въ русскомъ языкѣ совсѣмъ не существовало звуковъ. Таковы были *юсы* (**ѫ, ѭ, ѧ** и **ѩ**) и *зѣло* (ѕ): юсы обозначали въ церковно-славянскомъ языкѣ носовые гласные звуки (=польск. ą и ę), а зѣло (ѕ) звукъ *дз*, который образовался изъ смягченнаго **г (нолѕа, коѕи, моѕи** и т. д.) и который понынѣ еще сохраняется въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ (напр. *дзвѣзда*=**ѕвѣзда**, *бладзѣ*=**блаѕѣ** и т. п.). Между тѣмъ носовыхъ звуковъ и ѕ (зѣло) въ русскомъ языкѣ совсѣмъ не было: первые давно перешли уже въ чистые гласные звуки *(у, ю, я)*, а зѣло совпало по звуку съ обыкновеннымъ з (земля), такъ что слова, напр., **извести** и **коѕи** не отличались другъ отъ друга въ произношеніи звука *з*.

Съ начала введенія письменности до XII в. русскіе переписчики строго слѣдовали правиламъ письма, установленнымъ изобрѣтателями, и пользовались кириллицей вообще во всемъ ея составѣ. Но съ XII в. мы замѣчаемъ уже рѣзкое

отступленіе отъ традиціи; такъ, большіе юсы совсѣмъ исчезаютъ изъ употребленія, замѣнившись соотвѣтствующими гласными звуками; исчезло, какъ буква, изъ оборота зѣло(ѕ), оставшись въ алфавитѣ лишь для обозначенія цифры 6; очень рѣдко ставятся буквы і, ѵ, ѡ, ѯ, ѱ и ѳ. Къ XIV столѣтію постепенно выработался типъ самостоятельнаго русскаго письма, все ближе и ближе подходившаго къ произношенію слова и удалявшагося отъ церковно-славянскихъ образцовъ.

Но такое движеніе въ исторіи русскаго письма продолжалось лишь до второй половины XIV в. Съ этого же времени, подъ вліяніемъ южно-славянскихъ (болгаро-сербскихъ) образцовъ и возродившихся стремленій къ старинѣ, кириллица опять входитъ въ употребленіе въ своемъ полномъ составѣ, хотя и въ измѣненныхъ по внѣшности начертаніяхъ буквъ, что зависѣло отчасти отъ того же вліянія (стали писать, подражая сербамъ, напр., ы вм. древняго ъі), отчасти отъ измѣненія въ почеркахъ письма — отъ перехода *устава* сначала въ крупный, а потомъ мелкій *полууставъ*, въ которомъ цѣлый рядъ буквъ получилъ иную форму, чѣмъ въ уставѣ (напр. к, ж, и, є, ѵ, ѵ, ѣ), причемъ всѣ вообще буквы приняли округленныя формы и уменьшились въ величинѣ почти на $^3/_4$. Пользуясь въ книжномъ письмѣ XV—XVI в.в. кириллицей во всемъ ея составѣ, русскіе грамотеи, по примѣру сербо-болгарскихъ писцовъ и въ подражаніе послѣднимъ, выработали даже особыя правила, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ ставить лишнія буквы. Такъ, *омегу* (ѡ), по грамматическимъ правиламъ того времени, слѣдовало ставить: 1) въ словахъ греческихъ, напр. Соломѡнъ, Мѡѵсій, а въ славянскихъ— обыкновенно въ началѣ словъ, 2) въ двойств. или множ. числѣ, напр. ѡтцы, ѡтроки и т. д., при единст. ч. отецъ, отрокъ и т. д., 3) въ словахъ: мнѡго, мнѡжество, 4) въ родит. и дат. пад. множ. числа, напр. кормѡкъ, сынѡкъ, полкѡмъ и т. д., въ словѣ дкѡе, въ предлогѣ ѡ и т. п. Букву *і*, которая обыкновенно въ старину замѣняла *и* въ концѣ строки и ставилась ради экономіи мѣста, а въ крупномъ полууставѣ употреблялась очень часто вм. и передъ согласными, писцы

XV—XVI ст., подъ вліяніемъ сербо-болгарской графики, начали ставить только въ началѣ собственныхъ именъ и передъ гласными буквами. Даже большой юсъ получилъ въ книжномъ письмѣ XV—XVI в.в. свое опредѣленное мѣсто, хотя, впрочемъ, только *красоты ради, а не истинно,* какъ говорилось въ грамматическихъ руководствахъ того времени. Само собой разумѣется, что въ этихъ правилахъ было много искусственнаго, сбивчиваго, а потому ихъ постоянно нарушали [1]).

Буквы, лишнія для славянскаго вообще языка (два *и*, одно изъ *о* и т. д.), лишнія для русскаго (юсы, зѣло), были въ русской азбукѣ, конечно, только простыми графическими знаками, а не буквами, съ опредѣленнымъ звуковымъ значеніемъ. Онѣ поэтому лишь обременяли алфавитъ и усложняли письмо. Это обремененіе увеличилось, когда къ XI в. въ живомъ русскомъ языкѣ исчезло гласное произношеніе ъ и ь, а въ большинствѣ сѣверныхъ и средне-русскихъ говоровъ окончательно потерялось различіе въ произношеніи между ѣ и е. Съ другой стороны, кромѣ явившагося уже съ начала письменности неслогового *и* (т. е. *й),* въ XV-мъ в. въ книжномъ языкѣ существовали уже звуки, для которыхъ въ азбукѣ не было особыхъ начертаній. Это именно *э* (твердое *е*) и *г*=*h*, хотя буква *э* въ рукописяхъ, писанныхъ въ юго-западной Россіи (бѣлорусскихъ), встрѣчается уже съ XV-го в. (**эксъцельсисъ, рыцэръ, литэры**): въ русское юго-западное письмо она попала отъ южныхъ славянъ, повидимому, изъ глаголическаго алфавита—**Э** [2]).

Съ такими излишествами и пробѣлами кирилловскій алфавитъ просуществовалъ до введенія русской гражданской азбуки.

---

[1]) Для ознакомленія съ грамматическими руководствами старины рекомендую книгу ак. *И. В. Ягича.* Разсужденія юго-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ. С.-Пб. 1895.

[2]) *Е. Карскій.* Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Варшава, 1901; ак. *А. Соболевскій.* Славяно-русская палеографія. С.-Пб., 1908 г.

Гражданскій алфавитъ.

Петръ Великій, стараясь сблизить Россію съ Европой въ жизни и во всѣхъ сферахъ прикладныхъ и теоретическихъ знаній, очень заботился о томъ, чтобы насадить въ Россіи свѣтское образованіе, котораго до сихъ поръ, можно сказать, совсѣмъ не было. Съ этой цѣлію имъ заведены были школы разныхъ названій (навигаціонныя, математическія и др.), въ которыхъ русская молодежь должна была обучаться свѣтскимъ наукамъ; съ тою же цѣлію было положено начало и будущей Академіи Наукъ, съ университетомъ и гимназіей при ней. Реформы и свѣтское образованіе потребовали много книгъ, и книжное дѣло приняло широкіе размѣры. По приказанію царя и даже при личномъ его содѣйствіи, появилось много переводовъ съ иностранныхъ языковъ книгъ спеціальнаго, прикладного и общаго содержанія; книги, не изданныя раньше, печатались; составлялись разные учебники, руководства, пособія и пр. Какъ книги духовныя, такъ и свѣтскія печатались, однако, церковно-славянскимъ шрифтомъ, большаго или меньшаго размѣра, со всѣми пріемами церковно-славянскаго письма, установленнаго грамматиками XVII в. (Мелетій Смотрицкій). Даже наша первая газета „Русскія Вѣдомости", заведенная Петромъ Великимъ въ 1703 г., и та печаталась церковно-славянскимъ шрифтомъ [1]. Но печатаніе этимъ шрифтомъ свѣтскихъ сочиненій, въ которыхъ преобладалъ русскій языкъ, было, конечно, большимъ неудобствомъ. И вотъ, Петръ Великій, увлекаясь нововведеніями на западно-европейскій образецъ, задумалъ преобразовать и кириллицу, сблизивъ ее съ латинскимъ алфавитомъ, и такимъ образомъ создать новое письмо для свѣтскихъ книгъ. Лично царь и его ближайшіе сотрудники къ латинскому алфавиту уже достаточно привыкли за время путешествій по западной Европѣ и читая много иностранныхъ книгъ.

Мысль о реформѣ кириллицы для свѣтскихъ изданій

---

[1]) См. юбилейное изданіе Московской Синодальной Типографіи: „Вѣдомости времени Петра Великаго вып. I (1073—1707 г.г.), Москва 1903 и вып. II (1708—1719), Москва 1906 г.".

впервые внушили царю книги, вышедшія изъ типографіи Тессинга и его помощника Копіевича (или Копіевскаго) въ Амстердамѣ. Во время пребыванія Петра Великаго въ Голландіи въ 1697 г. этотъ Тессингъ обратился къ царю съ просьбой дать ему привиллегію на продажу въ Россіи русскихъ книгъ, которыя онъ будетъ печатать въ заведенной имъ для этой цѣли типографіи въ Амстердамѣ. Царь далъ привиллегію, но съ тѣмъ, чтобы у Тессинга печатались книги только свѣтскаго содержанія. И вотъ, изъ типографіи Тессинга, начиная съ 1699 г., стали выходить книги новой русской печати: „Введеніе краткое во всякую Исторію“, „Поверстаніе круговъ небесныхъ“, „Краткое собраніе Льва Миротворца Августѣйшаго Греческаго Кесаря, показующее дѣлъ воинскихъ обученіе (1700 г.)“ и т. д., въ которыхъ шрифтъ, не лишенный однако и церковно-славянскихъ буквъ (ѧ, ѡ, ѯ, ѫ), по внѣшнему виду былъ очень похожъ на латинскій. Этотъ новый видъ буквъ, повидимому, и подалъ Петру I мысль о преобразованіи славянскаго алфавита по образцу латинскаго. Царь поручилъ кому-то въ Амстердамѣ составить образецъ новой азбуки, который и былъ привезенъ въ Россію въ 1707 году. Въ томъ же году по этому образцу отлитъ былъ въ Московской Синодальной типографіи шрифтъ словолитцемъ Михаиломъ Ефремовымъ. Этотъ именно шрифтъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ (передѣлки сдѣланы были самимъ царемъ) и сдѣлался русскимъ такъ называемымъ *гражданскимъ*, т. е. свѣтскимъ, алфавитомъ.

По внѣшнему виду онъ очень похожъ на нашу современную азбуку, въ ея строчныхъ начертаніяхъ: прописныхъ буквъ нѣтъ. Но буква *э* изображена въ видѣ *E*, а *з*—ѕ. Что касается состава алфавита, то въ немъ меньше буквъ, чѣмъ въ нашемъ современномъ алфавитѣ, такъ какъ нѣтъ буквъ *й*, *и*, *v* и *ф*: вмѣсто *и* предполагалось, очевидно, всегда ставить і (безъ точки), а вмѣсто *ф*—букву *ѳ*, которая имѣется въ алфавитѣ. Этимъ шрифтомъ, отлитымъ Ефремовымъ, и были напечатаны въ Россіи въ 1708 г. двѣ первыя книги: „Геометрıа славянскı ѕемлемѣрıе“ и „Прıклады како пишутся

комплементы разные на немецкомъ языкѣ“, т. е. письма на разные случаи. Впослѣдствіи эта азбука подверглась однако большимъ измѣненіямъ—по внѣшности и въ самомъ составѣ.

Въ 1709 году московскіе наборщики гражданской печати подали на имя Государя челобитную съ просьбою увеличить имъ плату за наборъ гражданскаго шрифта противъ шрифта церковно славянскаго, ибо первый-де выходилъ „убористѣе“ второго, и въ доказательство были представлены образцы того и другого набора, т. е. кирилловскаго и гражданскаго. По этому поводу царь приказалъ приготовить для сравненія экземпляръ азбуки „съ изображеніемъ древнихъ и новыхъ славянскихъ печатныхъ письменъ“. Просмотрѣвъ представленную ему въ началѣ 1710 года азбуку, Петръ Великій собственноручно зачеркнулъ всѣ буквы, набранныя церковно-славянскимъ шрифтомъ, и оставилъ буквы гражданскаго шрифта, причемъ буквы ѿ, ѡ(омега) и ѱ(пси) вычеркнулъ совсѣмъ, а на оборотѣ переплета, въ которомъ была подана азбука, написалъ: *Сими литеры печатать исторические і мануѳактурныя книги, а которыя подчерненъ* (т. е. зачеркнуты), *тѣхъ въ вышеписанныхъ книгахъ не употреблять. Дано лѣта Господня 1710 генваря въ 29 день.* Въ сравненіи съ азбукой Ефремова, въ этой утвержденной царемъ азбукѣ оставлены были изъ церковно-славянскаго алфавита буквы ꙁ(земля), и(иже), ꙋ(икъ, т. е. у), ф(фертъ), ѯ(кси) и ѵ(ижица), а сверхъ того вновь введено *э*, которое у Ефремова изображалось въ видѣ *Е* [1]).

Впослѣдствіи составъ утвержденнаго Петромъ Великимъ алфавита нѣсколько измѣнился. Въ 1735 году Академія Наукъ издала распоряженіе, по которому *кси, ижица* и *зѣло* исключались совершенно и введена была буква *й*. Окончательно гражданская азбука была выработана и установлена въ 1758 году „Россійскимъ Собраніемъ“, учрежденнымъ при Академіи Наукъ, постановленіе котораго было издано,

---

[1]) См. изданіе этого алфавита въ Памятникахъ Общества Любителей Древней Письм. 1877 г., вып. III, № 126.

какъ обязательное руководство для всѣхъ типографій Россіи. Для звука *и* это „Собраніе" постановило оставить всѣ три буквы—*и*, *і*, *v*, не считая *й*, причемъ *и* было указано ставить предъ согласными, *і* — передъ гласными, а *v*—въ иностранныхъ словахъ; кромѣ того, было введено вновь начертаніе *іо* для звука *йо*, но эта буква Карамзинымъ была замѣнена буквой *ё*, которую мы теперь часто пишемъ.

Съ тѣхъ поръ составъ гражданскаго алфавита уже не измѣнялся, не считая развѣ того, что *ижица* теперь почти совсѣмъ вышла изъ употребленія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что преобразованіе кириллицы какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и послѣ него заключалось главнымъ образомъ въ измѣненіи лишь внѣшней формы буквъ; звуковыя же требованія языка были почти совсѣмъ упущены изъ виду: введена была только буква *іо* для звука *йо*, замѣненная Карамзинымъ менѣе удачнымъ начертаніемъ *ё*, да заимствовано изъ юго-западныхъ рукописей *э* для твердаго *е*. Тѣмъ не менѣе сближеніе кирилловскаго алфавита съ латинскимъ, придавшее всѣмъ буквамъ тонкія, округленныя и болѣе изящныя формы, сдѣлано гражданское письмо очень удобнымъ для скорописи. Русское гражданское письмо съ небольшими измѣненіями въ составѣ употребляется въ настоящее время въ Болгаріи и Сербіи, т. е. у православныхъ сербовъ, тогда какъ у хорватовъ-католиковъ въ употребленіи латинскій алфавитъ.

Недостатки русскаго алфавита. Въ силу историческихъ условій, между звуками русскаго литературнаго языка и азбукой, которой мы пользуемся въ настоящее время, нѣтъ *полнаго* соотвѣтствія, т. е. звуки языка и буквы алфавита не покрываютъ и не исчерпываютъ другъ друга, какъ это требуется научной теоріей. Прежде всего въ нашей азбукѣ во 1) есть буквы, не выражающія звуковъ; таковы именно такъ называемыя полугласныя *ъ* и *ь* и во 2) есть нѣсколько буквъ, которыя обозначаютъ одинъ и тотъ же звукъ; таковы именно: *е* и *ѣ*; *и*, *і* и *v*; *ф* и *ѳ*. Съ другой стороны, въ русскомъ алфавитѣ нѣтъ особыхъ начертаній: 1) для цѣлаго ря-

да такъ называемыхъ неопредѣленныхъ (безударныхъ) гласныхъ звуковъ; 2) для звука *йо*, напр. *йожъ*(ежъ), *вйолъ*(велъ) и т. п. и 3) для звука *г=h*, напр. *тоhда, hдѣ* и др. Далѣе въ нашей азбукѣ ничѣмъ не отличается другъ отъ друга: 1) буквы, обозначающія сложные и простые гласные звуки, напр. *йе*(его) и *е*(меня), *йи*(моихъ) и *и*(вижу), *йа*(моя) и *я*(меня), *йу*(юбка) и *ю*(любовь); 2) *е* широкое, открытое отъ узкаго, закрытаго, напр. *брéдъ* и *брéдить*, *бѣлъ* и *бѣль*, *ѐтотъ* и *éти* и въ 3) согласные звуки твердые отъ мягкихъ, напр. *ба* и *бя*, *дъі* и *ди*, *ма*, *мя* и т. п.

Таковы недочеты въ современной русской азбукѣ съ точки зрѣнія научныхъ требованій.

Какъ относиться къ этимъ недочетамъ? Есть ли настоятельная нужда дополнить или сократить русскую азбуку? На это можно отвѣтить: такой нужды пока нѣтъ, конечно—для литературнаго, практическаго письма.

Ввести особыя начертанія для неопредѣленныхъ гласныхъ звуковъ трудно и даже невозможно потому именно, что они неопредѣленные, неясные, и разными лицами могутъ произноситься по разному, напр. *вылазка*, *вылозка*, *вылызка* и *вылъзка*; съ другой стороны, подобное нововведеніе сильно затруднило бы словопроизводство и грамматическія отличія, чего даже строго фонетическое письмо не отрицаетъ. Далѣе. Вводить двоякое начертаніе для *е* (открытаго и закрытаго) тоже нѣтъ надобности, потому что произношеніе того или другого *е* зависитъ прямо отъ положенія его передъ твердымъ или мягкимъ слогомъ, напр. *шéстъ* и *шéсть*. Такъ называемое двоегласное *и* (напр. *своййхъ, ручьйй*) встрѣчается очень рѣдко: только послѣ гласнаго и *ъ*, въ началѣ же слова *и* произносится, какъ простое *и*, напр. *ихъ*, а не *йихъ*, какъ произносятъ поляки и здѣшніе родомъ русскіе. Поэтому, и здѣсь нѣтъ надобности вводить особое начертаніе.

Между буквами для согласныхъ звуковъ, дѣйствительно, недостаетъ особаго знака для *г=h*, которое слышится иногда въ словахъ славянскихъ, напр. Господь, когда и т. п., но преимущественно—въ иностранныхъ: Гамбургъ, Горацій, Гу-

го и т. п. Но произношеніе *г=h* въ словахъ *Господь, когда, гдѣ* и т. п. далеко не всѣми раздѣляется, кто говоритъ на чистомъ литературномъ языкѣ, т. е. безъ оттѣнковъ южно-великорусскаго, бѣлорусскаго или малорусскаго нарѣчій, въ которыхъ *г = h* господствуетъ. Поэтому, вводить особое начертаніе *г=h* для чисто русскихъ звуковъ, значитъ, тоже нѣтъ особенной надобности. Что же касается иностранныхъ словъ, то о такомъ пополненіи русской азбуки буквами для чужихъ звуковъ хорошо сказалъ еще Ломоносовъ: „Ежели для иностранныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ китайскую, и таково же смѣшно по правдѣ покажется, есть-ли бы для подлиннаго выговору нашихъ реченій, въ которыхъ стоитъ буква *ы*, оную въ какой-нибудь чужестранный языкъ приняли, или бы вмѣсто ея новую вымыслили (Рус. грам. § 85).

Нѣтъ также надобности вводить особыя начертанія для согласныхъ твердыхъ и мягкихъ. Произношеніе тѣхъ и другихъ во всѣхъ почти случаяхъ обусловливается ихъ положеніемъ и основано на свойствѣ графики, установленной св. Кирилломъ (см. ниже). Что касается сложныхъ гласныхъ звуковъ *йá, йé*, которые слышатся въ началѣ слова и внутри послѣ гласнаго и *ъ (йáйцо, йегò, мойегò* и т. п.), то хотя произношеніе ихъ обусловливается тоже положеніемъ, но произвести тутъ реформу было бы полезно, потому, что мы возстановили бы лишь то, что раньше было. Вводя въ алфавитѣ ꙗ и ѥ для сложныхъ звуковъ, мы для простыхъ *е* и *я(меня)* оставили бы то, что у насъ уже имѣется.

Теперь посмотримъ, нельзя ли чего выкинуть изъ нашего алфавита для удобства и пользы литературнаго письма.

Такими лишними буквами считаютъ обыкновенно *ѣ, ѳ* или *ф*, ъ и два изъ трехъ *и (и, і, v)*.

Особенно часто вооружаются противъ *ѣ*, которое можно будто бы легко замѣнить буквою *е*. Хотя *ѣ* и *е* отождествились вообще въ произношеніи, но было бы ошибкой сказать, что буква *ѣ* такъ таки совсѣмъ потеряла свое прежнее значеніе для выраженія особаго звука, даже въ современномъ

литературномъ языкѣ. Извѣстно, что ни само *ѣ*, ни *е*, которое мы иногда ошибочно пишемъ вм. *ѣ*, не расширяются въ *йо*, когда стоятъ подъ удареніемъ и передъ твердымъ слогомъ, что однако происходитъ съ кореннымъ *е* или *е*, образовавшимся изъ *ъ*, напр. *свѣ́тъ, клѣ́тка, желѣ́зо, колѣ́но, бесѣ́да* и мн. др., а также *прилежно* (вм. *прилѣжно*), *пре́дъ, вре́дъ* и т. д. и—наоборотъ: *сёла, ёлка, дёнъ* и т. п. Немногія исключенія, какія знаетъ грамматика изъ этого правила, образовавшіяся путемъ аналогіи, только подтверждаютъ дѣйствующій законъ, показывая, что языкъ еще не забылъ о различіи между *ѣ* и *е*. Далѣе. Устраненіе *ѣ* изъ русской азбуки совершенно затемнило бы словопроизводство, даже значеніе словъ; ср. напр. *свѣдѣніе* и *сведеніе, синее* и *синѣе, вести* и *вѣсти, есть* и *ѣсть, смѣлъ* и *смелъ, въ полѣ* и *въ поле, желѣза* и *железа, прѣніе* и *преніе*(споръ) и т. п. При отсутствіи *ѣ* въ алфавитѣ, особенно много затрудненій при чтеніи, произношеніи и пониманіи словъ литературнаго языка явилось бы для тѣхъ русскихъ, которые, какъ сѣверные великороссы во многихъ случаяхъ, а малороссы всегда отличаютъ въ своемъ родномъ нарѣчіи *е* отъ *ѣ*, который у нихъ произносится иначе, чѣмъ *е*, и чаще всего—какъ *и*. При литературномъ произношеніи безударнаго *е*, какъ *и*, для нихъ, напр., была-бы совершенно непонятна разница въ первомъ слогѣ такихъ, положимъ, словъ, какъ *села́* (чит. *сила́*), *сила́чъ, сидѣть, сѣдѣть, сирѣть, сѣрѣть* и т. п. Съ другой стороны, научиться правильно употреблять *ѣ*, при умѣломъ обученіи письму, вовсе не такъ трудно, какъ это кажется на первый взглядъ. Въ русскомъ письмѣ есть не мало фактовъ, болѣе трудныхъ для усвоенія, чѣмъ *ѣ*, вызываемыхъ разницей между этимологіей слова и его литературнымъ произношеніемъ, подъ вліяніемъ, напр., аканья, иканья, ассимиляціи согласныхъ, твердости или мягкости шипящихъ звуковъ и т. п. Вообще слѣдуетъ сказать: и въ практическомъ и въ теоретическомъ отношеніи замѣна *ѣ* буквою *е* принесла бы не пользу, а вредъ. Уничтожая видимый знакъ различія между многими грамматическими категоріями, эта

реформа 1) очень затруднила бы литературное чтеніе, письмо, произношеніе и даже пониманіе словъ, 2) потребовала бы введенія надстрочныхъ знаковъ въ письмо и печать—ударенія и знака (¨) надъ е, напр. *вести́* и *вéсти (= вѣсти)*, *смёлъ* и *смéлъ (= смѣлъ)*, *си́нее* и *синéе (= синѣе)*, *мёлъ* и *мéлъ (мѣлъ)* и т. д., 3) нарушила бы только основное начало, господствующее въ русской орѳографіи (этимологическое), не сдѣлавъ послѣднюю въ то же время фонетической, къ чему въ этомъ случаѣ стремятся разные упростители нашего письма и 4) безъ особенной нужды лишила бы возможности объяснять діалектическія отличія современнаго русскаго языка по его нарѣчіямъ и говорамъ.

Буква ѳ (греч. ϑ) въ произношеніи, дѣйствительно, совсѣмъ не отличается отъ *ф*, какъ она не различалась отъ *ф* и въ церковно-славянскомъ произношеніи, а потому, какъ явный грецизмъ, легко могла бы быть устранена изъ русскаго алфавита. Но всѣ доводы противъ нея опровергаются однимъ соображеніемъ. Наша азбука отличается отъ европейскихъ. Поэтому, мы должны заботиться и о томъ, чтобы, приводя иностранныя слова, сохранять по возможности ихъ подлинную форму. Такъ, напр. мы пишемъ *Кронштадтъ* съ *дт*, съ тѣмъ чтобы отличить нѣмецкое слово *Stadt* (городъ) отъ *Staat* (государство), передаваемое по русски словомъ *штатъ*. Если мы сѣтуемъ, что нѣтъ особенной буквы для выраженія европейскаго придыхательнаго *h*, то выбрасывать изъ алфавита ѳ, которая служитъ для обозначенія греко-латинскаго *th*, въ отличіе отъ *ph* и *f*, было бы уже совсѣмъ непослѣдовательно. Съ другой стороны, при очищеніи алфавита отъ лишнихъ буквъ, нѣтъ надобности жертвовать именно ѳ, а не *ф* (фертомъ), такъ какъ обѣ эти буквы нужны русскому собственно для правописанія иностранныхъ словъ. Правда, для правильнаго употребленія ѳ, необходимо знаніе европейскихъ языковъ, что, конечно, не можетъ быть обязательнымъ для всякаго человѣка, но вѣдь на смѣшеніе ѳ съ *ф* почти не обращается и вниманія, и никому въ голову не приходитъ мысль упрекать въ малограмотности того, кто, напр., пи-

шетъ *Федоръ* вм. *Өеодоръ*, *арифметика* вм. *ариөметика* и пр.

Еще чаще возстаютъ непризнанные реформаторы русскаго правописанія противъ т. н. глухого ъ, который, по ихъ словамъ, совсѣмъ ужъ лишній знакъ въ русской азбукѣ, причемъ указывается не на затрудненія въ орөографіи, въ чемъ ъ не повиненъ, а на большой выигрышъ въ экономіи мѣста, какой получится въ письмѣ и печати отъ устраненія этого „ненужнаго"-де знака изъ русской азбуки, и на сближеніе русскаго письма съ западно-европейскимъ. Эти мотивы имѣли-бы значеніе, если бы ъ, дѣйствительно, въ русской грамотѣ и письмѣ не имѣлъ никакого значенія. На самомъ дѣлѣ этого однако нѣтъ. Въ практикѣ письма ъ служитъ для обозначенія твердости согласныхъ звуковъ не только въ концѣ словъ, но и въ серединѣ ихъ, и роль его въ русской графикѣ, гдѣ дѣйствуетъ такъ называемое слоговое начало обозначенія качества согласнаго звука, та же, что и твердыхъ гласныхъ *а, о, у, э, ы*. Устраняя изъ азбуки ъ, который служитъ для обозначенія твердости согласныхъ звуковъ, и оставляя въ ней ь, который исполняетъ ту же роль, но для обозначенія мягкости согласныхъ (напр. *далъ - даль*, *бытъ - быть*, *уголъ - уголь* и т. п.), мы поступили бы совсѣмъ непослѣдовательно. Если употребленіе ъ-ра въ концѣ словъ для обозначенія твердости предшествующихъ согласныхъ звуковъ можетъ считаться съ практической точки зрѣнія излишнимъ, при условіи однако предварительнаго признанія этихъ согласныхъ твердыми, то внутри словъ для этой цѣли, а также для раздѣленія слоговъ, присутствіе ъ-ра прямо необходимо, ибо, въ противномъ случаѣ, пришлось бы или придумывать какой либо надстрочный знакъ надъ согласными—что противорѣчило бы общему характеру русской графики, которая надстрочныхъ знаковъ не знаетъ - или тратить время на пониманіе словъ изъ контекста, напр. *объявить*, *съѣхать*, *неотъемлемый*, *разъяриться*, *съѣсть* (и *сѣсть*), *изъяснить*, *въявь* и т. п. Необходимъ также ъ и при обученіи правильному произношенію словъ на почвѣ московскаго нарѣчія, какъ литературнаго. Въ этомъ

нарѣчіи гласные звуки *а* и *о* въ такъ называемыхъ слабыхъ положеніяхъ (въ третьемъ и т. д. слогѣ отъ ударяемаго слога) произносятся, какъ извѣстно, неясно, неопредѣленно, и знакъ *ъ* въ этомъ случаѣ очень подходящій для обозначенія этой неясности, напр. *съпагй, тълкавáть, пъдарбжникъ* и др. Между тѣмъ отъ того и другого избавляетъ насъ *ъ*. Но еще важнѣе присутствіе *ъ* въ азбукѣ для науки русскаго слова. Въ однихъ случаяхъ проясненіе *ъ*-ра въ *о*, въ другихъ утрата имъ гласнаго произношенія въ прошломъ оказали такое сильное вліяніе на измѣненія въ фонетикѣ русскаго языка по всѣмъ его нарѣчіямъ, что въ настоящее время цѣлый рядъ звуковыхъ явленій въ языкѣ, при мало-мальски сознательномъ отношеніи къ нему, что составляетъ требованіе даже элементарной грамматики, былъ бы совершенно непонятенъ, если-бы мы здѣсь и тамъ не прибѣгали къ помощи *ъ*, при своихъ объясненіяхъ, напр. ассимиляціи согласныхъ звуковъ, ихъ отвердѣнія, утраты въ концѣ словъ, появленія бѣглыхъ гласныхъ звуковъ и т. п.

Одно изъ начертаній *и* (*и* и *і*) тоже нѣтъ нужды исключать изъ русскаго алфавита, именно ради красоты и удобства письма, такъ какъ безпрестанное повтореніе одного *и* или *і* вредило-бы въ томъ и другомъ отношеніяхъ; мало того: затрудняло бы чтеніе и пониманіе написаннаго. Опытъ Тредьяковскаго, который печатался съ однимъ только *і*, совсѣмъ не имѣлъ успѣха. Объ *і* еще Ломоносовъ говорилъ, что его нужно „употреблять для того, чтобы частое стеченіе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно и въ чтеніи заниматься не затруднительно“. Съ другой стороны, современное употребленіе двухъ *и* (т. е. *и* и *і*) опредѣляется очень простымъ и постояннымъ правиломъ и не представляетъ въ письмѣ никакихъ затрудненій. Что касается ижицы (= греч. υ), которая ставилась нѣкогда для обозначенія двухъ звуковъ *и* и *в* (*сѵмволъ, еѵангеліе*), а потомъ начала обозначать только *и*, то она, дѣйствительно, совсѣмъ лишняя, и сама собой вышла изъ употребленія даже въ

словахъ *мνро, сνнодъ* и *сνмволъ*, въ которыхъ раньше ставилась.

Мы разсмотрѣли русскій алфавитъ частью съ теоретической, частью съ практической точки зрѣнія. Оказалось, что онъ не страдаетъ ни излишествомъ, ни бѣдностью въ начертаніяхъ, особенно,—если сравнить его съ европейскими алфавитами—латинницами.

Не менѣе также важно и общее возраженіе противъ рѣзкихъ перемѣнъ въ русскомъ алфавитѣ. Исправить русскій алфавитъ, хотя бы и по требованіямъ научнымъ, это значило-бы — позабыть прошлое этого алфавита и еще болѣе порвать тѣ нити, которыя связываютъ его съ великимъ изобрѣтеніемъ Первоучителей славянства, изобрѣтеніемъ, предназначавшимся для всего славянскаго міра. Въ теченіе 10-ти вѣковъ русскій народъ хранилъ и хранитъ это наслѣдіе, въ теченіе 10-ти вѣковъ оно удовлетворяло его культурнымъ потребностямъ, и мы не имѣемъ права однимъ взмахомъ пера, хотя-бы ученаго, искажать его. Правда, кириллица, перейдя на русскую почву, не сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ. Но вѣдь всѣ измѣненія, совершившіяся въ ней, вырабатывались постепенно, слагались исторически, а не по волѣ одного лица! Съ исторической точки зрѣнія отношеніе между кириллицей и русскимъ литературнымъ языкомъ, этой удивительной смѣсью стихій древне-славянскихъ съ русскими, полно гармоніи, нарушить которую съ той или другой стороны можетъ лишь все-измѣняющее время, а не реформа, произведенная сразу. Время такой реформы можетъ наступить лишь тогда, когда русскій литературный языкъ сдѣлается всецѣло только русскимъ, т. е. утратитъ всѣ свои церковнославянизмы и совершенно сблизится съ народною русскою рѣчью въ ея самобытныхъ чертахъ и строѣ. А пока всякія попытки реформировать наше письмо преждевременны и будутъ кончаться неудачей. При той связи, какая существуетъ между нашимъ литературнымъ языкомъ и письмомъ, и зависимости того и другого отъ языка и письма церковно-славянскаго, частичныя поправки въ нашей азбукѣ, особенно

въ ущербъ этимологіи письма, потому не пріемлемы, что внесутъ съ собой только излишнія противорѣчія въ письмо и придадутъ ему искусственный и еще болѣе неустойчивый характеръ. Съ другой стороны, ради удобствъ и практичности, въ значительной степени притомъ мнимыхъ и оспариваемыхъ, разрывать узы, связывающія наше современное письмо съ древней письменностью, а черезъ нее — съ письменностью юго-славянской и съ просвѣтительною дѣятельностью свв. Кирилла и Меѳодія, не позволяетъ и нравственное чувство русскаго человѣка, который умѣетъ дорожить своимъ прошлымъ и во имя высшихъ потребностей духа привыкъ относиться къ нему бережно и любовно.

Русская графика. Графика, въ спеціальномъ значеніи этого слова, есть способъ обозначать съ помощью буквъ алфавита звуки языка, точнѣе — ихъ оттѣнки въ произношеніи, твердость и мягкость. Если алфавитъ вполнѣ научный, т. е. въ немъ имѣется столько буквъ, сколько существуетъ въ данный моментъ звуковъ въ живомъ языкѣ, то графика при такомъ алфавитѣ можетъ быть только *буквальной,* такъ какъ каждый отдѣльный звукъ и оттѣнки его обозначаются отдѣльной буквой. Но такъ какъ подобнаго алфавита въ практическомъ, литературномъ употребленіи нѣтъ ни у одного народа, то оттѣнки основныхъ звуковъ, именно твердость и мягкость согласныхъ, приходится часто обозначать сочетаніями буквъ. Въ этомъ случаѣ графику можно назвать *слоговой,* такъ какъ твердость и мягкость согласныхъ звуковъ обозначается именно слогомъ, сочетаніемъ согласныхъ съ гласными. Примѣрами буквальной графики могутъ служить польскія начертанія *ła* (*łapa* лапа) и *la* (*lać* лить), *łe* (*łeb* лобъ) и *le* (*lew* левъ), *ło* (*łoś* лось) и *lo* (*los* жребій, судьба), *łu* (*ług* щелокъ) и *lu* (*lutnia* лютня, гусли), гдѣ твердость и мягкость звука *л* обозначается особой буквой, русскія—*ча, ща, чи, щи, чу, щу* и т. д. съ одной стороны и *жа, ша, жи, ши* и т. д. съ другой, гдѣ *ч, щ* сами по себѣ мягки, независимо отъ слѣдующаго гласнаго звука, а *ж, ш* — всегда тверды и тоже независимо отъ гласнаго звука. Примѣрами

слоговой графики являются русскіе слоги *ба* и *бя* (= *бья*), *на* и *ня* (=*нья*), *мо* и *ме* (=*мьо*), *ты* и *ти* (=*тьи*) и т. д., гдѣ твердость и мягкость *б*, *н*, *м* и *т* обозначается сочетаніями съ соотвѣтствующими гласными звука, т. е. слогами.

Въ практическомъ письмѣ примѣняются оба начала графики, и только преобладаніе одного изъ нихъ рѣшаетъ вопросъ объ основномъ характерѣ графики даннаго письма. Въ историческомъ развитіи графики замѣчается, за рѣдкими исключеніями, переходъ отъ системы слоговой къ буквальной, и въ этомъ слѣдуетъ, конечно, видѣть совершенствованіе графики, цѣль которой заключается въ томъ, чтобы передавать звуки отдѣльными буквами, а не слогами.

Графическая система свв. Кирилла и Меѳодія была ими основана на принципѣ *слоговомъ*, т. е. сочетаніями буквъ, а не отдѣльными буквами, опредѣлялась природа звуковъ, ихъ твердость или мягкость. Въ древне-славянскомъ языкѣ, въ эпоху свв. Первоучителей, каждому *твердому* согласному звуку соотвѣтствовалъ одинъ *непереходно-мягкій*. Исключеніе составляли только г, к, х, которые переходя въ мягкіе звуки, становились уже совсѣмъ другими согласными звуками по качеству, т. е. дѣлались или шипящими (ж, ч, ш) или свистящими (ѕ, ц, с). Установивъ для этихъ переходно-мягкихъ (*г*, *к*, *х*) особыя буквы, именно—ж, ч, ш, ѕ, ц и с, св. Кириллъ обозначеніе непереходно-мягкихъ основалъ на томъ свойствѣ древне-славянскаго языка, въ силу котораго въ соединеніи съ мягкими согласными звуками возможны только одни, въ соединеніи съ твердыми—другіе гласные звуки. Такимъ образомъ, мягкіе согласные звуки могли сочетаться только съ є, и, ь, ѧ, ѣ, а твердые—съ о, ъ, ы. Отсюда начертанія, напр., бє, би, бѧ, рь, бѣ обозначали не только соотвѣтствующіе имъ мягкіе гласные звуки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мягкость предшествующихъ согласныхъ звуковъ; а начертаніями бо, бы, бъ, ръ и др. выражалась не только твердость гласныхъ звуковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и твердость предшествующихъ согласныхъ. Такимъ образомъ, для опредѣленія природы согласнаго звука всегда было необходимо знать, ка-

кой за нимъ слѣдовалъ гласный звукъ, т. е. качество согласнаго, твердость или мягкость, вмѣсто особаго начертанія, выражалось цѣлымъ сочетаніемъ, слогомъ. Въ этомъ именно и заключается слоговой принципъ графики. Только при сочетаніи съ гласными шипящихъ (*ж*, *ч*, *ш*) и свистящихъ согласныхъ звуковъ (*з*, *ц*, *с*), которые *сами по себѣ* уже были *мягкими* согласными звуками, образовавшимися изъ *г*, *к*, *х*, эти гласныя буквы выражали мягкость *только гласнаго* звука, такъ какъ мягкость предшествующаго согласнаго (т. е. *ж*, *ч*, *ш*, *з*, *ц*, *с*) обозначалась уже особыми буквами, т. е. *ж*, *ч*, *ш*, *з*, *ц*, *с*.

При гласныхъ **а**, **оу** и **ѫ** (юсъ большой), которые могли сочетаться и съ твердыми и съ мягкими согласными звуками, св. Кириллъ прибѣгнулъ къ средству, которое теперь имѣется въ латино-польской графикѣ, т. е. сталъ обозначать мягкость согласнаго звука съ помощью іота (і), который и соединилъ черточкой съ гласной буквой. Такимъ образомъ, писались: **ла** (**л** твердое) и **ля** (**л** мягкое), **лоу** и **лю**, **лѫ** и **лѭ**, даже **ле** и **лѥ** (ср. польское *ma* и *mia*, *na* и *nia*, *we* и *wie* и т. д.). Сочетанія **ля**, **лю** и **лѭ** и т. п., въ противоположность твердымъ **ла**, **лоу** и **лѫ**, указывали уже на буквальный принципъ графики, равно какъ и сочетанія **жа**, **ча**, **ша** и **ща**, гдѣ мягкость согласныхъ выражена самимъ начертаніемъ этихъ согласныхъ, которые въ церковно-славянскомъ были мягки по природѣ. Такимъ образомъ, древняя церковно-славянская графика представляла въ сущности соединеніе слоговой системы съ буквальной.

Въ современномъ русскомъ письмѣ господствуетъ слоговая графика. Сравнительно съ церковно-славянскимъ языкомъ, русскій языкъ, какъ извѣстно, сильнѣе развилъ твердость и мягкость согласныхъ звуковъ. Но эта твердость и мягкость выражается не отдѣльными буквами съ какими нибудь діакритическими значками, какъ въ польской (ср. *c* и *ć*, *s* и *ś*, *n* и *ń*, *ł* и *l*) или чешской графикѣ (ср. *d* и *ď*, *t* и *ť*), и не съ помощью *i*, какъ въ той же польской графикѣ (напр. *be* и *bie*, *wa* и *wia*, *me* и *mie* и т. п.), а сочетаніями (сло-

гами) съ той или другой гласной буквой. Такимъ образомъ, въ русскомъ языкѣ согласные бываютъ всегда твердыми (кромѣ *ч* и *щ*) лишь тогда, когда за ними слѣдуютъ *а*, *о*, *у*, *ы*, *ъ* и *э*, и мягкими (кромѣ *ш*, *ж* и *ц*),—когда за ними слѣдуютъ *и*, *е* (не всегда), *ё*, *ѣ*, *ю*, *я* и *ь*, напр. въ случаяхъ: *ба* и *бя*, *бо* и *бё*, *бе*, *бу* и *бю*, *бы* и *би*, *бъ* и *бь* и т. д. Это умягченіе предшествующаго согласнаго звука состоитъ въ томъ, что такъ называемый мягкій гласный, который по характеру есть звукъ сложный (*я*=*йа*, *ё*=*йо*, *ю*=*йу*, *ь*=*jъ* и т. д.) передаетъ свою мягкость, т. е. *іотъ* (й), предшествующему согласному звуку, самъ же становится чистымъ (твердымъ) гласнымъ звукомъ [1]). Поэтому, слоги въ родѣ *бя*, *бе*, *лю*, *ря* и т. п., должны бы имѣть такія начертанія, если бы наша графика была буквальная: *бьа*, *бьэ*, *льу*, *рьа* и т. п., а слово, положимъ, *дядя*, при буквальной графикѣ, слѣдовало бы написать *дьадьа* и т. п. Буквальный характеръ русской графики имѣетъ мѣсто только въ сочетаніяхъ гласныхъ съ шипящими *ч*, *щ*, *ж*, *ш* и свистящаго *ц*, потому что въ русскомъ литературномъ языкѣ *ч* и *щ*, по своей природѣ, всегда мягки, а *ж*, *ш* и *ц* — напротивъ — всегда тверды; слѣдовательно, ни мягкость *ч*, *щ*, ни твердость *ж*, *ш*, *ц* отъ слѣдующаго гласнаго звука совсѣмъ не зависитъ, напр., *чай* (=чяй), *чужой* (=чюжой), *щавель* (=щявель), *щука* (=щюка), *жечь* (= жэчь), *жиръ* (= жыръ), *шелкъ* (= шолкъ), *широкъ* (=шырокъ) и т. п.

Русская орѳографія и ея основы. Современная русская орѳографія есть результатъ всей предшествующей исторіи русскаго литературнаго письма. Она вырабатывалась постепенно и подъ воздѣйствіемъ многихъ причинъ.

Въ началѣ письменности у извѣстнаго народа письмо въ большей или меньшей степени является звуковымъ, т. е.

---

[1]) Что въ сочетаніяхъ согласныхъ звуковъ съ такъ называемыми мягкими гласными мягкость принадлежитъ именно согласнымъ звукамъ, а не гласнымъ, въ этомъ легко можно убѣдиться, если произносить слоги протяжно, напр. коня = коньаза, хвалю=хвальууу, дядя=дьааадьаа и т. п.

каждый звукъ языка постоянно изображается какимъ нибудь особымъ, соотвѣтствующимъ ему знакомъ, такъ что устная рѣчь въ значительной степени могла возстановляться по писанной. Такимъ было, надо полагать, письмо латинское и греческое; такимъ же было и письмо церковно-славянское, когда изобрѣтатель, составивъ азбуку, сталъ впервые изображать съ помощью ея звуки и слова церковно-славянскаго языка. Каждое отдѣльное начертаніе тогда произносилось именно такъ, какой звукъ оно изображало въ азбукѣ. Для русскаго языка азбуки спеціально не составлялось, и русскіе заимствовали ее цѣликомъ у болгаръ. Это обстоятельство, что для русскаго языка съ самаго начала письменности была взята чужая азбука, придуманная для другой фонетики, близкой, родственной, но все же во многомъ отличавшейся отъ русской, послужило причиною того, почему русская орѳографія съ самаго начала письменности не могла быть вполнѣ звуковой, фонетической. Она была фонетической лишь тамъ, гдѣ болгарскій языкъ въ звуковомъ отношеніи былъ сходенъ съ русскимъ, да и то не вездѣ, если принять во вниманіе то обстоятельство, что отъ эпохи св. Кирилла прошло болѣе столѣтія, и церковно славянское письмо успѣло уже значительно удалиться отъ своего прототипа, другими словами — отступить отъ фонетическаго начала, такъ какъ между болгарскими звуками эпохи св. Кирилла и Меѳодія (третья четверть IX в.) и конца X в., когда церковно-славянская письменность переходитъ въ Россію, могла образоваться уже значительная разница. Не говоря про заимствованные звуки и формы (напр. болгарское неполногласіе, болгарское смягченіе зубныхъ и т. п.), и въ другихъ случаяхъ первые русскіе грамотники стали писать такъ, какъ писали ихъ болгарскіе учителя X — XI в. Отсюда русская орѳографія съ самаго начала письменности приняла *историческій*, или *этимологическій* характеръ. Этимологическій принципъ письма соблюдается тогда, когда въ начертаніи словъ ясно видны слѣды ихъ состава, происхожденія и отношенія къ тѣмъ же словамъ въ языкахъ родственныхъ.

Въ правописаніи изобрѣтателей церковно славянской азбуки начало этимологіи слова совпадало съ его фонетикой, т. е. если, напр., слово **кънязь** писалось съ ъ, съ ѧ и ѕ (зѣло), то такое начертаніе, вполнѣ удовлетворяя живому выговору церковно-славянскаго языка въ эпоху св. Кирилла (**кънязь** произносилось, вѣроятно, какъ *kunendze* или *konendze*), въ то же время указывало и на этимологію этого слова, взятаго въ отдѣльности или въ отношеніи къ слову родственнаго языка (**кънязь**=герм. *kuning*). На русской почвѣ это слово, какъ и многія другія слова, произносилось, конечно, иначе (сначала, вѣроятно, **конязе**, а потомъ **князь**), а между тѣмъ правописаніе его осталось прежнимъ, кирилловскимъ. Съ этой стороны этимологическое начало можно назвать въ лучшемъ смыслѣ *историческимъ* Оно господствовало и въ древне-русской письменности, господствуетъ и теперь. Его поддерживало и поддерживаетъ, съ одной стороны—то обстоятельство, что русскій литературный языкъ и его письмо образовались подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка и письма, а съ другой — особенная консервативность живого русскаго языка, который, сравнительно со всѣми другими славянскими языками, сохранилъ въ бо́льшей цѣлости и чистотѣ свой звуковой составъ словъ. Звуки въ русскомъ языкѣ, правда, часто мѣнялись и мѣняются, но рѣдко выпадали и теряли совсѣмъ слѣды своего происхожденія. Живучестью состава своихъ словъ и формъ русскій языкъ обязанъ въ значительной степени и вліянію того-же церковно-славянскаго языка, о чемъ уже мнѣ приходилось говорить.

Приводить примѣры, гдѣ сохраняется этимологическое начало нашего письма, это значило бы перечислять цѣлыя категоріи словъ и формъ, что было бы весьма затруднительно. Тѣмъ не менѣе на нѣкоторые случаи слѣдуетъ указать. Таково, напр., употребленіе *ѣ*. Для насъ *ѣ* и *е*—одинъ звукъ, т. е. въ произношеніи *е* и *ѣ* отождествились, а между тѣмъ букву *ѣ* мы пишемъ вообще правильно, и въ корняхъ словъ и въ флексіяхъ. И въ этомъ правильномъ употребленіи намъ помогаетъ только одинъ навыкъ, память и знаніе этимологіи

слова, потому-что произношеніе слова тутъ почти никогда не приходитъ на помощь. Мало того. Въ другихъ случаяхъ произношеніе слова идетъ даже прямо въ разрѣзъ съ правописаніемъ его. Мы, напр., пишемъ: *того, этого, живота, сдѣлать, человѣкъ, вторникъ, конечно, боишься* и т. п., а произносимъ—*таво, этава, жывата, здѣлать, чи(ъ)лавѣкъ, фторникъ, канешно, боисься* и т. п. Слѣдуя извѣстному правописанію этихъ словъ, мы опять таки сохраняемъ этимологическое начало. Еще примѣръ. Согласные звуки *ж, ш* произносятся теперь *всегда* твердо, напр. *жэмчугъ, жывотъ, ншъ, ложъ, шэптать, шырокъ* и т. п., а между тѣмъ мы пишемъ послѣ нихъ *и, е, ь,* и этимъ обозначаемъ ихъ древнюю мягкость, давно уже утраченную.

Кромѣ этимологическаго начала, въ нашемъ письмѣ дѣйствуетъ, конечно, и фонетическій принципъ. Иначе и быть не можетъ. Этимологическое начало, при внимательномъ отношеніи къ нему, можетъ сохраняться въ письмѣ лишь до тѣхъ поръ, пока разница между письмомъ и произношеніемъ слова еще терпима. Но, съ теченіемъ времени, разладъ между произношеніемъ слова и его этимологіей можетъ сдѣлаться до такой степени рѣзкимъ, что, соблюдая въ письмѣ этимологическій составъ словъ, мы написали бы совсѣмъ другія слова, чѣмъ тѣ, которыя произносимъ. Если мы, напр., захотѣли бы написать этимологически слова — *царь, изба, хорь, чанъ, пчела, зги* (выраженіе: *зги не видать*), *щи, Брянскъ, теперь, покамѣстъ, стаканъ, слушаю-съ, пожалуйста* и т. д , то должны были бы ихъ изобразить такъ: *цьсарь, истъба, дъщанъ* (отъ *дъска*), *бъчела, стьги* (*стьга*, откуда — *стезя*), *съти* (*сътъ, сыта*), *Дъбряньскъ* (*дъбрь*), *топерьво, пока* (т. е. *какія*) *мѣста, дъстъканъ, слушаю — государь, пожалуй—государь* и т. п. Въ такихъ случаяхъ этимологическое начало письма должно, конечно, уступить мѣсто фонетическому, такъ какъ произношеніе слова измѣнило его этимологію до неузнаваемости.

Но правописаніе по выговору не ограничивается только рѣзкими отступленіями произношенія слова отъ его этимо-

логіи. Фонетическій принципъ проводится въ русской орѳографіи и во множествѣ другихъ случаевъ, гдѣ между произношеніемъ и этимологіей слова и нѣтъ такой большой разницы. Такъ, напр., приставки *раз, воз, низ, из,* стоя передъ *к, п, т, х, ф, ч, ц, ш* и *щ,* перемѣняютъ *з* на *с,* по требованію ассимиляціи согласныхъ звуковъ, напр., *исходъ, востокъ, растереть, ниспровергать* и т. д. Слѣдуя произношенію, мы пишемъ, напр., въ причастіи прош. вр. страдат. залога два *н,* напр. *сказанный, сдѣланный* и т. п. вм. этимологическихъ *сдѣланый, сказаный;* гласные неударяемые мы часто пишемъ по выговору и не сохраняемъ этимологіи, напр. *стаканъ, барсукъ, касатка, колодезь, десна, полымя* и т. д. вм. *стоканъ, борсукъ, косатка, колодязь, дясна, поломя* и т. д.

Фонетическое начало нашей орѳографіи можно прослѣдить и во многихъ другихъ словахъ и даже ихъ категоріяхъ.

Оба начала, этимологическое и фонетическое, проведены въ русской орѳографіи однако не послѣдовательно; другими словами: въ однихъ случаяхъ мы въ письмѣ удерживаемъ одно начало, въ другихъ, подобныхъ-же имъ, - другое, и нѣтъ возможности установить какія-либо опредѣленныя правила въ этомъ отношеніи. Взглянемъ на тѣ-же грамматическія категоріи, которыми мы только что пользовались. Въ корняхъ словъ, образовательныхъ окончаніяхъ мы, какъ было сказано выше, ставимъ *ѣ* вообще правильно, напр. *бѣсъ, бѣлый, вѣсъ, свирѣль,* и т. п. Но рядомъ съ этимъ въ нашей орѳографіи мы найдемъ не мало примѣровъ, гдѣ ставится неправильно: или *е* вм. *ѣ,* напр., *ведро, песокъ, прилежно, блескъ, семья, мелкій, колыбель, гибель, обитель, иней* и т. д., или *ѣ* вм. *е,* напр., *цвѣсти, сѣдло, Матвѣй, Алексѣй, Сергѣй, рѣдька, копѣйка, змѣй* и т. п. Возьмемъ другую категорію. По закону уподобленія, звонкіе согласные звуки передъ глухими переходятъ глухіе, и—наоборотъ. Поэтому, въ правописаніи словъ: *гдѣ, здѣсь, здоровъ, вездѣ, искусство, востокъ* и т. п. предпочтеніе отдано фонетикѣ, т. е. явились *г* вм. *к, з* вм. *с* и *с* вм. *з,* какъ того требуетъ произношеніе. Но вмѣстѣ съ этимъ встрѣчается рядъ аналогичныхъ примѣровъ, въ которыхъ произношеніе,

напротивъ, уступило въ письмѣ мѣсто этимологіи: *сдѣлать, сбѣжать, безконечный, черезполосный* и т. п.; и такихъ примѣровъ—большинство.

Невыдержанность этимологическаго начала съ одной стороны и фонетическаго съ другой въ одной и той же грамматической категоріи объясняется просто обычаемъ, преданіемъ: такъ-де писали въ старину, это письмо укоренилось, и такъ-де мы теперь пишемъ.

Кромѣ явленій, стоящихъ въ зависимости отъ этихъ двухъ началъ, этимологическаго и фонетическаго, въ нашемъ письмѣ мы найдемъ также не мало *условностей*, которыя нельзя объяснить ни фонетикой, ни этимологіей слова. Таковы, напр., окончанія именъ прилагательныхъ множ. чис имен. падежа муж. пола на *ые(іе)*, а женскаго и средняго рода на *ыя(ія)*. Эти окончанія установились въ нашей орѳографіи со времени Ломоносова, и для нихъ нѣтъ объясненія ни въ этимологіи, ни въ фонетикѣ. Таковы также двѣ формы въ имен. мн. чис. для мѣстоименія *онъ*: въ муж. родѣ *они*, а въ женск. *онѣ*; таково же и употребленіе ъ въ именахъ существительныхъ мужскаго рода, оканчивающихся на *ч* и *щ*, напр. *мечъ, клещъ:* фонетика и этимологія тутъ требуютъ обязательной постановки ь, а мы пишемъ условно ъ,—съ тѣмъ чтобы отличать имена мужескаго рода отъ именъ женскаго, напр. *ночь, печь* и др. Къ такимъ же условностямъ относится употребленіе *і*, большихъ или прописныхъ буквъ транскрипція иностранныхъ именъ, слитное или раздѣльное письмо составныхъ нарѣчій (*въ теченіе, вслѣдствіе, впослѣдствіи*) и т. п.

Невыдержанность главныхъ дѣйствующихъ началъ русской орѳографіи, этимологическаго и фонетическаго, и разныя ея условности, конечно, очень мѣшаютъ учащемуся быстро усвоить общепринятое письмо, особенно если у этого учащагося плохая зрительная память. Но русская орѳографія тѣмъ не менѣе вовсе не тарабарская грамота и куда легче, напр., французской, особенно англійской. А между тѣмъ французы и англичане очень легко и быстро усваиваютъ свое письмо. Это доказываетъ, что всѣ жалобы на труд-

ности нашего правописанія и всѣ страданія учениковъ въ средней школѣ отъ этого правописанія зависятъ цѣликомъ во 1) отъ неправильной, скажу, архаической постановки преподаванія орѳографіи въ средней школѣ и 2) отъ чрезмѣрнаго ригоризма очень многихъ учащихъ, которые относятся къ каждому факту правописанія съ слѣпымъ догматизмомъ и нетерпимостью, часто не различая въ немъ главнаго отъ второстепеннаго, важнаго отъ неважнаго и скрываясь только за авторитеты разныхъ пособій и руководствъ. Собственно говоря, въ нашей средней школѣ не столько *обучаютъ* орѳографіи, т. е. не столько заставляютъ ученика всегда писать *только* правильно, предохраняя его отъ ошибокъ, чтобы такимъ образомъ развить и укрѣпить въ немъ зрительную память въ этомъ отношеніи, сколько *провѣряютъ* примѣненіе усвоенныхъ имъ теоретически правилъ на практикѣ, да притомъ цѣликомъ въ младшемъ возрастѣ (до 4-го класса), который не можетъ еще относиться сознательно къ фактамъ языка, письма и русской грамматической системы.

Къ методологіи письма. Въ заключеніе, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о методикѣ обученія русскому правописанію. Многіе думаютъ, что правописаніе есть *знаніе*, а потому оно тогда-де прочно залегаетъ въ памяти, когда усвоивается сознательно, путемъ обученія грамматики. На самомъ дѣлѣ это не такъ.

Правописаніе не столько знаніе, сколько своего рода искусство, которое дается, съ одной стороны—зрительною памятью, съ другой — привычными движеніями руки, которыя побуждаютъ пишущаго изображать слово грамотно. Отсюда прежде всего слѣдуетъ, что научить орѳографіи посредствомъ предварительнаго изученія грамматическихъ правилъ въ общемъ трудно. Исключеніе составляютъ только тѣ правила, которыя охватываютъ громадное число случаевъ и устойчивы въ своемъ примѣненіи, напр. относительно употребленія *і*, постановки послѣ *ж* и *щ* буквы *и* и нѣк. др. Большинство же другихъ правилъ могутъ лишь сбить съ толку учащагося; такъ, ему совсѣмъ не нужно, напр., заранѣе изучать, въ

какихъ наречіяхъ нужно ставить *е*, а въ какихъ *ѣ* (вовсе, вездѣ), гдѣ нужно писать *з* или *с*, зубрить перечни съ буквою *ѣ* и пр Въ этихъ случаяхъ правописаніе усвоивается гораздо легче совершенно безсознательно, въ каждомъ словѣ въ отдѣльности. Изученіе грамматическихъ правилъ было бы полезно и даже необходимо лишь въ томъ случаѣ, если бы они были предназначены для сознательнаго примѣненія. Но вѣдь процессъ письма — дѣйствіе въ большей части безсознательное. Вотъ, почему можно знать правила превосходно и въ то же время писать безграмотно: вѣдь такіе случаи бываютъ сплошь и рядомъ. Съ другой стороны, можно совсѣмъ не знать грамматики, никогда не слыхать ни о какихъ правилахъ, и въ то же время писать вполнѣ грамотно. И такіе случаи также очень часты Я лично знаю много такихъ примѣровъ изъ своей педагогической практики и знакомствъ.

Большое значеніе придаютъ диктовкамъ, какъ средству усвоенія правописанія, благодаря извѣстнымъ внѣшнимъ удобствамъ и кажущейся съ внѣшней стороны цѣлесообразности этого средства На самомъ же дѣлѣ диктовка не только не годна для этого, но она не можетъ даже служить для провѣрки грамотности. При диктовкѣ ученикъ напишетъ вѣрно лишь то, что онъ хорошо знаетъ; а чего не знаетъ, то напишетъ вѣрно только *случайно*. Если же случайно напишетъ неизвѣстное ему слово невѣрно, то получаетъ невѣрныя зрительныя и „рукодвигательныя", какъ выражается проф. Томсонъ, ощущенія, которыя и запоминаются. Такимъ образомъ, диктовка, закрѣпляя въ памяти уже усвоенное, вмѣстѣ съ этимъ закрѣпляетъ также и ошибочныя написанія *неизвѣстныхъ* словъ. Мало того. При писаніи подъ диктовку, когда возбуждены главнымъ образомъ *слуховыя* ощущенія, и въ ущербъ *зрительнымъ*, учащійся легко можетъ невѣрно написать и то, что ему уже было извѣстно. Поэтому, частымъ писаніемъ диктовокъ можно грамотнаго скорѣе обратить въ малограмотнаго, чѣмъ въ болѣе грамотнаго, такъ какъ онъ постепенно привыкаетъ къ неправильному писанію все бóльшаго числа словъ. Диктовать безъ опасеній *повре-*

дитъ грамотности учащихся можно лишь то, что они напишутъ безъ всякихъ колебаній безусловно вѣрно, т. е. что имъ уже хорошо извѣстно. Кромѣ диктовокъ, нѣкоторые видятъ пользу въ томъ, что даютъ ученику *для исправленія* неправильныя начертанія словъ, напр. *следъ*, *разхотъ*, *лафка*, *вѣдутъ* и т. п., и требуютъ, чтобы тотъ написалъ эти слова, какъ нужно. Про такой способъ обученія орѳографіи можно сказать слѣдующее: нельзя и придумать лучшаго способа, чтобы привить ученику безграмотность, а грамотнаго сдѣлать малограмотнымъ. Вѣдь пока ученикъ смотритъ на эти слова и раздумываетъ, правильно или неправильно они написаны, въ его памяти все сильнѣе и сильнѣе закрѣпляются ошибки въ этихъ словахъ. А когда ему придется снова писать эти слова, ничто вѣдь не помѣшаетъ всплыть этимъ неправильнымъ зрительнымъ воспоминаніямъ, ибо всякія разсужденія и исправленія, бывшія при такихъ уродливыхъ упражненіяхъ, забываются.

Заучиваніе наизусть перечней словъ, какъ средство для усвоенія орѳографіи, значенія не имѣетъ. Если нужно, напр., написать слово *вѣдать*, то у грамотнаго послѣ *в* рука сама собой переходитъ къ *ѣ* (а не е); то же *ѣ* онъ видитъ и въ своемъ зрительномъ представленіи слова. Ясно, что для усвоенія такого писанія нужно давать соотвѣтствующія ощущенія и глазамъ и рукѣ. А между тѣмъ этими перечнями дается ученику нѣчто совсѣмъ другое — ряды звуковыхъ словъ, что имѣетъ мало общаго съ словомъ написаннымъ.

Иные педагоги, при обученіи письму, много возлагаютъ надеждъ на чтеніе, особенно по писанному, какъ на хорошее будто-бы средство для усвоенія орѳографіи. Конечно, чтеніе въ извѣстной степени закрѣпляетъ правильныя зрительныя воспоминанія о томъ, какъ пишется слово. Но научиться правильно писать посредствомъ чтенія трудно. Есть люди, которые хорошо и много читаютъ, а между тѣмъ пишутъ малограмотно. Это объясняется тѣмъ, что въ процессѣ чтенія мы обращаемъ почти исключительное вниманіе *не на то, какъ слова пишутся,* а *на смыслъ словъ,* предложеній и цѣлой

рѣчи, при быстромъ же чтеніи мы даже схватываемъ только содержаніе всей рѣчи, а не значеніе отдѣльныхъ словъ. Изображенія словъ отъ нашего вниманія, такимъ образомъ, почти совсѣмъ ускользаютъ. Поэтому зрительныя воспоминанія словъ, получаемыя отъ чтенія, въ общемъ всегда слабы, а образы словъ, возсоздаваемые въ этомъ случаѣ нашей памятью, не ясны и не точны. Написать слово правильно изъ прочитаннаго въ книгахъ тѣмъ труднѣе, что между печатными и писанными буквами существуетъ вѣдь большое различіе во внѣшнемъ видѣ.

Изъ всѣхъ способовъ обученія письму лучшимъ и едва ли не единственнымъ слѣдуетъ признать *списываніе* съ текстовъ, безукоризненно правильныхъ и тоже писанныхъ, что цѣлесообразнѣе печатныхъ по формамъ буквъ. Все вниманіе преподавателя должно быть направлено на то, чтобы начинающій обучаться орѳографіи всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ писалъ *только правильно*. Нужно очень заботиться о томъ, чтобы всячески оберегать учащагося отъ ошибокъ, предупреждать его во всѣхъ сомнительныхъ и неизвѣстныхъ случаяхъ, т. е. всегда показывать ему, какъ тѣ или другія слова или формы пишутся. Въ періодъ обученія письму ученикъ *никогда не долженъ видѣть неправильно написаннаго слова*. Само собой разумѣется, что списываемый текстъ долженъ быть не только вполнѣ понятенъ учащемуся - ибо, въ противномъ случаѣ, получится безсмысленное писаніе, что крайне нежелательно,—но и возможно болѣе простъ по своему составу, чтобы вниманіе пишущаго не отвлекалось содержаніемъ. При списываніи отдѣльныхъ словъ и краткихъ предложеній, вполнѣ правильно, четко написанныхъ и понятныхъ учащемуся, сильно возбуждаются въ памяти послѣдняго зрительныя представленія тѣхъ и другихъ, и вся работа ученика идетъ въ пользу усвоенія правописанія: ничего не пропадаетъ даромъ и ничего не пріобрѣтается такого, что можетъ послужить во вредъ грамотности. Для разнообразія въ пріемахъ и укрѣпленія въ памяти зрительныхъ образовъ отдѣльныхъ словъ, ученику можно

предложить сначала прочитать данный текстъ про себя или вслухъ, внушивъ ему вникнуть въ правописаніе и смыслъ каждаго слова, а затѣмъ, не заглядывая больше въ текстъ, записать по памяти этотъ текстъ цѣликомъ, хотя бы даже съ пропусками или перестановками словъ. При этомъ преподавателю все время необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы въ письмѣ не являлись а тѣмъ болѣе не повторялись какія-либо ошибки противъ орѳографіи словъ, которыя слѣдуетъ немедленно устранить, даже предупредить, дабы впослѣдствіи они не вошли въ привычку. Списываніе словъ и краткихъ предложеній, при непремѣнномъ условіи, чтобы то и другое было вполнѣ понятно учащемуся и копировалось имъ *всегда только правильно,* безъ всякихъ орѳографическихъ ошибокъ, составляетъ первый, наиболѣе длительный періодъ обученія письму начинающихъ и въ то же время самый трудный для учителя, такъ какъ въ это время отъ него потребуется непрерывная и неослабѣвающая бдительность надъ пишущими, чтобы поощрять и поддерживать ихъ вниманіе, не допуская разсѣянности и предупреждая т. о. ошибки. Когда учащійся пріобрѣтетъ достаточный навыкъ въ механизмѣ писанія отдѣльныхъ словъ и предложеній, когда онъ научится вполнѣ безошибочно списывать много разнаго рода словъ и явится основаніе предполагать, что зрительныя представленія ихъ въ его памяти окрѣпли, тогда можно ему предоставить писать, что онъ хочетъ: отдѣльныя слова, предложенія, краткій пересказъ прочитаннаго, заученное наизусть, изложеніе разсказа учителя, содержанія школьныхъ картинъ и т. д. до писанія собственныхъ краткихъ сочиненій въ повѣствовательно-описательномъ родѣ. Конечно, и при этомъ произвольномъ, такъ сказать, писаніи, какъ средствѣ обученія письму, все вниманіе учащагося должно быть сосредоточено на орѳографіи словъ, а учителя—на предохраненіи пишущаго отъ ошибокъ. Поэтому, если ученикъ не знаетъ, какъ пишется то или другое слово или сомнѣвается въ его орѳографіи, онъ обязанъ немедленно спросить объ этомъ учителя, а тотъ — написать это слово на доскѣ или въ тетради ученика. Кромѣ содѣй-

ствія учителя, свое незнаніе или сомнѣніе ученикъ обязанъ разрѣшать также при помощи подходящаго словаря или указателя, который во время писанія всегда долженъ быть у него подъ руками для такихъ именно справокъ въ орѳографіи. Такого рода справки, сдѣланныя ученикомъ самостоятельно и вполнѣ непринужденно, очень полезны въ смыслѣ закрѣпленія въ его памяти зрительныхъ представленій орѳографіи словъ.

Насколько списываніе со смысломъ, а затѣмъ писаніе текста по доброй волѣ учащагося являются наиболѣе дѣйствительными и цѣлесообразными пріемами обученія орѳографіи, лучше всего доказываетъ примѣръ англичанъ и особенно американцевъ, говорящихъ и пишущихъ тоже на англійскомъ языкѣ. Жалобъ на трудности усвоенія дѣтьми орѳографіи, какія мы постоянно слышимъ въ русскихъ школахъ, въ Англіи и Америкѣ не знаютъ, такъ какъ дѣти тамъ скоро и безъ особенныхъ затрудненій усвоиваютъ орѳографію. А между тѣмъ англійская орѳографія представляетъ величайшія трудности: въ ней правописаніе слова въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершенно расходится съ его произношеніемъ, чего никакъ нельзя сказать про русскую орѳографію; напр., book (книга)=buk, year (годъ)=ir, place (мѣсто)=pleis, white (бѣлый)=hwait и т. п. И усвоеніе этой трудной орѳографіи достигается учащимися безъ особенныхъ потугъ и насилій. Англійскіе педагоги держатся такого разумнаго правила: „съ самаго начала запечатлѣйте въ умѣ ребенка правильную физіогномію слова, и его орѳографія будетъ обезпечена“. Въ силу этого правила, проводимаго всегда послѣдовательно и неуклонно, дѣти тамъ учатся писать слова знакомыя, которыя они не разъ видѣли напечатанными въ книгахъ или написанными на доскѣ учителемъ. Если слово новое или у ученика является малѣйшее сомнѣніе въ томъ, какъ оно пишется, онъ обязанъ спрашивать у преподавателя или справиться въ подходящемъ словарѣ, такъ что учащійся въ извѣстный періодъ *никогда* не видитъ слова написаннаго неправильно. Американскіе педагоги убѣждены—и вполнѣ правильно — въ томъ,

что если ученикъ хоть разъ сдѣлалъ ошибку въ словѣ, то онъ склоненъ будетъ къ повторенію ея, и—наоборотъ— если онъ сразу напишетъ слово правильно, то всѣ шансы—за то, что онъ всегда будетъ писать данное слово такимъ именно образомъ. „Ошибку", говорятъ они вполнѣ резонно, „никогда не слѣдуетъ выдвигать на видъ, и если можно ее удалить прежде, чѣмъ ученикъ остановитъ на ней вниманіе, то — тѣмъ лучше". У насъ, при обученіи письму, дѣло происходитъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ наоборотъ. Ошибки въ безчисленныхъ и крайне обременительныхъ для обѣихъ сторонъ диктовкахъ учителя старательно подчеркиваютъ разными цвѣтными карандашами и чернилами, частью съ благою цѣлію,—предупредить ученика не дѣлать этихъ ошибокъ впослѣдствіи, частью ради личнаго удобства при подсчетѣ ошибокъ и выставленіи балла за диктантъ, частью, наконецъ, изъ боязни внушеній за небрежность корректуры и даже нареканій со стороны учениковъ. Но эта корректура, это демонстративное подчеркиваніе ошибокъ, по истинѣ, лучшій способъ поддерживать и укрѣплять ученика въ малограмотности, чѣмъ, дѣйствительно, и страдаетъ большинство учащихся въ русской средней школѣ, несмотря на всякія карательныя мѣры. Чтобы научить писать грамотно, надо заставлять писать всегда только грамотно, а кому орѳографія не сразу и вообще не скоро дается (но наступитъ время, когда пишущій ею во всякомъ случаѣ овладѣетъ), у того, значитъ, зрительная память, при всемъ его желаніи писать грамотно, неправильно или слабо развивается, въ чемъ онъ не можетъ быть, конечно, повиненъ [1])

---

[1]) Кто желаетъ ближе познакомиться съ методикой правописанія, тому можно рекомендовать статьи проф. *А. И. Томсона:* Къ теоріи правописанія и методологіи преподаванія его. Одесса 1903 г., Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. О. 1904, Необходима реформа не правописанія, а преподаванія правописанія. О. 1905 г. и *его же.* Общее языковѣдѣніе Одесса 1910 г., изд. 2-е, стр. 427—439, а также очень интересную книгу *Ек. Янжулъ* Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. С.-Пб. 1905 г.

Объ измѣненіяхъ въ языкѣ вообще.

Съ момента своего возникновенія языкъ, какъ своего рода живой организмъ, постоянно мѣняется, и въ качествѣ членораздѣльныхъ звуковъ и въ звуковыхъ сочетаніяхъ. Эти измѣненія совершаются не по волѣ говорящаго, а безотчетно. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ всегда помнить, что перемѣны въ языкѣ находятся въ тѣсной связи съ перемѣнами, совершающимися съ личностью говорящаго (физическими и духовными). А такъ какъ наше тѣло и наша психика подлежатъ дѣйствію извѣстныхъ законовъ, то, понятно, и въ явленіяхъ языка, стоящихъ въ зависимости отъ нашего тѣла и духа, мы въ правѣ искать тоже извѣстной закономѣрности.

Въ каждомъ словѣ мы различаемъ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю, т. е. *звуковую* и *логическую,* другими словами: мысль, понятіе съ одной стороны и извѣстный звукъ или звуковой комплексъ, какъ бы воплощающій это понятіе—съ другой. Поэтому, измѣненія словъ бываютъ двоякаго рода: внѣшнія и внутреннія. Внѣшнія явленія — это перемѣны въ звукахъ слова и въ видимыхъ отношеніяхъ сочетаній словъ между собою; внутреннія явленія — это перемѣны въ значеніи словъ, въ той связи, какая существуетъ между извѣстнымъ звуковымъ комплексомъ и понятіемъ. Тѣ и другія измѣненія независимы другъ отъ друга, такъ какъ между извѣстнымъ значеніемъ слова и извѣстными звуками не существуетъ природной связи.

Цѣль нашего изученія — это звуковыя измѣненія языка, внѣ зависимости отъ перемѣнъ въ значеніи словъ.

Законы звуковыхъ измѣненій. Ближайшая причина звуковыхъ измѣненій языка кроется, конечно, въ природѣ звуковъ рѣчи, т. е. въ условіяхъ ихъ образованія и сочетаній въ данное время, что, въ свою очередь, зависитъ отъ многихъ причинъ, физическихъ и психическихъ. Хотя всѣ перемѣны въ звуковомъ составѣ языка совершаются безсознательно, не по волѣ говорящаго, тѣмъ не менѣе онѣ не лишены извѣстной

цѣлесообразности. Онѣ, надо полагать, направлены къ наиболѣе легкому и удобному произношенію звуковъ и образованію формъ въ извѣстное время и у извѣстнаго языка. Звуковыя измѣненія языка бываютъ двоякаго рода: 1) измѣненія *фонетическаго* характера и 2) измѣненія, совершающіяся подъ вліяніемъ *аналогіи*. Измѣненія перваго рода стоятъ въ прямой зависимости отъ перемѣнъ въ положеніи нашихъ органовъ рѣчи и подчинены извѣстнымъ законамъ. Къ числу такихъ измѣненій принадлежитъ, напр., переходъ *е́* въ *йо* (ё) въ слогахъ, на которые падаетъ удареніе и которые предшествуютъ твердымъ согласнымъ, напр., *ёлка, мёдъ, вёзъ, верёвка* и т. п. Къ такимъ же измѣненіямъ относится современная твердость звуковъ *ж* и *ш* въ сочетаніи съ *и, е*, напр., *жъгеотъ, шыбко, жытіе, жэмчугъ* и т. д.; прежде шипящіе *ж* и *ш* звучали въ этихъ случаяхъ и вообще мягко. Фонетическія измѣненія обнимаютъ цѣлый рядъ тождественныхъ явленій и наблюдаются всякій разъ, какъ извѣстное условіе на лицо; исключенія здѣсь вообще рѣдки и легко объясняются. Звуковыя измѣненія, возникшія подъ вліяніемъ аналогіи, зависятъ, напротивъ, не отъ органовъ рѣчи, а отъ дѣятельности ума. Мы измѣняемъ звуки и формы въ однихъ словахъ по образцу и подъ вліяніемъ звуковъ и формъ въ другихъ словахъ. Такъ, напр., литературныя формы отъ гл. *хотѣть* въ 1-мъ и 2-мъ лицѣ множ. числа—*хотимъ, хотите* вм. этимологическихъ *хочемъ, хочете*, явились подъ вліяніемъ формы 3-го лица множ. ч. (хотятъ). Или: произношеніе ударяемаго *е*, какъ *ё*, передъ мягкимъ слогомъ въ словахъ — *землёю, зарёю, судьёю, семьёю* и т. п., явилось подъ вліяніемъ аналогіи съ окончаніемъ именъ женскаго рода на *ою*, напр. *женою, волною, доскою* и т. п.

Въ то время какъ явленія фонетическія подчиняются извѣстнымъ физіологическимъ законамъ рѣчи, явленія аналогіи, напротивъ, кажутся намъ случайными, хотя мы ихъ наблюдаемъ въ очень большомъ рядѣ случаевъ, напр., всѣ имена муж. и сред. родовъ *(рабъ, конь, окно)* въ дат., твор. и предл. падежахъ оканчиваются теперь на *амъ (ямъ), ами*

(ями) и *ахъ (яхъ)*, вмѣсто древнихъ *омъ (емъ)*, *ы (и)* и *ихъ (ихъ)*, подъ вліяніемъ склоненія словъ женскаго рода на *а (я)* *(жена, земля)*, гдѣ окончанія *амъ-ами-ахъ (ямъ-ями-яхъ)* были исконными.

Иногда аналогія сталкивается съ дѣйствіемъ фонетическаго закона и производитъ въ немъ исключенія. Такъ, напр., произношеніе *е*, какъ *ё (йо)*, въ ударяемыхъ слогахъ передъ мягкимъ слогомъ или мягкимъ согласнымъ звукомъ *(семьёю, землёю* и т. д.), возникшее подъ вліяніемъ аналогіи съ формой *женою, волною* и т. п., явилось исключеніемъ изъ ряда такихъ формъ, какъ *твое́ю, мое́ю, свое́ю, коне́й*, въ которыхъ произношеніе *е*, какъ *е*, согласно съ звуковымъ закономъ русскаго языка. Или: извѣстно, что *а*, находясь подъ удареніемъ, всегда сохраняется въ русскомъ языкѣ; поэтому, отъ глагола *платитъ* формы 2-го и 3-го лица ед. числа и 1 лица мн. ч. наст. вр. должны были бы произноситься: *пла́тишь, пла́титъ, пла́тимъ*, а между тѣмъ мы часто слышимъ: *пло́тишь, пло́титъ, пло́тимъ, упло́ченъ* и т. п. Произношеніе ударяемаго *а*, какъ *о*, въ этомъ случаѣ явилось въ подражаніе такимъ формамъ, какъ *вскочу (вскачу), вско́читъ, вско́читъ* и т. д., гдѣ *о*, произносимое, какъ *а* (аканье), правильно чередуется съ *о* подъ удареніемъ.

Отношеніе между звуковымъ измѣненіемъ и перемѣною въ звукахъ, вызванною аналогіей, можно вкратцѣ характеризовать такъ: звуковое измѣненіе основано на перемѣнѣ въ образованіи звука и проявляется вездѣ при одинаковомъ стеченіи звуковъ; аналогія же, напротивъ, влечетъ за собой замѣну старой формы какимъ-либо новообразованіемъ.

Виды звуковыхъ измѣненій въ русскомъ языкѣ. Современный литературный языкъ въ его звуковыхъ и формальныхъ особенностяхъ представляетъ смѣсь элементовъ самаго разнообразнаго характера и происхожденія. Въ основѣ его лежатъ, конечно, черты, свойственныя ему, какъ одному изъ индо-европейскихъ языковъ. Къ этимъ чертамъ присоединяются особенности, присущія русскому литературному языку, какъ языку славянскому. Далѣе слѣдуютъ особенности, которыя

этотъ языкъ сохраняетъ еще отъ обще - русской эпохи, но уже послѣ выдѣленія изъ семьи славянскихъ языковъ. Наконецъ, въ русскомъ языкѣ имѣются черты, которыя образовались въ немъ въ разныя эпохи его исторической жизни, на почвѣ тѣхъ или другихъ нарѣчій. Вслѣдствіе такой смѣси элементовъ старыхъ съ новыми, въ русскомъ литературномъ языкѣ, какъ и во всякомъ другомъ языкѣ, конечно, дѣйствуютъ законы измѣненія звуковъ, какъ *старые*, такъ и *новые*. Мы остановимся прежде всего на тѣхъ законахъ, которые унаслѣдованы русскимъ языкомъ отъ старины и въ той или другой степени продолжаютъ дѣйствовать и въ настоящее время.

Усиленіе или подъемъ гласныхъ звуковъ. Въ области гласныхъ звуковъ важнѣйшимъ закономъ ихъ измѣненія, оказавшимъ большое вліяніе на весь строй языка, является такъ называемое *усиленіе* или *подъемъ* гласныхъ звуковъ. Подобное чередованіе гласныхъ называется *подъемомъ* потому, что въ другихъ языкахъ, знающихъ долготу и краткость гласныхъ звуковъ, а также двоегласные звуки, гласные краткіе чередуются съ долгими. Причины этого чередованія (напр. ударяемость и неударяемость слога, а можетъ быть даже и различное качество ударенія и т. п.), не могутъ быть установлены и объяснены изъ фактовъ одного языка: ихъ разсмотрѣніе имѣетъ мѣсто только въ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ.

Въ русскомъ языкѣ чередованіе болѣе широкихъ гласныхъ съ узкими, глухихъ съ явственными совершается обыкновенно при образованіи разныхъ словъ отъ одного и того же корня.

Къ числу чередующихся гласныхъ принадлежатъ слѣдующіе:

1. *Е* и *О*, напр., *велѣть—воля, теку—токъ, бреду—бродъ, веду—водить* и т. п.

2. *О—А*, напр. *творить—тварь, ходить—хаживать, водить—повадка, клонить—кланяться*; это чередованіе *о* съ *а* въ русскомъ языкѣ особенно распространено.

3. *Ѣ* и *А*, напр. *лѣзть—лазить, сѣсть—садить* и др.

4. *Я* и *У*, напр. *трясти—трусъ, грязнуть—грузъ, мяту—смута, звякать—звукъ* и др.; здѣсь собственно произошло чередованіе не чистыхъ гласныхъ звуковъ *я* и *у*, а носовыхъ—ѧ (юса малаго) съ ѫ (юсомъ большимъ), которые въ русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, замѣнились чистыми гласными звуками: *я(а)* и *у(ю)*.

5. *Ы* и *У*, напр., *дышать—духъ, слыть—слухъ* и т. д.

6. *И* и *Ѣ*, напр., *висѣть—вѣсъ, сидѣть—сѣсть;* отъ этого чередованія *и* съ *ѣ* слѣдуетъ отличать такое же чередованіе *ѣ* съ *и*, которое является діалектическою особенностью нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ русскихъ говоровъ.

7. *Ы* съ *ОВ, Ю—ЕВ*, напр., *крыть—кровъ, слыть слово, клюю—клевать, плюю—плевать;* слогъ *ов* можетъ далѣе усилиться въ *ав*, напр., *слово—слава*. Это чередованіе *ы* съ *ов* и *ю* съ *ев* происходитъ лишь въ томъ случаѣ, когда эти *ов* и *ев* очутятся передъ гласными звуками.

8. *И* съ *ОИ*, напр., *пить—поить, бить—бой* и т. п.

Всѣ эти чередованія гласныхъ звуковъ можно назвать древними; ихъ раздѣляетъ между прочимъ и церковно-славянскій языкъ.

Само собой разумѣется, что въ современномъ русскомъ языкѣ подъемъ гласныхъ звуковъ совсѣмъ не тотъ, чѣмъ онъ былъ прежде и какимъ мы его видимъ, напр., въ древне-славянскомъ языкѣ. Русскій языкъ, съ теченіемъ времени, не мало измѣнился въ своемъ вокализмѣ. Въ эпоху до X-го вѣка въ немъ были, напр., еще гласные *ъ* и *ь*, которые произносились, какъ краткіе *о* и *е*, близкіе къ *у* и къ *и*. Но впослѣдствіи эти гласные звуки или совсѣмъ исчезли, или, находясь подъ удареніемъ, а также въ слогѣ передъ неслоговыми *ъ, ь* и при стеченіи согласныхъ звуковъ окончательно прояснились въ *о* и *е* (*съ́нъ, дь́нь, начя́тъкъ, яблъко, стькло*). Пропускъ *ъ* и *ь* явился главною причиною того, что въ настоящее время въ русскомъ языкѣ недостаетъ той ступени подъема гласныхъ, которая была прежде и какую сохранилъ древній церковно-славянскій языкъ, а именно чередованій: *ъ* съ *о*, *ь* съ *е* съ одной стороны, и *ъ* съ *ы*, *ь* съ

и—съ другой. У насъ теперь съ гласными *о, е, ы, и* чередуется будто нуль; напр., *з(ъ)вать—зову, б(ъ)дѣть—бодръ—будить, м(ь)нѣть—поминать, б(ь)рать—беру, ж(ь)дать—ожидаю, р(ъ)вать — вырывать, р(ъ)дѣть — рыжій* и т. д. Пропускъ ъ и ь въ письмѣ и въ произношеніи затемнилъ первоначальное чередованіе. Въ другихъ случаяхъ, гдѣ ъ и ь прояснились въ *о* и *е*, это затемнѣніе обнаруживается еще въ большей степени; напр. въ глаголахъ *хотѣть, писать* коренные звуки *о* и *и* были только въ формахъ настоящаго времени, тогда какъ въ формахъ, произведенныхъ отъ неопредѣленнаго наклоненія, стояли глухіе ъ и ь: **хътѣти, пьсати.** Отсюда происходило чередованіе **хътѣти—хощѫ, пьсати—пишѫ.** Теперь этотъ древній подъемъ совсѣмъ сгладился, такъ какъ *о* и *и* проведены теперь по всѣмъ формамъ спряженія, по аналогіи съ формами изъяв. накл. наст. вр. Но этимъ разстройство древняго чередованія гласныхъ, вслѣдствіе исчезновенія глухихъ, еще не ограничивается. Пропускъ глухихъ внутри словъ повлекъ за собою образованіе такъ называемыхъ бѣглыхъ гласныхъ *о* и *е* при склоненіи и словопроизводствѣ. Въ древности такія слова, какъ *сонъ, день, посолъ* и т. п. писались съ ъ и ь, вм. нынѣшнихъ *о* и *е*. Эти ъ и ь сохранялись при склоненіи (род. *съна* и т. д.) и словопроизводствѣ *(дьньсь)*; значитъ, не было никакого чередованія. Теперь у насъ явилось чередованіе звуковъ *о* и *е* съ нулемъ, напр., *день—дня, дневной, весь—всякій, посолъ—посланникъ* и т. п.

Такъ разстроилось древнее чередованіе, называемое подъемомъ.

Живыя чередованія въ области гласныхъ звуковъ.

Рядомъ съ измѣненіемъ однихъ гласныхъ звуковъ въ другіе, унаслѣдованнымъ отъ старины и общимъ съ такимъ же чередованіемъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, въ современномъ русскомъ языкѣ существуютъ чередованія, свойственныя только русскому языку, развившіяся въ историче-

ское время и дѣйствующія понынѣ. Въ то время какъ причину древнихъ чередованій можно выяснить только изъ фактовъ сравнительной грамматики, объясненіе этихъ новыхъ, живыхъ чередованій получается изъ данныхъ русскаго языка. Главными причинами этихъ чередованій бываютъ удареніе и качество (твердость или мягкость) послѣдующаго согласнаго звука.

Удареніе. Необходимую принадлежность каждаго слова въ русскомъ языкѣ составляетъ удареніе, называемое этимологическимъ, въ отличіе отъ логическаго ударенія, которое выдѣляетъ слово въ предложеніи. Сущность русскаго ударенія на словѣ заключается не въ музыкальномъ повышеніи голоса, какъ это было, напр., въ древне-греческомъ языкѣ, а въ *усиленіи выговора* ударяемыхъ слоговъ, т. е. въ увеличеніи силы, съ какою выталкивается воздухъ, при произнесеніи звука, вслѣдствіе чего ударяемый слогъ произносится нѣсколько *длиннѣе* неударяемыхъ. Не даромъ, поэтому, въ старину русскія грамматики называли удареніе *силою.* Отличительнымъ признакомъ русскаго ударенія является его *подвижность,* что замѣчается также у болгаръ, сербовъ и словинцевъ, тогда какъ въ польскомъ языкѣ удареніе стоитъ всегда на предпослѣднемъ слогѣ, а чехъ старается напирать на начальный слогъ. Впрочемъ, и въ русскомъ языкѣ удареніе обычно ставится на 3-хъ послѣднихъ слогахъ, такъ какъ большинство словъ — односложныя, двусложныя и трехсложныя. Но это не исключаетъ, примѣровъ, гдѣ удареніе бываетъ на 4, 5, 6, 7 слогахъ, напр. *Всéволодовичами, воспитывающіеся;* есть даже слова, которыя имѣютъ удареніе и на 8-мъ слогѣ: *вы́баллотированіе.* Интересно то обстоятельство, что предлоги, какъ отдѣльные, такъ и въ сложеніи съ словами, часто притягиваютъ на себя удареніе, напр., *нá руку, пóдъ голову, вы́пустить, зáповѣдь* и т. п. Удареніе въ русскомъ языкѣ имѣетъ большое значеніе. При помощи ударенія мы различаемъ не только, напр., падежи и вообще грамматическія категоріи, напр., *сестры́* и *сёстры,* но также и весьма многія слова, тожественныя по составу, напр. *бѣ-*

ло́ко и *бѣло́къ*, *берегу́* и *бе́регу*, *во́ротъ* и *воро́тъ*, *дорога́* и *доро́га*, *зна́комъ* и *знако́мъ*, *за́мокъ* и *замо́къ*, *жила́* и *жи́ла*, *па́ромъ* и *паро́мъ* и т. п. Съ другой стороны, удареніе очень важно въ русской фонетикѣ, въ области гласныхъ звуковъ языка: его отсутствіе или присутствіе вызываетъ цѣлый рядъ измѣненій звуковъ и словъ. Законы русскаго ударенія пока еще не выяснены.

Законъ расширенія звука е(йэ) въ ё(йо). Звукъ *е* (чистый или образовавшійся изъ *ѣ*), находясь подъ удареніемъ и передъ твердымъ согласнымъ звукомъ или въ концѣ слова, переходитъ въ *йо́*, которое на письмѣ не имѣетъ особаго начертанія, обозначается буквою *ё*, а послѣ шипящихъ иногда—буквою *о*, напр. *село́* - *сёла*, *плету́* - *плётка*, *весёлый*, *дёнъ*, *лёнъ*, *грабёжъ*, *ёлка*, *житьё*, *копьё* и т. п. Напротивъ того, если за ударяемымъ *е* слѣдуетъ мягкій слогъ, то звукъ *е* не подвергается расширенію, напр. *пле́ти*, *весе́лье*, *е́ль*, *се́льскій* и т. п. Литературный языкъ допускаетъ *ё* только подъ удареніемъ, тогда какъ въ областныхъ говорахъ (сѣверно-великорусскихъ) мы услышимъ: *пёрсты́*, *сёстра́*, *ёму́*, *ёго́*, *ёзёро* и т. п. Послѣ твердыхъ шипящихъ *ж*, *ш* и свистящаго *ц* звукъ *йо* какъ бы вполнѣ теряетъ свой призвукъ *й* и превращается въ чистое *о*, напр. *жолтый*, *жоны*, *лицо*, *кольцо*, *шовъ*, послѣ мягкихъ *ч* и *щ* этой полной утраты не замѣчается, напр. *чёлка*, *щётка* и т. п.

Невыдержанность въ письмѣ. Такъ какъ послѣ шипящихъ звуковъ *е* подъ удареніемъ произносится совсѣмъ или почти какъ *о*, то отсюда нерѣдко происходило и происходитъ сомнѣніе, что писать—*о* или *е*, т. е. слѣдовать ли фонетикѣ слова или его этимологіи. Наклонность писать *о* вм. *е* въ этихъ случаяхъ мы видимъ уже въ древнихъ рукописяхъ, начиная съ XIII в., напр. *шолъ*, *жонъ*, *крещонъ* и т. п. Много такихъ ошибокъ противъ этимологіи слова укоренилось въ письмѣ и сдѣлалось фактами нашей современной ороографіи, хотя колебаніе между *е* и *о* послѣ шипящихъ дѣйствуетъ и въ настоящее время, смущая тѣхъ, кто не усвоилъ еще себѣ принятой грамотности въ этомъ отношеніи. Въ современ-

ной ороографіи принято писать *о* вм. *ё* въ такихъ случаяхъ: 1) въ окончаніяхъ нѣкоторыхъ словъ: *свѣжо, хорошо, плечо* и т п.; 2) передъ суффиксомъ *ок* (изъ *ек*): *кружокъ, дружокъ, вершокъ, пушокъ* и др.; но лучше—*сверчекъ, крючекъ* и др., 3) въ именахъ фамильныхъ, напр. *Чижовъ, Балашовъ, Хрущовъ* и др.; 4) въ творит. падежѣ именъ сущ., напр. *ножомъ, палашомъ, душой* и т. п.; но послѣ *ч* лучше писать *е*: *плечемъ, ключемъ, свѣчею* и т. д.; 5) въ слогѣ открытомъ, т. е. кончающемся на гласный звукъ, напр., *шопотъ, шорохъ, жолобъ, обжора, чопорный* (но: *еще)*, а въ закрытыхъ слогахъ, т. е. оканчивающихся на согласный звукъ, ороографія слѣдуетъ этимологіи слова, напр., *жесткій, шелкъ, желтый, челка, счетъ, четки, щетка* и т. п., хотя—*шовъ*. Иногда встрѣчается двоякое письмо послѣ шипящихъ, т. е. *е* и *о*, чтобы яснѣе обозначить выговоръ извѣстныхъ словъ, напр., *чертъ* и *чортъ*, *шестъ* и *шостъ* (самъ), *душенька* и *душонка*, *положенный* и *положоный*, *совершенный* и *совершоный* и т. п.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ послѣ шипящихъ ударяемое *е* удерживается въ современной ороографіи. Конечно, что вошло въ употребленіе, того измѣнять не слѣдуетъ, но гдѣ *о* или *е* вызываютъ еще сомнѣніе, тамъ всегда слѣдуетъ отдавать предпочтеніе этимологіи слова, т. е. писать *е*, а не *о*. Такихъ сомнѣній не можетъ быть только послѣ звука *ц*, послѣ котораго всегда слѣдуетъ ставить ударяемое *о*, а не *е*, напр., *лицо, кольцо, купцомъ* и т. д.; при отсутствіи же ударенія послѣ *ц* пишется *е*, напр., *перцемъ, улицею*. Исключеніе могутъ, пожалуй, составить только три слова: *танцовать, гарцовать* и *шприцовать*.

Исключенія изъ закона расширенія согласнаго е (э).

Законъ расширенія *е* въ *ё(йо)* проводится вообще очень послѣдовательно, разъ только соблюдены извѣстныя условія, т. е. надъ *е* имѣется удареніе и далѣе слѣдуетъ твердый слогъ или звукъ. Но есть и исключенія изъ этого правила. Они двоякаго рода: 1) въ однихъ случаяхъ ударяемое *е* произносится, какъ *е*, хотя за нимъ слѣдуетъ твердый согласный звукъ и 2) въ дру-

гихъ — наоборотъ — ударяемое *е* произносится, какъ *ё*, не смотря на то, что далѣе идетъ мягкій согласный звукъ.

Отступленія перваго рода бываютъ, во 1-хъ) въ словахъ книжнаго происхожденія, и прежде всего — заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго языка, который долго вліялъ на русскій. Произношеніе словъ, въ родѣ: *крéстъ, словéсный, смéртный, умéршій, жéзлъ, нéбо* (но: *нёбо*), *прошéдшій, ужé* (но: *ужо*), *пещéра, чéрпать* и т. п. навѣяно церковно-славянскимъ языкомъ. 2) Въ нѣкоторыхъ словахъ, сложенныхъ съ отрицаніемъ, напр. *бéздна, нéдоросль, нéмочь, нéдругъ.* Такое произношеніе явилось противъ фонетики, по аналогіи съ словами церковно-славянскими. 3) Въ словахъ иностранныхъ, когда на томъ языкѣ, откуда они взяты, *е* произносится чисто, напр. *кавалеръ, офицеръ, интересъ, министерство, газета, нервы* и т. п.

Но, кромѣ этихъ дѣйствительныхъ исключеній, существуетъ не мало исключеній мнимыхъ. Это бываетъ именно въ словахъ, гдѣ пишется ошибочно *е*, тогда какъ слѣдуетъ писать *ѣ*, который подъ удареніемъ не переходилъ въ *йо*, напр., *мелкій, блескъ, вредъ, запретъ, опека, ночлегъ* и т. п.; тотъ же *ѣ* долженъ бы стоять и въ отрицаніи *не*, въ словахъ: *нéкогда, нéкому* и т. п.

Расширеніе *е* въ *йо(ё)* въ извѣстномъ положеніи не касается звука *ѣ*, который хотя и отождествился въ произношеніи съ *е*, но въ *ё* не переходилъ въ русскомъ языкѣ, что въ большинствѣ случаевъ наблюдается и теперь, напр., *ѣхать, бѣсъ, пѣшъ, рѣжь, свѣтъ, бѣлъ, желѣзо, невѣста, телѣга, нѣтъ* и т. д. Въ этомъ заключается рѣзкое отличіе *ѣ* отъ *е* въ литературномъ языкѣ. Но такъ какъ *ѣ* уподобился въ произношеніи *е*, то вліяніе аналогіи все же сказалось, и въ нѣкоторыхъ, правда, очень немногихъ случаяхъ *ѣ* расширилось въ *ё*. Это именно въ словахъ: *звѣзды* [1]), *пріобрѣлъ, надѣванъ, позѣвывать, поддѣвка, смѣтка, медвѣдка.* Сюда же

[1]) Въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ сохраняется однако правильное произношеніе, т. е. *ѣ* не расширяется въ *ё*, напр. *звѣзды.*

относятся и слова, гдѣ *е* стоитъ неправильно вм. *ѣ*, напр. *вёдра*(вѣдра). Что касается словъ *сѣдла* и *цвѣлъ*, то произношеніе ихъ съ *ё* вполнѣ правильно, такъ какъ *ѣ* тутъ пишется по ошибкѣ вм. *е* (ср. *седъло, цвьту*).

Отступленія второго рода, т. е. гдѣ мы ожидали-бы *е*, а слышимъ, напротивъ, *ё(йо)*, возникли по аналогіи. Эти отступленія замѣчаются: во 1-хъ) въ падежныхъ окончаніяхъ или во второобразныхъ формахъ такихъ словъ, у которыхъ въ первичной формѣ *е* ударяемое стоитъ передъ твердымъ слогомъ; такъ, подъ вліяніемъ формъ: *берёза, кулёкъ, денёкъ, зелёненькій*, гдѣ *е* произносится, какъ *ё*, вполнѣ правильно, образовались формы и слова: *берёзѣ, денёчки, далёкій, зелёненькій, кулёчекъ* и т. п., гдѣ произношеніе *е* какъ *ё*, уже неправильно; во 2-хъ) въ окончаніи 2-го лица множ. числа настоящ. времени передъ *те:* тутъ, подъ вліяніемъ формъ *ревёшь, ревёмъ, несёмъ* и т. п., образовались формы: *ревёте, несёте* и т. д., вм. правильныхъ: *ревéте, несéте*; въ 3-хъ) въ именахъ уменьшительныхъ: по аналогіи съ словомъ *тётка*, произносится *тётя* (но: *Пéтя, Сéня*) и въ 4-хъ) въ творительномъ падежѣ именъ женскаго рода на *ею*: по аналогіи съ формами—*женою, волною, женой, волной* и т. п., стали произноситься—*землёю, зарёю, землёй, семьёю, зарёй*, хотя *ё* здѣсь не имѣетъ законнаго основанія (ср. формы: *моéй, твоéй, моéю, твоéю*).

Произношеніе безударныхъ гласныхъ звуковъ. Изъ всѣхъ неударяемыхъ гласныхъ звуковъ особеннаго вниманія въ литературномъ языкѣ заслуживаютъ звуки *а, о* и *е*. Различіе въ произношеніи неударяемыхъ *а, о, е* зависитъ во 1) отъ положенія неударяемаго гласнаго относительно ударенія, т. е. стоитъ-ли гласный звукъ за удареніемъ или передъ нимъ, непосредственно или дальше, и во 2-хъ) отъ положенія его въ срединѣ или въ концѣ слова. Соединяя эти оба условія въ одно, мы получимъ 4 главныхъ положенія въ произношеніи неударяемыхъ гласныхъ *а, о, е* въ литературномъ языкѣ.

1. Неударяемые *а, о, е* оканчиваютъ слово и стоятъ *непосредственно* за ударяемымъ слогомъ. Въ этомъ случаѣ

русскій литературный языкъ произноситъ эти неударяемые звуки слѣдующимъ образо̀мъ: а) *а(я)* — какъ чистое *а(я)*, напр. *рѣ́па, па́ра, ла́зя, сы́пя*; б) *о* — какъ звукъ средній между *а* и *о*, но болѣе близкій къ *а*, напр.: *сла́бо*(а), *пря́мо*(а) и в) *е*—какъ широкое *э*, напр., *по́ле, мо́йте, мы́ль, ла́пѣ* и т. п.

Такъ же точно произносятся эти *а, о, е,* когда стоятъ въ послѣднемъ слогѣ и болѣе удаленномъ отъ ударенія, напр., *вы́дача, ви́димо*(а), *но́сите* и т. д.

2. Неударяемые *а, о, е* стоятъ внутри слова *непосредственно* за ударяемымъ слогомъ. Въ этомъ случаѣ *а* и *о* произносятся очень глухо, что можно изобразить буквою *ъ*, а звукъ *е* или тоже слышится глухо, или произносится, какъ звукъ, близкій къ *и*, напр. *при́стъвъ* (приставъ), *то́пътъ*(топотъ), *вы́лъзка* (вылазка), *де́вътъ* и *де́витъ* (девять), *бра́тъцъ* и *бра́тицъ, о́чинъ* и *о́чънъ*(очень) и т. п.

Такъ же точно произносятся неударяемые *а, о, е,* когда они стоятъ въ слогѣ и болѣе удаленномъ отъ ударяемаго, напр.: *вы́плака(ъ)ть, ко́локо(ъ)лъ, совѣ́туе(и)тъ, высидѣ(и)ть* и т. п.

3. Неударяемые *а, о, е* стоятъ въ слогѣ, *непосредственно* предшествующемъ ударяемому слогу. Въ этомъ случаѣ: а) неударяемое чистое *а* послѣ твердыхъ согласныхъ произносится довольно ясно, напр. *сады́, каче́ли,* а послѣ мягкихъ и шипящихъ звучитъ, какъ *и(ы)* или *е*, напр., *тини́* и *тени* (тяни), *пито́къ*(пятокъ), *ейцо́* и *йийцо́*(яйцо), *чисы́*(часы), *щиве́ль*(щавель), *жыркое́*(жаркое), *шыги́*(шаги) и т. п.; б) неударяемое *о* звучитъ, какъ *а*, напр. *вада́, дабро́, бально́й* и т. п.; в) неударяемое *е* произносится, какъ *и*, напр. *биру́*(беру), *нидѣ́ля*(недѣля), *миня́*(меня) и т. п.

4. Неударяемые *а, о, е* стоятъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ. Въ этомъ случаѣ *а* и *о* произносятся глухо, что можно обозначить черезъ *ъ*, а мягкое *а* (т. е. *я*) и *е* звучатъ или тоже глухо или почти какъ гласный *и*, напр., *стърику́* (старику), *зъкрича́лъ* (закричалъ), *чилавѣ́къ* или *чълавѣ́къ*(человѣкъ), *дилаво́й* (дѣловой), *питири́къ*(пятерикъ) и т. д.

Что касается неударяемыхъ гласныхъ звуковъ *и, ы, у, (ю)*,

то они въ литературномъ произношеніи вообще сохраняютъ свое качество, хотя ъг и и иногда тоже звучатъ неясно, напр., *дǒбрьмъ* (дóбрымъ), *бъстратá* (быстротá), *крáсъть* (красить), *пъравáть* (пировать) и т. п.

Такимъ образомъ мы видимъ, что неударяемые гласные звуки въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія имѣютъ не одну и ту же устойчивость. Слогъ, непосредственно предшествующій ударенію, является наиболѣе *сильнымъ*, а слѣдовательно—и наиболѣе устойчивымъ изъ неударяемыхъ слоговъ. Напротивъ, въ слабыхъ положеніяхъ, т. е во 2-омъ или 3-мъ слогѣ передъ удареніемъ или послѣ него (внутри слова), безударный гласный звукъ слышится глухо и очень близокъ къ исчезновенію.

Аканье. Изъ всѣхъ измѣненій неударяемыхъ гласныхъ звуковъ особенно интересно измѣненіе, когда неударяемое этимологическое *о* произносится, какъ *а*. Это совпаденіе *о* съ *а* извѣстно подъ названіемъ *аканья*, которое составляетъ характерную черту нарѣчій бѣлорусскаго и южно-великорусскихъ, а въ частности и московскаго говора, который лежитъ въ основѣ русскаго литературнаго языка. На аканье нельзя смотрѣть, какъ на очень раннее явленіе. Оно восходитъ лишь къ XIV вѣку, въ письмѣ-же стало обнаруживаться довольно ясно только съ XV ст. Такъ какъ неударяемое *о* передъ удареніемъ стало произноситься, какъ *а*, то южно-великорусскіе, въ частности—московскіе писцы часто путались, какую букву ставить въ томъ или другомъ случаѣ. Вслѣдствіе этого въ русской орѳографіи укоренилось нѣсколько ошибокъ, не оправдываемыхъ этимологіей языка. Эти ошибки двоякаго рода: въ однихъ случаяхъ мы видимъ перевѣсъ живого произношенія надъ этимологіей, въ другихъ обнаружилось стараніе писца слѣдовать этимологіи слова тамъ, гдѣ этого вовсе не было нужно. Къ ошибкамъ перваго рода надо отнести примѣры, гдѣ стоитъ *а* вм. *о*, напр., *барсукъ* (ср. пол. borsuk), *работа*, *расти*, *ракита*, *крапива*, *завтракъ* (вм. завтрокъ), *качанъ* (ср. кóчень), *карманъ*, *стаканъ*, *тараторить*, *Вазуза*, *Каширa*, *Масальскъ*, *кагат-*

ка и мн. др. Ошибки второго рода — тѣ, гдѣ укоренилось *о* вм. этимологическаго *а*, напр., *грамота* (γράμματα), *ласковъ* (ср. польск. łaskawy), *творогъ, коровай, оводъ* (ср. пол. owad) и т. п. Эти ошибки дошли до насъ съ давнихъ временъ, и съ ними мы должны считаться, какъ съ принятымъ письмомъ.

Но аканье дѣйствуетъ въ языкѣ и въ настоящее время и продолжаетъ смущать насъ, какъ прежде смущало древнихъ русскихъ грамотниковъ. Чтобы избѣгать ошибокъ въ письмѣ въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ всегда подыскивать такія формы словъ, въ которыхъ сомнительный гласный звукъ произносился бы ясно, т. е. стоялъ бы подъ удареніемъ, напр. *поравить*, но—*нбровъ, снорбвка*. Подъ вліяніемъ аканія, мы до сихъ поръ сомнѣваемся, какъ писать глаголы: *рождать, поклоняться, поглощать, возгораться* и т. п., т. е. съ этимологическимъ ли *о*, или *а*, какъ того требуетъ произношеніе. Предпочтеніе въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отдавать этимологическому *о*.

Сомнѣніе является также въ окончаніяхъ именъ уменьшительныхъ, а именно въ суффиксахъ *ишка* и *и(ъг)шко*. Но тутъ дѣйствуетъ такое условное правило: окончаніе *ишка* слѣдуетъ употреблять въ именахъ предметовъ одушевленныхъ, а *ишко* — неодушевленныхъ, напр., *батюшка, сынишка, плутишка, мальчишка*, но — *домишко, крестишко, перышко* и т. д. Изъ двухъ окончаній *ишко* и *ишка* первое древнее и правильное, а появленіе *ишка* объясняется аналогіей съ склоненіемъ именъ женскихъ на *а*, какъ увидимъ ниже.

Благодаря аканію у насъ явилось не мало случаевъ чередованія (по аналогіи) безударнаго, но коренного *а* съ *о* подъ удареніемъ. Такія формы, какъ: *вадá* (вода) — *вóды, вскачу* (вскочу) — *вскóчишь, нашу* (ношу) — *нóсишь* и т. п., вызываемыя исключительно аканіемъ, повели къ образованію новыхъ формъ, гдѣ коренное, но безударное *а* чередуется съ *о*, которое однако не имѣетъ этимологическаго объясненія, напр., *плачу—плóтишь, уплóченъ, сажу—сóдишь, дарю—дóришь, пальтó—пóльта, каймá—кóймы*. Само собой

разумѣется, что ставить здѣсь *о* въ письмѣ нѣтъ никакого основанія, хотя многіе и пишутъ: *пбльта, уплбченъ, кбймы* и т. п.

Чередованіе безударнаго е съ и. Всякое неударяемое *е* (*е* чистое, *ѣ* или *е*, получившееся изъ *ъ*), если оно стоитъ въ слогѣ непосредственно передъ или послѣ ударенія, произносится въ литературномъ языкѣ, какъ *и*, напр., *виду́* (веду), *нису́* (несу), *бидѣ* (бѣдѣ), *бчинъ* (очень), *вре́мини* (времени) и т. п. Вслѣдствіе такого произношенія *е*, какъ *и*, у насъ очень часто разныя слова звучатъ одинаково, напр., *питухъ* (*пѣтухъ* и *питухъ*), *придѣлъ* (*предѣлъ* и *придѣлъ*), *вицa* (*вѣнца* и *винца*), *пивца* (*пѣвца* и *пивца*), *развилась* (*развелась* и *развилась*) и т. п. Произношеніе безударнаго *е*, какъ *и*, повлекло за собой рядъ этимологическихъ ошибокъ, установившихся въ ороографіи; напр. *свирѣпъ* (вм. *сверѣпъ*), *свидѣтель* (вм. *свѣдитель*), *дитя* (вм *дѣтя*), *снигирь* (вм. *снѣгирь*), *сидѣть* (*сѣдѣть*), *улизнуть* (*улѣзнуть*), *пичужка* (*пѣчужка* отъ глаг. *пѣть*), *мачиха* (*мачеха*), *витія* (*вѣтія*) и др. Правописаніе этихъ словъ давнее, а потому съ нимъ, кромѣ *мачиха*, приходится считаться.

Но переходъ *е* въ *и* дѣйствуетъ и нынѣ въ живомъ языкѣ и часто затрудняетъ наше правописаніе. Эти затрудненія въ письмѣ бываютъ: 1) въ глагольныхъ формахъ 1-го спряженія, гдѣ соединительная гласная *е* произносится, какъ *и*, напр., *виляетъ, пи́шешь, ска́жемъ, прика́жете* и т. п.; сомнѣніе разрѣшается окончаніемъ 3 л. множ. числа: *утѣютъ*. 2) Въ словахъ уменьшительныхъ на *екъ*, которое произносится, какъ *икъ*: *цвѣточекъ, кулёчекъ* и т. п.; помочь можетъ форма родительнаго падежа: при *икъ* въ имен. падежѣ звукъ *и* сохраняется (купчикъ—купчика), при *екъ*—звукъ *е* (изъ *ъ*) въ род. пад. и др. пропадаетъ (вѣночекъ—вѣночка). 3) Въ уменьшительныхъ и ласкательныхъ съ суффиксомъ *еньк*, напр., *папенька, хорошенькій, толстенькій, Оленька, Машенька* и т. п. Хотя *еньк* тутъ произносится, какъ *иньк*, но слѣдуетъ всегда писать *еньк*, а не *иньк*, какъ въ именахъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ, причемъ при-

сутствіе *е* можно провѣрить краткой формой прилагательнаго или нарѣчіемъ, гдѣ надъ сомнительнымъ *е* окажется удареніе, напр. *худёнекъ, хорошёнько* и т. п. Тамъ, гдѣ трудно или нельзя сдѣлать такую повѣрку, нужно руководствоваться такимъ теоретическимъ соображеніемъ. Суффиксъ *енък* есть двойной суффиксъ, состоитъ изъ *ен* + *ък*. Первый суффиксъ, т. е. *ен*, образовался либо изъ **ьн**, либо путемъ разложенія изъ **ѧ**, который, въ видѣ чистаго звука *я*, въ русскомъ языкѣ встрѣчается въ уменьшительныхъ именахъ на *я* (послѣ шипящихъ *а*); напр. *Оля, Катя, Надя, Ваня, батя, Миша, Саша* (ср. церк.-слав. **млада** — младенецъ, **лиса** — *лисенокъ*, **дѣвьча**—дѣвченка; ср. русское *паря*—парень). 4) Смѣшиваютъ довольно часто суффиксы *инск* съ *енск* въ прилагательныхъ, напр. *аннинскій, кове(и?)нскій.* Суффиксъ *инск* состоитъ изъ *ин*+*ск*; значитъ, онъ можетъ быть только въ тѣхъ именахъ существительныхъ муж. и жен. рода на *а* и *я*, которыя образуютъ прилагательныя на *инъ*: *Марья—Марьинъ, Косьма — Косьминъ, Илья — Ильинъ* и т. п. Отсюда — *Марьинскій, Ильинскій, Косьминскій, Екатерининскій, Шемахинскій, Гатчинскій* и т. п. Напротивъ, суффиксъ *енск*, тоже сложный изъ *ен(ън)*+*ск*, употребляется въ прилагательныхъ отъ тѣхъ именъ сущ., которыя не образуютъ прилагательныхъ на *ин*, напр. *Керченскій* (Керчь), *городищенскій* (городище), *кладбищенскій* (кладбище), *коломенскій* (Коломна), *Пензенскій* (Пенза), *Ливенскій* (Ливны), *Чесьменскій* (Чесьма) и т. п.

Чередованіе я съ е—и. Мягкое *а* (*j*+*а*), т. е. *я*, находясь передъ удареніемъ чередуется съ звукомъ *е* и, значитъ, также съ *и*, напр. *петбкъ* и *питбкъ* (пятокъ), *питно* и *петнб* (пятно), *ри(е)ббй* (рябой), *сви(е)тбй* (святói), *йи(йэ)дро* (ядрó), *гли(е)дѣть* (глядѣть) и др. Послѣ шипящихъ согласныхъ, первоначально мягкихъ, а въ настоящее время отвердѣвшихъ (*ж, ш*), мы находимъ вмѣсто узкихъ гласныхъ широкіе, а потому слова: *жара, жаровня, шары, часы, щавель, шаги* произносимъ: *жыра, жыровня, шыры, чи(е)сы, щи(е)вель, шыги* и т. п. Вслѣдствіе этого чередованія звука *я* съ *и* и *е*, въ нашей орео-

графіи издавна установились такія неправильности, какъ *ястребъ* вм. ястрябъ (ꙗстрѧбъ), *тетива* вм. тятива (тѧтива), *колодезь* вм. колодязь (кладѧзь), *десна* вм. дясна (дѧсна), даже *рѣсница* вм. рясница (рѧсьница).

Бѣглые звуки о, е. Къ безударнымъ гласнымъ звукамъ относятся также и такъ называемые бѣглые звуки *о*, *е*. Мы знаемъ, что славянскіе *ъ* и *ь*, нѣкогда существовавшіе и въ русскомъ языкѣ, съ теченіемъ времени у насъ или совсѣмъ исчезли или, находясь, между прочимъ, подъ удареніемъ, прояснились въ *о* и *е*, и образовали такъ называемые *бѣглые* звуки, напр. *сонъ* (сънъ) : *сна*, *левъ* (львъ) : *льва*, *день* (дьнь) : *дня* и т. п. По аналогіи съ этими бѣглыми, фонетически развившимися изъ глухихъ *ъ* и *ь*, у насъ стали бѣглыми и исконные *о* и *е* которые никогда не исчезали въ словопроизводствѣ и словоизмѣненіи. И тутъ отсутствіе ударенія свело эти основные гласные къ нулю. Мы говоримъ: *ровъ* — *рва* вм. рова, *пепелъ* — *пепла* вм. пепела, *ледъ* — *льда* вм. лёда, *парень*—*парня* вм. пареня и т. д. Эту *вторичную* бѣглость, не всегда раздѣляемую народными говорами, въ которыхъ до сихъ поръ встрѣчаются формы *пепела*, *рова*, *лёда*, мы найдемъ даже въ заимствованныхъ словахъ, напр. *игуменъ*—*игумна* вм. игумена (ἡγούμενος), а въ двухъ словахъ *заяцъ* и *колодезъ* (чаще *колодецъ*), гдѣ старинные суффиксы ѧць и ѧзь замѣнились, подъ вліяніемъ аканія, суффиксомъ *е(я)цъ*, мы видимъ даже бѣглость *е*, происшедшаго изъ *я* (ѧ): *заяцъ*—*зайца* (по примѣру: боецъ — бойца), *колодецъ*—*колодца*.

Сокращеніе и выпаденіе гласныхъ звуковъ. Главнымъ факторомъ сокращенія, выпаденія и отпаденія гласныхъ звуковъ является отсутствіе ударенія. Раньше всего въ русскомъ языкѣ потеряли гласное произношеніе неслоговые *ъ* и *ь*, которые въ концѣ словъ оставили только слѣдъ на качествѣ предшествующаго согласнаго звука, его твердости или мягкости, напр. *лобъ*, *конь*. Одновременно съ этимъ исчезъ и гласный звукъ *и* (йи), стоявшій послѣ гласнаго же звука, оставивъ послѣ себя лишь призвукъ j (й), напр. *край*, *мой* и др. вм. *крáйи*, *мóйи* и др.

Кромѣ этого, въ русскомъ языкѣ подверглись отпаденію послѣ гласныхъ звуковъ: 1) *э* въ окончаніи сравн. степени *ѣйэ* (= *ѣе*), напр. *скорѣ́й* изъ *скорѣ́йэ*, *сильнѣ́й* изъ *сильнѣ́йэ* и т. п.; 2) то же *э*, точнѣе *ѣ*, въ окончаніи род. пад. жен. рода именъ прил. и мѣстоименій, вслѣдствіе чего образовались формы: *до́брой* вм. *до́бройѣ* (доброѣ), *моей* вм. *моéйѣ* (моеѣ), *всей* вм. *всéйѣ* (всеѣ), *вся́кой* вм. *вся́койѣ* (всякоѣ), *которой* вм. *которойѣ* (котороѣ); это окончаніе въ род. п. ж. рода именъ прил. и мѣстоименій на *оѣ* и *еѣ*, очень распространенное въ русскомъ языкѣ до XVII в., въ настоящее время сохраняется лишь въ народныхъ діалектахъ, а въ литературномъ произношеніи — только въ род.-вин. отъ *она* и *сама* : *её*, *самоё*; 3) звукъ *у* въ окончаніи твор. пад. ед. числа жен. рода именъ сущ., прилагат. и мѣстоименій и въ отдѣльныхъ словахъ, напр. *твоей доброй сестрой* вм. *твоéйу до́бройу сестро́йу* (твоею доброю сестрою), *чай* вм. *ча́йу* (чаю), *пожа́луй* вм. *пожа́луйу* (пожалую), *благодарствуй* вм. *благода́рствуйу* (благодарствую) и др.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ отъ отпавшаго конечнаго гласнаго звука сохранился все-таки призвукъ *й* (іотъ). Въ другихъ случаяхъ гласный пропадаетъ совсѣмъ, оставляя слѣдъ лишь въ мягкости предшествующаго согласнаго звука, что обозначается ъ-мъ. Это произошло именно съ *и*: 1) въ неопредѣленномъ и повелительномъ наклоненіяхъ, напр. *ходитъ*, *любитъ*, *брось*, *станъ* и т. п. вм. *ходити*, *любити*, *броси*, *стани* и т. п.; 2) въ союзахъ *ли*, *или*, напр. „молитву-ль тихую читали, иль пѣли пѣсни старины“; 3) въ именахъ существительныхъ: *братья*, *пастью*, *копье*, *гаданье*, *писанье* и т. д. вм. *братія* и т. д., *мать*, *дочь* вм *мати*, *дочи*.

Кромѣ *и* отпадаютъ въ концѣ словъ: 1) *е*, напр., *лишь* изъ *лише*, *прочъ* изъ *проче*, *авось* изъ *авосе*, *ужъ* изъ *уже* *одиннадцатъ* изъ *одинъ на десяте* и т. д., 2) *а* (*я*) въ возвр. мѣст. *ся* (*съа*), напр., *хотѣлось* изъ *хотѣлося*, *нашлось* изъ *нашлося* и др.; сюда же относятся *хоть* изъ *хотя* и *покамѣстъ* изъ *по ка мѣста* (т. е. по какія мѣста; 3) *о*, напр.,

такъ, тутъ, тамъ, какъ изъ *тако, туто, тамо, како*; 4) *ы*, напр., *чтобъ, я бъ это сдѣлалъ* и т. п.

Внутри словъ неударяемые гласные звуки выпадали рѣдко. Въ этомъ отношеніи русскій языкъ былъ очень консервативенъ, и этимологія слова удерживалась имъ крѣпко. Поэтому, примѣровъ выпаденія чистыхъ гласныхъ звуковъ внутри словъ и современный литературный языкъ знаетъ вообще мало; къ древнимъ примѣрамъ принадлежатъ: *дцать* въ сложныхъ числительныхъ, сократившееся изъ *десяте* — *одиннадцать, двѣнадцать* и др.. *жерлб* изъ *жерело, скорлупа* изъ *скоролупа, горностáй* изъ *горностай, пын(ъ)че* изъ *пыньча* и нѣк. др. Такая консервативность въ письмѣ заслуживаетъ тѣмъ бóльшаго вниманія, что въ произношеніи великорусскій языкъ, особенно московское нарѣчіе, очень склоненъ опускать въ такъ называемыхъ слабыхъ положеніяхъ не только одиночные гласные звуки, но и цѣлые слоги, благодаря чему мы говоримъ: *тысча* вм. *тысяча, грдавой* вм. *городовой, тлкавать* вм. *толковать, Лъзавета* вм. *Елизавета, Иванна* вм. *Ивановна, дѣлла* вм. *дѣлала, полнте* вм. *полноте* и т. п.

Стаженіе гласныхъ звуковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ русскій языкъ знаетъ также и стяженіе гласныхъ звуковъ, что также зависитъ отъ отсутствія ударенія, напр. *Николавна* вм. *Николаевна, Андревна* вм. *Андреевна, баринъ* изъ *бояринъ, Ѳедоръ* вм. *Ѳеодоръ, Дмитричъ* вм. *Дмитріевичъ* и т. п.

Выпаденіе неударяемыхъ гласныхъ и стяженіе ихъ, особенно въ собственныхъ именахъ, является однимъ изъ характерныхъ признаковъ *чистоты* литературнаго произношенія; здѣшніе (въ Польшѣ) русскіе въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, стараются говорить по-книжному, и это — неправильно.

Чередованіе э широкаго съ узкимъ. Законъ чередованія э̀ широкаго или открытаго съ э́ узкимъ или закрытымъ можно формулировать такъ: передъ мягкими согласными звуками или слогами является всегда э́ закрытое, передъ твердыми — э̀ открытое; напр. *брéдить — брѐдъ, мéль — мѐлкій, поэ̀зія —*

поэтъ, вѣсти—вѣдать, цѣль—цѣлъ и т. п. Что касается *е* (*ѣ*) въ концѣ слова, то оно является открытымъ, напр. *ходитѐ, гдѣ* и т. п. Въ появленіи закрытаго *é* передъ мягкими согласными звуками мы должны видѣть своего рода уподобленіе: мягкіе согласные содержатъ въ себѣ *j* (іотъ), а іотъ — ближайшій родичъ *и*; поэтому *е* передъ мягкими согласными приближается къ *и*.

Отступленія въ письмѣ. Законъ перехода *э̀* въ *э́* и обратно въ русскомъ языкѣ проводится очень послѣдовательно, разъ только соблюдено необходимое условіе. Съ другой стороны, живой выговоръ поддерживается и письмомъ. Хотя въ русскомъ письмѣ нѣтъ особыхъ начертаній для обоихъ разновидностей *э*, тѣмъ не менѣе отличать *э̀* отъ *э́* очень легко: то и другое произношеніе звука *э* зависитъ отъ того, какой дальше слѣдуетъ слогъ, твердый или мягкій. Но есть въ русскомъ письмѣ начертанія, которыя препятствуютъ правильному произношенію звука *е* (*э*), напр. *верхъ, церковъ, четвергъ, коверкать, Серпуховъ* и нѣк. др. Въ этихъ словахъ *е* стоитъ передъ твердымъ *р* и, слѣдовательно, должно-бы произноситься открыто, т. е. *вѐрхъ, цѐрковъ* и т. п. На самомъ же дѣлѣ оно произносится закрыто, какъ-бы съ ъ-мъ послѣ *р*, т. е. *вéръхъ, цéръковъ, четвéръгъ, Сéръпуховъ* и др. Такое противорѣчіе объясняется тѣмъ, что живой языкъ еще помнитъ древнюю фонетику этихъ словъ, потому что, дѣйствительно, тутъ *р* было мягкое, что обозначалось постановкою послѣ него ъ-ря, и осталось мягкимъ, хотя ъ и утратился въ письмѣ. Москвичи, впрочемъ, не всѣ, съ мягкимъ *р* произносятъ также и слова *верба* и *первый*, т. е. тоже съ закрытымъ *е*: *верьбá, пéрьвый*.

Еще больше разногласія между письмомъ и произношеніемъ замѣчается въ словахъ, въ родѣ *мечъ, лещъ* и т. д., гдѣ ъ-мъ показывается какъ бы твердость шипящихъ *ч* и *щ*, хотя послѣдніе по природѣ всегда мягки. Но не смотря на это чисто условное ъ въ окончаніи, звукъ *э́* здѣсь все-таки

всегда закрытый, и мы произносимъ *мéчъ, лéщъ*, а не *мэчъ, лэщъ*, какъ этого требуетъ правописаніе слова [1]).

Какъ звуки *ч* и *щ* въ русскомъ литературномъ языкѣ всегда мягки, такъ звуки *ж* и *ш*, напротивъ, всегда тверды, хотя эта твердость на письмѣ и не обозначается, напр. *животъ, широкій*. Но будучи твердыми по своей природѣ, эти звуки могутъ, однако, въ извѣстной степени смягчаться подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ звуковъ, напр., *прежь(ъ)де, баш(ъ)ня* и т. п. Поэтому, въ словахъ: *вешній, прежній* и т. п., въ которыхъ раньше послѣ *ш* и *ж* слѣдовалъ *ь*, звуки *ж* и *ш* сохранили еще свою давнюю мягкость, а потому *е* тутъ слѣдуетъ произносить закрыто, несмотря на отсутствіе обозначенія мягкости въ письмѣ.

Въ указанныхъ примѣрахъ письмо не обозначаетъ мягкости согласныхъ, а между тѣмъ звукъ *е* слѣдуетъ произносить закрыто (*é*).

Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, въ письмѣ мягкость обозначается, а между тѣмъ *е* слѣдуетъ произносить открыто (*è*). Таковы именно слова и формы: *плѣшь, утѣшь, брѐшь, рѣжь, ѣдѐшь, дѣлаѐшь* и т. п. Тутъ *ь* имѣетъ только этимологическое значеніе и не смягчаетъ *ж* и *ш*.

Измѣненія согласныхъ звуковъ.

Измѣненія согласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ зависятъ, съ одной стороны—отъ сочетаній согласныхъ съ гласными звуками, съ другой—отъ сочетаній согласныхъ съ согласными же. Одни изъ этихъ измѣненій слышатся только въ произношеніи, другія обнаруживаются также и въ письмѣ.

Смягченіе согласныхъ звуковъ. Самымъ значительнымъ перемѣнамъ подвергаются согласные звуки, когда они приходятъ

[1]) Правило школьныхъ грамматикъ—имена муж. род. на *ч* и *щ* (*ключъ, плащъ*) оканчивать на *ъ*, для того чтобы отличать ихъ отъ именъ жен. род. (*ночь, дочь*), противорѣчитъ этимологіи и произношенію этихъ словъ и давно должно быть вычеркнуто изъ всѣхъ руководствъ, съ тѣмъ чтобы всѣ слова на *ч* и *щ* муж. р. писались съ *ь* на концѣ: *мечь, ключь, плащь, лещь, клещь* и т. п.

въ соприкосновеніе съ такъ называемыми іотированными гласными звуками и изъ твердыхъ превращаются въ мягкіе звуки. Такое смягченіе бываетъ двоякое: либо согласный, смягчаясь іотомъ, не теряетъ своего основного качества, либо напротивъ—переходитъ совсѣмъ въ другой звукъ, большею частью небнаго характера. Первое смягченіе называется *непереходнымъ*, второе—*переходнымъ*

Непереходное смягченіе. Непереходное смягченіе особенно сильно развито въ русскомъ языкѣ. Кромѣ согласныхъ *ж* и *ш*, которые, впрочемъ, все же иногда сохраняютъ свою давнюю мягкость (*ѣжжю*=ѣзжу, *прежній*, *вешній*), въ русскомъ языкѣ всѣ согласные звуки, сочетаясь съ такъ называемыми мягкими гласными звуками и ѣ, сами становятся мягкими, напр. б̇а[1]) : б̓я, б̇ы : б̓и, б̇о : б̓ё и б̓е (ѣ), т̇а : т̓я, д̇у : д̓ю, м̇ы : м̓и и т. п.

Умягчительное вліяніе іотированнаго гласнаго звука и *ѣ(=j+ъ)* иногда бываетъ такъ сильно, что передается на цѣлый рядъ предшествующихъ согласныхъ звуковъ, напр. с̇т̇ыдно и с̓т̓ихнуть, д̇н̇о и д̓н̓ѣ, з̇в̇укъ и з̓в̓ѣрь, пѣс̇н̇отворецъ и пѣс̓н̓и, пус̇т̇ыня и пус̓т̓ить, перс̇т̇ъ и пер̓с̓т̓ень, съѣс̇т̇ное и съѣс̓т̓ь и т. п. Тутъ дѣйствуетъ законъ однородности сочетанія согласныхъ: твердыхъ съ твердыми и мягкихъ только съ мягкими. Не всегда однако согласные звуки, становясь мягкими, способны умягчать предшествующіе согласные; напр. г̇н̓и (изъ гъни), с̇в̓ес̓т̓и (съвести), с̇б̓еречь (съберечь), в̇с̓ѣсть (въсѣсти), в̇н̓езапно (внезапьнъ), гор̇к̓и (горъки), от̇в̓ѣтъ (отъвѣтъ), остат̇к̓и (остатъки), сан̇к̓и (санъки) и т. п.

Въ этихъ случаяхъ твердость предшествующихъ согласныхъ звуковъ—*г*, *с*, *в*, *р*, *т* и *н* поддерживается въ литературномъ произношеніи отчасти памятью языка о прежней

---

[1]) Точка надъ согласною буквою обозначаетъ твердость согласнаго звука, а запятая—мягкость.

твердости этихъ согласныхъ, что обозначалось утратившимся впослѣдствіи полугласнымъ ъ, отчасти аналогіей съ такими образованіями, въ которыхъ эти согласные звуки по положенію должны произноситься твердо, напр. гнуть, сводить, всадить, горка и т. п.

Другое исключеніе изъ общаго закона о смягченіи согласнаго звука, подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго, составляетъ плавный звукъ *л*. Онъ, во первыхъ, не пропускаетъ черезъ себя смягченія, напр. привлекать, млѣть, слѣпой, слеза, мыслить, продлить, злить, плѣнъ, окроплять и т. п.; здѣсь *в*, *м*, *с*, *д*, *з* и *п* произносятся твердо. Единственное исключеніе, когда *л* пропускаетъ мягкость, бываетъ въ томъ случаѣ, когда передъ мягкимъ *л* стоитъ *л* же, напр. аллея, металлическій, коллизія; здѣсь первое *л* уподобляется второму въ мягкости, какъ уподобляется также ему и въ твердости, напр. металлоидъ, галлы, металлъ и т. п. Съ другой стороны, свою твердость или мягкость *л* сохраняетъ независимо отъ слѣдующаго слога, т. е. не подвергается вліянію послѣдующаго звука, напр. исполнить, колвѣ, ползи (ср. ползать), толстѣть, молвить и др., гдѣ звукъ *л* твердый, несмотря на то, что слѣдующій согласный мягкій, и — наоборотъ: польза, льнуть, львы, стрѣльба, бѣльмо и др., гдѣ *л* мягкій - что обозначается и въ письмѣ съ помощью ь—несмотря на то, что слѣдующій слогъ твердый.

Но звукъ *л*, какъ звукъ плавный, ближе всего подходящій по образованію къ гласному звуку, при сохраненіи своей самостоятельности, является только частичнымъ исключеніемъ изъ общаго закона: ибо самъ онъ, находясь передъ такъ называемымъ мягкимъ гласнымъ звукомъ, все таки подвергается смягченію.

Иное дѣло шипящіе *ж* и *ш* и свистящій *ц*. Въ древнѣйшую эпоху русскаго языка (до XIV в.) эти звуки были мягкими, т. е. произносились, напр., какъ наше *ж* въ словѣ

пэжжю, *ш*—какъ наше *ш* въ созвучіи *щ* (*пушьчю*), а *ц*—какъ *ц*, напр. въ бѣлорус. *цяперъ* или въ малорусскомъ *вулиця*. Вслѣдствіе этого, *ж*, *ш* и *ц* сочетались съ *я* (ѧ) и *ю*, даже съ ѥ, не говоря уже про *е* и *и*; напр. *мужя*, *жяжя* (жажда), *жюпелъ* (сѣра), *шюйцю* (лѣвую руку), *шюба*, *пишяй* (прич. наст. вр.), *шюмъ*, *отцю* и т. д. Теперь *ж*, *ш* и *ц*—звуки твердые; но на письмѣ эта твердость однако не всегда обозначается. Такъ, у насъ существуетъ даже правило—ставить, гдѣ нужно, послѣ *ж*, *ш* букву *и*, а не *ы*, хотя въ произношеніи *ж* и *ш* требуютъ именно *ы*, а не *и*, напр., *жызнь*, *жывотъ*, *шырокій*; то же противорѣчіе письма съ произношеніемъ мы видимъ въ сочетаніяхъ *ж* и *ш* съ *ь*, напр. *рѣжь*, *пѣшь* и т. п. Въ другихъ случаяхъ, гдѣ *ж* и *ш* сочетаются съ *ъ* (*ножъ*, *чашъ*), съ *а* (*жалѣть*, *шаги*) и съ *о*, *у* (*жукъ*, *шуба*, *шовъ*), правописаніе согласуется съ произношеніемъ. Будучи твердыми по природѣ, *ж* и *ш*, конечно, вліяютъ на твердость и предшествующихъ согласныхъ звуковъ, напр.: с т а р̊ ш і й, м̊ ш и (род. п. отъ *мша*), р̊ ж и (отъ *рожь*) с̊ ж е ч ь и т. п., несмотря на то, что въ словахъ *старшій* и *мша* звуки *р* и *м* были прежде мягкими, что обозначалась знакомъ *ь*.

Переходное смягченіе. До сихъ поръ мы говорили о непереходномъ смягченіи, т. е. о смягченіи согласныхъ, когда не теряется ихъ качество. Но есть и такое смягченіе, при которомъ качество согласнаго звука совсѣмъ измѣняется. Этому переходному смягченію подверглись: 1) задне-небные *г*, *к*, *х*, 2) зубные *д*, *т*, *з*, *с* и *ц*, 3) губные: *б*, *в*, *п*, *ф* и 4) носовое *м*. Это смягченіе—наслѣдіе далекой старины, восходящее, вѣроятно, къ той эпохѣ, когда русскій языкъ не успѣлъ еще совсѣмъ выдѣлиться изъ праславянскаго языка.

1. Смягченіе г, к, х. Задне-небные *г*, *к*, *х* передъ *ѣ* и *и* въ склоненіи и спряженіи переходили въ свистящіе звуки—*з*, *ц*, *с*, а передъ *j*, *ь*, *и* и *ѣ* въ словообразованіи и передъ *е* въ склоненіи и спряженіи измѣнялись въ шипящіе звуки—*ж*, *ч*, *ш*; напр. отъ **рогъ—роѕѣ, роѕи**, отъ **вѣкъ—вѣцѣ** и **вѣци**, отъ **пеку**—повел. накл. **пьци**, отъ **духъ—дусѣ, дуси** и т. п. съ од-

ной стороны и **Боже, Божьскый, вѣче, вѣчьный, душе, душьвный** и т. п.—съ другой. Такія формы со смягченіемъ звуковъ *г, к* и *х* были вполнѣ обычнымъ явленіемъ въ русскомъ языкѣ приблизительно до XII вѣка. Но впослѣдствіи, когда *г, к, х,* сочетавшіеся только съ широкими (твердыми) гласными звуками, а въ ихъ числѣ съ *ы*, превратились изъ задненебныхъ въ передне-небные и стали свободно сочетаться съ съ *и* (т. е. вмѣсто, напр., древнихъ *хытрыи, гыбель, кыслыи* явились *хитрыи, гибель, кислыи)*, переходное смягченіе звуковъ *г, к, х* должно было, конечно, разстроиться. Русскій языкъ сталъ свободно соединять *г, к, х* съ *и* и *ѣ*, избѣгая однако сочетаній *гѣ, кѣ* и *хѣ* въ концѣ словъ. Поэтому, переходное смягченіе звуковъ *г, к, х* въ склоненіи совсѣмъ утратилось, а въ спряженіи сохранилось только въ *шипящіе* звуки, напр. *бѣгу—бѣжишь, могу—можешь, стерегу—стережешь, пеку—печешь, плакать—плачешь, пахать—пашу* и т. п.

Зато въ полной силѣ это переходное смягченіе сохранилось въ русскомъ языкѣ въ словообразованіи: 1) именъ существительныхъ и прилагательныхъ передъ *и* и *е(ъ): нога—нож(ъ)ка, Богъ—Божій, Прага—Пражскій, вѣкъ - вѣч(ъ)ный, лукъ - излучина, рука - руч(ъ)ка, ухо—уш(ъ)ко, страхъ—страш(ъ)ный, слухъ — послуш(ъ)ный, пастухъ — пастушескій;* 2) глаголовъ съ характеромъ многократности, гдѣ примѣтою было *ѣ*, обратившееся послѣ шипящихъ въ *а*, напр. *молчать* (молчѣть), *лежать* (лежѣть), *дышать* (дышѣть), 3) сравнительной степени, напр., *множайшій (многъ), легчайшій (легокъ), крѣпчайшій (крѣпокъ), тишайшій (тихъ)* и др. Къ остаткамъ старины, слѣдуетъ, конечно, отнести и всѣ случаи, гдѣ мы видимъ въ словообразованіи смягченіе звуковъ *г, к, х* въ *з, ц, с*, напр. *нельзя* (изъ *нельга*, корень *льг*), *польза* (изъ *польга*), *лицо* (отъ *ликъ*), *ницъ* (кор. *ник* : *никнуть*), *зерцало* (зеркало), *трусить* (трухнуть) и мн. др.

2. Смягченіе зубныхъ. Въ то время какъ звуки *г, к, х* смягчались передъ j (іотомъ) и всѣми узкими (мягкими) вообще гласными звуками, смягченіе зубныхъ происходило

только передъ іотомъ (j). При этомъ условіи, зубные въ обще-русскомъ языкѣ, въ отличіе отъ другихъ славянскихъ языковъ, перешли: 1) *д* въ *ж*, напр. *ходить* — *хожу* (изъ *ход+jу*), *медвѣдь* — *медвѣжій*, *рдѣть* — *рыжій* и т. п, 2) *т* въ *ч*, напр. *хотѣть—хочу* (изъ *хотjу*), *свѣтить—свѣчу* (изъ *свѣтjу*) и т. п.

Современный литературный языкъ въ смягченіи зубныхъ сильно подчинился вліянію церковно-славянскаго языка. Въ немъ, какъ мы уже видѣли, существуютъ цѣлыя категоріи словъ, гдѣ имѣется церковно-славянское смягченіе зубныхъ, т. е. *д* въ *жд*, а *т* въ *щ* (примѣры см. выше стр. 160).

Зубные звуки *з*, *ц*, *с* смягчаются въ шипящіе *ж*, *ч*, *ш*, напр. *ближайшій* (*близокъ*), *мазать—мажу*, *вязать—вяжу*, *отецъ* — *отеческій*, *конецъ—кончина*, *висѣть* — *вишу*, *просить—прошу*, *носить—ноша* (*носjа*).

3. Смягченіе губныхъ. Губные звуки *б*, *п*, *в*, *ф* и носовое *м*, какъ зубные, смягчаются только передъ *j* (іотомъ), но качества своего не измѣняютъ, и переходятъ лишь въ сочетанія *бл*, *вл*, *пл*, *фл* и *мл*, напр. *любить—люблю*, *корабль* (изъ *кораб + jъ*), *ловить—ловлю* (*лов+jу*), *ловля* (*лов+jа*), *купить—куплю*, *купля*, *земля* (изъ *земjа*), *ломить—ломлю* и т. д. Хотя русскій языкъ вообще всегда смягчаетъ губные звуки съ помощью *л*, и этимъ, какъ извѣстно, онъ вмѣстѣ съ южными славянскими нарѣчіями отличается отъ западно-славянскихъ языковъ, гдѣ нѣтъ этого смягченія (ср. польск. *lubię*, *korab'*, *ziemia*, чеш. *lubim*), тѣмъ не менѣе и онъ въ настоящее время иногда отступаетъ отъ общаго закона. Такъ, въ именахъ существит., оканчивающихся на *бль*, *вль* и *мль*, звукъ *л* исчезаетъ въ произношеніи, а звуки *б*, *в*, *м* отвердѣваютъ, напр. *корабъ*, *рубъ*, *журавъ*, *Ярославъ* (Ярославль), *наземъ*, *Кремъ* (Кремль); сюда слѣдуетъ отнести также и глаголы: *клеймить*, *каймить*, отъ которыхъ образуются: *клеймю* вм. *клеймлю*, *каймю* вм. *каймлю*.

Переходное смягченіе передъ т. н. мягкими гласными звуками могло происходить и тогда, когда согласные звуки

отдѣлены отъ смягчающаго гласнаго звука другими согласными звуками. Этотъ случай мы видимъ, когда за согласнымъ звукомъ стоятъ *л, н, р, в*, напр. *весна—веш(ъ)нiй, мыслить—мышленiе, послать—пошлю, острить—изощрять, мертвый—умерщвлять, днесь - сегодняшнiй, щи* изъ *с(з)ти* и др.

Измѣненіе согласныхъ звуковъ передъ согласными. При сочетанiи согласныхъ съ согласными дѣйствуетъ обыкновенно законъ *однородности*, т. е. безъ перемѣны могутъ сочетаться согласные звуки только однородные: мягкiе съ мягкими, твердые съ твердыми, звонкiе съ звонкими, глухiе съ глухими, шипящiе съ шипящими и свистящiе съ свистящими. Въ противномъ случаѣ, происходитъ ассимиляцiя, или уподобленiе однихъ согласныхъ звуковъ другимъ, причемъ первенство въ созвучiи всегда остается за вторымъ согласнымъ, которому и уподобляется первый согласный звукъ.

Уподобленіе звонкихъ согласныхъ глухимъ. Согласные звуки, какъ мы знаемъ, по степени звучности, раздѣляются на звонкiе, или голосовые, произносимые съ участiемъ голоса, и глухiе, или безголосые. Ихъ соотвѣтствiе другъ другу можно представить въ такой таблицѣ.

Звонкiе:	б	в	г	h	д	ж	з
	|		|	|	|	|	|
Глухiе:	п	ф	к	х	т	ш	с

Если звонкiе согласные звуки стоятъ непосредственно передъ глухими, а также передъ слитными *ч, щ* и *ц*, то они въ великорусскомъ вообще и въ литературномъ языкѣ, въ частности, переходятъ въ соотвѣтствующiе глухiе звуки; напр. *труб(п)ка, Витеб(п)скъ, об(п)тянуть, в(ф)став(ф)ка, дав(ф)ши, ког(х)тя, благ(х)ъ, вод(т)ка, над(т)пись, пад(т)шiй, нож(ш)ка, вос(з)ходъ, низ(с)кiй, род(т)ство, ов(ф)чина, лов(ф)чiй, ов(ф)ца, двад(т)цать, об(п)щiй, рас(з)цѣловать* и др.

Въ концѣ словъ звонкiй звукъ произносится тоже, какъ глухой того же органа, но лишь въ томъ случаѣ, когда мы на этомъ словѣ дѣлаемъ паузу, напр. *хот(д)ъ, четверк(г)ъ, Бох(г)ъ, роф(в)ъ, грип(б)ъ, нош(ж)ъ, рас(з)ъ* и мн. др. Конечный звонкiй, сдѣлавшись глухимъ, въ свою очередь уподо-

бляетъ себѣ и предшествующій согласный звонкій, напр. *дошть* (дождь), *подъѣстъ* (подъѣздъ), *вискъ* (визгъ), *гвость* (гвоздь), *москъ* (мозгъ), *ляскъ* (лязгъ) и т. д.

Въ письмѣ уподобленіе звонкихъ глухимъ стало обнаруживаться уже съ XIII вѣка Въ настоящее время въ литературномъ языкѣ переходъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе имѣетъ мѣсто всегда только въ произношеніи, въ письмѣ же у насъ преобладаетъ этимологія словъ, и это, конечно, очень затрудняетъ обученіе орѳографіи. Случаи, гдѣ въ литературномъ письмѣ у насъ установилось уподобленіе звонкихъ согласныхъ глухимъ, въ общемъ очень немногочисленные. Ихъ мы видимъ: во 1) въ приставкахъ *раз, воз, из, низ,* гдѣ *з* переходитъ въ *с,* если за нимъ слѣдуютъ *к, п, т, х, ж, ч, ц* и *ф*; но передъ *с,* вопреки правилу, уподобленіе не принято въ письмѣ, напр. *исходъ, состокъ, ниспадать, исчезнуть, исцѣлить* и др. но: *изсякнуть, возсѣсть, изсохнуть* и т. д.; 2) въ словахъ: *пчела* (*бъчела*), *лѣс(з)тница, отверс(з)тіе, прыть, прыткій,* гдѣ *т* явилось изъ этимологическаго *д,* такъ какъ *прыть* происходитъ отъ слова **прѧдати** (ср. **отпрѧдати, прѧжина**) и нѣк. др.

Уподобленіе глухихъ согласныхъ звонкимъ.

Если, наоборотъ, глухой согласный стоитъ передъ звонкимъ, то глухой переходитъ въ звонкій, напр., *от(д)дать, с(з)беречь, прос(з)ьба, Аф(в)ганецъ* и др. Исключеніе составляютъ только звуки *в, р, л, м, н,* передъ которыми глухіе не переходятъ въ звонкіе, напр., *швея, сватъ, свѣтъ, отводъ, Тверь, сразу, къ верху, свой* (=suus), *слабый, смирный, книга, сразу, тратить, хвостъ, клюква* и др. Передъ *в* происходитъ скорѣе обратное явленіе, т. е. само *в* уподобляется предшествующему глухому согласному звуку и превращается въ *ф*, такъ что получаются сочетанія *кф, тф, сф* и *хф,* напр. *кф(в)адратъ, тф(в)ердый, сф(в)ѣтъ, хф(в)атъ* и т. п. Это *ф* вм. *в* мы, дѣйствительно, и находимъ въ древне-русскихъ памятникахъ, напр. *Тферь, Тихфинъ* и т. п. Что касается словъ *организмъ, Кузьма, Измаилъ,* то въ нихъ *з* изъ *с* явилось уже на греческой (византійской) почвѣ.

Превращеніе глухихъ въ звонкіе бываетъ также и въ концѣ словъ, если слѣдующее слово начинается со звонкаго согласнаго звука и если не дѣлать на словахъ остановки голоса, напр. *с(з)ъ другомъ*, *к(г)ъ дому*, *от(д)ъ доски*, *нос(з)ъ болитъ*, *мыш(ж)ъ бѣжитъ* и т. п.

Переходъ глухихъ передъ звонкими въ звонкіе, какъ и обратный переходъ, замѣчается въ русскомъ языкѣ уже въ половинѣ XIII вѣка, послѣ того какъ, съ выпаденіемъ *ъ* и *ь*, согласные звуки пришли въ непосредственное соприкосновеніе другъ съ другомъ. Переходъ глухихъ въ звонкіе отражается и въ письмѣ, хотя тоже рѣдко, какъ и обратный переходъ, т. е. звонкихъ въ глухіе, напр., *здѣсь* (изъ *сьде*), *здоровъ* (*съдоровъ*), *гдѣ* (*къде*), *свадьба* (*сватьба*), хотя—*сватъ*, *свататься*.

Измѣненіе шипящихъ и свистящихъ. Въ тѣсной связи съ переходомъ глухихъ въ звонкіе стоятъ измѣненія шипящихъ и свистящихъ звуковъ, которые также не могутъ стоять рядомъ и уподобляются другъ другу, т. е. первый второму. Когда свистящіе *з* и *с* стоятъ передъ шипящими *ж*, *ч*, *ш* и *щ*, то переходятъ въ шипящіе; напр. *из(ж)жарить*, *без(ш)численный*, *с(ш)частіе*, *с(ш)ъ шумомъ*, *с(ж)ъ женой*, *проис(ш)шествіе*, *подпис(ш)чикъ*, *из(ш)ъ щавеля*, *пригвоз(ж)жу* (отъ *пригвоздить*) и др. Въ правописаніи мы слѣдуемъ этимологіи слова, хотя довольно часто пишутъ: *извощикъ*, *рѣщикъ*, *прикащикъ* вм. *извозчикъ*, *рѣзчикъ*, *приказчикъ*.

Случаи перехода шипящихъ передъ свистящими въ свистящіе болѣе рѣдки. Они наблюдаются обыкновенно: 1) во 2-мъ лицѣ ед. числа, гдѣ *шс* произносится, какъ *сс*, напр., *боисься* вм. *боишься*, *вьесься* вм. *вьешься* и др.; 2) въ прилагательныхъ на *ской*, напр., *мусской* вм. *мужской*, *волосскій* вм. *волошскій* и др.; здѣсь сочетанія *жс* и *шс* переходятъ въ *сс*. Звукъ *ч*, сливаясь съ слѣдующимъ *с*, переходитъ въ *ц*; напр., *грецкій*, *купецкій*, *молодецкій* образовались изъ *греч(ь)скій*, *купеч(ь)скій*, *молодечьскій* и т. д.

Диссимиляція. Послѣ ассимиляціи согласныхъ другимъ очень важнымъ процессомъ звуковой жизни языка въ области

согласныхъ является *диссимиляція.* Подъ именемъ диссимиляціи, или *разуподобленія,* необходимо понимать тотъ процессъ звуковыхъ измѣненій, при которомъ два одинаковые или близкіе другъ къ другу звука расходятся и обращаются въ звуки менѣе близкіе, не сходные. Это разуподобленіе происходитъ или въ звукахъ, стоящихъ рядомъ, непосредственно другъ за другомъ, или въ звукахъ, отдѣленныхъ группой звуковъ и даже слогомъ. Въ первомъ случаѣ разуподобленіе называется диссимиляціей *по смежности,* во второмъ—диссимиляціей *на разстояніи.*

Диссимиляція по смежности. Она наблюдается вообще рѣдко, причемъ имѣетъ характеръ, какъ и ассимиляція, *регрессивный,* т. е. изъ двухъ звуковъ диссимилируется предшествующій Это происходитъ въ слѣдующихъ случаяхъ.

1. При сочетаніи губныхъ звуковъ, изъ коихъ первый *м;* въ этомъ случаѣ губной *м* замѣняется въ произношеніи зубнымъ *н,* напр. *амбаръ* произносится *анбаръ, Амвросій—Анвросій, лампа - ланпа, кампанія - канпанія, амфибія—анфибія, комфорка - конфорка* (гол. *komfoor*) и т. п.

2. При встрѣчѣ двухъ тождественныхъ носовыхъ звуковъ *н,* изъ коихъ первый диссимилируется въ *лъ,* напр. *кухольный* вм. *кухонный, сотельный* вм. *сотенный, пѣсельникъ* вм. *пѣсеньникъ, москательный* вм. *москотинный* и др.

3. При встрѣчѣ двухъ *к,* или *к* съ *т,* звукъ *к* переходитъ въ *х,* напр., *мях(г)кій* изъ *мяккій* (**мАкъкъ**), *лёх(г)кій—леккій, х кому* вм. *къ кому, хто* вм. *кто, лох(к)тя, клохтать* изъ *клоктать* (ср. клокотать), *ахтеръ* изъ *актеръ, трахтиръ* вм. *трактиръ, дохто(у)ръ* вм. *докторъ* и т. п. Подобная диссимиляція происходитъ и въ созвучіи *гд,* въ которомъ *г*=γ*(g)* переходитъ въ придыхательный *h,* который иногда даже пропадаетъ въ произношеніи; напр. *hдѣ* изъ *гдѣ*(къде), *коhда* изъ *когда, тоhда* изъ *тогда* и т. п., причемъ изъ *коhда, тоhда* въ произношеніи получается *кода, тода.*

4. Въ созвучіи *чт* звукъ *ч* произносится, какъ *ш,* напр., *што* вм. *что, штопъ, штобы* вм. *чтобъ, чтобы;* но: *мечта, мачта, чтецъ* и т. п. Народный говоръ проводитъ *шт* по-

слѣдовательнѣе литературнаго: *поштенный* вм. *почтенный*, *пошта* вм. *почта*.

5. При встрѣчѣ двухъ *жж*, второе *ж* диссилируется въ *д*, напр. *вожжи*(возжи) произносятъ *вожди, дрожжи—дрожди, уѣжжать—уѣждять, пожже*(позже)—*пожде, вожжаться—вождяться, иждивенiе—иждивенiе, вожжелѣнiе—вожделѣнiе, вижжать*(визжать)—*виждять, брюжжать* (изъ брюзжать)—*брюждять* и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ диссимиляцiй перешли и въ письмо; напр., *дрожди, иждивенiе, вожделѣнiе*; что касается обще-принятаго правописанiя словъ *уѣзжать, позже, возжи* и т. п., то оно неправильно.

Диссимиляцiя на разстоянiи. Этотъ видъ диссимиляцiи всецѣло касается звуковъ тождественныхъ. Процессу разуподобленiя въ живой русской рѣчи въ этомъ случаѣ подвергаются чаще всего плавные звуки *р* и *л*. Тутъ диссимиляцiя заключается въ томъ, что, при двухъ плавныхъ (два *л* или два *р*), находящихся въ разныхъ слогахъ слова, одинъ изъ двухъ *р* (первый) замѣняется звукомъ *л*, а одинъ изъ двухъ *л* (первый)—звукомъ *р*, напр. *секлетарь* вм. *секретарь, колидоръ* вм. *корридоръ, лесора* вм. *рессора, сталовѣръ* вм. *старовѣръ, плепорцiя* вм. *пропорцiя, лепортъ* и *лепортичка* вм. *рапортъ* и *рапортичка, пролубь* вм. *прорубь, кульеръ* вм. *курьеръ, флигеръ* вм. *флигель* (швед. flëgel) и т. п. Всѣ эти случаи диссимиляцiи плавныхъ имѣютъ мѣсто только въ простонародномъ произношенiи. Но нѣкоторые примѣры, укоренившись въ письмѣ, вошли и въ литературное произношенiе; напр., *февраль* вм. *феврарь* (februarius), *Селигеръ* вм. *Серегеръ* (древнее названiе озера), *Перфильевъ* вм. *Перфирьевъ* (фамилiя отъ слова *Порфирiй), верблюдъ* вм. *вельблюдъ* (такъ въ церковно-слав. языкѣ), *перепелъ* вм. *пелепелъ* (древняя форма; ср. сербское *пленелица), Меркулъ* изъ *Меркуръ (Меркурiй)* и т. п. Случаи диссимиляцiи одного изъ двухъ *р* (*р—р*) въ русскомъ языкѣ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ одного изъ двухъ *л* (*л—л*). Но вообще слѣдуетъ сказать, что диссимиляцiя плавныхъ на разстоянiи не обязательна, какъ это отмѣтилъ уже ак. А. И. Соболевскiй, особенно въ лите-

ратурномъ языкѣ, въ которомъ, кромѣ нѣсколькихъ застывшихъ, такъ сказать, случаевъ диссимиляціи въ письмѣ (*февраль* и т. п.), плавные звуки въ указанномъ положеніи произносятся отчетливо, напр. *Варвара, Григорій, колоколъ, лепьятъ* и т. п. Изрѣдка изъ двухъ плавныхъ на разстояніи одинъ диссимилируется (въ простонародномъ произношеніи) въ носовой *н*, напр. *ярманка* или *ярмонка* вм. *ярмарка* (нѣм. der Jahrmark), *антиллерія* вм. *артиллерія* и нѣк. др.

Гаплографія или сокращеніе. Къ явленіямъ диссимиляціи относятся также и случаи утраты въ словахъ не одного, а нѣсколькихъ звуковъ и цѣлаго слога. Это происходитъ тогда, когда подъ рядъ стоятъ два слога, начинающіеся съ одного и того же согласнаго звука. И вотъ, одинъ изъ этихъ слоговъ, именно безударный, выпадаетъ. Процессъ гаплографіи дѣйствуетъ въ русскомъ языкѣ очень давно (XV в.), и благодаря ему въ нашемъ произношеніи и письмѣ установился цѣлый рядъ сокращеній словъ, напр., *схимонахъ* изъ *схимомонахъ, шиворотъ* изъ *шивоворотъ*, т. е. *шивъ воротъ* (расшитый воротникъ), *радушіе* изъ *радодушіе, близорукій* изъ *близозоркій* (подъ вліяніемъ слова *рука*), *тарахнуть* изъ *тарарахнуть, ко(у)рносый* изъ *корноносый* и т. д. Въ живомъ произношеніи литературнаго языка, какъ и въ народныхъ говорахъ, эта слоговая гаплографія также имѣетъ мѣсто, напр., *здрасте* вм. *здравствуйте*.

Удвоеніе согласныхъ звуковъ. Въ славянскихъ и въ русскомъ языкахъ удвоеніе, точнѣе—усиленное произношеніе согласнаго звука явленіе вообще рѣдкое. Тѣмъ не менѣе оно встрѣчается Удвоеніе въ русскомъ языкѣ бываетъ двоякое: 1) *этимологическое*—основанное на происхожденіи и составѣ словъ и 2) *фонетическое*—вызванное произношеніемъ слова. Первый видъ удвоенія замѣчается: 1) въ корняхъ словъ, вслѣдствіе перехода одного звука въ другой: *жжетъ*(жгетъ), *жженіе*(жгеніе) и 2) въ производныхъ словахъ вслѣдствіе потери ъ и ь; напр., *ввести* (=*въвести*), *от(ъ)туда, конный*(=*коньный*), *русскій*(=*русьскій*), *искусство*(=*искусьство*), *от(ъ)тепель, одиннадцать*(=*одинъ на десять*) и др. Въ этихъ слу-

чаяхъ удвоеніе выражается и на письмѣ. Этимологическое удвоеніе имѣетъ, конечно, мѣсто и при ассимиляціи согласныхъ одного ряда (напр. *поддѣльный* вм. *потдѣльный, оддать* вм. *отдать*), а также шипящихъ свистящимъ и обратно. Что касается фонетическаго удвоенія, то его мы наблюдаемъ прежде всего въ *усиленномъ* выговорѣ звука *н* въ причастіи прошедшаго времени страд. залога; напр., *сдѣланный, сказанный, данный*. Оно удерживается и въ письмѣ, хотя на это нѣтъ никакого этимологическаго основанія. Вотъ почему тѣ причастія, которыя теперь употребляются въ значеніи прилагательныхъ и съ однимъ *н*, напр. *луженый, варёный, жареный, раненый, ученый, пряденый, суженый, ряженый, званый* и т. д. сохранили болѣе древнія формы, чѣмъ формы съ двойнымъ *н*, т. е. наши нынѣшнія формы причастій страд. зал. прош. времени. Въ правописаніи мы иногда смѣшиваемъ новую форму причастія съ древней, т. е. пишемъ два *н* тамъ, гдѣ такого удвоенія дѣлать не слѣдуетъ. Чтобы избѣгать ошибокъ, надо руководствоваться такими соображеніями: 1) въ формахъ съ однимъ *н*, сдѣлавшихся прилагательными, утратилось понятіе о времени (когда?) и дѣйствующемъ лицѣ (кѣмъ?), что сохранилось въ причастіи и 2) прилагательныя большей частью безпредложны, съ присоединеніемъ же предлога они превращаются въ причастія, и тогда пишутся съ двойнымъ *н*, напр. *званый* и *призванный, раненый* и *израненный, береженый* и *сбереженный* и т. п. Иногда формы съ однимъ *н* отличаются отъ нынѣшнихъ причастій только удареніемъ: *назва́ный* и *на́званный, сушёный*—*су́шенный, варёный*—*ва́ренный, прядёный*—*пря́денный* и т. п.

Фонетическое удвоеніе *н* извѣстно также и прилагательнымъ, оканчивающимся на *ный (ній)*, напр. *мысленный, собственный, внутренній, искренній, промышленный, деревянный, оловянный* и др. Многія изъ прилагательныхъ на *ный*— въ сущности бывшія причастія съ фонетическимъ удвоеніемъ, напр. *откровенный, вдохновенный* и др. По образцу причастій и прилагательныхъ двойное *н* явилось и въ производныхъ отъ нихъ многихъ именахъ существительныхъ, напр. *священ-*

никъ (отъ священный), *избранникъ* (избранный), *воспитанникъ* и т. д., но рядомъ съ ними употребляются: *ученикъ*, *труженикъ*, *вареникъ* и др.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о неустановившемся еще правописанiи неопред. накл. отъ глагола *иду*. Древняя и вполнѣ правильная форма неопр. накл. отъ этого глагола должна быть *и+ти* (кор. *и*); ее мы и находимъ въ соединенiи глагола *ити* съ предлогами, напр. *зайти*, *найти*, *перейти*, *пойти*, *уйти*, *подойти*, *прiйти*, *выйти* и др. Но безъ сложенiя съ предлогами эта древняя форма *ити* теперь уже не употребляется, такъ какъ вытѣснена формой, образовавшейся отъ основы наст. времени *ид*, т. е. формой *ид+ти*, которая встрѣчается въ великорусскихъ памятникахъ языка уже въ XIV в., какъ отдѣльно, такъ и въ соединенiи съ предлогами, напр. *идти*, *придти*, *прейдти*. Значитъ, форма *идти*—этимологическая форма. Съ теченiемъ времени, вслѣдствiе уподобленiя звонкаго *д* глухому *т*, изъ *идти* образовалась однако и фонетическая форма—*итти*. Такъ какъ въ русскомъ правописанiи господствуетъ этимологическое начало, то отсюда ясно, что изъ двухъ формъ неопр. накл. *идти* и *итти* предпочтенiе въ письмѣ слѣдуетъ *всегда* отдавать первой, т. е *идти*, а въ сложенiи съ предлогами—употреблять древнюю форму, тѣмъ болѣе что этимологiя слова тутъ совпадаетъ съ его литературнымъ произношенiемъ, т. е надо писать: *зайти*, *прiйти*, *выйти*, *подойти* и т. п

Измѣненiя группъ чн, щн. Группы *чн* и *щн* переходятъ въ *шн*, напр. *скуч(ш)ный*, *табач(ш)ный*, *конеч(ш)но*, *молоч(ш)никъ*, *булоч(ш)никъ*, *нароч(ш)но*, *мельнич(ш)ный*, *дѣвич(ш)никъ*, *бруснич(ш)ный*, *пшенич(ш)ный*, *закадыч(ш)ный*, *ключ(ш)ница*, *лодоч(ш)никъ*, *помощ(ш)никъ*, *немощ(ш)ный*, *овощ(ш)ной* и мн. др. Однако есть и исключенiя, напр. *злачный*, *брачный*, *мрачный*, *точно*, *алчный*, *прозрачный* и др. Произношенiе этихъ словъ можно объяснить книжнымъ влiянiемъ. Въ другихъ случаяхъ, какъ—*отличный*, *встрѣчный*, *звучный*, *обычный*, *неразлучный* и т. п., созвучiе *чн* произносится подъ влiянiемъ формъ: *отличаю*, *встрѣчаю*, *звучать*,

обычай, разлучить и т. п. Народное произношеніе созвучій *чн* и *щн*, какъ *шн*, много послѣдовательнѣе литературнаго, напр. *сердеч(ш)ный, точ(ш)но, источ(ш)никъ, уроч(ш)ный* и др.

Выпаденіе согласныхъ. Причина выпаденія согласныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ—та же, что и другихъ явленій въ области согласныхъ, напр. ассимиляціи и пр., т. е. утрата гласнаго произношенія звуковъ *ъ* и *ь* внутри словъ. При стеченіи согласныхъ, нѣкоторые изъ нихъ, очутившись безъ поддержки гласныхъ *ъ* и *ь*, должны были выпасть. Въ однихъ случаяхъ это выпаденіе согласныхъ звуковъ измѣнило до неузнаваемости первоначальный составъ словъ, а потому должно было обнаружиться и въ письмѣ, напр. *царь* образовалось изъ *цьсарь, полтора* изъ *полъвътора, хорь* изъ *дъхорь, гончаръ* изъ *гърньчаръ, зга* изъ *стьга* (ср. *стезя*), *изба* изъ *истъба* (нѣм. Stube) и др. Но такихъ примѣровъ въ общемъ немного. Обыкновенно выпаденіе проявлялось только въ произношеніи и не закрѣплялось письмомъ, которое въ этомъ отношеніи удерживало этимологическій характеръ. Въ современномъ русскомъ языкѣ, какъ и въ старину, начиная съ XIII—XIV в., особенно часто выпадаютъ звуки *д* и *т*, когда они стоятъ между *з* и *с* (не въ префиксахъ) съ одной стороны и *к, л, н, ц* и *j*—съ другой, напр. *без(д)на, возмез(д)ье, поз(д)но, праз(д)ный, страс(т)ный, чес(т)ный, с(т)лать* (напр. постель), *счас(т)ливый, счас(т)ье, крес(т)ьянинъ, ис(т)ца* (отъ *истецъ*), *извес(т)ка, невѣс(т)ка* и мн. др. Въ этихъ случаяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ имъ, *д* и *т* совсѣмъ не слышатся въ литературномъ произношеніи. Но въ письмѣ эта утрата *д* и *т* почти совсѣмъ не отразилась, если не считать слова *если* изъ *есть-ли*, что постоянно употреблялось еще въ XVIII в. Въ другихъ случаяхъ согласные звуки и въ произношеніи рѣдко выпадаютъ въ великорусскомъ языкѣ, напр. *сер(д)це*, народ. *серчать*.

Отдѣльно стоитъ выпаденіе звука *в* передъ *у*, извѣстное великорусскому нарѣчію, въ частности и литературному языку, въ которомъ, благодаря этому выпаденію, образовались слова: *закоулокъ* (ср. *заковыка*), *прибаутка, косоуръ* (косая

дуга), *оплеуха* и др. Въ московскомъ просторѣчіи мы постоянно слышимъ: *дѣушка, сорокоушка, вѣкоуша* и т. п.

Кромѣ этого, въ русскомъ литературномъ языкѣ имѣются, конечно, выпаденія согласныхъ звуковъ, унаслѣдованныя имъ частію отъ обще-русскаго языка, частью—отъ праславянскаго и стоящія внѣ зависимости отъ утраты гласнаго произношенія *ъ* и *ь*. Къ этой категоріи относится: 1) Выпаденіе губныхъ звуковъ передъ губными, напр. *облако* изъ *обвлако, обычай—обвычай* (корень *вык), оводъ—обводъ, область—обвласть* (кор. *влад), обозъ—обвозъ, обязать—обвязать* и др., (ср. церк.-слав. **облако, обити** и др.). Поэтому, въ словахъ—*обвалъ, обвить, обвѣсить* (ср. церк.-слав. **обвѣсити**) русскіе, какъ и другіе славяне, возстановили здѣсь этимологическое *в*. 2) Выпаденіе *д* и *т* передъ *л, м, н* и *с*, напр. *велъ* (изъ *ведлъ), шелъ (шедлъ), плелъ* (изъ *плетлъ), повернуть* (изъ *повертнуть), кинуть* (изъ *киднуть), свиснуть (свистнуть), глянуть* (ср. *глядѣть), хлеснуть* и др. 3) Выпаденіе губныхъ *б* и *п*, а также *г* и *к* передъ *н*, напр. *сонъ* (изъ *съпнъ), тонуть* (изъ *топнуть), кануть(капнуть), тиснуть* (ср *тискать), прыснуть* (ср. *прыскать), брызнуть* (ср. *брызги), сгинуть* (изъ *сгибнуть), подвинуть* (изъ *подвигнуть)* и т. п. Выпаденіе звука *г* передъ *н* нѣкогда въ русскомъ языкѣ было такъ распространено, что составляло характерную черту русскаго языка, въ отличіе отъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Теперь этотъ пропускъ мы видимъ лишь въ немногихъ глаголахъ на *нуть*, напр. *тронуть, двинуть;* обыкновенно же *г* передъ *н* сохраняется, напр. *дрогнуть, гнусный, гнѣвъ, гной* и др. На это *г* передъ *н* слѣдуетъ смотрѣть, какъ на возстановленіе праславянской старины, временно утраченной въ средніе вѣка (ср. древнее *разнѣвався)*.

Отпаденіе согласныхъ въ концѣ словъ.

Въ обще-славянскомъ языкѣ всѣ слова оканчивались на гласный чистый, глухой или носовой (**вода, домъ, сѣмѧ**). Гласныя окончанія, конечно, препятствовали отпаденію конечныхъ согласныхъ звуковъ. Такъ было и въ русскомъ языкѣ. Но къ XI в. *ъ* и

ъ, произносившіеся, какъ *о(у)* и *е(и)*, потеряли свое гласное произношеніе. Поэтому, во многихъ словахъ конечные согласные звуки остались какъ-бы безъ поддержки гласныхъ звуковъ, а потому здѣсь и тамъ стали отпадать. Это отпаденіе явилось въ формахъ прошедшаго времени дѣйств. залога на *лъ* съ предшествующимъ согласнымъ звукомъ, кромѣ *д* и *т*, напр. *могъ* (изъ *моглъ), несъ (неслъ), погибъ, стерегъ, трясъ* и т. п.; съ появленіемъ гласнаго звука въ окончаніи, звукъ *л* возстановляется: *погибла, погибло, трясли* и т. п. Такое же отпаденіе мы замѣчаемъ и въ именахъ существительныхъ на *бль, вль* и *мль*, причемъ предшествующій губной звукъ отвердѣваетъ, напр. *корабъ* (корабль), *рубъ* (рубль), *Кремъ* (Кремль), *журафъ* (журавль), *Ярославъ* (Ярославль), *заросъ* (заросль) и пр.

Изъ другихъ согласныхъ звуковъ отпадаютъ: 1) *н*, если ему предшествуютъ *з*, напр. *соблазъ*(соблазнъ), *боязь*(боязнь), *казь*(казнь) и др.; 2) конечное *т* послѣ *с*, напр., *гось*(гость), *шесь*(шесть), *шерсь*(шерсть), *кресъ*(крестъ), *стрась*(страсть) и мн. др.

Вставка согласныхъ. Случаи вставокъ согласныхъ звуковъ очень рѣдки. Чаще всего вставляется звукъ *т* между *с* и *р*, напр. *стрѣтеніе* (отъ **сърѣтити**), откуда *встрѣча, страженіе* (нар.), *страмъ* (нар.), *струбъ* (нар.) и др., почти всегда въ народномъ произношеніи. Въ томъ же произношеніи мы часто услышимъ вставочное *д* между *н* и *р*, напр. *ндравъ, ндравиться, додрондравіе, индрикъ—звѣрь* (изъ народ. поэзіи вм. *инорогъ* или *инрогъ)* и т. п. Къ древнимъ вставкамъ согласныхъ относится вставки: 1) *д* между *с* и *р*, именно—*ноздри* (изъ *нос+д+ри)*, хотя нами это слово произносится безъ *д: нозри* и 2) *в* и *н* для благозвучія и уничтоженія т. н. зіянія, при стеченіи гласныхъ, напр. *давать* (изъ *да+я+ти), дѣвать*(дѣяти), *внушить, Иванъ(Іоаннъ), Уваръ (Уаръ), Родивонъ(Родіонъ), можжевельникъ* (изъ *можжеельникъ)* и др. Вставка *в* въ просторѣчіи, особенно передъ *о*, встрѣчается очень часто: *Ларивонъ, Левонтій* и др.

Приставка согласныхъ звуковъ бываетъ рѣдко: ограничивается только звукомъ *в*, который присоединяется къ словамъ, начинающимся съ *о*, напр., *вотчина, восемь, воспа, вострый, вобла, вотъ* и др.

Правила переноса словъ.

Если слово не помѣщается на одной строкѣ, его дѣлятъ на слоги или составныя части (префиксъ, корень и суффиксъ) и переносятъ на другую.

При раздѣленіи по слогамъ, надо руководствоваться слѣдующими правилами:

I. Если слогъ *открытый*, т. е. оканчивающійся на гласный звукъ, то слово дѣлится по слогамъ, и переносъ не представляетъ никакихъ затрудненій; напр., *во-да, хо-ро-шо, обмо-рокъ* и т. п. Не слѣдуетъ только оставлять въ предшествующей строкѣ слога, состоящаго изъ одного гласнаго звука, напр., *о-динъ* (должно быть: *одинъ*), *Е-лена* (д. быть *Еле-на*), *у-лица* (д. б. *ули-ца*). Такой переносъ допускается лишь въ томъ случаѣ, если это слово стоитъ въ сочетаніи съ какимъ либо предлогомъ, напр., *въ о-дномъ, къ Е-ленѣ, на у-лицѣ* и т. п. Если за открытымъ слогомъ слѣдуетъ гласный, то при переносѣ оба гласныхъ звука принято раздѣлять, напр., *влі-яніе, Гаврі-ила* и т. п. Въ иностранныхъ словахъ двоегласные *оа* и *ау* нельзя раздѣлять, напр., въ словахъ: *тоалетъ* (должно перенести *тоа-летъ*), *вуали* (*вуали*), *мадмуазель* (*мадмуа-зель*), *гауптвахта* (*гаупт-вахта*) и т. п. Буква ь передъ согласнымъ раздѣляетъ слово, напр., *Оль-га, тюрьма, дѣть-ми, поль-за* и т. п. Но если за ь слѣдуютъ гласные *е, и, я, ю*, то они при переносѣ присоединяются къ ь, напр., *семья-нинъ, соловья-ми*.

II. Если слогъ *закрытый*, т. е. оканчивающійся на согласный, то здѣсь, при переносѣ словъ, слѣдуетъ имѣть въ виду: а) составныя части слова и б) какою согласною буквою оканчивается слогъ.

1. Префиксы, образующіе слогъ, на какую бы согласную ни оканчивались, всегда можно отдѣлять отъ корня съ другими частями слова, напр., *раз-доръ, под-раздѣлить* (или *подраз-дѣлить*), *низ-вести, вос-ходъ, без-образіе* и т. п. Грубая будетъ ошибка если къ префиксу, при оставленіи его въ предыдущей строкѣ, присоединить согласную корня, напр., *пом-нить* (должно быть: *по-мнить*), *над-менный* (д. б. *на-дменный*), *пос-лать* (д. б. *по-слать*) и т. п. Къ префиксу можно присоединить при переносѣ только гласный звукъ корня, если предшествующій согласный его опущенъ, напр., *обы-чай* (изъ *обвычай*, корень *вык: навыкнуть*), *обо-дья* (изъ *обводья*, корень *вод*), *рази-нуть* (изъ *раззинуть*, корень *зин*) и т. п.

2. Суффиксы отъ корней, на какой бы согласный звукъ корни ни оканчивались, отдѣляются при переносѣ, напр., *бед-ро, доб-ро, губ-ка, теп-лый, искус-ство, бож-ба, крас-ный* и др. Если въ словѣ два суффикса, то одинъ можетъ при переносѣ присоединяться къ корню, напр , *радост-ный, богатыр-скій, добродѣтель-ный, богат-ство* и др. Съ корнемъ, оканчивающимся на согласный, переносится лишь начальный гласный звукъ суффикса или соединительный (между корнемъ и суффиксомъ) гласный (открытый слогъ), напр., *голоси-стый* (суф. *ист.*), *бога-тый* (суф. *ат*), *бѣло-ватый* (суф. *оват*), *кожа-ный* (суф. *ан*), *грече-скій* и др. Что касается согласныхъ звуковъ суффикса, то они къ корню при переносѣ не присоединяются, кромѣ одного изъ двухъ *н*, напр. *радо-сти* (но не *радос-ти*), *моли-тва* (но не *молит-ва*), *муже-скій* (а не *мужес-кій*, суф. *ск*) и др.; но: *сдѣлан-ный, деревян-ный* и др.

3. Если приходится раздѣлять нѣсколько подъ рядъ стоящихъ согласныхъ звуковъ въ самомъ корнѣ, то переносъ зависитъ отъ происхожденія и характера согласныхъ звуковъ

Сочетанія согласныхъ *жд, бл, вл, пл, мл* и *фл*, составляющія смягченіе, первое—зубного *д*, а прочія—губныхъ *б, в, п, м* и *ф*, *никогда не раздѣляются другъ отъ друга*,

потому что эти сочетанія представляютъ какъ бы *одинъ* звукъ. Поэтому, всегда слѣдуетъ переносить только: *чу-ждый, рожденіе, оде-жда, лю-блю, ло-влю, ку-пленный, зе-мля, потра-флю* и т. п., а не *чуж-дый, рож-деніе, надеж-да, люб-лю, лов-лю* и т. д.

При другихъ стеченіяхъ согласныхъ въ корнѣ, въ предшествующей строкѣ могутъ оставаться только плавные (*л, р*), носовые (*м, н*) и шипящіе (*ж, ч, ш*), прочіе же согласные (*з, с* и др.) звуки присоединяются къ переносимой части слова. Поэтому, можно только раздѣлять: *дол-женъ, толстый, кор-ма, пор-третъ, фиж-мы, баш-макъ, Ан-дрей, сун-дукъ* и др., но: *Мо-сква, се-стры, чи-стый, тре-звый, мо-сты* и др. Но если въ корнѣ два одинаковыхъ согласныхъ звука, то они при переносѣ раздѣляются, напр., *аб-батъ, ав-ва, Аг-гей, Ак-керманъ, мас-са, Рос-сія* и др.

III. Если слово сложное, то оба корня его раздѣляются, при чемъ соединительная гласная (*о* или *е*), если она имѣется (собственное сложеніе), всегда остается въ предыдущей строкѣ, напр., *Нов-городъ, дву-бортный, ноч-легъ, два-дцать, пол-ушка, паро-ходъ, людо-ѣдъ, душе-губъ, еже-годный, путешествіе* и т. п. Въ словахъ заимствованныхъ, простого и несложнаго состава, нужно по возможности слѣдовать при переносѣ иностранной этимологіи, т. е. переносить слова по его составнымъ частямъ, напр., *экс-пертъ* (а не *эк-спертъ*), *Але-ксѣй* (а не *Алек-сѣй*), *эпиле-псія* (а не *эпилеп-сія*), *кон-трактъ* (а не *контр-актъ*), *ав-торъ* (а не *а-вторъ*), *Окс-фордъ* (а не *Ок-сфордъ*), *ин-ститутъ* (а не *инс-титутъ*), *ин-флюенца* (а не *инф-люенца*.

Неправильное перенесеніе слова изъ одной строки въ другую—одинъ изъ явныхъ признаковъ не только безсознательнаго отношенія къ письму, но и малограмотности пишущаго, такъ этимъ обнаруживается незнаніе одного изъ наиболѣе важныхъ отдѣловъ грамматики — ученія о словопроизводствѣ

Словоизмѣненіе.

Наша рѣчь состоитъ изъ отдѣльныхъ словъ въ извѣстномъ сочетаніи ихъ другъ съ другомъ. Одни слова выражаютъ понятія. Это именно — имена существительныя, прилагательныя и глаголъ, которыя, поэтому, называются *знаменательными* частями рѣчи. Другія слова служатъ для выраженія отношеній между понятіями. Это именно — мѣстоименія, числительныя, предлоги, союзы и нарѣчія, которыя, поэтому, называются *служебными* частями рѣчи. Возьмемъ для примѣра такое предложеніе: *Онъ читаетъ книгу всегда у большого окна*. Тутъ четыре знаменательныхъ части рѣчи (читать, книга, большой, окно) и три служебныхъ (онъ, всегда, у). Послѣднія выражаютъ отношенія между понятіями: *онъ* — отношеніе дѣйствія (*читать*) къ лицу и числу, *всегда*—отношеніе того же дѣйствія ко времени и *у* — отношеніе къ мѣсту.

Значеніе флексіи. Но кромѣ служебныхъ частей рѣчи, отношеніе между понятіями выражается также и *флексіями* словъ, напр. *читаетъ книгу*. Здѣсь флексіей *тъ* (въ *читаетъ*) выражается отношеніе дѣйствія (*читать*) къ лицу (*онъ*) и числу (*онъ* одинъ), а флексіей *у* (въ словѣ *книгу*) указывается на отношеніе дѣйствія (*читать*) къ предмету (*книга*), т. е. что дѣйствіе *читать* направлено на предметъ: та же флексія *у* указываетъ также на отношеніе предмета къ числу (*одну* книгу). Такимъ образомъ, роль флексіи, какъ и служебной части рѣчи, — выражать взаимныя отношенія между понятіями

Въ настоящее время флексія представляетъ звукъ, или комплексъ звуковъ безъ всякаго реальнаго и самостоятельнаго. Но до такого состоянія въ нынѣшнемъ флексія дошла вслѣдствіе постоянныхъ измѣненій въ звуковомъ составѣ языка. Въ отдаленномъ прошломъ флексія была тоже частью рѣчи, именно служебною, съ опредѣленнымъ значеніемъ. На это указываютъ остатки въ индо-европейскихъ языкахъ, въ

томъ — и въ современномъ русскомъ; таковы, напр. личныя окончанія глаголовъ, образовавшіяся изъ корней личныхъ мѣстоименій (*я, ты, тъ* т. е. *тотъ*); таковы также полныя падежныя окончанія прилагательныхъ, какъ въ именительномъ, такъ и во всѣхъ косвенныхъ падежахъ, явившіяся результатомъ соединенія падежныхъ формъ именного склоненія съ формами указательнаго мѣстоименія **и—ıа—ıє (добръ+и, добра+ıєго** и т. п.), отъ котораго у насъ сохранились лишь косвенные падежи (*его—ему* и т. д.) и т. п. (см. выше).

Исторія флексій въ языкѣ есть, какъ было сказано выше, исторія ихъ постепеннаго сокращенія и паденія. Въ древнихъ языкахъ флексій было гораздо больше и сами онѣ были много разнообразнѣе, чѣмъ въ языкахъ новѣйшихъ. Въ началѣ письменности и русскій языкъ отличался такимъ же богатствомъ флексій, какое мы видимъ, напр. въ языкѣ древнемъ церковно - славянскомъ, этомъ, какъ его называютъ, санскритѣ славянскихъ нарѣчій. Но, съ теченіемъ времени, это богатство растерялось, а разнообразіе было сведено къ извѣстному единству. И въ настоящее время русскій языкъ флексіями сдѣлался значительно бѣднѣе языка древнерусскаго или церковно-славянскаго. Утрата флексій восполняется въ данномъ случаѣ *описательными* формами, т. е. *синтаксическими* сочетаніями словъ. Общій ходъ исторіи языка, стоящій въ тѣсной связи съ исторіей мысли, и заключается именно въ развитіи синтаксиса за счетъ этимологіи, о чемъ мною уже выше говорилось. Этимъ и объясняется, почему многія флексіи въ языкѣ совсѣмъ утратились, а другія измѣнились до полной неузнаваемости ихъ первоначальнаго происхожденія отъ корней мѣстоименныхъ или предложныхъ. . . . .

Понятіе о падежѣ. Падежъ есть такая форма слова, посредствомъ которой самостоятельное слово является или частью грамматическаго сочетанія, напр. *голова человѣка*, или частью предложенія, напр., *онъ читаетъ книгу*. Другими словами: падежъ опредѣляетъ извѣстное отношеніе одного понятія къ другому. Элементарная грамматика насчитываетъ 7 падежей:

именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный и *звательный*. Но съ формальной стороны и по смыслу ихъ меньше. Если опредѣлять падежъ, какъ форму, выражающую зависимость одного слова отъ другого, то изъ общаго числа *семи* слѣдуетъ исключить прежде всего именительный падежъ. Это—самостоятельная, не падежная форма: она не показываетъ *отношенія*, что является характерною особенностью собственно падежа. А потому самое названіе *падежъ* нейдетъ къ этой формѣ: ее скорѣе слѣдовало бы назвать просто именительной формой. Съ другой стороны, самое значеніе самосостоятельности названной именительной формы имѣетъ смыслъ лишь по отношенію къ косвеннымъ падежамъ, которые именно указываютъ на зависимость, а потому существованіе именительной формы обусловливается существованіемъ косвенныхъ падежей. Еще съ меньшимъ правомъ можно назвать падежомъ *звательную* форму склоненія. Значеніе звательной формы заключается въ томъ, что она является словомъ *обращенія* въ рѣчи къ живымъ существамъ или кажущимся живыми. Поэтому-то звательная форма и можетъ быть только въ словахъ, обозначающихъ *названіе* предметовъ. Между звательной формой и косвенными падежами нѣтъ никакой связи: косвенные падежи вовсе не предполагаютъ звательной формы, которая можетъ существовать въ языкѣ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ косвенныхъ падежей, т. е. звательная форма, въ свою очередь, не предполагаетъ склоненія, какъ мы его понимаемъ. Въ русскомъ языкѣ такимъ образомъ собственно 5 падежей: родительный, дательный, винительный, творительный и предложный, который раньше назывался *мѣстнымъ*, такъ какъ его флексіей обозначалось мѣсто на вопросъ — гдѣ, безъ предлога, напр., *Кыевѣ, Новѣгородѣ* и т. п., теперь—*въ Кіевѣ, въ Новгородѣ* и т. п.

Склоненіе и виды его.

Всѣ имена въ литературномъ русскомъ языкѣ можно свести въ 3 группы склоненій, въ зависимости отъ флексій, какія присоединяются къ основамъ словъ: 1) *именныя* склоненія, по которымъ измѣняются всѣ имена существительныя, прилагательныя въ краткой формѣ и часть числительныхъ, напр., *сынъ, великъ, пять* и т. д. 2) *мѣстоименныя*,—по которымъ измѣняется извѣстная часть мѣстоименій (личныя, возвратное, указательныя, нѣкоторыя опредѣлительныя, неопредѣленныя и относительныя) и нѣкоторыя числительныя, напр., *я, ты, онъ, себя, тотъ, кто, самъ, что, одинъ, два* и др. и 3) *сложное* склоненіе, которое представляетъ сочетаніе склоненія именного съ мѣстоименнымъ; по этому склоненію измѣняются всѣ имена прилагательныя съ полнымъ окончаніемъ, а также нѣкоторыя мѣстоименія и числительныя, склоняющіяся по образцу именъ прилагательныхъ, напр. *добрый, всякій, самый, который, первый* и др.

Каждая изъ этихъ группъ распадается, въ свою очередь, на нѣсколько отдѣльныхъ видовъ.

Это дѣленіе всѣхъ именъ на *три* склоненія ведетъ свое начало съ давнихъ поръ и сохраняется до нынѣ. Но между группировкой древней и нынѣшней есть однако большая разница.

Очеркъ исторіи склоненій

Прежде каждая изъ трехъ группъ склоненій была строго обособлена, имѣла свои, ей только присущія флексіи. Въ настоящее время такихъ рѣзкихъ границъ нѣтъ между этими тремя категоріями флексій.

Смѣшеніе склоненій. Древнее богатство флексій сократилось, и языкъ, стремясь къ однообразію, *перевелъ* флексіи изъ одной группы склоненій въ другія, причемъ флексіи, показавшіяся ему почему-либо неудобными, совсѣмъ исчезли изъ употре-

бленія и уступили мѣсто болѣе удобнымъ, хотя и изъ другой группы. Вслѣдствіе этого явились случаи *смѣшенія* склоненій—мѣстоименнаго съ именнымъ и сложнымъ. Такъ, напр., мѣстоименныя формы родит. падежа ед. числа въ древности были—*мене, тебе, себе,* но впослѣдствіи эти формы въ литературномъ языкѣ исчезли и замѣнились формами—по образцу именного склоненія: *меня, тебя, себя,* по образцу, напр., *коня, поля* и т. п. Эти формы стали употребляться съ XV в. Съ другой стороны, мѣстоименное склоненіе подверглось вліянію сложнаго склоненія. Этимъ объясняется, напр. появленіе такихъ формъ, какъ форма дат. п. мн. ч. *одимъ, этимъ, самимъ* и др., вм. древнихъ *однѣмъ, этѣмъ, самѣмъ* и др.; нѣкоторыя мѣстоименія, какъ *всякій* (древнее *всякъ*), *который* (*которъ*), *такой* (*такъ*), *иной* (*инъ*), *оный* (*онъ*), *самый* (*самъ*), цѣликомъ перешли въ сложное склоненіе. Въ древности *всякъ, которъ, инъ, такъ, онъ, ȯна, бъо* и *самъ* склонялись, какъ наше нынѣшнее *тотъ*, являющееся образцомъ мѣстоименнаго склоненія. Мѣстоименное склоненіе (*тотъ*), въ свою очередь, повліяло на сложное; такъ, форма дат. пад. ед. ч. именъ прилаг. на *ому* явилась подъ вліяніемъ окончанія того же падежа въ мѣстоименномъ склоненіи, т. е. форма *доброму* образована по аналогіи съ *тому*, вм. первоначальной формы *добруму*.

Такимъ образомъ, потеря флексій того или другого склоненія нарушила рѣзкую грань, нѣкогда существовавшую между отдѣльными видами этихъ склоненій.

Та же потеря повела за собой и другія измѣненія въ древнемъ склоненіи, а именно вызвала: 1) *смѣшеніе* падежей, чиселъ, родовъ и 2) *вліяніе* однѣхъ основъ именного склоненія на другія и замѣну флексій вторыхъ флексіями первыхъ.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ явленій въ отдѣльности.

Смѣшеніе падежей. Въ древности для каждой падежной формы существовала отдѣльная флексія, и падежи строго отличались другъ отъ друга. Но, съ теченіемъ времени, эта строгость нарушилась, и явилось смѣшеніе падежей.

1. Замѣна зват. формы именительной. Такъ, въ древности русскій языкъ, несомнѣнно, имѣлъ особую флексію для звательной формы ед. числа: *жено, земле, коню, сыну, кости.* Но теперь эти особыя звательныя формы въ великорусскомъ языкѣ совершенно утратились, за исключеніемъ нѣкоторыхъ словъ: *Боже, Господи, Владыко, старче* и др., поддерживаемыхъ церковно-славянскимъ языкомъ и употребленіемъ ихъ въ народномъ эпосѣ, напр. *ратаю, Иванушко* и т. п. Вмѣсто флексіи звательной формы, во всемъ великорусскомъ языкѣ и, конечно, въ литературномъ также принята въ настоящее время форма именительнаго падежа. Но въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ флексіи звательнаго падежа еще до сихъ поръ въ употребленіи, напр., *сынку, коню, жениху, хлопче, жінко, рыбо* и т. п.

2. Смѣшеніе род. падежа съ винит. Замѣна винительнаго падежа родительнымъ — явленіе общее всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ. Сначала род. п. вм. винит. ставился при именахъ вещественныхъ—для выраженія понятія раздѣлительности, напр. *дать хлѣба,* франц. donner du pain и т. п. Потомъ, съ расширеніемъ этого употребленія, родительный падежъ сталъ являться и тамъ, гдѣ вовсе не было понятія о раздѣленіи. Въ русскомъ языкѣ форма родительнаго падежа вмѣсто винит. стала употребляться очень рано, какъ въ именахъ одушевленныхъ, такъ и въ неодушевленныхъ, напр. *вижу коня* (вм. *конь*), *хвалю сына* (вм. *сынъ*), *поостри сердца своего, за мира молите Христа* и др. Рядомъ съ родит. пад. употреблялся, конечно, и собственно винительный, даже въ именахъ одушевленныхъ, напр. *прослави сынъ свой* и т. п. То же случилось и въ мѣстоименномъ склоненіи, т. е. формы вин. падежа един. числа—*мя, тя, ся* постепенно были вытѣснены формами род. п. *мене, тебе, себе,* а затѣмъ — *меня, тебя, себя,* по аналогіи съ род. пад именного склоненія (ср. *коня*). Впослѣдствіи формы *мя* и *тя* совсѣмъ исчезли изъ употребленія, а форма *ся,* въ видѣ приставки, потерявшей уже свое значеніе, сохранилась лишь въ глаголахъ возвратнаго, взаимнаго и такъ называемаго общаго залоговъ, напр. *мыть-*

ся, купаться, сражаться, драться, полагаться, надпяться и т. п.

Изъ единственнаго числа употребленіе родит. падежа вм. винительнаго распространилось и на множественное, а также на мѣстоименія женскаго рода единственнаго числа. Такимъ образомъ, въ современномъ русскомъ языкѣ родительный падежъ вмѣсто винительнаго употребляется въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) постоянно отъ всѣхъ названій предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ при глаголахъ съ отрицаніемъ, напр. *я не вижу волка* (*волковъ*), *стола* (*столовъ*), *скамьи* (*скамей*) и т. д., 2) постоянно въ словахъ мужескаго рода, означающихъ одушевленные предметы, напр. *вижу волка, волковъ* и т. п.; 3) во множественномъ числѣ отъ словъ женскаго рода, обозначающихъ одушевленные предметы, напр. *вижу коровъ* (но: *книги*); 4) въ единственномъ числѣ отъ нѣкоторыхъ мѣстоименій жен. рода, напр. *её, самоё* (форма *самоё* вм. *саму* принята и въ литературномъ языкѣ), *тоё* (народное вм. *ту*), *одноё* (народное вм. *одну*) и 5) отъ мѣстоименія *онъ* въ мужескомъ и среднемъ родѣ: *его, ихъ.* Вмѣстѣ съ этимъ въ русскомъ языкѣ сохраняется, конечно, въ полной силѣ и такъ называемый родительный *раздѣлительный*, отъ именъ вещественныхъ, напр. *насыпать овса, выпить вина, дать хлѣба* и пр. Нерѣдко употребляется также въ русскомъ языкѣ родит. падежъ отъ словъ, означающихъ неодушевленные предметы, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ понятіе раздѣлительности плохо вяжется со значеніемъ слова, напр. *что таить грѣха, дать тумака, взять козыря, сдѣлать маху, крюку, посулить подарка* и т. п.

3. Смѣшеніе вин. пад. мн. числа съ имен.

Далѣе смѣшались имен. и винит. падежи множ. числа именъ существительныхъ мужского рода съ основою на *о* (*рабъ*). Прежде, въ XI в. и позднѣе, имен. пад. оканчивался на *и*, напр. *раби, труди* и др., а винит. на *ы*, напр. *рабы, труды* и др., какъ въ именахъ одушевленныхъ, такъ и въ неодушевленныхъ; при этомъ звуки *г, к* и *х* въ им. падежѣ смягчались въ *з, ц* и *с*; напр.

рози (рогъ), *волци* (волкъ), *дуси* (духъ) и т. п. Въ современномъ языкѣ нѣтъ уже такого различія: формы именительнаго п. множ. числа совсѣмъ исчезли, замѣнившись формами винительнаго падежа того числа. Наши формы имен. пад. множ. ч.—*рабы*, *дубы*, *столы*, *труды* и др., а также *боги*, *волки*, *духи*, гдѣ *ги*, *ки*, *хи* образовались на фонетической почвѣ изъ *гы*, *кы*, *хы*, когда *г*, *к*, *х* изъ задне-небныхъ сдѣлались передне-небными и могли, поэтому, сочетаться только съ *и* (а не съ *ы*), суть древнія формы винительнаго падежа. Что касается флексіи собственно винительнаго падежа, то она въ именахъ одушевленныхъ исчезла, замѣнившись флексіей родительнаго падежа, напр. *рабовъ*, *боговъ*, *волковъ*, *духовъ* и др. Объ исключеніяхъ поговоримъ ниже. То же слѣдуетъ сказать и про мѣстоименія: формы *тѣ*, *всѣ*, *онѣ* и *однѣ* суть собственно формы древняго винит. падежа мн. ч. (мягкаго различія), потому что именительная форма множ. числа была *вси*, *ти*. *они* и *одни*.

Въ другихъ случаяхъ произошло обратное, т. е. формы именительнаго падежа вытѣснили форму винительнаго. Это случилось именно: 1) съ именами мужского рода на *ь*, напр. *конь*, *князь*, *мужъ* (вм. *мужь*), *лучъ* (вм. правильнаго *лучь*) и во 2-хъ) съ мѣстоименіями притяжательными: *мой*, *твой*, *свой*, *нашъ*, *вашъ*. Въ древности именительный падежъ мн. числа въ этихъ случаяхъ оканчивался на *и*, а винительный на *ѣ*. Теперь послѣднее окончаніе, т. е. *ѣ*, совсѣмъ исчезло; именительный и винительный въ именахъ неодушевленныхъ стали оканчиваться на *и*, напр. *пни*, *ножи*, *лучи*, *мои*, *ваши* и т. д., а въ одушевленныхъ винительный падежъ замѣнился родительнымъ, напр. *князей*, *коней*, *мужеи*, *моихъ* и т. д.

Смѣшеніе чиселъ. Въ настоящее время мы употребляемъ только два числа: *единственное* и *множественное*. Въ древности было еще и *двойственное* число. Это двойственное число имѣло свои особыя флексіи и употреблялось: 1) при числительныхъ *два*, *оба*, 2) когда шло перечисленіе двухъ лицъ или двухъ предметовъ и въ 3) когда говорили о парныхъ предметахъ, напр. *очи*, *уши*, *руки*, *ноги*, *близнецы*, *роди-*

тели и т. п. Въ русскомъ литературномъ языкѣ двойств. число употреблялось во всѣхъ этихъ случаяхъ до XIV вѣка, но съ этого времени, а въ живомъ языкѣ и того раньше, оно стало выходить изъ употребленія и замѣняться формами множественнаго числа. Теперь у насъ флексіи формъ двойственнаго числа сохранились лишь: 1) въ именахъ, означающихъ парные предметы, напр. *очи, уши, плечи, колѣни* и др.; это собственно формы именит. падежа двойств. числа, тогда какъ именит. падежъ множ. числа отъ этихъ словъ былъ такой: *очеса, ушеса, плеча, колѣна* и т. д.; во 2-хъ) въ склоненіи числительныхъ *два, двѣ, оба, обѣ* и въ словахъ сложныхъ съ ними, напр. *двѣсти* (изъ *дъвѣсъть*), *двѣнадцать, двоюродный, двуглавый, двугривенный, двуногій* (*дву* изъ *двою*); въ 3) въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, напр. *воочію* и въ 4-хъ) въ именахъ существительныхъ, согласованныхъ съ числительнымъ *два* и *оба*, напр. *два сына, два коня, два раба* и т. п. По образцу согласованія именъ сущ. съ *два* и *оба*, явилось такое же согласованіе съ числительными *три* и *четыре*, хотя въ древности эти числительныя могли соединяться только съ множественнымъ числомъ имени, какъ это и требуется по смыслу.

Форма именит.-винительнаго падежа двойств. числа муж. рода, мы видимъ, была тождественна съ формой родит. пад. един. числа. Это обстоятельство повліяло на женскій и средній родъ. По аналогіи съ выраженіями—*два сына, два коня* и т. п., явились выраженія *два села, двѣ жены,* вмѣсто древнихъ и правильныхъ формъ дв. числа: *двѣ селѣ, двѣ женѣ* и т. д.

Такъ какъ опредѣленія при выраженіяхъ *два сына, двѣ жены, два села* мы ставимъ не въ родит. пад. единственнаго чис., а въ именит. или родительномъ падежѣ множественнаго числа, напр. *два добрые* (или *добрыхъ*) *сына, двѣ хорошія* (или *хорошихъ*) *жены* и т. п., то такое согласованіе можетъ доказывать, что память о двойственномъ числѣ еще не заглохла совсѣмъ въ языкѣ, хотя мы этого и не сознаемъ,

Говоря о двойственномъ числѣ, мы имѣемъ, конечно, въ

виду только литературный языкъ. Что касается областныхъ народныхъ говоровъ, то въ нихъ формъ двойств. числа сохранилось значительно больше, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ, напр. *ухватилъ сумочку обѣма руками*, *брѣшетками* (sic) *желѣзныма*, *дву* (вм. *двою*) *удалыми Борисовичи* и т. д.

Родъ именъ существительныхъ. Родъ именъ существительныхъ узнается по значенію или по окончанію. По значенію, имена существительныя мужескаго пола принадлежатъ къ мужескому роду, а женскаго пола—къ женскому. Пріуроченіе рода къ названіямъ предметовъ неодушевленныхъ (искусственный родъ) указываетъ на олицетвореніе этихъ предметовъ, т. е. человѣкъ нѣкогда представлялъ себѣ и неодушевленные предметы одушевленными, значитъ — со свойствами того или другого пола, мужескаго или женскаго. Средній родъ при названіяхъ одушевленныхъ предметовъ обозначаетъ собственно отсутствіе указанія на родъ, напр. *дитя*, а по отношенію къ предметамъ неодушевленнымъ средній родъ означаетъ отсутствіе олицетворенія. Вотъ, почему въ среднемъ родѣ стоятъ обыкновенно имена, означающія отвлеченныя понятія, напр., *счастіе, чувство, желаніе* и т. п. Названія, равно употребляемыя для лицъ мужескаго и для лицъ женскаго пола, относятся къ такъ называемому общему роду, напр., *плакса, ровня, сирота, родня* и т. п. Такъ различается родъ по значенію

Другое различіе рода бываетъ по окончаніямъ именъ существительныхъ. Это—*грамматическій* родъ, опредѣляемый окончаніями: *ъ, ь, й* — для мужескаго рода, *а* и *я*—для женскаго и *о* и *е*—для средняго, напр., *сынъ, конь, герой, жена, земля, мѣсто, поле*. Эти окончанія называются *родовыми*. Не всегда, однако, родъ опредѣляется окончаніемъ. Довольно часто существуетъ противорѣчіе между *грамматическимъ* родомъ и *логическимъ* (естественнымъ). Сюда относятся: во 1) имена муж. рода съ окончаніемъ на *а, я, о* и *е*, напр. *воевода, турка, судья, старшина, объѣдало, мѣняло, Данило, домище* и др. и во 2) имена существительныя такъ

называемаго общаго рода на *а, я* напр., *скряга, бродяга, убійца, сутяга, львша, родня, ровня* и т. п.

Въ числѣ указателей грамматическаго рода мы не упомянули про окончаніе *ъ* многихъ именъ женск. рода, напр. *ночь, печь, кость* и др., а также окончаніе *я* многихъ именъ средняго рода, напр. *имя, племя, сѣмя, время* и др. Но эти окончанія не принадлежатъ къ *родовымъ*. Прежде всего они— совсѣмъ другого происхожденія, чѣмъ сходныя съ ними родовыя: *ъ* въ именахъ муж. рода *(конь)* и *я* – въ именахъ женск. рода *(земля)*. Полугласный *ъ* образовался въ именахъ женскаго рода изъ краткаго *и*, тогда какъ *ъ* въ именахъ муж. р образовался изъ *ъ*, смягченнаго іотомъ *(конь=конјъ)*. Съ другой стороны, въ древности на *ъ* (изъ *и*) оканчивались *безразлично* имена мужского и женскаго родовъ, напр. *тесть, путь, дань, медвѣдь, кость, ночь, голубь*. Что касается *я* именъ средняго рода, то оно образовалось изъ юса малаго(ѧ), что мы видимъ въ церковно-славянскомъ языкѣ и письмѣ, напр. **дѣтѧ, сѣмѧ, врѣмѧ** и т. д., тогда какъ *я* въ именахъ женскаго рода есть то же *а*, но только іотированное, что въ церковно-славянскомъ письмѣ обозначалось черезъ **ꙗ**, напр. **ꙁемлꙗ, каплꙗ, волꙗ** и др.

Распознаваніе рода по косвеннымъ падежамъ. Въ древности, когда звуковой и формальный составъ языка сохранялъ еще свой первоначальный видъ, грамматическій родъ именъ и частью мѣстоименій можно было различать по окончаніямъ не только имен. падежа, но и косвенныхъ, такъ какъ каждому изъ двухъ родовъ, мужескому и женскому, соотвѣтствовала своя опредѣленная группа флексій въ склоненіи. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе звуковыхъ и формальныхъ измѣненій, совершившихся въ языкѣ, это соотвѣтствіе, конечно, нарушилось, и лишь очень немногія флексіи косвенныхъ падежей могутъ теперь служить показателями родовъ. Въ настоящее время къ косвеннымъ падежамъ, по которымъ мы можемъ различать грамматическій родъ именъ, принадлежатъ только родительный, дательный и творительный падежи единств. числа:

Род. *а* и *я* : раба, коня	*ы* и *и* : жены, земли	
Дат. *у* и *ю* : рабу, коню (Муж. родъ)	*ѣ* и *и* : женѣ, Маріи (Жен. родъ)	
Тв. *омъ* и *емъ* : рабомъ, конемъ	*ою* и *ею* : женою, землею	

Только эти флексіи могутъ служить, притомъ въ извѣстной степени, показателями *грамматическаго* рода.

Во множественномъ числѣ мы такихъ показателей грамматическаго рода уже не находимъ въ современномъ русскомъ литер. языкѣ, такъ какъ тамъ флексіи всѣхъ падежей употребляются безразлично въ отношеніи къ роду. 1) Именительный и сходный съ нимъ винительный оканчиваются на *и, ы, а, я, ья,* причемъ этими флексіями пользуются имена всѣхъ родовъ, напр. *кони, земли, труды, жены, глаза, мѣста, учителя, поля, князья, деревья* и т. п.; 2) родит. падежъ тоже имѣетъ нѣсколько окончаній — *овъ, евъ, ъ, ь, ей, ій,* и всѣ они тоже употребляются почти безразлично въ отношеніи рода именъ, напр. *рабовъ, облаковъ, героевъ, помѣстьевъ, женъ, мѣстъ, крестьянъ, кораблей, костей, морей, кореній, ученій* и т. п. 3) Дательный, творительный и предложный падежи имѣютъ тоже однѣ и тѣ же флексіи для всѣхъ родовъ, а именно: *амъ (ямъ), ами (ями)* и *ахъ (яхъ),* напр. *рабамъ, мѣстамъ, женамъ* и т. д.

Такимъ образомъ, съ формальной стороны *ни одинъ* изъ падежей множественнаго числа не можетъ указывать на родъ, ибо флексіи употребляются безразлично каждымъ родомъ. Вотъ, почему относительно именъ существительныхъ, склоняющихся въ настоящее время въ одномъ множ. числѣ, нельзя сказать съ увѣренностью, какого они рода, если въ древнихъ памятникахъ они не сохранились въ единственномъ числѣ, ими утраченномъ, напр. *кудри, щи.* Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя окончанія (тамъ, гдѣ ихъ нѣсколько) бываютъ вообще болѣе свойственны какому нибудь одному роду. Такія окончанія находятся только въ именительномъ падежѣ — *а, я* и въ родительномъ—*овъ, евъ.* Первыя *(а, я)* принадлежатъ обыкновенно именамъ средняго рода (не собирательнаго характера), вторыя (*овъ* и *евъ*)—именамъ мужского рода. На этомъ

именно различіи въ употребленіи флексій во множ. числѣ основано правило русской грамматики, по которому узнаютъ родъ именъ существительныхъ, склоняющихся только во множественномъ числѣ. Если имя существительное оканчивается въ именит. падежѣ на *а,* при родит. п. *ъ,* то оно средняго рода, напр. *уста, чернила* (какъ *мѣста, мѣстъ*). Если въ родит. падежѣ окончаніе *овъ, евъ,* то имя существительное мужского рода, напр. *квасцовъ, щипцовъ, обоевъ* (какъ *сыновъ, покоевъ*); наконецъ, всѣ прочія имена, которыя, при именит. пад. на *ы* (или *и*), въ родительномъ оканчиваются на *ъ* (безъ предыдущаго *в*) или *ей,* причисляются къ женскому роду, напр. *саней, качелей, бредней, гуслей, дрожжей* (какъ *костей*), *ножницъ, сливокъ* (какъ *женъ*). Сюда относятся также и названія городовъ: *Аѳины, Сузы, Сарды, Ѳивы, Сиракузы* и т. п. Исключеніе изъ этого правила элементарной грамматики составляютъ слова: *очки,* род. *очковъ*—средняго рода (отъ слова *очко*), *ворота* (при имен. ед. *вротъ*) и *будни—будней* (отъ старин. *будень=бъдьть* и *день*)—мужского рода.

Но эти правила распознаванія рода въ именахъ существительныхъ, склоняющихся во множественномъ числѣ, конечно, *условныя* и допустимы лишь по стольку, по скольку они согласны съ показаніями древнихъ памятниковъ русскаго языка, которые еще мало изучены. Если въ этихъ памятникахъ мы найдемъ, что извѣстное слово иного рода, чѣмъ это опредѣляетъ наше правило, то, конечно, это слово будетъ уже исключеніемъ. Это, напр., случилось со словами *хоромы, оковы, чары, святки, взятки,* и *помои.* По нашему правилу *хоромы, оковы, чары, святки* и *взятки* причисляются къ именамъ женскаго рода, а между тѣмъ ак. А. И. Соболевскій изъ древне-русскихъ памятниковъ привелъ примѣры и доказалъ, что они, напротивъ, мужского рода, тогда какъ слово *помои*—женскаго, причемъ въ старину слова, напр., *хоромы, святки, взятки* употреблялись въ ед. числѣ: *хоромъ, святокъ, взятокъ.*

Кромѣ случаевъ смѣшенія родовъ въ склоненіи именъ,

потеря древнихъ флексій и замѣна ихъ новыми особенно сильно отразилась на смѣшеніи родовъ въ мѣстоименномъ и сложномъ склоненіяхъ. Здѣсь смѣшеніе родовъ состояло въ томъ, что формы имен. и вин. падежей муж. рода мѣстоименій, прилагательныхъ и причастій замѣнили собою формы женскаго и средняго родовъ, которыя совсѣмъ исчезли. Такъ, напр., мѣстоименія—*мой, твой, свой, весь, тотъ, самъ, нашъ, вашъ* въ настоящее время въ им. пад. множ. ч. для всѣхъ трехъ родовъ имѣютъ одно окончаніе: *мои, всѣ, тѣ, сами* и т. д., тогда какъ прежде для каждаго рода въ имен.-винит. было особое окончаніе, напр. муж. рода *мои*, женск. *моѣ*, средн. *моя* и т. д. То же случилось и съ несклоняемымъ причастіемъ прошедшаго времени на *лъ*. Въ прежнее время оно измѣнялось по родамъ: *были* (м.)—*былы* (ж.)—*была* (ср.), а теперь мы имѣемъ одно окончаніе для всѣхъ родовъ—*ли*: *были, ходили, несли* и т. д. Или: наши современныя окончанія прилагательныхъ и причастій страд. залога прошедшаго времени въ краткой формѣ *ы—и*, употребляющіяся для всѣхъ трехъ родовъ (напр. *мужья* : *жены* : *дѣти* : *мѣста* и пр. *красивы, велики* и пр.), тоже являются флексіями имен.-вин. падежа мужского рода, который тутъ, впрочемъ, совпадалъ съ женскимъ родомъ, тогда какъ средній оканчивался на *а*, теперь совсѣмъ вытѣсненное.

Въ *живомъ* произношеніи мы для всѣхъ трехъ родовъ въ имен.-винит. падежѣ мн. числа полныхъ прилагательныхъ, причастій и членныхъ мѣстоименій *(всякій, самый, каждый* и др.) употребляемъ теперь безъ различія *только* два окончанія, именно—*ые (іе)* и *ыи (іи)*, напр. *лѣса* : *долины* : *мѣста красивые* или *красивыи, труды* : *заботы* : *усилія тяжкіе* или *тяжкіи*. Эти флексіи и есть именно флексіи именит.-винит. падежа мужского рода, причемъ первая *(ые)* совпала съ древней флексіей того же падежа женскаго рода твердаго различія—*ыѣ (добрыѣ)*, вытѣснивъ однако флексію мягкаго различія - *ѣѣ (синѣѣ)*, а обѣ онѣ совершенно вытѣснили флексію имен.-вин. средняго рода—*ая* и *яя (добрая, синяя)*. Употребляемое нами нынѣ въ письмѣ окончаніе именит.-винит.

падежа женскаго и средняго родовъ—*ыя (ія)*, введенное Ломоносовымъ, церковно-славянскаго происхожденія: это—окончаніе *только* женскаго рода (**ыѧ, иѧ**), искусственно пріуроченное къ среднему, у котораго было однако другое окончаніе для именит.-винит. падежа множ. числа *(ая – яя)*.

Именныя склоненія.

Основы именъ. Имена существительныя въ славянскихъ языкахъ, какъ и вообще въ индо-европейскихъ, раздѣляются на группы по *основамъ*, точнѣе—по конечнымъ гласнымъ или согласнымъ звукамъ основъ, отъ которыхъ, съ присоединеніемъ тѣхъ или другихъ флексій, образуются разные падежи. Такими конечными звуками основъ именъ существительныхъ являются гласные звуки—*о (е), у, а (я)* и *і*, согласные—*в, н, р, с* и *т*. Отъ этихъ звуковъ и основы получили свои названія. Разсмотримъ каждую изъ этихъ основъ.

1. *Основа на о.* Она двухъ различій: твердаго на *о*, при имен. ед. ч. на *ъ* муж. рода и на *о* сред. рода, напр., *рабъ, мѣсто* и мягкаго на *j+о* при имен. ед. на *ь (j+ъ)* и *й* муж. рода и на *е* средняго, напр. *конь, край, поле.* Къ ней, значитъ, принадлежатъ имена существительныя мужескаго и средняго родовъ (ср. греч. δοῦλος *рабъ*, δένδρον *дерево* и т. д.).

2. *Основа на а.* Она тоже двухъ различій—твердаго на *а*, напр. *жена, раба* и др. и мягкаго на *я (j+а)*, а послѣ шипящихъ и *ц* на *а* (изъ *j+а*), напр. *земля, баня, кожа, душа, овца* и др. Эта основа—вообще женскаго рода, и лишь отчасти мужского, что было уже въ древне-славянскомъ языкѣ, напр. *владыка, старѣйшина* и т. п. (ср. лат. mensa—*столъ*, греч. χώρα—*страна*, νεανίας—*юноша* и т. п.).

3. *Основа на у.* Къ этой основѣ на *у*, при имен. един. на *ъ*, принадлежали имена только мужского рода, напр. *сынъ, домъ, миръ, чинъ* и др. Въ чистомъ видѣ эта основа сохранялась въ звательномъ падежѣ: *сыну* (ср. лат. domus, senatus, manus) и т. п.

4. *Основа на і.* Эта основа, при именит. един. числа на *ъ*, была мужского и женскаго родовъ, напр. *путь, кость* и др. (ср. лат. orbis, panis, piscis и др.). Въ чистомъ видѣ эта основа является во многихъ падежахъ, напр. родит., дат. ед. ч. и т. д.

5. *Основы на согласные.* Этими согласными были *н, с, р, в* и *т;* напр. *имен, небес, матер, церков, телят.* Такъ какъ въ общеславянскомъ языкѣ ни одно слово не могло оканчиваться на согласный звукъ, то вслѣдствіе этого въ именительномъ падежѣ един. числа согласный *н* слился съ предшествующимъ гласнымъ звукомъ *(е)* и образовалъ носовые звуки: юсъ малый или *ы*, напр. *имѧ, камы.* Сочетаніе *ов* перешло въ *ы*, напр. *цркы, смокы,* а согласные *т, с* и *р* совсѣмъ отпали, при чемъ именительный падежъ сталъ оканчиваться на юсъ малый (ѧ), *о* и *и*, напр. *телѧ, небо, мати.*

Каждая изъ этихъ основъ въ общеславянскомъ языкѣ имѣла присущую ей систему склоненія, а потому въ эту древнѣйшую эпоху существованія языка склоненія именъ существительныхъ распадались на классы по основамъ, причемъ согласныя основы объединялись вообще въ одно склоненіе. Съ теченіемъ времени, строгая система дѣленія склоненій по основамъ въ разныхъ славянскихъ языкахъ, по выдѣленіи ихъ изъ обще-славянскаго, нарушилась. Причиной этого послужила утрата флексій въ однѣхъ основахъ и замѣна ихъ флексіями изъ склоненій другихъ основъ, т. е. смѣшеніе группъ именного склоненія. Такое смѣшеніе мы замѣчаемъ уже въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, этомъ древнѣйшемъ, такъ сказать, представителѣ современныхъ славянскихъ нарѣчій, санскритѣ славянскихъ языковъ. Такъ, въ этомъ языкѣ основа на *с* потеряла свое склоненіе и слилась съ склоненіемъ основъ на *о;* слова, въ родѣ—*небо, чудо, дѣло, дрѣво* и т. п. въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка стали уже склоняться, какъ, напр., *мѣсто* (основа на *о*), т. е. род. падежъ былъ *дѣла,* дат. *дѣлу,* и т. д. вм. прежнихъ *дѣлесе, дѣлеси* и т. д., какъ того требуетъ склоненіе основы на *с.* Или: склоненіе основъ на *у* (напр. *сынъ, миръ*

и др.) стало заимствовать флексіи изъ склоненія основъ на *о*, какъ и обратно; напр. род. пад. ед. числа стало *сына* вм. *сыну*, дат. ед. *мужеви* вм. *мужу* (основа на *о*) и т. п.

Въ русскомъ языкѣ, и особенно въ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ, это смѣшеніе основъ, конечно, должно было проявиться еще сильнѣе, а вслѣдствіе этого и грани между склоненіями тѣхъ и другихъ основъ еще болѣе сгладились. Привожу тутъ главнѣйшіе случаи смѣшенія именныхъ основъ въ литературномъ русскомъ языкѣ.

1. Смѣшеніе основъ на о съ основами на у. Древнія флексіи склоненія основъ на *у* чаще всего являлись въ склоненіи словъ: *сынъ, домъ, міръ, полъ*. Въ родит. един. числа эти основы оканчивались на *у*—*сыну*, въ дат. на *ови* — *сынови*; им. мн. числа на *ове*—*сынове*, род. мн. *овъ*—*сыновъ* и т. д. Но, рядомъ съ этими формами, уже въ древнихъ памятникахъ встрѣчается форма род. п. *сына*, дат. п. *сыну* и т. п. Эти формы заимствованы изъ склоненія основъ на *о*, образцомъ котораго можетъ служить, напр., слово *рабъ*: род. *раба*, дат. *рабу*. Такимъ образомъ, склоненіе основъ на *у* заимствовало окончанія изъ склоненія основъ на *о*.

Въ свою очередь, и основы на *о* не мало позаимствовались у склоненія основъ на *у*. Такъ, въ родит. падежѣ множ. числа муж. и средняго родовъ окончаніе *овъ* (*евъ*), эта характерная особенность основъ на *у*, перешло цѣликомъ и въ склоненіе основъ на *о*, напр. *рабовъ, роговъ* вм. древн. *рабъ, рогъ*; даже основы на *о* средняго рода часто кончаются въ род. п. на *овъ-евъ*, напр. *облаковъ, яблоковъ*, особенно — въ просторѣчіи: *дѣловъ мѣстовъ* и пр. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что слова съ древними основами на *у*, напр. *домъ, сынъ, волъ, верхъ, миръ, медъ, полъ, чинъ* и т. п., не сохранили своего древняго склоненія и стали склоняться одинаково съ основами на *о*, т. е.—какъ слова *рабъ, рогъ, лѣто, мѣсто, левъ* и т. п.

2. Смѣшеніе основъ на і съ основами на jo. Уже въ глубокой древности между склоненіями этихъ основъ произошло смѣшеніе. Такъ, всѣ слова мужескаго рода, вмѣстѣ съ *путь*, на *бь, вь, дь* и *ть*, напр. *зять, голубь, червь, тесть, медвѣдь*

и т. п., принадлежавшія къ склоненію основъ на *и* и склонявшіяся, какъ слово *путь* (напр. род. п. *тести, зяти* и т. д.), перешли въ основы на *j* + о и стали склоняться, какъ слова: *конь, край, лучъ*(ъ), *князь* и др. Съ своей стороны, и основы на *jo* приняли падежныя окончанія, нѣкогда принадлежавшія основамъ на *и*; такъ, род. падежъ множ. числа на *ей* въ словахъ—*князей, мужей, коней, полей* и т. п. (основы на *jo*) сталъ теперь вполнѣ обычнымъ, между тѣмъ какъ это окончаніе раньше принадлежало *только* склоненію основъ на *и* (*кость*).

3. Смѣшеніе основъ на о, у, і съ основами на а.

Значительно позднѣе произошло смѣшеніе основъ на *о* (*рабъ*), *у* (*сынъ*), *і* (*кость*) съ основами на *а* (*жена*). Это смѣшеніе обнаружилось въ дательномъ, творит. и предложномъ падежахъ множеств. числа и состояло въ томъ, что слова съ основами на *о, у* и *і* усвоили себѣ окончанія основъ на *а* въ этихъ падежахъ, а свои флексіи потеряли, т. е. явились *амъ* (*ямъ*), *ами* (*ями*) и *ахъ* (*яхъ*) вм. древнихъ дат. п. *омъ* (*емъ*), твор. *ы* (*и*) или *ъми* (*ьми*) и предл. *ѣхъ* (*ихъ*) или *ъхъ* (*ьхъ*), напр. *рабамъ* : *рабами* : *рабахъ*, *конямъ* : *конями* : *коняхъ*, *чинамъ* : *чинами* : *чинахъ*, *путямъ* : *путями* : *путяхъ* вмѣсто древнихъ: *рабомъ* : *рабы* : *рабѣхъ*, *конемъ* : *кони* : *конихъ*, *сыномъ* : *сынъми* : *сынъхъ* и *путьмъ* : *путьми* : *путьхъ*. Вмѣстѣ съ этимъ основы на *а* (*жена, земля*) въ тѣхъ же падежахъ повліяли и на всѣ согласныя основы, напр. *именамъ* : *именами* : *именахъ* вм. древнихъ *именьмъ* : *именьı* : *именьхъ* и т. д.

Число случаевъ смѣшенія однѣхъ основъ въ склоненіи съ другими можно было бы увеличить, но и указанныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, до какой степени разстроилась древняя система склоненій, вслѣдствіе потери тѣхъ или другихъ флексій. Съ другой стороны, тѣ же примѣры служатъ доказательствомъ, какъ трудно, почти невозможно дѣлить современное русское склоненіе именъ существительныхъ по основамъ. Подобное дѣленіе, обязательное въ древнѣйшихъ языкахъ, возможное въ древнемъ церковнославянскомъ, къ русскому языку не подходитъ: въ немъ

флексіи разныхъ основъ перемѣшались, и грани между основами сгладились.

Невозможность дѣлить склоненіе именъ по основамъ заставляетъ прибѣгнуть къ другому дѣленію, а именно—по окончаніямъ имен. падежа ед. числа, въ связи съ родомъ именъ существительныхъ. Такимъ образомъ, къ I-му склоненію мы будемъ относить имена муж. и ср. р. на *ъ, ь, й, о, е*; ко II-му — имена женскаго и отчасти муж. рода на *а, я*; къ III-му — имена женскаго рода на *ь* и муж. р. *путь* и къ IV-му слова разныхъ родовъ, съ основами на согласные звуки.

Первое склоненіе.

Если взглянуть на него съ точки зрѣнія основъ, то въ него вошли: 1) имена существительныя съ древними основами на *о—рабъ, мѣсто* и на *јо*: *конь, край, поле*; 2) древнія основы на *у*, при именит. ед. числа на *ъ*, напр., *сынъ, домъ, чинъ, миръ*; 3) всѣ имена мужескаго рода съ основами на *и*, сверхъ слова *путь*, напр., *гость, голубь, ноготь, гвоздь, зять, медвѣдь* и др., 4) имена средняго рода съ согласной основой на *с*, напр., *слово, дѣло, чудо* и др. въ един. числѣ, 5) основы на согласную *н* муж. рода, напр., *камень, ячмень, корень, пламень, гражданинъ, бояринъ* и др.; 6) основы на *т* въ ед. числѣ муж. рода, напр., *козленокъ, ребенокъ, теленокъ* и т. п. и 7) основа на *в* въ словѣ *жерновъ* (изъ древняго *жръны*).

Всѣ эти основы въ настоящее время объединяются въ одно склоненіе: 1) родомъ, 2) окончаніемъ имен. падежа един. числа и въ 3) большимъ или меньшимъ однообразіемъ и сходствомъ флексій въ падежахъ косвенныхъ. Я говорю „большимъ или меньшимъ" однообразіемъ, потому что однѣхъ и тѣхъ же флексій въ извѣстномъ падежѣ для всѣхъ словъ, относящихся къ первому склоненію, тутъ быть не можетъ, такъ какъ въ I-ое склоненіе вошли разныя основы, нѣкогда имѣвшія свои собственныя флексіи, и нѣкоторыя изъ этихъ

древнихъ флексій, какъ сейчасъ увидимъ, еще удержались и въ настоящее время. Съ другой стороны, нельзя также утверждать, чтобы извѣстное слово въ извѣстномъ падежѣ всегда имѣло также одну и ту же флексію. Единства и тутъ нѣтъ, а это отсутствіе единства зависитъ или отъ синтаксическаго употребленія слова, или отъ разныхъ перемѣнъ, стоящихъ въ связи съ исторіей звуковъ языка.

Къ падежамъ I-го склоненія, которые всегда имѣютъ однѣ и тѣ же флексіи для всѣхъ словъ, въ какомъ бы смыслѣ тѣ ни употреблялись, принадлежатъ слѣдующіе: 1) дательный и творит. ед. числа: *у* (*ю*), *омъ* (*емъ*) и 2) дательн., творительн. и предложный падежи множ. числа: *амъ* (*ямъ*), *ами* (*ями*) и *ахъ* (*яхъ*), хотя, какъ увидимъ ниже, и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Что касается другихъ падежей, то въ нихъ мы найдемъ по двѣ, по три флексіи, а иногда и больше, въ зависимости отъ указанныхъ причинъ. Разсмотримъ эти падежи въ отдѣльности.

Родительный пад. ед. числа. Родительный падежъ въ именахъ I-го склоненія оканчивается обыкновенно на *а* (*я*), напр., *труда*, *коня*, *сына* и т. д. Это окончаніе *а* (*я*), принадлежитъ собственно древнему склоненію основъ на *о* (*е*). Но такъ какъ въ первое склоненіе вошли теперь всѣ слова съ древнею основою на *у*, которая въ род. пад. ед. числа оканчивалась на *у* (*ю*), то, понятно, эту флексію *у* мы находимъ и теперь, какъ въ словахъ съ древними основами на *у*, напр., *изъ дому*, *съ роду*, *съ верху* (нарѣчіе *сверху*) и т. п., такъ и въ словахъ съ основами на *о*, подчинившихся въ родит. падежѣ вліянію основъ на *у*, напр., *съ размаху*, *не хватаетъ духу*, *съ виду*, *изъ лѣсу*, *съ голосу* (поетъ) и др. Особенно часто употребляется окончаніе *у* въ родительномъ пад. един. числа въ словахъ, обозначающихъ недѣлимое вещество, напр., *кусокъ сахару*, *много песку*, *стаканъ чаю*, *капля воску*, *куча хворосту*, *мѣрка гороху* и т. п. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что окончаніе *у* (*ю*) ставится лишь въ томъ случаѣ, когда мы беремъ часть извѣстнаго веще-

ства (родительный раздѣлительный); если же родительн. пад. обозначаетъ въ этихъ словахъ вообще принадлежность, то употребляется окончаніе *а (я)*, напр. *вкусъ сахара, запахъ чая, мѣсто хвороста, область песка* и т. п.

Предложный падежъ ед. ч. Предложный падежъ въ един. числѣ I-го склоненія оканчивается на *ѣ*, и это самое распространенное окончаніе, напр., *о волкѣ, о конѣ, о дѣлѣ, о сынѣ, о тестѣ* и т. п. Но часто вмѣсто *ѣ* употребляется *у* (для твердаго различія) и *ю* (для мягкаго). Это бываетъ обыкновенно въ именахъ мужского рода съ предлогами *въ, на*, напр., *на берегу́, въ лѣсу́, на краю́, въ раю́* и т. п.; при этомъ для отличія предложнаго падежа отъ дательнаго един. числа удареніе въ предл. п. переносится на флексію, напр., *на краю́*, но—*къ кра́ю, на берегу́*, но—*къ бе́регу* и т. п. Окончаніе *у(ю)*—того же происхожденія, что и флексія *у(ю)* въ родит. единств., т. е.—остатокъ древняго склоненія основъ на *у(ю)*. Употребленіе того или другого окончанія, т. е. *ѣ* или *у*, придаетъ весьма часто одному и тому же слову разный смыслъ, напр., *въ виду́* и *въ ви́дѣ, въ дому́* и *въ до́мѣ. на духу́, въ духу́* и *въ ду́хѣ* (чего нибудь), *въ хмѣлю́* и *во хмѣ́лѣ* и т. п.

Слова съ основою на *о* въ мягкомъ различіи *(j + o)* оканчивались въ предл. падежѣ ед. числа въ древности на *и*, напр., *на кони, въ мори* и т. п. Теперь эта древняя флексія *и* почти вышла изъ употребленія, сохранившись лишь въ словахъ, гдѣ ему предшествуетъ другое *і*, напр., *о Василіи, въ ученіи, о житіи* и т. п. Если это *и* сокращается въ *ь*, то въ предлож. падежѣ флексія *и* замѣняется *ѣ* или *всегда*, когда на эту флексію падаетъ удареніе, напр., *о копьѣ́, о житьѣ́—бытьѣ́, въ ружьѣ́* и т. п., или только *иногда*, если удареніе стоитъ не на флексіи, напр., *на новосе́льи* и *новосе́льѣ, о здоро́вьи* и *здоро́вьѣ* и т. п. Это двоякое письмо съ *ѣ* и съ *и* часто насъ смущаетъ. Слѣдуетъ держаться такого правила: 1) въ именахъ отглагольныхъ на *ніе* вообще рѣже сокращать *и* въ *ь*—что, кстати сказать, здѣшніе русскіе и поляки, подъ вліяніемъ польскаго ударенія (всегда на предпослѣднемъ сло

гѣ), напротивъ, очень любятъ дѣлать, сокращая *ніе* въ *нье* и тамъ, гдѣ литературное произношеніе этого избѣгаетъ,—и тогда предложный падежъ всегда, конечно, будетъ оканчиваться на *ніи;* но даже и при сокращеніи правильнѣе все-таки будетъ писать въ предлож. п. *и*, а не *ѣ*, напр., *въ сомнѣньи, ученьи,* 2) во всѣхъ остальныхъ именахъ предпочтительнѣе ставить въ предл. п. *ъѣ* вм. *ъи*, напр., *въ платъѣ, на безлюдьѣ, о здоровьѣ* и т. п., не говоря про тѣ слова, въ которыхъ на флексію падаетъ удареніе, напр., *о житъѣ, копьѣ* и т. п.

Именит. пад множ. числа. Этотъ падежъ 1-го склоненія имѣетъ нѣсколько окончаній: *и, ы, е, а, я* и *ъя;* при этомъ имена муж. рода могутъ пользоваться всѣми этими флексіями, а имена средняго рода только *а, я, ъя* и лишь иногда *и*, напр *сосѣди, рабы, граждане, сторожа, учителя, друзья, мѣста, яблоки* и т. п. Такое обиліе флексій въ именит. падежѣ множ. числа объясняется: 1) смѣшеніемъ основъ и 2) смѣшеніемъ падежей. Разсмотримъ каждую изъ этихъ флексій въ отдѣльности.

Флексія *и* въ именит. пад. принадлежала собственно основамъ на *о* муж. рода какъ твердому, такъ и мягкому ихъ различію, напр., *раби, кони, мужи.* Это древнее *и* въ настоящее время сохраняется лишь въ основахъ мягкаго различія муж. рода и въ очень немногихъ словахъ различія твердаго, напр., *сосѣди, чёрти, холопи;* здѣсь *и*, дѣйствительно, древнее. Что же касается звука *и* въ словахъ твердаго различія, но послѣ такъ называемыхъ гортанныхъ *г, к, х*, напр., *боги, волки, духи,* то здѣсь *и* не исконное, а лишь видоизмѣненная, т. е. умягченная флексія древняго винительнаго падежа *(ы)* мн. ч., который, какъ было выше сказано, вытѣснилъ форму именительнаго падежа и сталъ употребляться въ смыслѣ имен. пад. Это *и* явилось на мѣсто древняго *ы*, когда *г, к, х* изъ задне-небныхъ превратились въ передне-небные звуки и потребовали сочетанія только съ *и* вм. древняго *ы*. Тамъ, гдѣ подобнаго перехода *ы* въ *и* фонетикой не требовалось, т. е.—послѣ всѣхъ другихъ согласныхъ зву-

ковъ, кромѣ *г*, *к* и *х*, тамъ это *ы* сохранилось и теперь въ именит. пад. множ. числѣ, напр., *рабы*, *львы*, *сады*, *сны*, *персты* и т. п. Флексію *и* имѣютъ также и слова средняго рода на *ко*, напр., *лыки*, *окошки*, *очки*, *яблоки*, за исключеніемъ: *войска*, *облака*, имѣющихъ древнее окончаніе средняго рода.

Флексія *е* въ именит. множ. числа употребляется отъ слова на *анинъ*, *янинъ*, рѣже—въ словахъ на *инъ*, напр., *крестьяне*, *горожане*, *кіевляне*, *бояре*. Флексія *е* явилась изъ склоненія основъ на *н* (отъ *камы* имен. множ. чис. *камене*), потому что въ древности слова на *анинъ* (*янинъ*) въ нѣкоторыхъ падежахъ множ. числа склонялись по основамъ на согласный звукъ *н*.

Флексія *ья* (напр. *сыновья*, *друзья* и т. п.) въ старину принадлежала именамъ собирательнымъ, напр., *зятья́*, *шурья́*, *дядья́* и т. п., которыя склонялись лишь въ един. числѣ, какъ слова женскаго рода, напр. дат. п. *зятьи*, вин. п. *зятью*, твор. *зятьею* и т. п. Съ такимъ же значеніемъ употреблялась въ древности и флексія *а*, напр., *сторбжа*, *листва*, *жидова*, *господа*; эти слова также склонялись въ ед. ч., какъ имена женскаго рода на *а*, напр., род. пад. *сторожи*(*ѣ*), дат. *сторбжѣ* (*и*), вин. *сторбжу*, твор. *сторбжею* и т. п. Но, склоняясь въ ед. числѣ, эти имена, въ силу ихъ собирательнаго значенія, требовали, однако, сказуемаго (глагола) во множ. числѣ. Вслѣдствіе такого употребленія, формы ед. ч. (*зятья*, *дядья*, *господа*) получаютъ мало по малу значеніе формъ мн. ч. и цѣликомъ переходятъ во множественное число. Когда это случилось, тогда по аналогіи совершилось образованіе формъ на *а* (*я*) и отъ другихъ словъ, не заключавшихъ въ себѣ понятія собирательности, напр., *берега*, *луга*, *края*, *дома* и т. п. Придавая словамъ значеніе собирательное, флексія *а* (*я*) въ однихъ словахъ совершенно вытѣснила въ литературномъ языкѣ древнія флексіи, напр., *голоса* вм. *голосы*, или *голоси*, *берега* вм. *береги*, *луга* вм. *луги*, *глаза* вм *глазы* и т. п.; въ другихъ, напротивъ, существуютъ одновременно обѣ формы: болѣе старая и вновь

образовавшаяся, напр., *вѣки* и *вѣка́*, *до́мы* и *дома́* и т. п. Этимъ двоякимъ окончаніемъ языкъ часто пользуется для отличія разныхъ значеній словъ, напр., *мѣ́хи* и *мѣха́*, *хлѣ́бы* и *хлѣба́*, *о́бразы* и *образа́*, *цвѣ́ты* и *цвѣта́* и т. п. Какъ флексія *а* чередуется съ *ы*, *и*, такъ точно чередуется и флексія *ья* съ тѣми-же *ы* (*и*) и *а*. Такъ, напр., отъ слова *дерево*, *камень*, *корень*, *уголь* и т. п. мы употребляемъ двоякую флексію въ имен. пад. мн. ч. а) простую: *дерева́*, *ка́мни*, *ко́рни*, *угли* и б) собирательную: *деревья*, *каменья*, *коренья*, *уголья* и пр. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что форма именит. пад. множ. числа на *ья* въ словахъ—*деревья*, *каменья* и т. п. явилась не по аналогіи, а прямо отъ именъ собирательныхъ, оканчивающихся въ имен. пад. ед. числа на *ье*, напр., *каменье*, *коренье*, *уголье* и т. п. Народная рѣчь широко пользуется и въ настоящее время собирательной формой въ ед. числѣ на *ье*, напр. *перьё*, *гвоздьё*, *ельё*, *крыльё*, *листьё* и т. п. Литературный языкъ, напротивъ, эти собирательныя формы въ ед. ч. утратилъ и употребляетъ эти слова только во множ. числѣ: *перья*, *листья*, *колосья* и т. д.; причемъ флексія *ья* во многихъ словахъ вытѣснила совсѣмъ другія флексіи, не имѣющія значенія собирательности; напр. *перья*, *крылья*, *звенья*, *колѣнья*, *колья* и т. п. Но въ нѣкоторыхъ словахъ сохранились обѣ флексіи, придающія разный смыслъ одному и тому же слову, напр., *зубы* и *зубья*, *сыны* и *сыновья*, *листы* и *листья*, *мужи* и *мужья* и др.

Слѣдуетъ отмѣтить слово *колѣно*, которое имѣетъ три флексіи – *а*, *и*, *ья*: *колѣна* (потомки), *колѣни* (сгибы ноги), *колѣнья* (перехватъ, напр., у тростника, соломины и т. п.); современная форма *колѣни*—остатокъ имен. падежа двойств. числа.

Родительный пад. множ. числа. Этотъ падежъ оканчивается на *овъ*, *евъ*, *ей*, *ій* и *ъ* напр., *рабовъ*, *краевъ*, *коней*, *ученій*, *аршинъ* и др. Флексія *овъ* (*евъ*) взята изъ склоненія основъ на *у*, откуда она перешла въ склоненіе основъ на *о* (*рабовъ*) и стала самой обычной и распространенной флексіей въ настоящее время, напр., *рабовъ*, *сыновъ*, *краевъ*, *облаковъ*

и т. п. Особенно часто употребляется эта флексія въ народномъ языкѣ: здѣсь она принята даже въ словахъ средняго рода, напр. *дѣловъ, мѣстовъ, сердцовъ, гуляньевъ, подозрѣніевъ, положеньевъ* и т. п., чего нѣтъ въ литературномъ языкѣ, который въ этомъ случаѣ сдержаннѣе и пользуется этой флексіей вообще только въ словахъ мягкаго различія, напр., *помѣстьевъ, кушаньевъ, вареньевъ* и т. п., составленныхъ по аналогіи съ именами собирательнаго значенія, напр. *перьевъ, деревьевъ, полѣньевъ* и т. п. Правильнѣе, конечно, будетъ форма: *вареній, кушаній, помѣстій* и т. п. Что касается словъ средняго рода съ твердымъ различіемъ, то флексію *овъ* литературный языкъ допускаетъ лишь въ именахъ на *ко: очковъ, ушковъ, облаковъ* и др., да и то не всегда, ибо — *яблокъ, лыкъ, окошекъ* и т. п.

Флексія *ъ* (ь) безъ предыдущаго *в* принадлежала нѣкогда склоненію основъ на *о* и согласные, напр. *рабъ, конь, мужь* и т. д. Въ именахъ средняго рода она почти всегда сохраняется и теперь, напр. *дѣлъ, селъ, мѣстъ, сердецъ* и др., исключая нѣкоторыя слова на *ко*. Что же касается именъ мужск. рода, то флексію *ъ*, вообще очень рѣдкую теперь въ этомъ родѣ, мы находимъ: 1) въ словахъ при именит. падежѣ мн. числа на *е*, напр. *крестьянъ, горожанъ, бояръ, мѣщанъ* (осн. *н*) и т. п., 2) въ словахъ, означающихъ мѣру, вѣсъ съ числительными, начиная съ 5-ти, напр. *аршинъ, пудъ, алтынъ* и т. п. и 3) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ: *глазъ, гренадеръ, человѣкъ, волосъ, солдатъ, чулокъ, сапогъ, турокъ* и др. Въ древне-русскомъ языкѣ и въ народномъ флексія *ъ* употребляется и въ другихъ случаяхъ, напр., *бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.*

Флексія *ей* заимствована изъ склоненія основъ на *і* (*кость*); теперь она употребляется: 1) въ именахъ мужск. рода на *ь*: *кораблей, коней, мытарей, жителей* и др., не говоря уже про слова, оканчивающіяся на *бь, вь, дь, ть*, которыя хотя склоняются теперь такъ же, какъ слова *конь, корабль*, но нѣкогда принадлежали къ склоненію основъ на *і*, гдѣ флексія *ей* была на своемъ мѣстѣ. Поэтому, для та-

кихъ словъ, какъ *голубъ, червъ, гвоздъ, зять* и т. п. флексія *ей* не является заимствованной; 2) въ именахъ мужского рода, оканчивающихся на шипящую: *мужей, мечей, ужей, клещей, ножей* вм. древнихъ *мужь, мечь, ужь, клещь, ножь* и др.; 3) въ словахъ, которыя въ имен. падежѣ множ. числа оканчиваются на *ья*: *друзей, кумовей, сыновей*; 4) въ словахъ средняго рода на *е* съ предыдущей согласной: *полей, морей* вм. древнихъ *поль, морь* и др. и 5) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ, напр. *тетеревей* (но есть и *тетеревовъ*). Что касается слова *колѣно*, то оно имѣетъ въ род. пад. мн. числа три формы: *колѣнъ, колѣней* и *колѣньевъ*, которыя употребляются, смотря по значенію.

Дательный пад. множ. числа. Этотъ падежъ въ настоящее время оканчивается на *амъ-ямъ* у всѣхъ основъ, вошедшихъ въ 1-ое склоненіе, напр. *рабамъ, конямъ, сынамъ* и пр. Флексія *амъ* (*ямъ*), какъ было сказано выше, заимствована изъ склоненія основъ на *а* (*жена, земля*). Прежняя флексія была *омъ* (*емъ*): *рабомъ, конемъ, сыномъ* (*-овомъ*) и т. п. Она сохранилась лишь въ выраженіи *по дѣломъ*. Въ просторѣчіи и народныхъ пѣсняхъ она встрѣчается гораздо чаще: *по стойломъ* и др.

Винительный пад. множ. числа. Винительный падежъ мн. числа именъ муж. и сред. рода раздѣлилъ судьбу винит. пад. ед. числа (см. выше), но остатковъ древней формы этого падежа на *ы* отъ словъ, обозначающихъ предметы одушевленные, сохранилось въ литературномъ языкѣ значительно больше, чѣмъ въ единств. числѣ. Всѣ наши выраженія, въ родѣ: *поступить въ солдаты, выйти въ люди, постричься въ монахи* и т. п. даютъ примѣры древней формы винит. пад. мн. числа. Въ такихъ сочетаніяхъ эта форма винит. пад. мн. числа жива въ языкѣ и понынѣ.

Творительный пад. множ. числа. Этотъ падежъ прежде оканчивался на *ы* и *и* (*рабы, кони, имены, тѣлесы, отрочаты*), кромѣ основъ на *у* (*сынъми*) и на *і* (*путьми*). Теперь всѣ эти окончанія исчезли, а вмѣсто ихъ явилась флексія *ами* (*ями*), заимствованная изъ склоненія основъ женск. рода на

а, напр. *рабами, полями, сынами, голубями* и т. д. Скудные остатки древней формы творит. пад. множ. числа сохранились лишь въ народномъ языкѣ, напр. *со тѣми носы, со товарищи, глазы пива не выпить, гнѣвливъ съ горшки не ѣздитъ* и т. п. Къ остаткамъ древней формы слѣдуетъ отнести и нарѣчіе *намедни*, образовавшееся изъ *оными дни*. Старинную флексію *ы* (*и*) можно иногда встрѣтить и въ литературномъ языкѣ; такъ, Пушкинъ писалъ: *съ тесовыми вороты*. Значительно больше такихъ формъ твор. пад. мн. числа на *ы* (*и*) сохранилось въ прилагательныхъ съ краткимъ окончаніемъ, сдѣлавшихся нарѣчіями: *молодецки, дружески* и т. п. Изрѣдка мы находимъ въ 1-мъ склоненіи и древнюю форму твор. пад. на *ъми* изъ основъ на *и*, напр. *гостьми*, хотя рядомъ обыкновенно—*гостями, голубями* и пр.

Второе склоненіе.

Въ настоящее время къ этому склоненію принадлежатъ имена женскаго и такъ называемаго общаго рода на *а—я*, напр. *раба, земля, владыка, слуга, родня* и т. п.

Если взглянуть на имена существительныя, вошедшія во 2-е склоненіе, съ точки зрѣнія основъ, то въ него вошли: 1) древнія основы на *а, я*, женск. и т. н. общаго рода, напр. *раба, земля, владыка*; 2) древнія основы на согласный *в*: *смоква, брюква, клюква* (древнія: *смокы, клюкы, брюкы*) и др.; 3) древнія основы на *и*: *басня, пѣсня* вм. древнихъ *баснь, пѣснь* и 4) рядъ словъ, принадлежавшихъ къ склоненіямъ основъ на *о* и *т*. Изъ именъ муж. рода ко 2-му склоненію теперь относятся слова на *ло*, напр. *объѣдало, Михайло, Данило, воротило* и др. Слова на *ло* прежде склонялись, какъ слова съ основами на *о*, т. е. по образцу именъ средняго рода (*мѣсто*); но уже съ XIII в. они стали переходить въ склоненіе основъ женскаго рода на *а*, и теперь склоняются, какъ, напр., *раба, жена*. Связь словъ на *ло* съ 2-мъ склоненіемъ въ настоящее время такъ сильна, что, подъ

вліяніемъ косвенныхъ падежей, именительный падежъ ед. числа во многихъ случаяхъ перемѣнилъ окончаніе *ло* на *ла*, напр. *Гаврила, Данила, верзила, Михайла* и т. п. Эти имена муж. р. на *ло* слѣдуетъ отличать отъ именъ средняго рода, означающихъ орудіе, напр., *шило, мотовило, мыло* и др., которыя склоняются по 1-му склоненію. Наконецъ, къ 2-му склоненію принадлежатъ имена уменьшительныя и уничижительныя на *я, ка* или *шка*, напр. *Ваня, Миша, Петька, мальчишка, батюшка* и т. п. Имена на *ка* (*шка*), какъ и слова на *ло*, въ древности оканчивались въ именит. падежѣ на *ко* (*шко*), были основами средняго рода на *о* и склонялись, какъ имена этого именно рода, т. е. по 1-му склоненію, напр. *Василько*, род. *Василька*, дат. *Васильку*, твор. *Василькомъ* и т. п. Въ настоящее время эти слова почти цѣликомъ перешли въ склоненіе именъ жен. рода на *а*, напр. им. *батюшка*, род. *батюшки*, дат. *батюшкѣ*, твор. *батюшкою*. Въ склоненіи основъ на *о* остались лишь имена предметовъ неодушевленныхъ на *ко*, напр. *перышко, домишко, крестишко* и др. средняго рода, а изъ названій предметовъ одушевленныхъ только—*дружко, гнѣдко, воронко, сѣрко* и др., хотя рядомъ имѣются: *сивка, бурка, каурка*. Въ областныхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія формъ древняго склоненія именъ на *ко* (*шко*) сохранилось много, и слово, напр., *батюшка* (*—ко*) склоняется такъ, какъ слово *мѣсто*: родит. *батюшка*, твор. *батюшкомъ* и т. д. Что касается малорусскаго нарѣчія, то старое склоненіе именъ на *ко* тамъ сохраняется и въ настоящее время. Вслѣдствіе этого названія малорусскихъ фамилій на *ко*, слѣдуетъ всегда склонять, какъ имена средняго рода на *о*, т. е. по 1-му склоненію: *Шевченко*, род. *Шевченка*, дат. *Шевченку*, твор. *Шевченкомъ*. Обычая, довольно таки распространеннаго, склонять малороссійскія фамиліи на *ко* на великорусскій ладъ, т. е. по образцу именъ женскаго рода, въ правильномъ литературномъ языкѣ придерживаться не должно, въ виду того, что въ живомъ малорусскомъ говорѣ старое склоненіе осталось.

Уменьшительныя имена на *я* (ѧ), а послѣ шипящихъ на

а (Ваня, Миша), принадлежали раньше къ склоненію основъ на *т (теля)*, т. е. измѣнялись такъ: им. пад. *Ваня*, род. *Ваняте*, дат. *Ваняти* и т. п. Остатки этого склоненія видны въ словѣ *жиденята* (отъ им. п. *жиденя), ро(е)бята* (отъ им. п. *робя)*. Но такъ было очень давно, а съ тѣхъ поръ, какъ явилась письменность, эти уменьшительныя на *я* (ѧ) склоняются, какъ имена женскаго рода на *я*: *Ваня*, род. *Вани*, дат. *Ванѣ* и т. п.

Сравнительно съ древнимъ видомъ, **2**-е склоненіе измѣнилось очень мало въ своихъ флексіяхъ. Падежныя окончанія остались тѣ же, что и прежде, т. е. какими они были, напр., въ XI вѣкѣ. Такую устойчивость въ склоненіи слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ основахъ женскаго рода на *а* преобладающимъ звукомъ является *а*, самый чистый и удобный для произношенія звукъ изъ всѣхъ гласныхъ звуковъ. Повліявъ на склоненія другихъ основъ (въ дат., твор. и предл. падежахъ множ. ч.), это склоненіе основъ на *а* само, однако, не подчинилось вліянію другихъ основъ. Особенно это слѣдуетъ сказать про флексіи съ твердымъ различіемъ *(а)*. Тутъ перемѣнъ противъ прежняго совсѣмъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ, которыя стоятъ въ зависимости отъ измѣненій звуковъ. Что касается склоненія именъ съ мягкимъ различіемъ, напр., *земля, душа, кожа* и т. п, то флексіи его, сравнительно съ твердымъ различіемъ, болѣе измѣнились. Но эти перемѣны вызваны главнымъ образомъ вліяніемъ твердаго различія той же основы и лишь отчасти склоненіемъ основъ на *і (кость)*.

Именительный падежъ ед. числа. Онъ оканчивается на *а, я*. Не всѣ, однако, имена, оканчивающіяся въ настоящее время на *я*, и прежде имѣли такое же окончаніе. Многія слова вм. нынѣшняго *я* кончались на *и*. Сюда относились имена женскаго рода на *ыня (иня)*, напр. *пустыня, княгиня, гордыня, богиня* и т. п., а также нѣкоторыя существительныя женскаго и особенно мужского на *ія*: *молнія, ладія, судія, витія* и др. Нѣкоторыя изъ такихъ именъ мужск. рода, принадлежавшія къ склоненію именъ съ основами на *а*, теперь

перешли въ склоненіе прилагательныхъ съ полнымъ окончаніемъ, напр. *кормчій, кравчій, ловчій* и др.

Родит. ед. и имен.-вин. мн. числа. Эти падежи въ твердомъ различіи оканчивались прежде на *ы*, а въ мягкомъ на *ѣ*, напр.: *жены, землѣ*. Но уже съ XII-го вѣка твердое различіе стало вліять на мягкое, и вмѣсто древняго *ѣ* явилось *и*, звукъ, соотвѣтствующій звуку *ы* твердаго различія въ этихъ падежахъ, напр. *души, земли*. Литературный языкъ и великорусскіе говоры о древнемъ *ѣ* въ этихъ падежахъ вообще забыли; напротивъ, малорусское нарѣчіе еще помнитъ о немъ, замѣняя это *ѣ* въ однихъ говорахъ звукомъ *і*, въ другихъ—*е*, напр. *душі* и *душе*.

Дательный и предложный пад. ед. числа. Какъ въ твердомъ, такъ и въ большинствѣ словъ мягкаго различія эти падежи оканчиваются теперь на *ѣ*, напр. *женѣ, землѣ, душѣ* и т. д. Между тѣмъ въ древне-русскомъ языкѣ мягкое склоненіе допускало въ этихъ падежахъ только *и (земли)*. Распространеніе флексіи *ѣ* на мягкое различіе есть результатъ аналогіи, подражанія твердому различію. Древняя флексія *и*, вполнѣ обычная еще въ XIV—XV в., въ литературномъ языкѣ употребляется теперь лишь въ словахъ на *ія*, напр. *молнія, линія, Софія* и т. п. Сокращеніе *и* въ *ь* влечетъ за собой переходъ *и* въ *ѣ: Марьѣ, Софьѣ* и т. п.

Родительный падежъ мн. числа. Онъ оканчивался на *ъ* и *ь*, а послѣ гласнаго на *ій*, напр. *женъ, земль, судій*. Эти окончанія сохраняются и теперь, только рядомъ съ флексіей *ій*, постоянно употребляющейся въ словахъ на *ія*, напр. *линій, молній* и др., нерѣдко употребляется и окончаніе *ей*. На это *ей* слѣдуетъ смотрѣть, какъ на особенность русскаго языка, который церковно-славянскіе слоги *ый—ій* замѣнялъ слогами *ой—ей*, напр. *злой, слѣпой, бей, пей* и др., что соотвѣтствуетъ церковно-славянскимъ формамъ—*злый, слѣпый, бій, пій* и др. Поэтому, флексія *ей* въ словахъ—*судей, скуфей, семей* и т. п. такъ же первоначальна, какъ и флексія *ій* въ словахъ—*молній, линій*. Мало того: на флексію *ій* можно даже смотрѣть, какъ на примѣръ вліянія церковно-

славянскаго произношенія. Иное дѣло вопросъ о распространеніи этой флексіи *ей* въ современномъ родит. падежѣ 2-го склоненія. Прежде она принадлежала только словамъ, кончающимся на *ія (ья);* теперь мы ее найдемъ и въ такихъ словахъ мягкаго различія, которыя въ старину пользовались лишь флексіей ь. Таковы, напр. нѣкоторыя слова на *жа, ча, ша,* напр. *ханжа, вожжа, притча, юноша, парча, свѣча, векша* и др. То же окончаніе *ей* употребляется и въ нѣкоторыхъ словахъ на *ня,* напр. *четверня, сплетня, броня* и др.

Вторая флексія род. падежа мн. числа *ъ* въ древности ставилась только послѣ согласнаго твердаго, напр. *женъ, ногъ* и т. п., тогда какъ послѣ согласныхъ мягкихъ употреблялась *ь,* напр. *буръ, земль, княгинь* и т. п. То же распредѣленіе обѣихъ флексій *(ъ, ь)* мы видимъ и теперь. Но разница противъ прежняго все таки есть. Прежде шипящіе *ж, ч, ш, щ* и свистящее *ц* были мягки, а потому въ род. мн. ч. было: *душь, кожь, птиць.* Въ настоящее время согласные *ж, ш* и *ц* совершеннно отвердѣли, а потому и вполнѣ естественно, что они стали сочетаться съ твердымъ *ъ* въ род. п. мн. числа, напр. *кожъ, чашъ, птицъ* и т. д. Здѣсь произношеніе вполнѣ совпадаетъ съ письмомъ. Не то мы видимъ при звукахъ *ч* и *щ.* Эти звуки остались мягкими; слѣдовательно, род. падежъ долженъ-бы оканчиваться на мягкій ь (т. е. *свѣчь, чащь).* На самомъ же дѣлѣ въ нашемъ письмѣ тутъ ставится *ъ,* что совсѣмъ неправильно: такая орѳографія не соотвѣтствуетъ ни этимологіи, ни современному произношенію *ч* и *щ.*

Въ число именъ женскаго рода на *ня* вошли древнія основы на *ыни (княгиня, рабыня)* и основы на *я (обѣдня, башня).* Тѣ и другія основы принадлежали къ мягкому различію и оканчивались въ род. мн. на *ь: княгинь, бань* и т. п. Въ настоящее время этотъ ь въ род. п. въ цѣлости удержали только древнія основы на *ыня: княгинь, боярынь, рабынь;* что же касается именъ на *ня,* то они почти всѣ въ род. п. отвердѣли и стали оканчиваться на *ъ: вишенъ, обѣденъ, сотенъ, соловаренъ, пѣсенъ, басенъ.* Исключеній очень немного: *деревень, кухонь, барышень, бань, нянь* и нѣк. др.

Третье склоненіе.

Къ этому склоненію въ настоящее время принадлежатъ только имена женскаго рода на *ь*, напр. *кость, ночь* и др. и одно слово мужского рода—*путь*. Въ древности это склоненіе основъ на *і* было гораздо обширнѣе, такъ какъ въ него входили всѣ основы мужского и жен. рода на *і*. Прежде всего по этому склоненію измѣнялись нѣкоторыя имена жен. рода, которыя теперь перешли во 2-ое склоненіе, напр. *пѣсня, басня* вм. древнихъ *пѣснь, баснь*. Но еще больше вышло изъ 3-го склоненія словъ муж. рода. Всѣ имена сущест. на *бь (голубь), вь (червь), дь (медвѣдь, гвоздь), ть (гость, зять, тесть)*, затѣмъ слова, въ родѣ—*уголь, огонь, звѣрь* и т. п., всѣ они нѣкогда принадлежали къ основамъ на *і*, т. е. къ третьему склоненію, и измѣнялись, какъ слово *путь* Теперь, оказывается, эти имена муж. рода перешли въ склоненіе основъ на *jo*, и стали измѣняться, какъ слова—*корабль, вождь, конь*, т. е. по 1-му склоненію. Другія слова хотя и остались въ 3-мъ склоненіи, но зато перемѣнили свой родъ, напр. слова *гортань, степень:* не такъ еще давно они были именами мужского рода, а теперь перешли въ женскій родъ.

Но на какомъ основаніи, спрашивается, можно думать, что слова, въ родѣ—*голубь, медвѣдь, зять* и т. п. прежде принадлежали къ основамъ на *і* и склонялись, какъ слова *кость, путь?* А вотъ на какомъ. Хотя между *ь* именит. падежа перваго склоненія *(конь)* и *ь*-мъ 3-го склоненія *(кость, путь)* теперь нѣтъ видимой разницы, но оба эти *ь*-ря разнаго, однако, происхожденія: *ь* въ первомъ склоненіи есть смягченное *ъ*, т. е. образовался изъ *j*+*ъ*, а *ь*-рь третьяго склоненія есть лишь сокращеніе звука *і*. Вотъ, почему въ 1-мъ склоненіи передъ окончаніемъ *ь* происходитъ смягченіе губныхъ и зубныхъ, напр. *корабль, вождь, плащь, кремль* и др., тогда какъ въ 3-мъ склоненіи передъ *ь* такого смягченія происходитъ не можетъ, что мы и видимъ на самомъ дѣлѣ въ словахъ: *голубь, медвѣдь, червь, зять, гость* и др.

Если бы эти слова издревле принадлежали къ 1-му склоненію, т. е. къ основамъ на $j+o$, то они звучали бы: *голубль* (какъ *корабль*), *червль*, *медвѣждь* въ церк.-слав (ср. *вождь*) или *медвѣжь* (рус. форма), *зящь* въ церк.-слав. (ср. *плащь*) или *зячь* (рус.) и т. п., чего однако нѣтъ.

Кромѣ именъ женскаго рода на ь и одного слова муж. рода *(путь)*, всегда принадлежавшихъ къ основамъ на *і*, т. е. къ 3-му склоненію, къ этому-же склоненію относятся въ настоящее время имена съ основами на согласные *р* и *в*, напр. *дочь, мать, церковь, любовь, кровь, хоругвь* и т. п. Сюда-же относятся и многія имена числительныя количественныя. Въ древности, по образцу словъ *кость, путь* и др. измѣнялись только числительныя *три—четыре*, затѣмъ числительныя отъ 5—10 *(четыре* и *десять* допускали также флексіи по склоненію основъ на согласные). Въ настоящее время число числительныхъ количественныхъ, измѣняющихся по 3-му склоненію, значительно увеличилось: кромѣ упомянутыхъ числительныхъ, сюда принадлежатъ всѣ количественныя отъ 10—80 и т. д.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ падежахъ. Древнія окончанія 3 го склоненія въ един. числѣ сохранились и въ настоящее время. Замѣчаніе можно сдѣлать только относительно творительнаго пад. един. числа. Старая флексія для муж. рода была *ьмь (путьмь)*, а для женскаго *ію (костію)*. Теперь флексія мужского рода фонетически измѣнилась въ *емъ (путемъ)*, а рядомъ съ флексіей *ію* явилась *ью: костью, печалью, мыслью* (и *мыслію*). Въ живомъ произношеніи окончаніе твор. ед. 3-го склоненія *ію* очень часто смѣшивается съ окончаніемъ того же падежа 2-го склоненія именъ мягкаго различія—*ею (кожею, чащею, тысячею)*, которое произносится какъ *ію*, сокращаемое въ *ью*. Поэтому, постоянно слышится: *тысячью, рощью*, равно и на оборотъ—*мыслею, жизнею, пріязнею*. Но что допустимо въ живомъ говорѣ, который всегда стремится къ однообразію, того, однако, строго слѣдуетъ избѣгать на письмѣ.

Во множественномъ числѣ древнее склоненіе основъ на

и совсѣмъ разрушилось. Въ именит. падежѣ для именъ муж. рода было окончаніе *іе (путіе)*, для женскаго *и (кости)*. Съ замѣной формы именительной формой винительнаго падежа (*и*), окончаніе *и* сдѣлалось общей флексіей для обоихъ родовъ. Родительный падежъ множ. числа, допускавшій двѣ флексіи *ъй* и *їй*, теперь сталъ оканчиваться только на *ей: костей, путей;* такая замѣна является особенностью русскаго языка (см. выше). Но эти перемѣны противъ старины въ общемъ незначительны. Много рѣзче измѣнились флексіи дат., твор. и предл. падежей множ. числа. Нынѣшія окончанія *ямъ, ями, яхъ*, а послѣ шипящихъ *(ночь) — амъ, ами, ахъ* (вмѣсто древнихъ *емъ—ъми—ехъ*) взяты изъ 2-го склоненія, т. е. изъ склоненія основъ на *а*. Остатки древняго склоненія основъ на *і* сохранились лишь въ творит. падежѣ, гдѣ рядомъ съ окончаніемъ *ями* языкъ нерѣдко допускаетъ и *ьми*, напр. *костьми, дочерьми, рѣчьми, дверьми* и т. п.

Четвертое склоненіе.

Въ это склоненіе входили имена существительныя съ основами на согласные звуки. Такими согласными были—*н, р, с, т* и *в*. Имена существительныя съ этими основами принадлежали, какъ мы видѣли, къ разнымъ родамъ. 1. Основы на *н* были муж. и средн. рода: мужского рода—при именит. един. числа на *ы*, напр. *камы, пламы, ячьмы* и др., средняго—при имен. пад. ед. числа на *я*(ѧ), напр. *имя, племя, сѣмя* и др. По образцу основъ на *н* муж. рода склонялись также, но только во множ. числѣ, имена сущ. на *янинъ (анинъ)*, напр. *гражданинъ, бояринъ, римлянинъ* и др., терявшія суф. *ин* во мн. числѣ. 2. Основы на *р* были женскаго рода, при именит. единств. ч. на *и: мати*—род. *матере, дочи—дочере*. 3. Основы на *в*, при именит. единств. числа на *ы*, были тоже почти всѣ женскаго рода, напр. *свекры*—род. *свекръве* (свекровь), *цръкы*—род. *цръкъве, кры*—род. *кръве* (кровь), *смокы*—род. *смокъве* (смоква) и др. 4. Основы на *с* были

средняго рода, при именит. единств. чис. на *о*, напр. *небо*—ред. *небесе*, *тѣло*—род. *тѣлесе*, *око*—род. *очесе* и др. 5. Основы на *т*, при именит. ед. ч. на *я*(ѧ), тоже принадлежали къ именамъ средняго рода, напр. *теля*—род. *телятe* (теленокъ), *отрочя*—род. *отрочятe* (отрокъ), *осля*—*ослятe* и т. д.

Склоненіе основъ на согласные звуки раньше всѣхъ другихъ склоненій, т. е.—съ основами на гласные *о*, *у*, *і* и *а*, подверглось въ славянскихъ языкахъ сильному разстройству. Уже самые ранніе памятники церковно-славянской письменности (X—XI в.в.) представляютъ намъ наглядное доказательство этого разстройства. Это разстройство состояло, конечно, въ потерѣ старыхъ падежныхъ окончаній и въ замѣнѣ ихъ новыми, заимствованными у склоненій именъ существительныхъ съ основами на гласные звуки. Основы на согласные мало-по-малу уподоблялись основамъ именъ на гласные и переходили въ склоненія, которыя мы называемъ 1-мъ, 2-мъ и 3-ьимъ. Такъ, напримѣръ, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ церк.-славянск. языка мы встрѣтимъ такія формы родит. пад. отъ основъ на с—*тѣла*, рядомъ съ *тѣлесе*; послѣдняя форма принадлежитъ старому склоненію основъ на *с*, тогда какъ первая—составлена по аналогіи съ родит. пад. основъ на *о* средняго рода: *мѣста*. И вотъ, формы перваго порядка, т. е. падежныя окончанія 1-го склоненія (основъ на *о*) постепенно вытѣсняютъ древнія флексіи, которыя и забываются языкомъ. Такихъ примѣровъ можно привести множество. Но какъ ни велико было разстройство склоненія основъ на согласные звуки въ церковно-славянск. языкѣ, все-же слѣдовъ древняго склоненія основъ тамъ мы найдемъ еще очень много: смѣшанныхъ формъ много, но и старинныхъ также не мало. Вотъ этимъ-то и дорогъ древній церковно-славянскій языкъ для каждаго, изучающаго современныя славянскія нарѣчія. Онъ, какъ зеркало, отражаетъ наше древнее славянское богатство флексій, теперь уже растерянное.

Если мы перенесемъ свои наблюденія на почву русскаго языка, особенно современнаго литературнаго, то здѣсь картина еще болѣе измѣнится. Тутъ отъ древнихъ склоненій

именъ существительныхъ съ основами на согласные звуки почти ничего не сохранилось. Мы видимъ одни только жалкіе обломки. Большая часть падежныхъ окончаній, за утратой древнихъ флексій, заимствована изъ другихъ склоненій: 3-го (основы на *і*), 1-го и 2-го.

Разсмотримъ по основамъ, что осталось отъ этихъ древнихъ склоненій въ современномъ языкѣ и въ какомъ видѣ.

Основы на н муж. рода. Уже въ церковно-славянскомъ языкѣ древняя флексія именительнаго падежа этихъ основъ, т. е. *ы*, замѣнялась флексіей винительнаго пад. — *ене* (*камене*), которая затѣмъ сократилась въ *енъ*, напр. *каменъ*, *пламенъ*, *ячменъ* и др. вм. *камы*, *пламы*, *ячьмы* и др. Эта замѣна формы именит. формой винит. падежа, но—въ смыслѣ именительнаго, и послужила, надо думать, ближайшимъ поводомъ перехода всѣхъ словъ съ основой на *н* муж. рода въ склоненіе основъ на *о*, т. е. въ наше 1-е склоненіе, гдѣ находились слова, похожія по роду и по флексіи именительнаго падежа (т. е. основы на *о* муж р.). Войдя въ 1-е склоненіе, слова *каменъ*, *пламенъ*, *ячменъ* и т. п. раздѣлили и участь этого склоненія, между прочимъ— подверглись, напр., въ склоненіи вліянію основъ женск. рода въ дат., творит. и предложн. пад. множ. числа. Теперь слова *каменъ*, *пламенъ* и т. п. мы измѣняемъ совершенно такъже, какъ слово *конь*: *камня*, *камню*, *камнемъ* и т. п. Отъ древняго склоненія у насъ ничего не осталось, не считая развѣ самой формы именит. падежа, окончаніе котораго *енъ* напоминаетъ древнюю флексію винит. падежа *ене* (*пламене*). Къ такимъ же ничтожнымъ остаткамъ древняго богатства флексій можно отнести еще формы родит. пад. един. и множ. числа *дни* (въ выраженіи—*третьеводни*) и *дёнъ* (*пять дёнъ*) отъ слова *денъ*, которое въ древности принадлежало тоже къ основамъ муж. рода на *н*. Отъ древняго склоненія основъ на *н* муж. рода сохранились также имен. и род. падежи множ. числа именъ сущ. на *анинъ* (*янинъ*), которыя склонялись во мн. числѣ, какъ основы на *н* муж. рода, напр. им.

граждане—род. *граждан*ъ, *крестьяне*—*крестьянъ*, *бояре*—*бояръ* и т. п.

Основы на н средняго рода. Сюда относится въ настоящее время очень много словъ на *мя* въ имен. падежѣ; напр. *имя, племя, сѣмя, знамя, время* и т. п. Наше нынѣшнее *я* въ окончаніи этихъ именъ замѣнило общеславянскій юсъ малый (ѧ). Значитъ, въ имен. падежѣ флексія, повидимому, древняя, хотя и въ русской огласовкѣ. Но это бываетъ лишь въ письмѣ, тогда какъ въ разговорной рѣчи мы и эти слова подводимъ въ имен. падежѣ подъ категорію словъ средняго рода I-го склоненія на *е*, т. е. произносимъ: *име, племе, време, сѣме* и т. п. Народный языкъ идетъ дальше, и рядомъ съ имен. пад. ед. ч. *време* употребляетъ творит. пад. ед. ч. *времемъ, знамемъ* и т. п., т. е. склоняетъ слово *время* совсѣмъ такъ какъ слово *поле*, опуская суффиксъ *ен*. Напротивъ, литературный языкъ, въ общемъ обыкновенно теряющій старину, здѣсь, т. е. въ склоненіи основъ средняго рода на *н*, удержалъ ее, и слова *имя, племя, сѣмя* и т. п. мы измѣняемъ вообще по древнему, особенно въ единственномъ числѣ. Новшества противъ древности явились только: 1) въ род. и предл. пад. ед. числа, гдѣ флексія *и* (*времени*) вм. древней *е* (*времене*) заимствована у склоненія основъ на *и* (*кость*) и во 2) въ дат., творит. и предл. падежахъ множественнаго числа, гдѣ окончанія — *амъ, ами* и *ахъ* (*именамъ, именами именахъ*) вм. древнихъ окончаній *ьмъ, ы* и *ьхъ* взяты у основъ женскаго рода на *а* (*жена*).

Основы на с. Уже въ церковно-славянскомъ языкѣ многія слова съ этой основой, при именит. пад. ед. ч. на *о*, напр., *тѣло, око, ухо, коло, чюдо, слово* и т. д. измѣнялись большею частью, какъ слова средняго рода съ основой на *о* (*мѣсто*), т. е. склонялись, напр., *дрѣва* : *дрѣву* и т. д. вм. *дрѣвесе* : *дрѣвеси* и т. д. Въ русскомъ языкѣ эта замѣна одного склоненія другимъ проведена вполнѣ. Отъ древняго склоненія основъ на *с* у насъ сохранились только формы множеств. числа отъ двухъ словъ: *небо* и *чудо*, да и то съ обычной замѣной древнихъ флексій дат., твор. и предложна-

го падежей флексіями, заимствованными у основъ женскаго рода на *а*, т. е. теперь мы говоримъ и пишемъ: *небесамъ* : *небесами* : *небесахъ* вм. древнихъ *небесьмъ* : *небесы* : *небесъхъ*. Кромѣ того, память о древнемъ склоненіи основъ на *с* сохраняется: 1) въ суффиксѣ *ес*—въ словѣ *колесо* вм. древняго *коло* и 2) въ томъ-же суффиксѣ, употребляемомъ въ именахъ производныхъ, напр. *древесный*, *тълесный*, *словесный*, *чудесный*, *небесный* и т. п.

Основы на т. Отъ древняго склоненія этихъ основъ въ настоящее время сохраняются лишь формы множ. числа: *жеребята*, *козлята*, *щенята*, *телята*, *поросята*, *ягнята*, *жиденята* и т. д; причемъ флексіи дательн., творит. и предложн. падежей заимствованы у основъ женскаго рода на *а*: *телятамъ* : *телятами* : *телятахъ* вм. древнихъ: *телятъмъ* : *телятьі* : *телятъхъ*. Что касается единственнаго числа, то формы его въ русскомъ языкѣ уже очень давно замѣнились новообразованіями, а именно: древнія формы им. пад. ед. чила *теля*, *ягня*, *жеребя*, *козля* и др. уступили мѣсто формамъ: *теленокъ*, *ягненокъ*, *жеребенокъ*, *козленокъ* и т. п. Происхожденіе такихъ формъ можно объяснить предположительно такимъ образомъ. Носовой гласный звукъ суффикса, т. е. ѧ, разложился на *ен* (что могло, однако, случиться еще въ доисторическую эпоху русскаго языка, когда въ немъ были носовые звуки), а затѣмъ къ этому слогу *ен* былъ присоединенъ другой суффиксъ именъ уменьшительныхъ—*ок*, вслѣдствіе чего и явились формы: *теленокъ*, *жеребенокъ* и др. Поэтому, древнее склоненіе основъ на *т* въ единств. числѣ совсѣмъ исчезло, и всѣ слова на *енокъ*, перейдя изъ средняго рода въ мужской, стали склоняться по 1-му склоненію, раздѣляя судьбы склоненія основъ на *о*. Исключеніе составляетъ только слово *дитя* (вм. древняго *дътя*), которое не прибавляетъ въ ед. числѣ суффикса *ок* и удерживаетъ древній суффиксъ *ят*, теряя его однако во множ. числѣ: *дитя* : *дитяти* (древ. *дитяте*) : *дитятею* (вм. древ. *дитятьмъ*) : *о дитяти*, а множ. число: *дъти* : *дътей* и т. д. Но въ разговорномъ языкѣ и у старыхъ писателей слово

дитя часто теряетъ суффиксъ *ят* и въ единств. числѣ. У Грибоѣдова мы, напримѣръ, находимъ: *дитёй возили на поклонъ.*

Основы на р. Къ этимъ основамъ принадлежатъ только два слова женскаго рода: *мать* и *дочь* (древ. *мати*, *дочи*). Оба слова теперь цѣликомъ склоняются по 3-му склоненію, съ тѣми измѣненіями, какія совершились въ этомъ склоненіи. Окончаніе имен. пад. *и* въ русскомъ языкѣ удерживается лишь въ народныхъ пѣсняхъ: „Не шуми, мати, зеленая дубровушка“. Иногда, вмѣсто формы им. падежа ед. ч. *мать*, *дочь*, въ смыслѣ именит. падежа встрѣчается форма винительнаго: *матерь*, *дочерь* (изъ древ. *матере*, *дочере*). Принимая флексіи 3-го склоненія, эти слова однако не потеряли своего древняго суффикса *ер*.

Основы на в. Склоненіе этихъ основъ въ русскомъ языкѣ совершенно устрачено, и всѣ слова, которыя принадлежали къ этимъ основамъ, перешли частью во 2-ое склоненіе, принявъ окончаніе *ва*, напр. *смоква*, *буква*, *брюква* и др., частью въ 3-ье склоненіе, принявъ окончаніе *овъ*, напр. *любовъ* (*любы*), *кровъ* (*кры*), *свекровъ* (*свекры*), *церковъ* (*церкы*), *морковъ* (*моркы*) и т. п., частью, наконецъ, въ 1-ое: *жерновъ* (*жерны*).

Мѣстоименное склоненіе.

Обособленность, какая нѣкогда существовала въ общеславянскомъ языкѣ между тремя группами его склоненій, именнымъ, мѣстоименнымъ и сложнымъ, и какую мы находимъ еще въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, а въ ихъ числѣ и въ русскомъ, постепенно исчезала. Стремясь къ простотѣ и однообразію въ формахъ, языкъ въ извѣстную эпоху своей жизни допустилъ, какъ мы уже говорили, сближеніе каждой изъ группъ склоненій съ другой. Это стремленіе обнаружилось, съ одной стороны въ утратѣ цѣлаго рода флексій во всѣхъ группахъ склоненій, съ другой — въ

перенесеніи флексій изъ одной категоріи склоненій въ другую и третью, на мѣсто вышедшихъ изъ употребленія. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнился, конечно, и звуковой составъ старыхъ флексій, нерѣдко до неузнаваемости, такъ что явились какъ-бы новыя флексіи, которыя либо заняли мѣсто старыхъ, либо начали употребляться одновременно съ прежними, напр. род. пад. ж. р. ед. ч. *доброй*, *синей* вм. *доброѣ*, *синеѣ*, твор. п. *женою* и *женой*. Взаимное вліяніе каждой изъ трехъ группъ склоненій на другую, имѣвшее мѣсто уже въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, еще съ бо́льшею, конечно, силою проявилось въ новыхъ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и въ русскомъ литературномъ.

Мѣстоименное склоненіе потерпѣло меньше, однако, перемѣнъ, чѣмъ именное. На него болѣе всего оказало вліяніе сложное склоненіе, т. е. склоненіе именъ прилагательныхъ въ полной формѣ, и цѣлый рядъ мѣстоименій заимствовалъ флексіи у сложнаго склоненія. Благодаря этому, область мѣстоименнаго склоненія значительно сузилась. Къ мѣстоименіямъ, которыя потеряли свои древнія флексіи и перешли въ настоящее время цѣликомъ въ сложное склоненіе принадлежатъ слѣдующія: 1) указательное — *оный*, 2) опредѣлительныя — *самый*, *всякій*, *каждый*, *такой*, *сякой*, *иной*, 3) относительно-вопросительныя — *какой*, *который* и 4) неопредѣленныя — *нѣкій*, *нѣкоторый*. Въ старину всѣ эти мѣстоименія въ имен. пад. ед. числа звучали — *онъ*, *съ*, *самъ*, *всякъ*, *кождо*, *такъ*, *сякъ*, *инъ*, *какъ*, *которъ* и т. д. и принадлежали къ мѣстоименному склоненію, измѣняясь въ общемъ, какъ мѣстоим. *тотъ* или *весь*. Теперь они измѣняются, какъ прилагательныя полныя, т. е. по сложному склоненію, за исключеніемъ 1) *самъ*, которое, образовавъ форму прилагательнаго *самый*, сохранилось, однако, и въ мѣстоименномъ склоненіи—*самъ*: род. *самого* и т. д. и 2) употребительной въ народномъ, впрочемъ, языкѣ формы для женск. рода—*котора* и средняго *которо*.

Такимъ образомъ, по мѣстоименному склоненію въ настоящее время измѣняются только: 1) личныя мѣстоименія — *я*, *ты*, *онъ*, 2) возвратное — *себя*, 3) указательныя — *тотъ*,

этотъ, сей, 4) вопросительно-относительныя—*кто, что, чей,* 5) опредѣлительныя — *самъ, весь* 6) неопредѣленныя — *нѣкто, нѣчто,* 7) притяжательныя—*мой, свой, твой, нашъ, вашъ* и 8) числительныя—*одинъ, оба, два, двое* и *трое.* Изъ этого ряда мѣстоименія личныя 1-го и 2-го лица *(я, ты)* и возвратное *себя* хотя и принадлежатъ въ общемъ къ мѣстоименному склоненію, тѣмъ не менѣе выдѣляются въ особый видъ этого склоненія, по флексіямъ примыкающаго болѣе къ именному, чѣмъ къ мѣстоименному склоненію. Поэтому о нихъ мы поговоримъ ниже, а теперь остановимся на мѣстоименномъ склоненіи въ тѣсномъ смыслѣ.

Собственно мѣстоименное склоненіе. Въ отличіе отъ другихъ склоненій, именного и сложнаго, мѣстоименное склоненіе въ древности характеризовалось слѣдующими особенностями флексій: 1) окончаніемъ род. падежа ед. числа на *го* и *со* для мужеск. и сред. рода, напр. *того, всего, чьсо* (отъ *чьто);* первое окончаніе было преобладающимъ, а второе встрѣчалось только отъ мѣст. *чьто*; 2) окончаніемъ дательнаго падежа мужского и средняго рода—*му: тому, всему;* 3) совпаденіемъ окончаній въ родит. и предл. пад. множеств. числа: *тѣхъ, всѣхъ;* 4) отсутствіемъ различія грамматическаго рода въ формахъ родит., дательн., творит. и предложн. падежей множеств. числа: *тѣхъ, тѣмъ, тѣми, о тѣхъ.* Таково было отличіе мѣстоименнаго склоненія отъ другихъ въ древне-русскомъ языкѣ. То же отличіе мѣстоименнаго склоненія сохранилось въ общемъ и въ современномъ русскомъ языкѣ, за исключеніемъ окончанія *со,* которое давно утратилось. По характеру флексій, мѣстоименное склоненіе распадается на два различія: 1) *твердое,*—сохраняющееся въ мѣстоименіяхъ: *тотъ, этотъ, самъ, кто* и 2) *мягкое,*—по которому измѣняются мѣстоименія: *мой, твой, нашъ, вашъ, сей, онъ, чей, весь* и *что.* Твердость флексій характеризуется присутствіемъ въ нихъ звуковъ *о* и *ѣ*, мягкость - звуками *е* и *и.* Но если мы сопоставимъ эту твердость и мягкость различія съ тѣми же различіями въ именномъ склоненіи, то здѣсь, въ мѣстоименномъ склоненіи, нѣтъ той, сравнительно, рѣзкой разницы, какую

мы находимъ между твердымъ и мягкимъ различіями въ склоненіи именъ. Твердое различіе мѣстоименій, признакомъ котораго являются во флексіяхъ звуки *о* и *ѣ*, въ нѣкоторыхъ падежахъ принимаетъ гласный звукъ *и*, напр. *эти*, *одни* и т. д., и—наоборотъ—мягкое различіе, характеризующееся въ общемъ звуками *е* и *и*, пользуется флексіями, гдѣ мы найдемъ противъ ожиданія *ѣ*, напр. *всѣ*, *чѣмъ* и т. д. Это явленіе, конечно,—результатъ взаимодѣйствія, т. е. вліянія обоихъ различій другъ на друга. Поэтому, говоря о твердости и мягкости различій въ склоненіи мѣстоименій, мы не должны упускать этого факта изъ виду: тутъ оба качества слѣдуетъ понимать относительно.

Типическимъ представителемъ мѣстоименнаго склоненія вообще и твердаго различія въ частности является у насъ склоненіе мѣстоименія *тотъ*. Мы называемъ мѣст. *тотъ* типическимъ представителемъ мѣстоимен. склоненія потому, что, несмотря на значительныя перемѣны во флексіяхъ, сравнительно съ древнѣйшимъ видомъ этого склоненія, нынѣшнее склоненіе мѣстоименія *тотъ* все же меньше потерпѣло измѣненій противъ старины, чѣмъ склоненіе другихъ мѣстоименій. Образцомъ мягкаго различія могутъ служить мѣстоименія—*мой*, *твой* и *онъ* въ косвенныхъ падежахъ обоихъ чиселъ. Разсмотримъ склоненіе этихъ мѣстоименій по числамъ и падежамъ.

Именительный пад. ед. числа муж. рода. Современная форма *тотъ* вм. древней *тъ* явилась путемъ наращенія слога *то*, прибавленнаго къ древнему именительному падежу *тъ* (то), въ подражаніе косвеннымъ падежамъ (род., дат.), въ которыхъ это слово является двусложнымъ. Въ такой удвоенной формѣ *тотъ* вм. *тъ* встрѣчается въ русскихъ грамотахъ уже въ началѣ XIII в.: до этого времени мы постоянно встрѣчаемъ форму *тъ* : *та* : *то*. Съ другой стороны, то же древнее *тъ* : *та* : *то*, въ соединеніи съ личнымъ мѣстоимен. 3-го лица *(и* : *я* : *е)*, дало и другую форму: *тъй (той)* : *тая* : *тое*, которая составилась по образцу полныхъ именъ прилагательныхъ *(добръ+и)* и перешла въ склоненіе сложное. Форма

тотъ употребляется въ литературномъ языкѣ и въ настоящее время, тогда какъ форму *той* : *тая* : *тое* съ косвенными падежами, обычную въ древне-русскихъ памятникахъ, теперь можно найти только въ народной рѣчи. Изъ древнѣйшаго *тотъ* съ указательной частицей *э*, раньше употреблявшейся отдѣльно, образовалось мѣстоименіе *этотъ*,— явленіе, сравнительно, новое.

Кромѣ *тъ* : *та* : *то*, въ древне-русскомъ языкѣ было еще другое указательное мѣстоименіе, а именно – *съ* : *си* : *се*. Судьба этого мѣстоименія въ имен. падежѣ одинакова съ судьбой мѣстоименія—*тъ* : *та* : *то*. Подобно тому, какъ изъ древняго *тъ* явились двѣ формы: мѣстоименная *тотъ* и прилагательная—*той* : *тая* : *тое*, такъ точно и изъ *съ* : *си* : *се* составились двѣ формы: 1) мѣстоименная *сесь*, т. е. удвоенная, по аналогіи съ *сего*, *сему* и т. д. и 2) форма прилагательная—*сьй* : *сия* : *сие*, явившаяся изъ сочетанія древняго *съ* : *си* : *се* съ личнымъ мѣстоименіемъ 3-го лица *и* : *я* : *е*. Форма *сесь* употреблялась до XVIII в., напр. *по сіось день Господенъ* («Живописецъ» Новикова 1781 г.), а форма *сей* не исчезла въ канцелярскомъ языкѣ и понынѣ. Остатки древней формы мѣстоименія *съ* : *си* : *се* сохраняются, однако, въ языкѣ и въ настоящее время, напр. *авось* (изъ *авосе*), *вчерась* (изъ винит. пад. *вечеръ—съ*), *лѣтось*, *днесь*, *ни то – ни се* и т. п.

Современное личное мѣстоименіе 3-го лица ед. числа *онъ* : *она* : *оно*, при род. *его* и т д., есть, въ сущности, указательное мѣстоименіе съ удареніемъ на *о*—*онъ* : *óна* : *óно*, напр. *во врѣмя óно*. Въ смыслѣ указательнаго мѣстоименія, древнее *онъ* : *она* : *оно* употребляется и въ настоящее время, но только въ полной формѣ, т. е. въ сочетаніи съ мѣстоим. *и—я—е*: *оный*, *оная*, *оное*, которое склоняется по сложному склоненію. Мѣстоименіе *онъ—она—оно*, сдѣлавшись, съ перемѣной ударенія, именит. падежомъ личнаго мѣстоименія 3-го лица, вытѣснило окончательно древній именит. падежъ личнаго мѣст.— *и* : *я* : *е*, который, повидимому, и въ старину, не употреблялся въ значеніи имен. пад. личнаго

мѣстоименія 3-го лица: его замѣняли обыкновенно указательныя мѣстоименія—*тъ* : *та* : *то* или *сь* : *си* : *се*.

Родительный пад. ед. числа. Въ муж. и сред р. древнее окончаніе этого падежа было: для твердаго различія—*-ого*, для мягкаго — *его* и *со*, причемъ послѣднее — только отъ мѣст. *чьто* : *чьсо* и *чесо*. Окончанія *ого* и *его* цѣликомъ сохраняются и теперь, напр. *того*, *всего*, *кого*, *его*, *самого*, *одного*, *моего* и др. То же древнее окончаніе *ого* сохранилось и въ мѣстоименіяхъ *такой*, *какой*, несмотря на то, что они перешли въ склоненіе сложное. Что касается древняго окончанія *со* въ мѣст. *чьто (чьсо)*, то оно исчезло изъ употребленія, замѣнившись, по аналогіи съ другими мѣстоименіями *(мой, сей)*, болѣе употребительной флексіей – *его* : *чего*. Родительный пад. ед. числа женскаго рода въ мѣстоименіяхъ, какъ и въ прилагательныхъ, оканчивался въ древне-русскомъ языкѣ, на *ѣ*, что соотвѣтствовало церк.-слав. юсу малому (ѧ), т. е. было: *тоѣ*, *самоѣ*, *одноѣ*, *еѣ*, *всеѣ*, *моеѣ* и т. д. съ удареніемъ на второмъ слогѣ отъ конца. Безударный *ѣ* (=*й*+*э*) вслѣдствіе этого въ произношеніи ослабѣвалъ и, наконецъ, совсѣмъ отпалъ, оставивъ послѣ себя только свой призвукъ *іотъ (й)*. Поэтому, изъ формъ *тоѣ*, *самоѣ* и т. д. образовались формы: *той*, *самой*, *одной* и т. д., поддержанныя въ употребленіи и аналогіей съ тождественной формой дат. пад. ед числа. Окончанія *ой* и *ей* въ родит. п. женскаго рода начинаютъ встрѣчаться въ древне-русскихъ памятникахъ уже съ XIII в., сначала рѣдко, наравнѣ, съ формами на *оѣ* – *еѣ*, а потомъ все чаще и чаще, пока старыя формы совсѣмъ не были вытѣснены изъ употребленія, кромѣ формъ—*одноё*, *самоё*, *её*. Современная форма род. пад. жен. р. *ея* заимствована изъ церковно-славянскаго языка.

Винительный пад. ед. числа Этотъ падежъ въ муж. и средн. родахъ, какъ въ старину, такъ и теперь, сходенъ съ именит., а при именахъ одушевленныхъ или при глаголѣ дѣйств. залога съ отрицаніемъ заимствовалъ флексію у родительнаго падежа. То же слѣдуетъ сказать и про винит. пад. ж. р.; въ современномъ русскомъ языкѣ въ этомъ падежѣ мы видимъ и древ-

нюю форму собственно винит. падежа женскаго рода - *ту, саму, одну, всю, мою* и древнюю форму род. пад.—*тоѣ, самоѣ, одноѣ, всеѣ, моеѣ, твоеѣ*; послѣднія формы винит. падежа извѣстны г. о. просторѣчію, напр. *всеё правду скажу, всю истину, тоё-жъ лисицу злодѣйку* и др., за исключеніемъ *её* и *самоё*, что знаетъ и литературный языкъ, напр. *душа углубляется въ самоё себя;* при этомъ форма *её* совершенно вытѣснила древнюю форму винит. падежа—*ю* и стала обычной во всемъ русскомъ языкѣ. Здѣсь кстати отмѣтимъ, что формой винит. п. ж. р. отъ мѣст. *сей* въ древне-русскомъ языкѣ было *сю*, которое употреблялось параллельно съ полной церковно-слав. формой *сию;* остатокъ древняго винит. пад. женскаго рода мы видимъ въ выраженіяхъ: *по сю сторону, по сю пору* и т. п.

Творительный пад. ед. ч. муж. и средн. рода сохранилъ древнѣйшую форму, т. е. *ѣмъ* для твердаго различія и *имъ* для мягкаго, но съ нѣкоторыми измѣненіями. Прежде всего отвердѣлъ конецъ флексіи, т. е. явился *ъ* вм. *ь*—*тѣмъ, всѣмъ, имъ, моимъ* и т. д., что стало замѣчаться уже въ памятникахъ XII вѣка. По образцу *тѣмъ*, въ творит. ед. числа муж. и средн. рода мы ожидали бы также—*самѣмъ (самъ), этѣмъ, однѣмъ*, что мы и находимъ въ народномъ употребленіи. Но въ литер. языкѣ теперь другія формы—*самимъ, этимъ, однимъ*, образовавшіяся по аналогіи съ мягкимъ различіемъ мѣстоименныхъ основъ, т. е. подъ вліяніемъ формъ—*имъ, моимъ* и т. п. Въ свою очередь, и твердое различіе, т. е. склоненіе *тотъ*, повліяло въ твор. падежѣ на мягкое различіе, что мы видимъ въ современной формѣ *чѣмъ* вм. древней *чимъ*, сохраняющейся въ просторѣчіи, напр. *съ чимъ*. Что касается формы *всѣмъ*, то она не должна насъ смущать своимъ *ѣ*-мъ: тутъ *ѣ*—не заимствованный изъ твердыхъ основъ мѣстоименій, а исконный, такъ какъ склоненіе мѣстоименія *вьсь* и въ церковно-славянскомъ языкѣ въ его древнѣйшую эпоху состояло изъ формъ обоихъ различій, мягкаго *(вьсего, вьсему)* и твердаго *(вьсѣмъ)*. Значитъ, нашъ современный твор. падежъ

всѣмъ, равно какъ дат., твор. и предл. падежи множ. числа: *всѣмъ, всѣми, всѣхъ*—формы древнія.

Во множественномъ числѣ мѣстоименное склоненіе измѣнилось больше, чѣмъ въ единственномъ. Главное измѣненіе—это утрата особыхъ флексій женскаго и средняго рода въ именит. и винит. падежахъ, т. е. *ы* и *ѣ* для жен. рода и *а*—для средняго. Языкъ, потерявъ эти флексіи, замѣнилъ ихъ флексіями мужского рода, и, такимъ образомъ, всѣ три рода совпали въ одномъ мужскомъ. Это смѣшеніе родовъ въ одномъ родѣ началось въ языкѣ очень давно: примѣры его мы находимъ уже въ памятникахъ XIII в. Въ настоящее время въ множ. числѣ склоненія мѣстоименій мы совсѣмъ уже не различаемъ родовъ, т. е. для всѣхъ трехъ родовъ въ именит.-винит. пад. употребляемъ одну и ту же форму, напр., *тѣ, всѣ, ваши, мои* и т. п. Кромѣ этого, произошло не мало также перемѣнъ и въ фонетическомъ составѣ древнихъ мѣстоименій.

Имен. пад. муж. р. Этотъ падежъ для обоихъ различій, твердаго и мягкаго, оканчивался на *и*, т. е. было: *ти, эти, они, сами, вси, мои* и *одни*. И въ настоящее время большинство мѣстоименій сохраняютъ то же древнее окончаніе, кромѣ мѣстоим. *тотъ* и *весь*, которыя въ им. пад. образуютъ форму — *тѣ, всѣ*, въ которой *ѣ* вм. древняго *и* явилось подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей: *тѣхъ, всѣхъ*. Форма *тѣ, всѣ* становится обычный съ XIV-го в., какъ и форма *этѣ*, которая употреблялась довольно часто еще въ первой половинѣ XIX в. Въ то время какъ всѣ мѣстоименія, измѣняющіяся по мѣстоименному склоненію, потеряли уже совсѣмъ различіе въ родѣ во множ. числѣ, это различіе сохранилось какъ будто только для мѣстоименія *онъ* и числительнаго *одинъ*. Мы употребляемъ: *они*, *одни* для муж. рода и *онѣ*, *однѣ* для женскаго. Но это *ѣ* въ формахъ — *онѣ*, *однѣ* вовсе не окончаніе жен. рода, которымъ было *ы* (*оны*, *одны*): оно новообразованіе такого же происхожденія, какъ и *ѣ* въ формахъ *тѣ*, *всѣ*. Вотъ, почему формы — *онѣ*, *однѣ* въ старинныхъ памятникахъ употребляются при всѣхъ родахъ именъ

сущ., начиная уже съ XIV вѣка, напр. *однѣ пушкари, онѣ* (т. е. богатыри) *крестами помѣнялися* и т. п. Такъ же смѣшанно, т. е. для всѣхъ 3-хъ родовъ, употребляетъ эти формы (*однѣ, онѣ*) и современный разговорный языкъ, особенно просторѣчіе, въ которомъ мы услышимъ и старинныя формы винит. пад. вм. именит. и отъ мѣстоименій: *самъ, мой, твой, вашъ, чей,* т. е. формы: *самѣ, моѣ, твоѣ, вашѣ, чьѣ* и т. д. Отсюда ясно, что употребленіе формъ *онѣ* и *однѣ* въ книжномъ языкѣ и письмѣ является вполнѣ искусственнымъ.

Другіе падежи множ. числа мѣстоименнаго склоненія особыхъ замѣчаній не вызываютъ Въ твердомъ различіи мы находимъ: либо только формы старыя—*тѣхъ, всѣхъ, тѣмъ, всѣмъ, тѣми, всѣми,* либо новыя, образовавшіяся по аналогіи съ мягкимъ различіемъ, напр. *самихъ, самими, самихъ* вм. *самѣхъ, самѣми, самѣхъ* и др., либо—наконецъ—тѣ и другія вмѣстѣ, что представляетъ числительное *одинъ*, которое въ муж. родѣ имѣетъ новыя формы (*одних*, *однимъ, одними*), а въ женскомъ сохранилъ старыя (*однѣхъ, однѣмъ, однѣми*). Что касается склоненія мѣстоименій съ мягкимъ различіемъ, напр. *мой, твой, нашъ, вашъ,* то въ род., дат., творит. и предл. пад. въ немъ остались древнія флексіи—*ихъ, имъ, ими* и *ихъ.*

Склоненіе мѣстоименій: *я, ты, себя.* Важная особенность мѣстоименій личныхъ 1-го и 2-го лица и возвратнаго *себя*, въ сравненіи съ другими мѣстоименіями, та, что у нихъ нѣтъ и *не было* родовыхъ признаковъ. Съ другой стороны, и самое склоненіе этихъ мѣстоименій совсѣмъ особое и рѣзко отличается отъ такъ называемаго собственно мѣстоименнаго склоненія. Его, поэтому, называютъ неправильнымъ, что, конечно, нужно понимать условно. Скорѣе это склоненіе слѣдовало бы назвать *именнымъ*, потому что по флексіямъ, особенно въ ихъ древнѣйшемъ видѣ, оно очень напоминаетъ склоненіе именъ существительныхъ. Сравнимъ, напр., древ. род. ед. *мене, тебе, себе* съ род. *камене, пламене* отъ словъ *камы, пламы*; такое же сходство во флексіяхъ съ

именными склоненіями мы видимъ и въ другихъ падежахъ ед. и множ. числа, напр. дат. *мнѣ* : *женѣ*, твор. *мною* : *женою*, дат. *намъ* : *женамъ*, твор. *нами* : *женами* и т. п. Не удивительно, поэтому, что и перемѣны, какія испытало склоненіе личныхъ мѣстоименій въ своей дальнѣйшей исторіи, во многомъ аналогичны съ перемѣнами, совершившимися въ именномъ склоненіи, которое въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, сильно повліяло на склоненіе мѣстоименій личныхъ и возвратнаго.

Разсмотримъ склоненіе личныхъ мѣстоименій по падежамъ.

Именительный пад. ед. числа. Наше нынѣшнее *я* образовалось изъ *язъ*, которое, въ свою очередь, вышло изъ общеславянскаго **азъ** (ср. лит. *asz*), такъ какъ начальные твердые *а*, *у* часто іотировались (ср. *аворъ* — *яворъ*, *агня* — *ягня* и *ягненокъ*, *уноша* — *юноша*, *удолъ* — *юдолъ* и т. п.). Причина отпаденія конечнаго *з*, которое произносилось, какъ *с*, въ словѣ *язъ* кроется въ аналогіи, съ одной стороны—съ личнымъ мѣстоименіемъ 2-го лица *ты*, а съ другой — съ косвенными падежами тѣхъ-же мѣстоименій, т. е. 1-го и 2-го лица. Какъ мѣстоименіе *ты*, такъ и всѣ косвенные падежи обоихъ мѣстоименій, оканчиваются на чистые гласные звуки, тогда какъ единственная форма *язъ* — на согласный *з*. Это обстоятельство и заставило языкъ, стремящійся въ своемъ развитіи къ единству формъ, и форму *язъ* сдѣлать оканчивающейся на гласный звукъ, т. е. попросту отбросить совсѣмъ конечный звукъ *з* (*с*). Форма *я* въ русскомъ языкѣ встрѣчается уже въ XII стол. въ граммотахъ, параллельно съ *язъ*, напр., въ грамотѣ 1130 года в. князя Мстислава и сына его Всеволода: *язъ далъ рукою своею*, а нѣсколько ниже—*а се я Всеволодъ далъ есмь*.

Родительный пад. ед. числа. Древнія формы этого падежа были—*мене*, *тебе*, *себе*. Въ литературномъ же языкѣ онѣ существовали только до XV в., а съ этого времени замѣнились нынѣшними формами: *меня*, *тебя*, *себя*, образовавшимися, надо полагать, по аналогіи съ формой род. п. муж. рода., напр. *коня*,

поля (основы на $j+o$) и т. п. Въ областныхъ говорахъ великорусскаго языка, а также въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ древнія формы *мене, тебе, себе* употребляются до сихъ поръ. Иногда ихъ можно услышать и въ разговорномъ языкѣ даже образованныхъ людей.

Дательный пад. ед. числа. Въ древности этотъ падежъ являлся въ двухъ формахъ: энклитической (безъ ударенія) — *ми, ти, си* и неэнклитической — *мнѣ, тебѣ, себѣ,* которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и мѣстнымъ падежомъ. Такъ-же звучатъ эти формы и теперь, кромѣ энкликтикъ, которыя исчезли, не считая развѣ выраженія — *во своя си* (восвояси).

Винительный пад. ед. числа. Какъ въ церковно-славянскомъ, такъ и въ древне-русскомъ языкѣ винит. падежъ ед. числа былъ — *мя, тя, ся.* Эти формы были энклитиками и замѣнились формами род. пад *мене, тебе, себе,* а затѣмъ формами — *меня, тебя, себя.* Остатокъ древняго вин. падежа сохранился лишь въ *ся* у глаголовъ возвратнаго и взаимнаго залоговъ, причемъ это *ся* сокращается иногда въ *сь*: *купаться, умываться, нестись.*

Во множественномъ числѣ склоненіе личныхъ мѣстоименій *я* и *ты* почти вполнѣ сохранило свой древній видъ; исчезли лишь изъ употребленія древнія формы дат. пад. *ны, вы,* существовавшія одновременно съ обычными формами — *намъ, вамъ.* Въ древне-русскихъ памятникахъ эти формы *ны, вы* попадаются довольно часто, напр. въ Словѣ о полку Игоревѣ: *не лѣпо ли ны бяшеть, братіе,* въ лѣтописи: *а даю вы сынъ свой старѣйшій Константинъ* и т. п. Кромѣ этого вышли также изъ употребленія въ современномъ русскомъ языкѣ и формы вин. падежа *ны, вы,* замѣнившись формами родительнаго: *насъ, васъ.*

Склоненіе чис. *двое, трое, два* и *оба*. Въ древности наши современныя формы числительныхъ собирательныхъ *двое, трое* и *обое* въ имен. падежѣ ед. числа звучали: *двои, трои, обои* и склонялись въ ед. числѣ по мягкому различію мѣстоименнаго склоненія, т. е. — какъ современное *мой*: род. *двоего, троего, обоего*; дат. *двоему, троему, обоему*

и т. п. Это склоненіе употреблялось долгое время. Въ современномъ литературномъ языкѣ отъ него однако сохранились только незначительные остатки, а именно: *двои, обои* и *трои* въ сочетаніи съ словомъ, напр., *сутки*, а сверхъ того—выраженія, въ родѣ — *обоего* или *обоему полу, вдвоемъ, втроемъ*. Остались также формы имен. пад. ед. ч. средняго рода—*двое, трое, обое*, которыя сдѣлались формами имен. падежа множ. числа, при род. *двоихъ, обоихъ, троихъ*, дат. *двоимъ, обоимъ, троимъ* и т. п., какъ въ склоненіи *мой*. Этому переходу формъ един. числа сред. рода — *двое, трое, обое* въ множ. число помогло, конечно, значеніе собирательности этихъ числительныхъ (ср. стр. 315).

Числительныя количественныя *два—двѣ* (ж. р.) и *оба—обѣ* (ж. р.) въ старину склонялись по мѣстоименному склоненію только въ двойственномъ числѣ, т. е. им.-вин. *два — оба, двѣ — обѣ*; род. и мѣстн. *двою* (или *дву*)—*обою*; дат. и твор. *двѣма, обѣма*. Но отъ этого древняго склоненія въ настоящее время остался въ чистомъ видѣ только имен.-винит. двойств. числа: *два — двѣ; оба — обѣ*; прочіе же падежи совсѣмъ измѣнились. Чисто русская форма родит. падежа *дву*, подъ вліяніемъ родительнаго пад. множ. ч. мѣстоименій и прилагательныхъ, оканчивающихся на *хъ* (*тѣхъ, добрыхъ*), присоединила это *хъ* себѣ, и т. о. явилась форма *двухъ*. Когда изъ *дву* образовалось *двухъ*, то и форма *обою* не могла уже устоять въ употребленіи, и перешла въ форму *обоихъ*, отождествившись, такимъ образомъ, съ формою род. пад. множ. ч. *обоихъ* отъ числительнаго собирательнаго *обое* (древ. *обои*); въ жен.-же р. явилась форма *обѣихъ* съ окончаніемъ *ихъ*, по аналогіи съ муж. р. Формы *двухъ—обоихъ*, въ свою очередь, повлекли за собой образованіе новой формы дат. падежа множ. числа: по аналогіи съ *двухъ—обоихъ*, образовались нынѣшнія формы дат. пад. множ. числа: *двумъ, обоимъ—обѣимъ*. Въ творительномъ падежѣ эта аналогія съ склоненіемъ прилагательныхъ цѣликомъ была проведена языкомъ лишь относительно числительнаго *оба*, которое и образовало форму *обоими* (ж. р. *обѣими*). Что же касается числительнаго *два*,

то древнюю флексію твор. пад. двойств. числа оно сохранило, измѣнивъ лишь основу *двѣ* на *дву*, по аналогіи съ род. падежомъ. Явилась, такимъ образомъ, форма *двумя*. Флексія *мя* изъ древняго *ма* до того укоренилась въ формѣ *двумя*, что, по аналогіи съ этой послѣдней формой, явились даже формы—*тремя—четырмя* вм. древнихъ *трьми—четырьми*, несмотря на то, что числительныя *три* и *четыре* принадлежали къ склоненію именному, а не мѣстоименному.

Такъ измѣнились древнія склоненія числительныхъ *два—оба*, причемъ склоненіе *оба* слилось совершенно съ склоненіемъ *обое*. Древняя форма родительнаго и мѣст. падежей—*двою* (*дву*) сохранилась лишь въ сложныхъ словахъ: *двоюродный, двуглавый, двуногій, двугривенный* и др. Вмѣсто *дву* въ сложныхъ словахъ мы часто находимъ и *двухъ*, преимущественно передъ словами, начинающимися гласнымъ звукомъ: *двухъаршинный, двухъэтажный* и т. п., хотя есть и *двухсотый, двухсаженный* и т. п.

Склоненіе именъ прилагательныхъ.

Главною образующею частью именъ прилагательныхъ является, какъ и въ другихъ именахъ, родовое окончаніе. Это окончаніе бываетъ двухъ видовъ: 1) краткое и 2) полное. Къ краткимъ родовымъ окончаніямъ относятся тѣ-же окончанія, что и въ именахъ существительныхъ, т. е. *ъ — а—о* для твердаго различія, напр. *добръ — добра — добро* и *ь—я—е* для мягкаго, напр. *синь—синя—сине*. Прилагательныя съ такими окончаніями называются прилагательными въ *краткой* или *именной* формѣ. Что касается полнаго родового окончанія прилагательныхъ, то оно составилось изъ соединенія формы именной (*добръ — а — о*) съ мѣстоименіемъ личнымъ 3-го лица *и — я — е*, которое въ русскомъ языкѣ сохраняется только въ косвенныхъ падежахъ (*его, ему* и т. д.), замѣнившись въ имен. пад. ед. и множ. числа мѣстоименіемъ *онъ — она — оно* (нѣкогда указательное мѣстоименіе).

Такимъ образомъ, изъ *добръ + и* образовалось *добрьи* и *добрыи*, изъ *добра+я — добрая*, изъ *добро+е — доброе*, изъ *синь+и—синьи=синии=синей*, изъ *синя+я — синяя*, изъ *сине+е — синее*. Такая форма прилагательныхъ называется *членной* или *мѣстоименной*.

Склоненіе краткихъ прилагательныхъ. Въ древнѣйшую эпоху языка прилагательныя краткія (*добръ—а—о*), будучи, какъ и полныя прилагательныя, словами опредѣлительными, склонялись, какъ и имена существительныя, по всѣмъ падежамъ и числамъ. Склоненіе ихъ было то же, что и склоненіе именъ существительныхъ съ основой на *о* (*jo*) для муж. и средн. р. и съ основой на *а* (*я*) для женск. рода, т. е. *добръ* склонялось, какъ, напр., *рабъ, добра* — какъ *жена*, а *добро* какъ *мѣсто*, а въ мягкомъ различіи склоненіе *синь—синя—сине* слѣдовало склоненію, напр., *конь, земля, поле*. Это склоненіе долго существовало въ русскомъ языкѣ, наравнѣ съ склоненіемъ прилагательныхъ въ полной формѣ. Но, съ теченіемъ времени, языкъ, всегда стремящійся къ однообразію и единству въ формахъ, мало по малу отдаетъ предпочтеніе членному или мѣстоименному склоненію именъ прилагательныхъ, которое, наконецъ, и вытѣснило именное склоненіе. Такое предпочтеніе можно объяснить, кажется, *большею опредѣленностью* въ обозначеніи качества полныхъ формъ прилагательныхъ, въ сравненіи съ краткими, которыя обозначаютъ качество *вообще, безъ указанія ограниченія его* по отношенію къ предмету. Другими словами: полныя формы именъ прилагательныхъ и причастій, *сложныя*, по отношенію къ краткимъ явились *синтаксическими*, которыя, поэтому, и вытѣснили краткія формы. Это явленіе стояло, значитъ, въ связи съ общимъ ходомъ развитія грамматики флексивныхъ языковъ, что выражалось въ постепенной замѣнѣ этимологическихъ формъ синтаксическими.

Въ современномъ литературномъ языкѣ имя прилагательное въ краткой формѣ не склоняется, а потому перестало быть опредѣлительнымъ словомъ, какъ это было въ древности. Въ настоящее время краткое прилагательное можетъ

употребляться только въ сказуемомъ, т. е. стоять либо въ имен. п. всѣхъ родовъ обоихъ чиселъ, напр. *добръ—а—о* и *добры*, либо въ дательномъ мужск. и средн. рода ед. ч. при глаголѣ вспомогательномъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, напр. *быть богату, быть бѣдну* (въ женскомъ родѣ въ этомъ сочетаніи является уже полная форма того-же дат. п.: *быть богатой*, а не *быть богатѣ*). Но такое употребленіе краткихъ прилагательныхъ—явленіе, сравнительно, очень недавнее: еще писатели XVIII вѣка довольно таки часто ставятъ краткія формы прилагательныхъ, въ смыслѣ опредѣленій.

Вотъ, почему какъ въ современномъ литературномъ языкѣ, такъ, въ особенности, въ народныхъ говорахъ, сохранилось пока очень много формъ краткаго склоненія прилагательныхъ. Сюда прежде всего принадлежатъ древнія прилагательныя, которыя уже давно получили значеніе существительныхъ и стали измѣняться по именному склоненію. Таковы: 1) Многія названія русскихъ городовъ: *Архангельскъ, Мстиславль, Рославль, Заславль, Смоленскъ, Ярославль, Перемышль, Кіевъ* (отъ *Кій*), *Юрьевъ, Переяславль, Задонскъ* и др. Все это бывшія имена прилагательныя, образовавшіяся отъ соотвѣтствующихъ именъ существительныхъ: *архангелъ, Ярославъ, Кій, Юрій, Перемыслъ* и т. п. 2) Слова средняго рода, напр. *добро, зло, благо, войско* (отъ имени прил. *воискъ*) и др.; сюда относятся также и наши слова: *молебенъ, обѣдня, вечерня, заутреня*, которыя въ древне-русскомъ языкѣ употреблялись и въ полной формѣ: *молебный* (т. е. *день*), *заутреняя, вечерняя* (т. е. *служба*) и т. п. Указанныя имена прилагательно - существительныя сохранили именное склоненіе по всѣмъ падежамъ обоихъ чиселъ, если, конечно, употребляются и во множественномъ числѣ.

Напротивъ того, другія имена прилагательныя смѣшали краткое склоненіе съ полнымъ. Къ такимъ прилагательнымъ относятся:

1. Цѣлый рядъ именъ прилагательныхъ относительныхъ,

оканчивающихся на *овъ, евъ, ынъ* и *инъ*, напр. *Ивановъ, Юрьевъ, отцовъ, царицынъ, сестринъ, женинъ, Синицынъ, Пушкинъ* и др. По именному (краткому) склоненію имена прилагательныя на *овъ* и *евъ* образовали: а) всѣ падежи ед. числа муж. и средн. рода, кромѣ творит. ед. ч., гдѣ окончаніе *ымъ* заимствовано у полнаго склоненія, напр. *Ивановымъ, отцовымъ, сестринымъ* и т. п.; б) именительный и винительный падежи единственнаго числа женскаго рода, напр. *отцова дочь, отцову дочь* и в) именительный и сходный съ нимъ винительный падежъ множественнаго числа, напр. *отцовы, Юрьевы*; въ прочихъ падежахъ обоихъ родовъ, а въ томъ числѣ и въ предложномъ падежѣ единственнаго числа они склоняются по полному склоненію, напр. *объ отцовомъ сынѣ, отцовой дочери* и т. п. Точно также измѣняются по обоимъ склоненіямъ, именному и сложному, имена прилагательныя относительныя на *ынъ* и *инъ*, съ тою лишь разницею, что въ предложномъ падежѣ единственнаго числа муж. и средн. рода они удержали и краткую флексію; напр. *о Пушкинѣ, о сестринѣ столѣ, о женинѣ домѣ*, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ: *о сестриномъ столѣ, о жениномъ домѣ* и т. д.

2. Нѣкоторыя относительныя имена прилагательныя на *ій*, напр. *Божій, вражій* и т. п. Именное, краткое склоненіе для этихъ прилагательныхъ сохраняется въ мужескомъ и среднемъ родѣ ед. ч.: род. пад. *Божія, вражія*, дат. *Божію, вражію*, предл. пад. *о Божіи, вражіи*. Но тѣ же прилагательныя измѣняются и по сложному склоненію, т. е. род. п. *Божьяго*, дат. *Божьему* и т. д

3. Краткія прилагательныя въ словахъ сложныхъ, напр. *Новгородъ*, *Бѣлоозеро* и др. Если тутъ склоняются обѣ части, то прилагательное измѣняется по краткому склоненію во всѣхъ падежахъ, кромѣ творительнаго: род. *Новагорода*, дат. *Новугороду*, предл. *о Новѣгородѣ*, но твор. *Новымгородомъ* вм. Новомъ городомъ.

Кромѣ этихъ грамматическихъ категорій, обнимающихъ значительное число случаевъ, остатки именного склоненія

именъ прилагательныхъ сохранились также во многихъ застывшихъ, такъ сказать, формахъ этого древняго склоненія, сдѣлавшихся въ настоящее время нарѣчіями. Особенно много такихъ окаменѣлостей сохранилось отъ един. числа именного склоненія: въ родит. падежѣ – *снова, изрѣдка, издалека, отъ мала до велика, досыта, сперва, безвѣдома, сгоряча, изсиня, сдуру, до красна* и др.; въ дат. падежѣ—*неподалеку, понемногу, по добру, по здорову, помалу, попросту, попусту* и др.; въ вин. падежѣ—*хорошо, гораздо, крайне, вообще, направо, навѣрно, влѣво, всуе, лишь* (изъ *лише*), *врозь* (отъ прилаг. *розный*) и др., вообще всѣ современныя нарѣчія на *о* и *е*; въ предложномъ падежѣ—*вкратцѣ, вполнѣ, вскорѣ, вчужѣ, вчернѣ, наготовѣ, налегкѣ, навеселѣ* и мн. др. Отъ множ. числа именного склоненія именъ прилагательныхъ въ литературномъ языкѣ сохранилась форма творительнаго падежа, напр. *дружески, мало-мальски, молодецки, свойски, звѣрски, стариковски* и др. Но обыкновенно этотъ древній творительный падежъ сталъ въ употребленіи сочетаться съ предлогомъ *по*, требующимъ однако дательнаго падежа, что, конечно, затемнило древнюю форму твор. падежа: *подружески, порусски, подѣтски, посвойски, поженски, покупецки, помосковски* и т. п.

Въ просторѣчіи, вообще въ народномъ языкѣ и въ народной поэзіи, прилагательныхъ въ краткой формѣ по всѣмъ падежамъ мы найдемъ значительно больше, чѣмъ въ литературномъ, напр. *до бѣла дня, ваши буйны головы, бѣлъ горючъ камень, чисто серебро, красно золото, добру молодцу, мать сыру землю, не по хорошу милъ, а по милу хорошъ, не сходить туману съ синя моря* и т. п. Даже въ именительномъ падежѣ множественнаго числа народный языкъ сохраняетъ древнюю флексію краткаго склоненія именъ прилагательныхъ, напр. *мы ради, мужики богати и сыти* и т. п.; такъ, впрочемъ, произносятъ и многіе образованные люди изъ сѣверныхъ великороссовъ, напр. владимірцы.

Сложное склоненіе именъ прилагательныхъ. Полныя формы именъ прилагательныхъ образовались изъ краткихъ, черезъ присо-

единеніе личнаго мѣстоименія — и, ꙗ, ѥ въ соотвѣтствующемъ числѣ, падежѣ и родѣ: добръ + и, добра + ꙗ, добро + ѥ въ твердомъ различіи и синь+и, синꙗ+ꙗ, сине+ѥ. Это образованіе произошло еще на общеславянской почвѣ, и тогда въ склоненіи полныхъ прилагательныхъ можно было отчетливо видѣть по всѣмъ падежамъ каждую изъ составныхъ частей, т. е. падежъ краткой формы прилагательныхъ и тотъ-же падежъ соединеннаго съ этой формой мѣстоименія и, ꙗ, ѥ. Поэтому, въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянскаго языка мы находимъ не мало формъ, въ которыхъ составныя части сложнаго склоненія еще не сгладились, напр. единственномъ числѣ: род. пад. муж. и средняго рода: добра + ѥго; дат. пад. доброу + ѥмоу, предл. пад. добрѣ+ѥмь; во множ. числѣ: имен. падежъ добри+и (м. р.), добры + ꙗ (ж. р.) и добра + ꙗ (ср. р.); твор. падежъ: добръı+ими—для всѣхъ трехъ родовъ и т. п.

Но этотъ древній видъ склоненія, наблюдаемый притомъ только въ нѣкоторыхъ падежахъ, конечно, не могъ удержаться. Механическое сочетаніе склоненія именного съ мѣстоименнымъ должно было сгладиться во многихъ падежахъ, вѣроятно, уже при самомъ возникновеніи сложнаго склоненія. Этого требовало благозвучіе. Главныя перемѣны, которыя произошли въ первобытномъ сложномъ склоненіи прилагательныхъ, заключались: 1) въ выпаденіи гласныхъ и цѣлыхъ слоговъ и 2) въ уподобленіи гласныхъ. Такъ, первоначальная форма творительнаго падежа единственнаго числа мужескаго и средняго рода звучали: новъмь + имь, въ женскомъ новоѭ+ѥѭ; отсюда въ мужскомъ и среднемъ родѣ, вслѣдствіе выпаденія конца флексіи именного склоненія и перехода ъ+и въ ꙑ, явилось новꙑимь, а въ женскомъ родѣ, вслѣдствіе такого-же выпаденія конца флексіи именного склоненія (ѭ) и звука ѥ въ мѣстоименіи ѥѭ образовалась форма новоѭ. Тутъ имѣло мѣсто выпаденіе гласныхъ звуковъ. Такое-же выпаденіе совершилось въ родительномъ, дательномъ и предложномъ падежахъ единственнаго числа женскаго рода: въ род. пад. изъ новы+ѥꙗ явилось новыꙗ, дат.

и пред. пад. **новѣѥи** стянулось въ **новѣи**. Въ другихъ падежахъ единственнаго числа мужского и средняго рода дѣйствовало уподобленіе гласныхъ звуковъ. Такъ, родительный и дательный падежи единственнаго числа мужского и средняго рода первоначально звучали: **добра+ѥго** и **доброу+ѥмоу** — что мы и находимъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ церковно-славянскаго языка и письма — но вслѣдствіе уподобленія звука ѥ въ родительномъ падежѣ звуку а, а въ дательномъ звуку—**оу**, явились болѣе новыя формы: **добрааго** и **доброуоумоу**.

Въ русскомъ языкѣ, въ историческій періодъ жизни его, сложное склоненіе, измѣнившееся во многомъ уже въ общеславянскомъ языкѣ, подверглось дальнѣйшимъ перемѣнамъ. Если сравнить формы сложнаго склоненія въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ съ формами русскими, конечно, въ самыхъ раннихъ памятникахъ русскаго языка и письма, то разница обнаруживается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: 1) въ *стяженіи* гласныхъ звуковъ, начало котораго мы видимъ уже въ церковно-славянскомъ языкѣ и 2) во *вліяніи* флексій мѣстоименнаго склоненія въ собственномъ значеніи этого слова.

Стяженіе гласныхъ звуковъ обнаружилось: 1) въ род. дат., твор. и предл. падежахъ един. числа, въ которыхъ изъ формъ *добраaго*, *добруyму*, *добрыимъ* и *добрѣемъ* образовались формы: *добраго*, *добруму*, *добрымъ* и *добрѣмъ* и во 2) въ род., дат., твор. и предложномъ падежахъ множеств. числа, въ которыхъ формы — *добрыихъ*, *добрыимъ*, *добрыими* и *добрыихъ* обратились въ стяженныя формы: *добрыхъ*, *добрымъ*, *добрыми* и *добрыхъ*. Большинство этихъ стяженныхъ формъ именъ прилагательныхъ мы находимъ уже въ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ, начиная съ XII вѣка; значитъ, стяженіе не составляло особенности, свойственной исключительно только русскому языку.

Что касается вліянія флексій мѣстоименнаго склоненія, образцомъ котораго для твердаго различія служитъ склоненіе мѣстоименія *тотъ*, а для мягкаго - *весь*, то оно обнаружилось: 1) въ род. пад. ед. числа муж. и сред. рода, гдѣ

явилась флексія *ого* (*его*), напр. *слѣпого, синего* и т. п., образовавшіяся по аналогіи съ *того, всего*; 2) въ дат. п. ед. числа всѣхъ родовъ, напр. *слѣпому, слѣпой, синему, синей* и т. п.—по аналогіи съ *тому — той, всему — всей* и 3) въ предл. пад. ед. числа всѣхъ родовъ, напр. *о слѣпомъ, о слѣпой, о синемъ, о синей* и т. п. — по аналогіи съ *о томъ, о той, о всемъ, о всей*. Въ живомъ русскомъ языкѣ это вліяніе мѣстоименнаго склоненія на склоненіе именъ прилагательныхъ въ полной формѣ—явленіе очень давнее, такъ какъ дат. пад. ед. ч. на *ому* (*ему*) встрѣчаются, напр. уже въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 года Но рядомъ съ флексіями, заимствованными изъ мѣстоименнаго склоненія, древне-русскій языкъ, особенно литературный, зналъ также въ этихъ падежахъ полнаго склоненія именъ прилагательныхъ и флексіи, явившіяся путемъ стяженія, хотя послѣднія въ живомъ произношеніи были, вѣроятно, мало употребительны въ историческое время.

Изъ отдѣльныхъ падежей сложнаго склоненія именъ прилагательныхъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе.

Именительный падежъ ед. ч. муж. рода.

Этотъ падежъ въ древне-русскихъ памятникахъ оканчивается: 1) на *ыи* и *ии*: *добрыи, синии* и 2) на *ъи* и *ьи*: *добръи, синьи*; причемъ окончаніе *ыи* и *ии* было господствующимъ; тогда какъ окончаніе *ъи* и *ьи* являлось рѣдко. Но уступая мѣсто *ыи* и *ии*, вторая пара окончаній *ъи* и *ьи* мало по малу въ живомъ русскомъ языкѣ замѣнилась черезъ *ой* и *ей*. Отсюда явились формы: *доброй, новой, синей, третей* и т. п. Онѣ извѣстны русскому языку очень давно: первые примѣры мы находимъ уже въ памятникахъ XI вѣка — *чюдной, вѣчьной животъ*. Позднѣе эти формы въ памятникахъ являются все чаще и чаще. Преобладаніе формъ *доброй, синей* надъ формами съ *ый* и *ій* совершилось, однако, не во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка, а только въ предѣлахъ великорусскихъ говоровъ. Въ настоящее время все великорусское нарѣчіе не знаетъ формъ съ *ый* и *ій* подъ удареніемъ: *хромой, глухой, самъ третей* и т. п.; въ сѣверно же великорусскихъ, а отчасти

и въ южно-великорусскихъ говорахъ эти окончанія *ый* и *ій* не встрѣчаются даже и безъ ударенія, и сѣверный великороссъ говоритъ: *доброй*, *новой*, *синей*, *третей* и т. п.

Родительный падежъ ед. числа муж. и сред. рода. Въ соотвѣтствіе съ окончаніями *ый* (*ій*) и *ой*, родительный падежъ муж. и сред. рода въ литературномъ языкѣ имѣетъ флексіи: *аго* (*яго*) и *ого*; напр., *добраго, слѣпого, синяго*. Происхожденіе этихъ окончаній намъ извѣстно: окончанія *аго* и *яго* — это стяженныя формы изъ *ааго* и *яаго*, употребленіе которыхъ поддерживалось въ русскомъ языкѣ вліяніемъ церковно-славянскаго языка, а *ого* (въ мягкомъ различіи — *его*: *синего*) явилось по аналогіи съ мѣстоименнымъ склоненіемъ (*того, всего*).

Окончанія *аго* и *ого* мы употребляемъ теперь только на письмѣ, произносимъ же эти окончанія, какъ *ово* — *ево* (*доброво, синево*) или какъ *ова*—*ева* (*доброва, синева*), причемъ *ова* часто выговаривается, какъ *ава* (*добрава*), когда на *о* не падаетъ удареніе. Формы на *ово* (*ова*) и *ево* (*ева*) – явленіе, свойственное великорусскому нарѣчію. Эти флексіи *ова* – *ева* встрѣчаются въ московскихъ и сѣверно-великорусскихъ памятникахъ уже въ XV вѣкѣ. Онѣ, надо думать, образовались изъ тѣхъ-же флексій *ого, его*, въ которыхъ *г* произносился, какъ *h* (ср. *благо, богатъ*), а затѣмъ выпалъ, замѣнившись звукомъ *в*, для уничтоженія зіянія (ср. *повостъ* изъ *поhостъ* черезъ *поостъ*). Хотя формы родительнаго падежа на *ово, ево* и постоянно слышатся въ литературномъ произношеніи, но въ письмѣ, какъ я сказалъ, у насъ установились этимологическія окончанія *аго* (*яго*) и *ого*, послѣднее только подъ удареніемъ. Уступку фонетическому началу, т. е. окончанію *ова* (*ева*), современное литературное письмо дѣлаетъ, да и то рѣдко, лишь немногимъ прилагательнымъ, которыя стали употребляться въ видѣ именъ существительныхъ, напр. *жаркое*, род *жаркова*, *Толстой*, род. *Толстова*, но отъ *портной*— род. *портного*. Но у писателей, особенно старыхъ и въ стихахъ, формы на *ова, ева* употреблялись очень часто, напр., у Дмитріева: *Который отъ роду не читывалъ другова,*

кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцеслова (Чужой толкъ); у Грибоѣдова: *Нѣтъ-ли впрямь тутъ жениха какова* (Горе отъ ума); у Крылова: *Не спивъ того, не съѣвъ другова*; у Баратынскаго: *Стеннова неба сводъ желанный, стеннова воздуха струи* (Родина) и мн. др. Здѣсь кстати замѣтимъ, что отъ род. падежа именъ прилагательныхъ образовалось не мало фамилій лицъ, напр., *Бѣлаго, Веселаго, Живаго, Богатаго*, а рядомъ: *Дурновб, Пестровб, Соловбво* и т. п., подобно тому какъ и род. падежъ множ. числа именъ прилагательныхъ сдѣлался фамиліей лицъ у сибиряковъ, напр. *Бѣлыхъ, Толстыхъ, Черныхъ* и т. п.

Родительный пад. жен. рода ед. ч. Этотъ падежъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ оканчивался на **ыѩ**, **ѧѩ** или **иѩ**: напр., **добрыѩ**, **синѧѩ**, **Божиѩ**. Этому окончанію въ древне-русскомъ языкѣ соотвѣтствовало окончаніе: *ыѣ* и *иѣ*. Оба эти окончанія встрѣчаются, какъ въ древне-русскихъ памятникахъ, такъ и въ современныхъ областныхъ говорахъ великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій (народныхъ пѣсняхъ), напр., *загонъ земли не ораныя, не пахaныя; у дружинушки хоробрыя*. Церковно-славянская форма род. п. на *ыя* (*ія*) очень часто употреблялись въ литературномъ языкѣ XVIII вѣка и даже у писателей первой половины XIX вѣка, напр. у Жуковскаго — *на праздникъ красныя весны* (Людмила), *дымъ отъ родныя земли* (Одиссея), Пушкина (но только въ стихахъ) — *жало мудрыя змѣи* (Пророкъ), Лермонтова — *призракъ дымныя мечты* (Портреты) и др. Теперь она уже вышла изъ живого употребленія. Кромѣ флексій *ыѣ* и *иѣ* въ древнихъ памятникахъ русскаго языка, начиная уже съ XI вѣка, мы находимъ еще одну пару окончаній *оѣ* и *еѣ*, которыя были болѣе употребительны: напр., *доброѣ жены, утрънеѣ* и т. п. Эти окончанія возобладали, и, сократившись въ *ой* и *ей*, вслѣдствіе отпаденія *ѣ* (*оѣ=о+jэ, еѣ=е+jэ*), существуютъ и въ настоящее время: *доброй, синей* и т. д.

Именительный пад. мн. числа. Общепринятыя въ современномъ письмѣ окончанія въ этомъ падежѣ, именно *ые* (*іе*) для муж. рода и *ыя* (*ія*), взятое изъ церковно-славянскаго язы-

ка (**ыѧ, иѧ**) для женскаго и средняго родовъ, составляютъ, какъ уже выше говорилось, одну изъ условностей нашей орѳографіи, такъ какъ никакого основанія въ языкѣ подъ собою не имѣютъ. Это правило, очень строго соблюдаемое нашей орѳографіей, утвердилось въ письмѣ со временъ Ломоносова, который, впрочемъ рекомендовалъ его безъ всякой настойчивости. „Сіе различіе буквъ *е* и *я* въ родахъ именъ прилагательныхъ“ —говорилъ онъ въ своей грамматикѣ (§ 12)—„никакова раздѣленія чувствительно не производитъ. Слѣдовательно, обѣихъ буквъ *е* и *я* во всѣхъ родахъ употребленіе позволяется, хотя мнѣ и кажется, что *е* приличнѣе въ мужескихъ, а *я* —въ женскихъ и среднихъ“. Всякое различіе по родамъ въ сложномъ склоненіи русскій языкъ, вообще и литературный въ частности, вслѣдствіе смѣшенія родовъ, давно утратилъ, и въ живомъ произношеніи у насъ, какъ и въ старину, для всѣхъ трехъ родовъ употребляются въ имен. пад. мн. числа сложнаго склоненія безразлично два окончанія—*ые* (*іе*) или *ыи* (*іи*): *іи*—древнее окончаніе имен. пад. муж. рода (*синіи, хорошіи*), *ые* (изъ древняго *ыѧ*) — древнее окончаніе винит. п. того же рода, а *ыи* и *іе* (изъ *іѧ*)—смѣшанныя окончанія именит.-винит. падежа.

О другихъ флексіяхъ сложнаго склоненія уже приходилось говорить въ своемъ мѣстѣ.

Примѣчаніе. Въ числѣ пособій по изученію рус. литературнаго языка на стр. 164, 198 и 274 „Опыта“ по ошибкѣ не упомянута книга проф. *Р. Ѳ. Брандта.* Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. М. 1892 вып. I.

Указатель.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ю.

Я.

Ѳ.

Опечатки.

	Напечатано:	Должно быть:
стр. 134, стрк. 13 сн.	Храбртъ	Храбръ
„ 167, „ 10 „	Изб. 1077 г.	Изб. 1076 г.
„ 239, „ 16 „	ла	лж
„ „ „ 17 „	лѩ	лѭ
„ „ „ 10 „	ла и лѩ	лж и лѭ

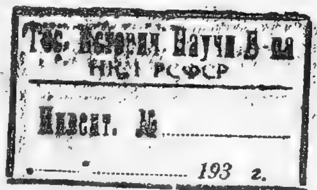
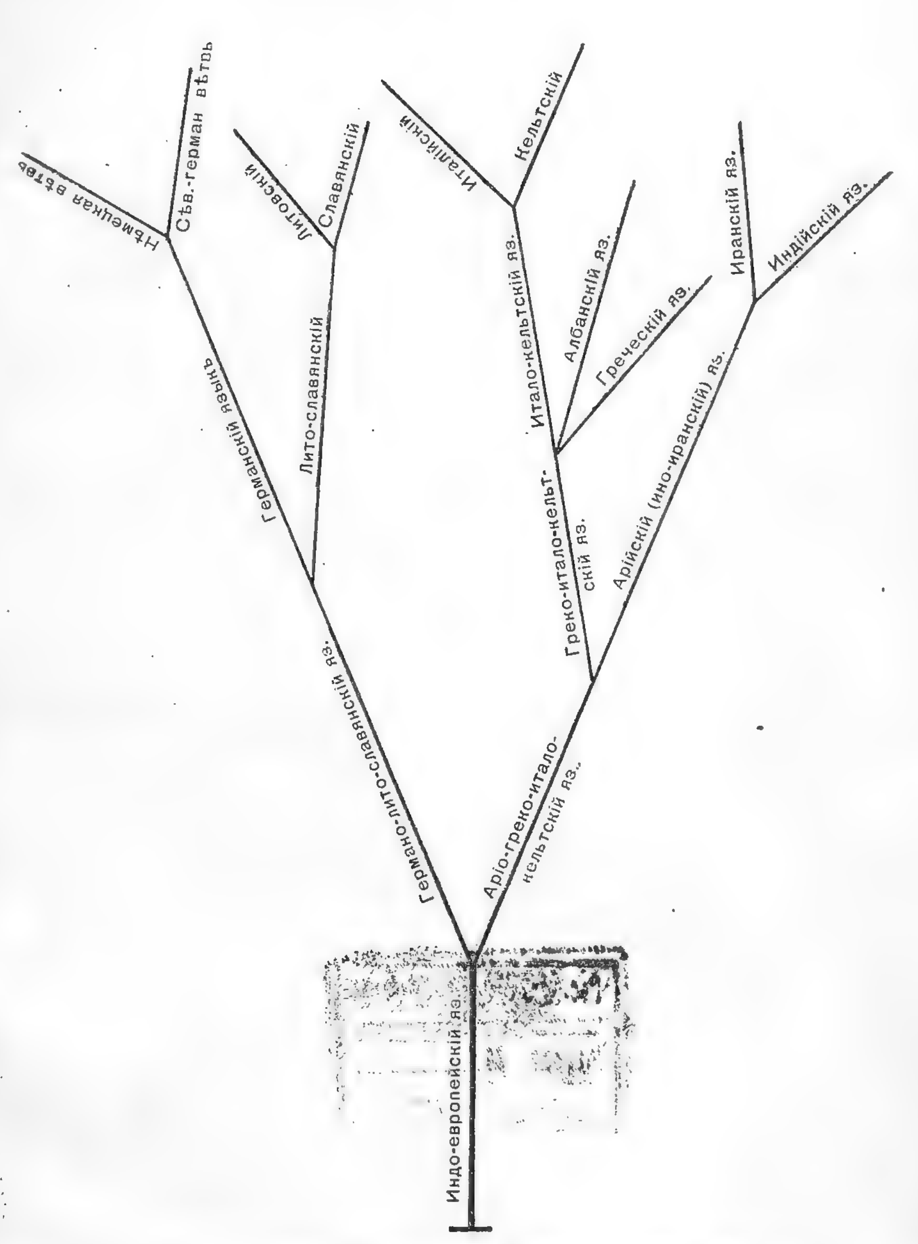
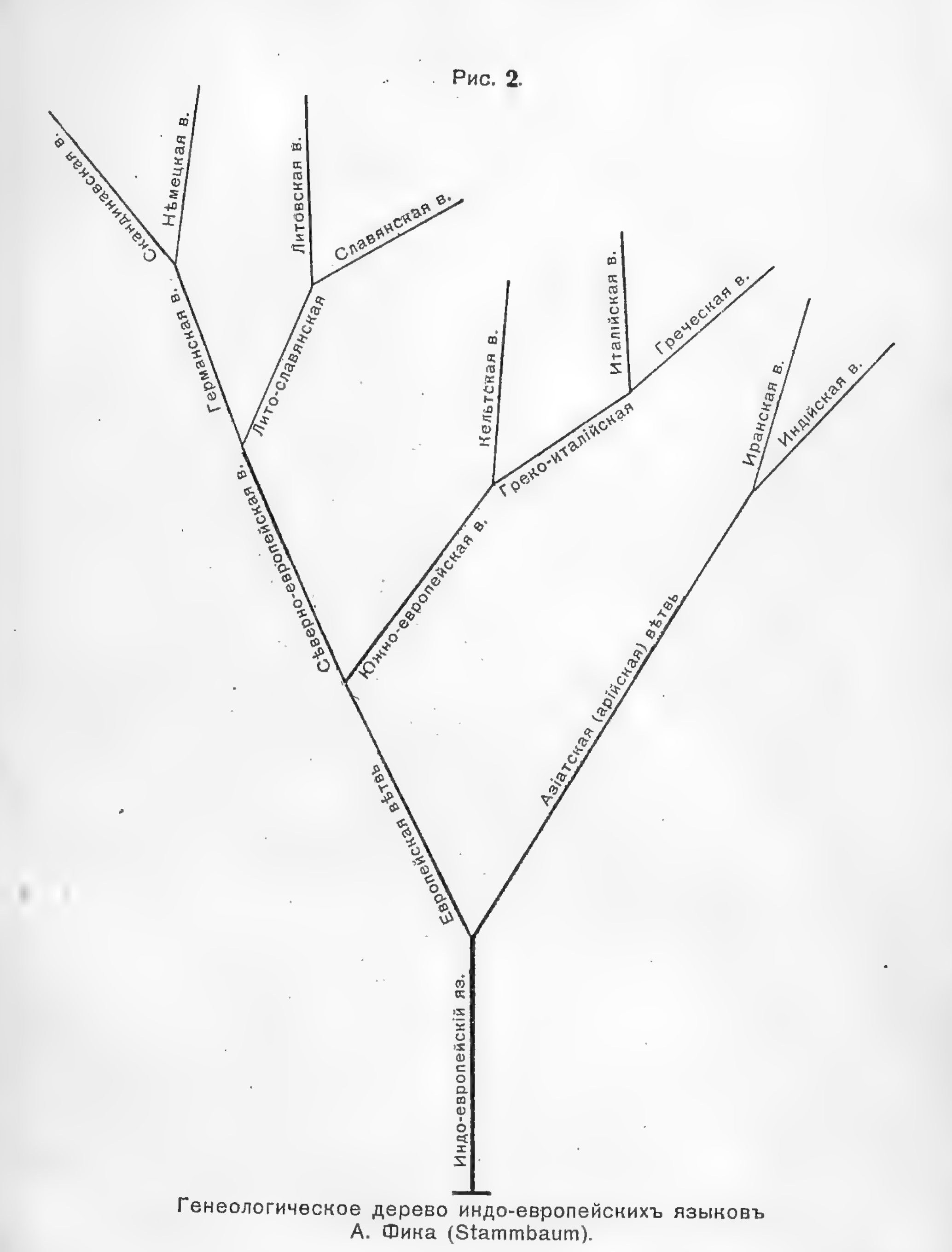

Рис 1.

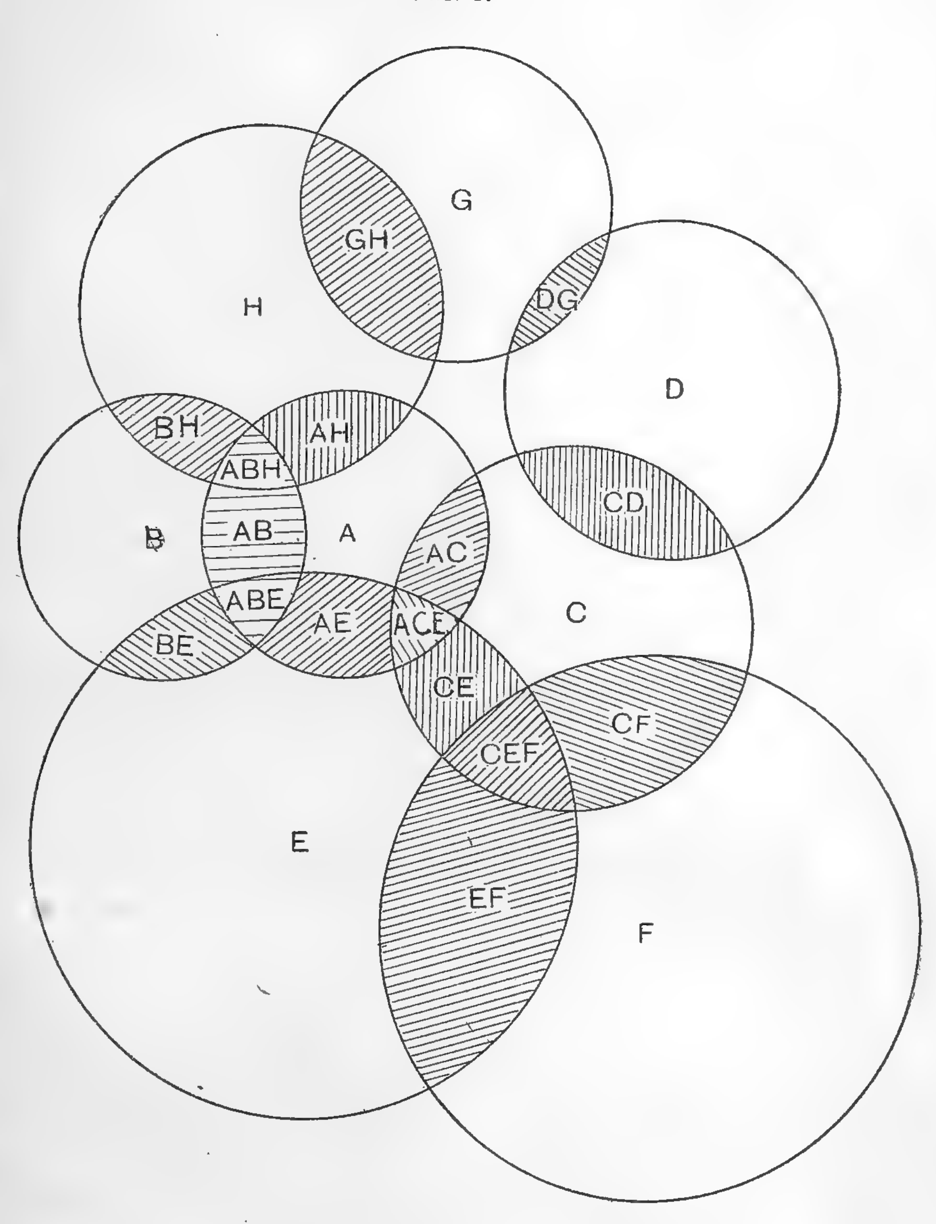
Генеологическое дерево индо-европейскихъ языковъ А. Шлейхера (Stammbaum).

Рис. 2.

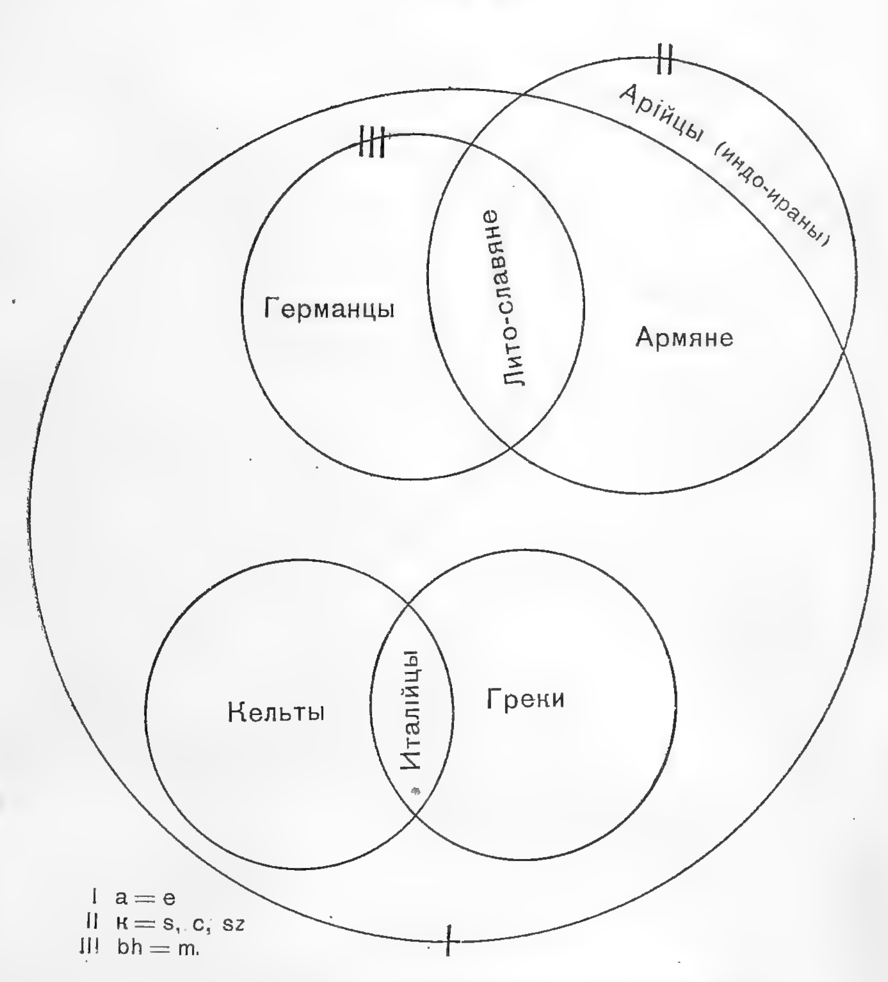
Генеологическое дерево индо-европейскихъ языковъ
А. Фика (Stammbaum).

Рис. 3.

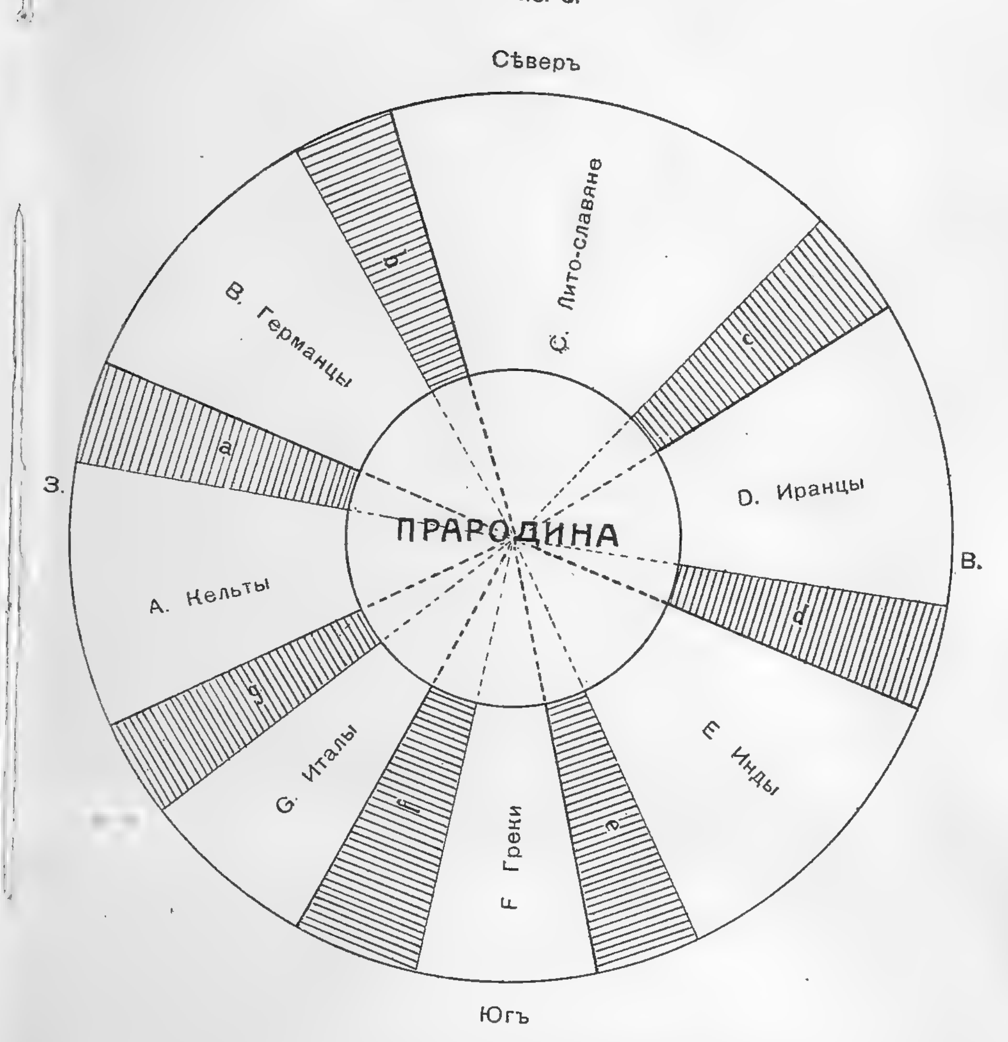
Общій видъ теоріи „волнъ"

Рис. 4.

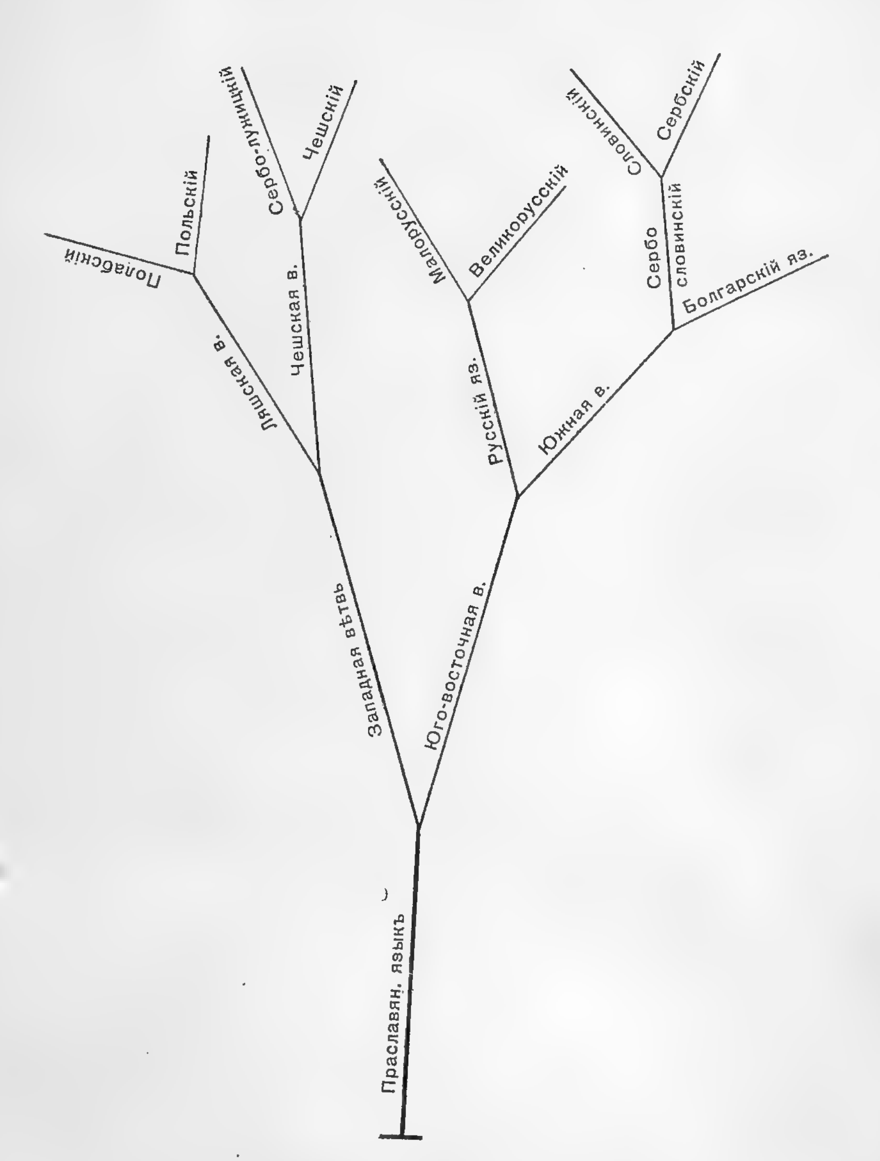
Распредѣленіе грамматическихъ связей между индо-европейскими языками по теоріи І. Шмидта

Рис. 5.

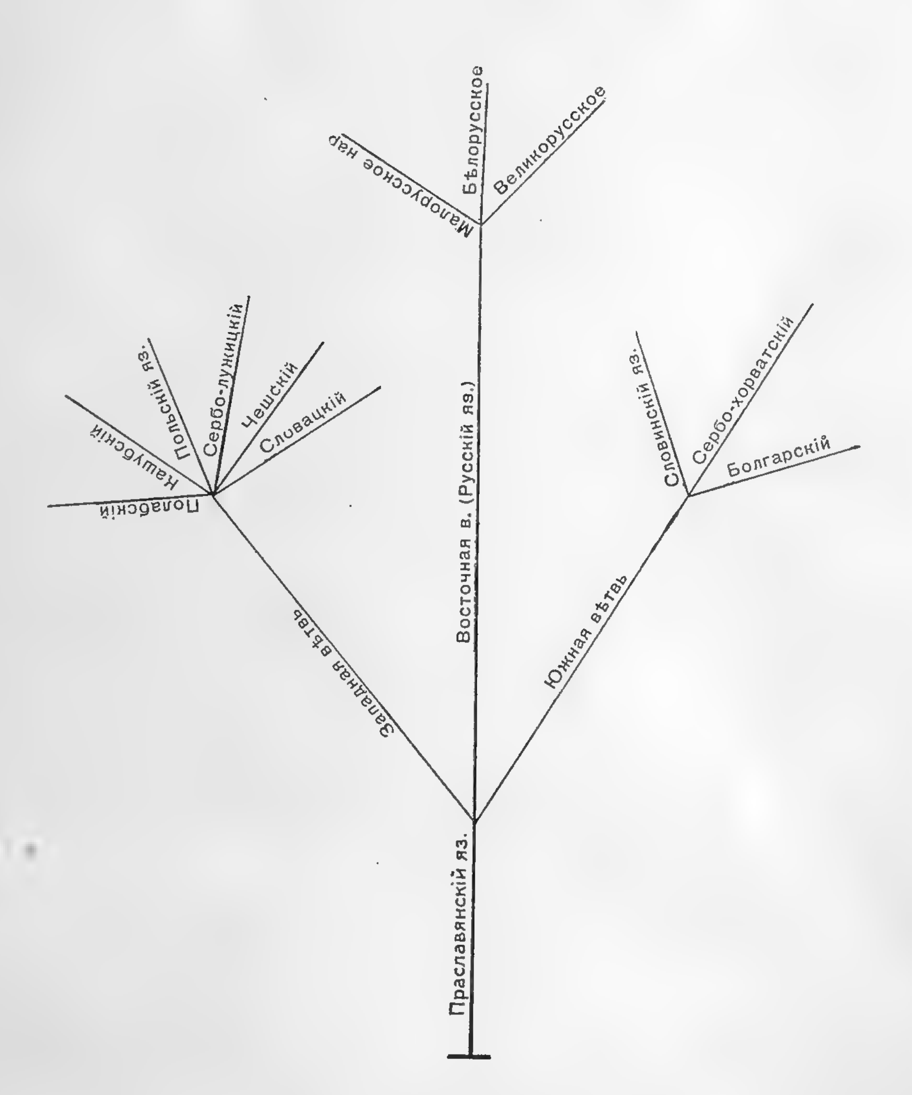
Географическое расположенiе индо-европейскихъ языковъ съ промежуточными дiалектами по теорiи I Шмидта.

Рис. 6.

Родословное дерево славянскихъ языковъ по Шлейхеру.

Рис. 7

Родословное дерево по Востокову

Рис. 8.

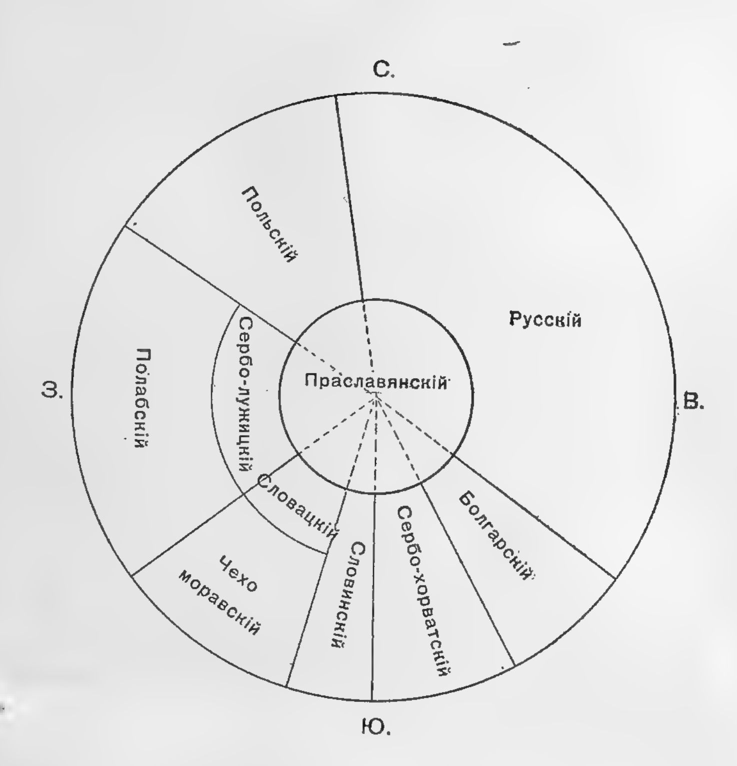
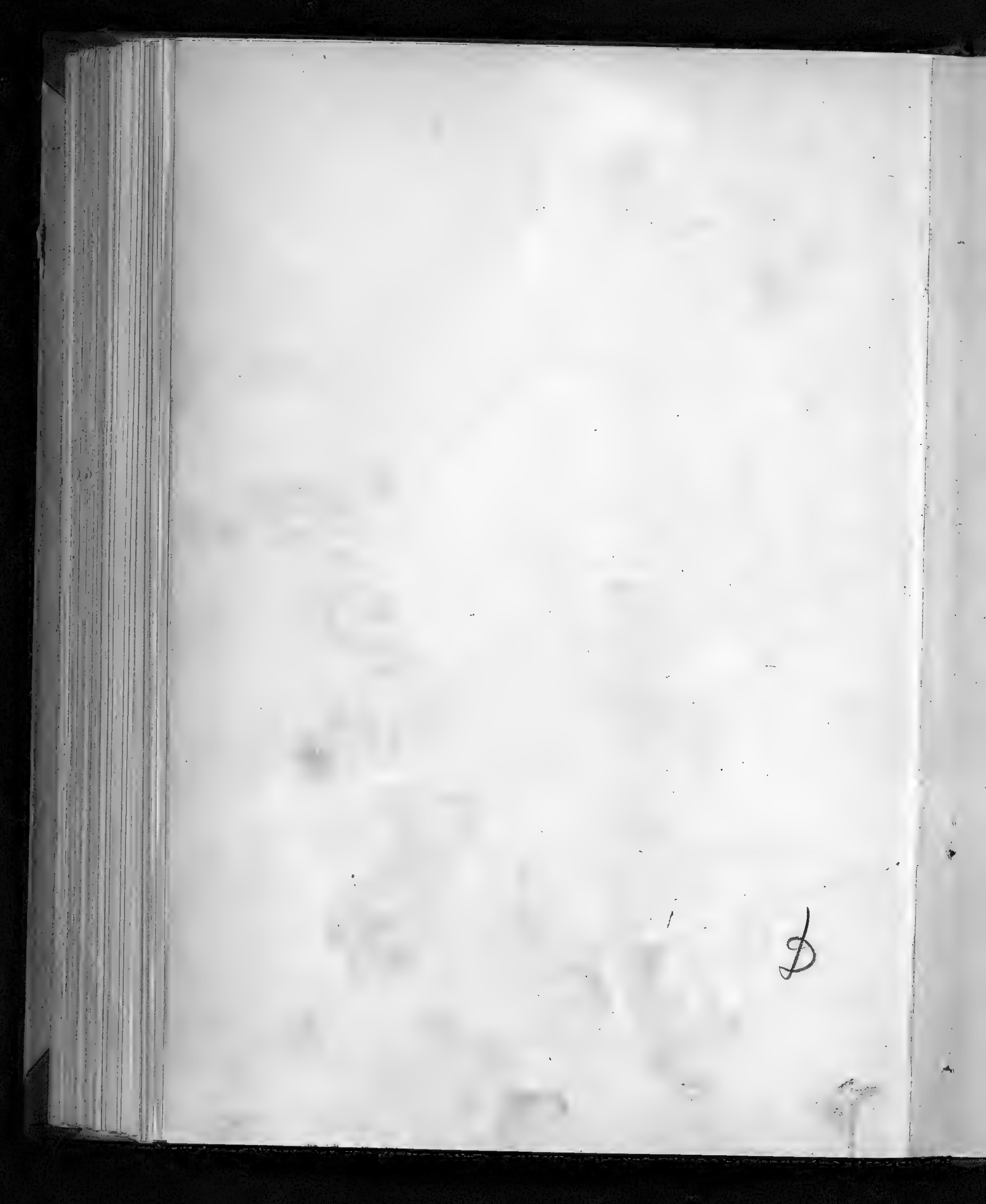

Схема географическаго распаденія праславянскаго языка по I. Шмидту.

Того-же автора.

Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи. СПБ. 1889 г.

Древне-русскій физіологъ (Занятія VIII-го Археол. Съѣзда въ Москвѣ 1890 г.).

Еще къ вопросу о Домостроѣ. С.-Петербургъ, 1890 г.

О греко-византійскихъ и славянскихъ сборникахъ изреченій. СПБ. 1893. г.

Къ вопросу объ Учительномъ Евангеліи Константина, еп. Болгарскаго. Москва. 1894 г.

Общій обзоръ состава, редакцій и литературныхъ источниковъ Толковой Палеи. Варшава, 1895 г.

Къ вопросу о текстѣ кн. Бытія пр. Моисея въ Толковой Палеѣ. Варшава, 1895 г.

Книга Бытія пророка Моисея въ древне-славянскомъ переводѣ (чтеній текстъ по 26 рукописямъ). Варшава. Вып. I. 1900 г., Вып. II. 1901 г., Вып. III. 1903 г. Вып. IV. 1908 г. стр. VI+444.

Къ вопросу объ изданіи памятниковъ славяно-русской письменности. СПБ. 1903 г.

Литературное наслѣдіе свв. Кирилла и Меѳодія въ глаголическихъ хорватскихъ миссалахъ и бревіаріяхъ. Варшава, 1904 г.

О новыхъ изданіяхъ хорватскихъ глаголическихъ текстовъ. Варшава, 1905 г.

Рецензія на книгу С. П. Розанова. Матеріалы по исторіи русскихъ Пчелъ. Варшава, 1905 г.

Опытъ изученія текста кн. Бытія пророка Моисея въ древнеславянскомъ переводѣ. Варшава, 1905 г. Вып. I. CLXXXIV+296.

Памяти М. И. Соколова, профессора Московскаго университета. Владиміръ, 1906 г.

Греческіе и древне-славянскіе паримейники. Варшава, 1908.

Древне-славянскій переводъ кн. Руѳь. Варшава, 1908.

Лекціи по русскому языку. Варшава, 1909 г.

Рецензія на изданіе А. С. Орлова. Домострой по Коншинскому списку (М. 1908 г.). СПБ. 1911.

Разныя статьи и замѣтки: О преподаваніи русскаго языка въ средней школѣ. Варшава 1905, Къ вопросу о замѣщеніи профессорскихъ каѳедръ. М. 1908, Мнѣніе о запискѣ П. Н. Шеффера о способѣ описанія Пролога. СПБ. 1910 и др.

Цѣна 1 руб. 60 коп.

(Складъ изданія у автора. Варшава Университетъ).

